

Б. П. БАЛАЯН

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РУССКО-ИРАНСКИХ ВОЙН
И ПРИСОЕДИНЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ
К РОССИИ

МОСКВА

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Բ. Պ. ԲԱԼԱՅԱՆ

ՌՈՒՍ-ԻՐԱՆԱԿԱՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄՆԵՐԻ
ԵՎ ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ
ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻՆ ՄԻԱՅՄԱՆ
ԴԻՎԱՆԱԿԻՏԱԿԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1988

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. П. БАЛАЯН

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РУССКО-ИРАНСКИХ ВОЙН
И ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ
АРМЕНИИ К РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1988

Печатается по решению ученого совета
Института истории АН Армянской ССР

Ответственный редактор
В. К. Восканян

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
доктора исторических наук
Е. К. Саркисян, Н. А. Тавакелян

Балаян Б. П.

Б 202 Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России/Отв. ред. В. К. Восканян.—АН АрмССР, Ин-т истории.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1988.—280 с.

Книга является многоплановым исследованием дипломатической истории двух русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России как локальной международной проблемы в начале XIX в., связанной с освободительной борьбой армянского народа и колониальной политикой западных держав, пытавшихся не допустить присоединения Закавказья к России.

В монографии дан критический анализ основных концепций по теме в современной зарубежной буржуазной историографии: рассматриваются дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова и политические мотивы его убийства в Тегеране.

Книга рассчитана на историков и широкий круг читателей.

0505040000
Б 703 (02)—88 15—86

© Издательство АН Армянской ССР, 1988

НЧ58301

ББК 63.3(2)47

Центральна наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ

Лист. 36

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной и зарубежной историографии накопилась более чем за 150 лет обширная литература по дипломатической истории русско-иранских войн, присоединения Восточной Армении к России и политике западных держав в регионе Закавказья.

Фундаментальный вклад в научную разработку проблемы, его социально-экономических, политических, дипломатических и военных аспектов внесли советские исследователи. За многие годы накопилось также много концепций и гипотез, часть которых сохраняет свою научную и политическую актуальность и отличается новизной, а другая часть нуждается во всестороннем обобщении и переосмыслении, в уточнении и дополнении, или в коренном пересмотре, а не в простом их «наращивании».

На основе марксистско-ленинской методологии и достижений исторической науки в книге предпринята попытка исследовать современное состояние проблемы во всем его многообразии и взаимосвязях.

* * *

Разработанные еще в 80-х годах XVIII в. правительством императрицы Екатерины II и армянскими общественными деятелями проекты воссоздания армянского государства отвечали национальным чаяниям армянского народа и стратегическим интересам самодержавия. Однако осуществлению проектов препятствовали: в конце XVIII в. вторжения в Закавказье полчищ Ага-Мохаммед-хана, а в начале XIX в.—войны Ирака с Россией из территории Закавказья и колониальная политика западных держав, подстрекавших шаха и султана на войну с Россией.

Враждебное отношение народов Закавказья к иранским и турецким завоевателям было вызвано главным образом деспотизмом и тиранией иранских и турецких феодалов и высоким, сравнительно с Ираном и Турцией, социально-экономическим уровнем завоеванных стран и народов, дальнейшему развитию которых мешали иранское и турецкое иго и низкий уровень феодаль-

ной культуры завоевателей. Будучи объектами колониальной политики держав, эти отсталые государства Востока проводили завоевательную политику, не уступавшую колониальным державам. Османская Империя захватила Балканский полуостров, Крым, Черноморские проливы, Западную Армению, Западную Грузию, арабские страны и Северную Африку, а Иран—Восточную Грузию, Восточную Армению, Азербайджан, часть Месопотамии, Восточный Курдистан и афганские княжества. Эта существенная особенность нередко выпадает из поля зрения советских и зарубежных историков, которые считают, что Иран не имел тогда самостоятельной внешней политики и, дескать, целиком находился в дипломатическом фарватере западных держав¹.

Независимо от внешней политики царизма, затушевывавшего классовое содержание своей внешней политики и использовавшего освободительный характер борьбы армянского народа и всех народов Закавказья для продвижения русских войск к бассейнам Каспийского и Черного морей и установления границы по Араксу, армянский народ был естественным союзником России, которая в начале XIX в. по два раза воевала с Ираном и Турцией и победила их.

У армянского народа, армянского освободительного движения не было другого альтернативного решения своей судьбы, не было иного пути к своему спасению, кроме объединения с русскими для решающего прорыва враждебного ирано-турецкого окружения.

Деятели армянского освободительного движения неоднократно обращались за помощью к России, просили отправить в Армению войска для освобождения армянского народа от чужеземного ига. В этой связи представляется спорной точка зрения о том, что внешняя помощь России, дескать, была только дополнительным важным компонентом, который мог стать верной гарантией успеха в вопросе восстановления армянской государственности, а главной задачей было всенародное восстание.

Полнейшей неожиданностью и большим ударом для Каджаров, рассчитывавших на мусульманскую солидарность, было антииранское движение в мусульманских районах Закавказья, а также боевое содружество и братская солидарность армянских, азербайджанских и грузинских ополченцев в борьбе с войсками Ага-Мохаммед-хана в конце XVIII в. и содружество закавказских ополченцев с русскими войсками в годы русско-иранских войн.

¹ См. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951.

«Персы собирались привести в покорность закавказских ханов, которые с середины XVIII столетия были независимы, и многие из которых проявляли склонность признать над собой верховную власть России и вступить в русское подданство»².

Каджары недооценили последствия вступления в русское подданство многих азербайджанских ханов и явно переоценили возможности проирански настроенной и политически неустойчивой части азербайджанских феодалов, которые, по замечанию Х. М. Ибрагимбейли, оказали вооруженное сопротивление не только русским войскам, но и воевавшим вместе с русскими войсками азербайджанским ополченцам. Хань и муалы, с одной стороны, испытывали страх перед шахским Ираном, а с другой—боялись, что, присоединившись к России, они лишатся своей власти и привилегий³. По мнению дореволюционного историка Н. Дубровина, отдельные ханы испытывали страх после безнадёжного сопротивления Джавад-хана Гянджинского при штурме русскими войсками Гянджинской крепости, а другие ханы опасались репрессий за убийство ген. П. Д. Цицианова во время переговоров с Хусейн Кули-ханом у стен бакинской крепости⁴.

Для армянского народа большое значение имело присоединение к России Карабахского ханства, в результате чего часть Восточной Армении была присоединена к России.

Боевое содружество русского и закавказских народов предопределило исход русско-иранских войн и усилило влияние России во всем Закавказье.

В исторических судьбах народов Закавказья прогрессивная роль России в начале XIX в. определялась не только победой русских войск в содружестве с закавказскими ополченцами в войнах с Ираном и Турцией (в том числе и в выгодных для внешней политики самодержавия пределах). Большое значение имела победа русской дипломатии в борьбе против дипломатического натиска западных держав, пытавшихся увековечить в Закавказье иранское господство и использовать тоины Ирана против России и в англо-французской борьбе за господство в Европе, и в подготовке к вторжению в Россию наполеоновских войск.

Исключительно важную роль в развитии армяно-русской тор-

² Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958, с. 74.

³ См. Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века, М., 1969, с. 65—66.

⁴ См. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. т. IV, С.—Петербург, 1886,—с. 489—490.

говли и в установлении торговых связей России с Кавказом и странами Востока, а также в экономическом освоении присоединенных к России областей играли армянские колонии и поселения в России, опытные армянские купцы, ремесленники, строители и земледельцы.

Ф. Энгельс отмечал: «Греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в морских портах, держали в своих руках всю торговлю, и у них нет решительно никаких оснований благодарить турецких баев и пашей за возможность ею заниматься»⁵.

Ново-Нахичеванская армянская колония (Ростова-на-Дону)⁶, а также армянские поселения (со смешанным составом населения) Маздока, Кизляра и Астрахани расположены вдоль Российской укрепленной «Моздокской линии» на Северном Кавказе. Этот экономический «пояс» в составе армянских поселений, связывал западное побережье Каспийского моря с Азовским и Черным морями, способствовал экономическому освоению и развитию северо-кавказских военных поселений и внешней торговли России.

Другая армянская колония — Дубоссары, связанная с Балканами, была основана в бассейне Днестра после русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Там же был заложен город Григориополь, большинство жителей которого составляли армяне, переселившиеся из Валахии и Буковины, где они подвергались деспотическому гнету турецких феодалов⁷.

Массовое переселение армян в Россию использовалось паризмом и для экономического ослабления своих потенциальных противников, в том числе и Крымского хана. В обстановке обострения русско-турецких отношений великий русский полководец А. В. Суворов в 1778 г. переселил из Крыма в Ростов-на-Дону армянское население полуострова, в руках которого находилась значительная часть торговли Крыма и Османской империи⁸.

Армянские колонии и поселения в России, очаги армянской культуры и политической жизни в Петербурге, где разрабатывались программы освобождения армянского народа от иранского и

турецкого ига, Лазаревский институт восточных языков в Москве, ставший центром армяно-русских связей, а также тысячи армян, переселившиеся в Восточную Армению после победы русских войск над Ираном и Турцией, сыграли важную роль в национальной консолидации армянского народа.

Другой аспект политики России, отвечавший национальным чаяниям армянского народа и военно-стратегическим планам самодержавия, был связан с созданием в конце XVIII в. пограничного «барьера» на юге империи, путем образования в составе этого «барьера» закавказских государств, в том числе и армянского государства, под протекторатом России⁹. В отечественной историографии политика «барьера» и последствия этой политики для армянского народа изучены далеко не полностью.

«С начала 80-х годов XVIII в., — отмечала О. П. Маркова, — создание «барьера» было основной идеей политики России, вызванной разрешением Крымского вопроса»¹⁰. Эта идея представлялась правительству Екатерины в виде образования закавказских государств, освобожденных от ирано-турецкой зависимости и находящихся под протекторатом России.

Несмотря на то, что «барьер» этот должен был принять на себя первый удар иранских или турецких войск (или их вместе), народы Закавказья добивались с помощью России своей безопасности и государственности. Это «смягчало, — по оценке О. П. Марковой, — завоевательный характер политики установления «барьера»¹¹, оборонительная несостоятельность которого в условиях отдаленности русских войск, дипломатического натиска западных держав и военной агрессии Каджаров в Закавказье обусловила, при всей субъективности внешней политики царизма, определенную закономерность присоединения Закавказья к России.

Строительство «барьера» началось в 1783 г. заключением Георгиевского трактата, сыгравшего прогрессивную роль в исторических судьбах грузинского народа¹².

⁹ Аналогичную политику Россия проводила на Балканах, где стремилась образовать христианские, славянские государства под протекторатом России, а западные державы препятствовали этому, чтобы не допустить распада Османской империи в результате русско-турецких войн.

¹⁰ См. Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в., М., 1966, с. 309.

¹¹ Там же.

¹² См. Сургуладзе А. Н. Георгиевский трактат и его прогрессивное значение. «Историко-филол. журнал» АН АрмССР, Ереван, 1983, №№ 2—3, стр. 13—20 на арм. яз.; Ср. Пайчадзе Г. Г. Георгиевский трактат, Тбилиси, 1983.

В отличие от Грузии, где не было иранских войск, Армения, лишенная государственности, находилась под чужеземным господством, а в начале XIX в. стала ареной двух русско-иранских войн. Однако еще в 1783 г. Георгиевский трактат вселил надежду на создание армянского государства и стимулировал новый подъем армянского освободительного движения. В 80-х годах карабахские мелики просили Екатерину II прислать войска для совместной борьбы с Ираном. Однако царизм в то время не мог отправить в Закавказье крупные силы, хотя и три раза—в 1783, 1784 и 1785 гг.—проектировал походы русских войск с целью освобождения Карабаха от чужеземного господства¹³. В декабре 1782 г. собрание армянского духовенства и меликов в Эчмиадзине обратилось к Г. А. Потемкину с просьбой отправить к ним русских солдат, одно присутствие которых может умножить храбрость армянского народа.

«Результаты трактата,—отмечает А. Н. Сургуладзе,—были обусловлены не только внутренней слабостью и раздробленностью Грузии, но и непримиримыми противоречиями на Востоке трех могущественных держав—России, Англии и Франции¹⁴. Развивая эту мысль, советский исследователь Н. А. Кузнецова указывает на цели французской и каджарской агрессии: «Французская дипломатия стремилась использовать вторжение Ага-Мохаммед-хана в Грузию для отвлечения русских сил с европейского театра войны в случае возникновения русско-иранской войны из-за Грузии»¹⁵.

Как видно, осуществление политики «барьера» в масштабе одной только Грузии, в ограниченном географическом регионе и в отрыве от других областей Закавказья, граничащих с Ираном или Турцией, стало причиной его уязвимости ввиду органических возможностей двух русских батальонов, находившихся в Грузии по Георгиевскому трактату.

Советский исследователь А. М. Станиславская указывала, что «барьер» не был достаточной гарантией внешней безопасности Закавказья, что со всей очевидностью подтвердилось нашествием полчищ Ага-Мохаммед-хана на Грузию¹⁶.

Не исключено поэтому, что суть дела состояла не только и

¹³ См. Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века, М., 1959, с. 53.

¹⁴ См. Сургуладзе А. Н. Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России, Тбилиси, 1982, с. 17.

¹⁵ Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в., М., 1983, с. 29.

¹⁶ См. Станиславская А. М. Россия и Восточный вопрос в начале XIX в.—в кн.: История СССР, т. IV, М., 1967, с. 90.

не столько в высокой стоимости «достройки этого барьера», как считала О. П. Маркова, имея в виду большие расходы на содержание русских войск, сколько в тогдашней отдаленности русской армии от Закавказья.

С точки зрения интересов армянского освободительного движения, все эти обстоятельства проливают свет на отдельные причины выжидательной тактики армянского католикоса Гукаса Карнеци, который сдерживал антииранское выступление армянского народа до вступления русских войск в Восточную Армению.

Вместе с подготовкой Каспийского корпуса ген. В. Зубова к персидскому походу для овладения прикаспийским бассейном, назначения Ага-Мохаммеда и усиления Грузии и Армении, создавались новые благоприятные условия для возвращения к политике образования «барьера» в составе закавказских государств под протекторатом России.

Факты показывают, что в конце XVIII в. Россия пыталась использовать любую возможность для образования «буферного» армянского государства под протекторатом России. Не только дореволюционная и советская историография, но и современная иранская историография, и, в частности, иранский буржуазный историк Х. Эшки в книге «Военная политика России в Иране», изданной в Тегеране в 1974 г., признает, что «претендовавший на шахский престол после убийства Керим-хана Зенда его племянник Али-Мурад-хан в 1784 г. овладел Исфаганом, подчинил себе большую часть Ирана (за исключением северных провинций и побережья Каспийского моря, находившихся под властью Каджаров) и предлагал заключить с Россией договор о совместной борьбе против Ага-Мохаммед-хана Каджара и Османской Империи»¹⁷. С этой целью Али-Мурад-хан отправил в Россию своего представителя, чтобы передать о согласии Али-Мурад-хана уступить России Ереван, Нахичеван, Карабах и Карадаг, а также южное побережье Каспийского моря при условии, если Россия согласится признать Али-Мурад-хана шахом Ирана¹⁸.

Для заключения договора с Али-Мурад-ханом Екатерина II отложила персидский поход русских войск и в 1784 г. отправила в Иран русского дипломата полковника В. С. Тамара.

Опубликованные в 1947 г. А. Р. Иоаннисяном архивные документы об этой дипломатической миссии и данной В. С. Тамарой инструкции—важное документальное подтверждение намерений правительства России воссоздать армянское государство в его исторических границах.

¹⁷ خانك عشقي، سياست نظامی روسیه در ایران (۱۷۹۰-۱۸۱۵)، تهران، ۱۳۵۱، ص ۲۷۷

¹⁸ Там же.

Полковнику В. С. Тамара предлагалось заключить трактат из шести статей, с принятием которых Россия соглашалась признать Али-Мурад-хана шахом Ирана.

В интересующей нас четвертой статье содержалось требование императрицы и Потемкина, «чтоб край Армянский в его независимости восстановлен был»¹⁹ и отмечалось, что «полезно было бы основать правительство армянское» для того, чтобы с ним «сделать нужные постановления»²⁰. Таким образом, речь шла о воссоздании армянского государства с включением в него Еревана, Нахичевана, Карабаха и Карадага и о формировании армянского правительства с последующим заключением соглашения между Россией и Арменией. Однако миссия полковника Тамара в Иране не достигла цели из-за гибели Али-Мурад-хана и поражения его войск.

Очередная попытка правительства России образовать армянское государство в союзе с Грузией и в составе «барьера» связывалась с «персидским походом» Каспийского корпуса ген. Валериана Зубова в 1796 г.

По архивным данным ЦГВИА, офицер Штаба Каспийского корпуса майор И. В. Багдациян-Серебров был автором обширной докладной записки, рекомендовавшей командованию корпуса воспользоваться отходом иранских войск Ага-Мохаммед-хана в иранскую провинцию Хорасан и освободить Восточную Армению объединенными силами русских войск (Каспийского корпуса), а также добровольческих отрядов грузинского царя Ираклия II и армянских ополчений карабахских мелликов²¹.

После того, как докладная записка майора Багдацияна была одобрена на военном совете Каспийского корпуса и отправлена на утверждение в Петербург, ген. В. Зубов раскрыл направленный против него заговор Каджаров и карабахского хана Ибрагима и начал наступательные операции для взятия Гянджи.

Предполагалось, что в боевых операциях войск примут участие и народы Закавказья. Правительство России рассчитывало на широкую поддержку армянского населения, пострадавшего от нашествия Ага-Мохаммеда. П. А. Зубов просил Иосифа Аргутинского содействовать участию армян в военных действиях против Ирана. «Прошу покорнейше,—писал он армянскому архиепископу,—показать новый знак усердия вашего к службе, отправиться в Моздок для свидания с братом моим, ради объяснения по делам

¹⁹ См. Иоаннисян А. Р. Армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947, с. 283.

²⁰ Там же.

²¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2861, л. 1—12; Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века, Ереван, 1959, с. 64—65.

персидским и сопредельных с сим государством народов, о которых вы имеете столь обширные и подробные познания»²².

Иосиф. Аргутинский выехал на Моздокскую линию для встречи с ген. В. А. Зубовым, перед которым,—отмечал П. Г. Бутков,—была поставлена задача восстановить связи с армянскими мелликами Карабаха и араратским патриархом²³. Однако императрица Екатерина II требовала соблюсти крайнюю осторожность, чтобы не задеть «интересы Османской империи»²⁴. В то время Турция объявила себя защитницей Ирана в интересах «мусульманской солидарности» и вместе с Ахмед-ханом, овладевшим Тебризом в 1785 г., принимала меры для подрыва формировавшегося в Закавказье русско-грузино-армянского союза.

После завершения операций Каспийского корпуса в Восточном Закавказье, ген. В. Зубов мог приступить к выполнению и других задач, в том числе и к операциям в Восточной Армении, разработанным майором Багдацияном—Серебровым и утвержденным Военным советом Каспийского корпуса. Однако через месяц после смерти императрицы Екатерины II последовало распоряжение Павла I о прекращении операций Каспийского корпуса, и проблема образования армянского государства осталась нерешенной и на этот раз. Несмотря на все это, надежды на восстановление армянской государственности связывались с союзом с Грузией, влияние которой на внешнюю политику России определялось военно-стратегическим значением черноморских портов Грузии, военно-грузинской дорогой, связывавшей Северный Кавказ с Закавказьем, а также с активной внешней политикой Грузинского государства в отношениях с Россией, Турцией и Ираном.

«Усиление Грузии,—отмечали грузинские историки,—вызвало сочувствие армян, которые мечтали об избавлении от иранского и турецкого господства»²⁵.

Много усилий для укрепления грузино-армянского союза приложил глава армянской церкви в России Иосиф Аргутинский

²² Цит. по: Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дергеев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, М., 1984, с. 89.

²³ См. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, ч. 2. СПб., 1869, с. 365—366.

²⁴ 18-я статья инструкции предписывала ген. В. Зубову прикрывать операции русских войск боевыми действиями грузинских отрядов Ираклия II. Отмечается, в частности, что «область, Эриванская, лежащая к границам Порты Оттоманской, и вся верхняя часть Аракса очищена быть может собственно царем Ираклием и войсками его». См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2790, л. 7.

²⁵ См. Бердзинишвили Н., Джавахишвили И., Джанзшиа С. История Грузии, Тбилиси, 1950, с. 410.

и армянский общественный деятель Шаамир Шаамирян. Н. Аргутинский призывал католикоса Гукаса решительнее действовать за союз с Россией и Грузией, а Ш. Шаамирян предлагал Ираклию II образовать грузино-армянское федеративное государство и послал ему из Индии макет герба этой федерации²⁶.

Ираклий II вел длительную борьбу с мусульманскими владетелями Восточной Армении и Азербайджана для установления своего господства в Восточном Закавказье²⁷. В ходе этой борьбы Ираклий II нанес ханам ряд поражений, а ереванского и гянджинского хан-нешинов сделал данниками Грузии²⁸.

Отношения Эчмиадзинского католикосата с Россией, основанные на христианской общности и многовековых армяно-русских связях, поддерживались широкой сетью армянских церквей в России и были обусловлены участием правительства России в разработке проектов образования армянского государства и помощью России в борьбе армянского народа против иранского и турецкого господства в Армении.

Армянская христианская церковь никогда не ориентировалась и не могла ориентироваться на мусульманские страны, в том числе и на своих завоевателей и угнетателей—Гурию и Иран, которые крайне враждебно относились к Эчмиадзину. По архивным данным, солдаты Мирза-Джафара, приближенного ереванского сардара, глумились над армянскими священниками, избивали их раскаленными на огне железными прутьями, нанесли княжальные ранения многим вардапетам, подозреваемым в связях с русским командованием; архиепископа Мартына заковали в цепи и отправили в Иран, а остальных священнослужителей отправили под стражей в разграбленные персами деревни²⁹. Эчмиадзинский монастырь был занерт, а главные ворота и все входы—завалены землей³⁰.

В целом, в конце XVIII—начале XIX в. эчмиадзинский католикосат поддерживал дипломатические отношения с державами, а также с правительствами шаха и султана и, до вступления в Восточную Армению русских войск, открыто не проявлял своей русской ориентации, чтобы избежать новых репрессий иранских и турецких карателей.

²⁶ Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1976, с. 106.

²⁷ См. Бердзинишвили Н., Джавахишвили И., Джанашия С. История Грузии, с. 401, 410.

²⁸ Там же.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 17, лл. 72—77.

³⁰ Там же, лл. 72—77.

Армянский католикос Гукас Карнеци предупреждал Потемкина, русское командование, что до прихода русских войск эчмиадзинский католикосат вынужден возражать против преждевременного восстания армянского народа. Для этого было немало причин после нашествия на Закавказье иллиров Ага-Мохаммед-хана и в неменьшей мере после того, как был отозван Каспийский корпус ген. В. Зубова. К тому же эчмиадзинский католикосат хотя и ориентировался на Россию, в своих дипломатических отношениях с правительствами шаха и султана подчеркивал нейтралитет и независимое положение эчмиадзинского католикосата как верховного центра армянской церкви. В армянской церкви и в народе в целом были сторонники и решительных и осторожных, выжидательных действий. Например, в Карабахе, где феодальный правитель Ибрагим-хан угрожал существованию армянских меликств, духовенство и местные феодалы готовы были без промедления возглавить повстанческое движение. Такой же точки зрения придерживалось армянское духовенство армянских колоний в России.

Выжидательная позиция католикоса Гукаса Карнеци была связана не только с его классовой собственнической психологией³¹. У него так же, как и у других видных армянских общественных и религиозных деятелей—Ивана Лазарева, Иосифа Аргутинского, Нерсеса Аштаракеци и других, были и патриотические, общенациональные цели и интересы.

Нельзя, конечно, отрицать, что армянские общественные и религиозные деятели могли рассматривать связанные с армянским народом политические и дипломатические проблемы и через призму своего классового и религиозного мировоззрения. Однако лишённые государственности в условиях крайне враждебного ирано-турецкого окружения, все классы армянского народа имели общие национальные задачи и объединились в борьбе за свое освобождение. Неслучайно поэтому Эчмиадзин оказал большую материальную помощь русским войскам ген. Цицианова во время ереванского похода в 1804 г.³², а Нерсес Аштаракеци во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. возглавил борьбу армянского народа против армии Аббас-мирзы, а на переговорах в Дех-Харгане добивался присоединения к России Макинского магала—исторической армянской территории, несмотря на то.

³¹ См. Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века М., 1959, с. 26.

³² В 1804 г. Эчмиадзин безвозмездно передал русским войскам 33800 пудов пшеницы, 16000 пудов муки, 4800 пудов крупы, См. Потто В. Кавказская война, т. 3, с. 745—746.

что ген. Паскевич видел в этих действиях Аштаракеци только стремление овладеть богатствами армянского монастыря св. Татевоса, куда Аббас-мирза собирался перевести из Эчмиадзина армянский католикосат, чтобы ослабить на него влияние России³³.

Национальные проблемы освобождения Армении от иранского господства и создания армянского государства были тесно взаимосвязаны, хотя были различны по своему содержанию. Так как невозможно было создать армянское государство в условиях иранского и турецкого государства в Армении, первой и главной национальной задачей армянского народа было освобождение от иранского и турецкого господства. Только после освобождения Армении (или ее восточной или западной части) от деспотической тирании иранских и турецких завоевателей мог быть решен вопрос о создании армянского государства. Эти коренные интересы и задачи, непосредственно связанные с освобождением Армении от иранского и турецкого господства и образовании армянского государства, определяли в конкретно-исторических условиях главное направление внешнеполитического курса и внешнеполитической ориентации армянского освободительного движения. Вопрос этот имеет принципиальное значение для исследователей истории армянского народа, которые выставляют на передний план соподчиненные вопросы, подчас оторванные от основных национальных задач армянского народа.

Известно, что освободительное движение в Восточной Армении, ускоренное политикой России на Кавказе, обнаружило различные течения³⁴. Его прогрессивное крыло надеялось на создание независимой армянской республики, в которой значительно ослабло бы господство феодально-клерикальной знати и свободно развивалась торговая буржуазия. Это крыло объединялось вокруг Шаамира Шаамиряна, в проекте освобождения Армении которого и воссоздания ее государственности Армения была представлена независимой республикой, возглавляемой президентом и управляемой парламентом³⁵.

Было очевидно, что царское самодержавие не могло согла-

³³ Աբեղյան Հ., և. Քաղաքի վերաբեր., ԲՀՊՊ, 1960, էջ 9:

³⁴ В 20-х гг. в армянской историографии эти течения называли «клерикально-феодальным и буржуазно-демократическим», а в 1974 г. переименовали на «буржуазное и национально-консервативное».

³⁵ См. Блиев М. М. Политика России на Кавказе во второй половине XVIII в.—первой трети XIX в. В кн.: Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, М., 1984, с. 46—47.

ситься с республиканским проектом образования армянского государства, и поэтому в год заключения Георгиевского трактата глава армянской церкви в России Иосиф Аргутинский составил «набросок договора между двумя нациями—русской и армянской» о воссоздании армянского царства под протекторатом России. Между тем проект Иосифа Аргутинского не был рассмотрен правительством России, поскольку Восточная Армения находилась под чужеземным игом. Среди различных проектов образования армянского государства не было модели государства во главе с Эчмиадзинским католикосатом, несмотря на отсутствие армянских царских династий, а также специфику духовной и светской деятельности Эчмиадзина в вопросах внутренней и внешней политики в сложных условиях иранского господства, продолжавшегося с 1555 г.

Известно, что Эчмиадзинский католикосат опирался на союз с Россией и в тоже время не прерывал дипломатических контактов с христианскими государствами Западной Европы, с помощью которых пытался оказать давление на Иран и Турцию для ослабления в Армении социального, национального и религиозного гнета завоевателей. Эти многосторонние дипломатические связи не изменяли преобладающей ориентации Эчмиадзина на Россию и соответствовали статусу независимого положения армянской церкви в отношениях со всеми державами, в том числе и с царской Россией, когда она вмешивалась в дела армянской церкви при избрании католикосов и их утверждении, поскольку наносился удар по прерогативам мусульманских стран—Турции и Ирана и имело место выравнивание прав.

После кризиса политики «барьера», прекращения операций Каспийского корпуса Валериана Зубова, празднования в Сионском соборе и армянских церквях Тифлиса присоединения к России Грузии и северных районов Армении в 1801 г. и отчаяния, вызванного ликвидацией грузинского царства и вторжением армян Аббас-мирзы в Закавказье, перспектива образования армянского государства под протекторатом России становилась все более невыполнимой.

В этих условиях Эчмиадзинский католикосат укреплял свое независимое положение как верховного духовного центра армянской церкви, несмотря на ожесточенную борьбу за власть внутри Эчмиадзинского католикосата, «отвлекавшую,— по верному замечанию проф. З. Т. Григоряна,—армянский народ от борьбы против иранских войск»³⁶.

Изучение методов колониальной политики западных держав

³⁶ Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века, М., 1959, с. 67, 97.

показало, что борьба за власть в армянской церкви в значительной мере провоцировалась французской дипломатией задолго до разгрома французских войск в Отечественной войне 1812 г., положившей конец пронкам французских колонизаторов в Закавказье. По сообщению иранского военного историка Джамиля Гузапу, офицеры Наполеона руководили Штабом армии Аббас-мирзы еще в 1804 г.³⁷ Если до заключения Тильзитского мира Франция добивалась ослабления антифранцузской коалиции в Европе путем ослабления России в войнах с Ираном и Турцией в Закавказье и сохранения иранского господства в Восточной Армении, то после Тильзитского мира Франция добивалась продолжения этих войн, чтобы ко времени вторжения в Россию наполеоновских войск русская армия оказалась бы разобщенной и ослабленной войнами на четырех фронтах (против Франции, Турции, Ирана и Швеции). Однако этот французский план был провален русской дипломатией, которая накануне Отечественной войны 1812 г. заключила мир со Швецией, Бухарестский мир с Турцией, а русские войска ген. Котляревского отбросили за Аракс армию Аббас-мирзы.

В компенсацию за войну Ирана против России в Закавказье Наполеон провозгласил в Финкенштейнском (франко-иранском) договоре 1807 г. Грузию «по праву принадлежавшей иранскому шаху»³⁸ (ст. 3), а шах, со своей стороны, обязался передать Франции остров Харк в Персидском заливе³⁹ (ст. 17), на который претендовали англичане. По этому же договору Наполеон обязался заставить Россию вернуть Каджарам не только Грузию, но и всю территорию, которая в договоре ошибочно называется «иранской», хотя и таковой никогда не была, и включала значительную часть Восточной Армении и Азербайджана.

Французская дипломатия всячески стремилась использовать традиционные связи Эчмиадзина с Францией в нескольких аспектах. Во-первых, Франция хотела подчинить своему влиянию армяно-григорианскую церковь, чтобы с ее помощью отклонить армян и прежде всего армянские господствующие классы от русской ориентации (особенно после отмены персидского похода В. Зубова); во-вторых, Франция представляла себя в роли покровительницы армян-католиков, о чем свидетельствует 15-ая статья подписанного Гарданом торгового договора с Ираном, предусматривавшая обязательство иранских властей не подвергать преследованию «христиан» за проявленное ими уважение к католи-

³⁷ جميل قوزاند، تاريخ نظامی ایران، جنگ اول، فصل چهارم، تهران، ۱۳۱۵.
ص ۷۰۹-۷۱۲

³⁸ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي، ایران و انگلیس، جلد اول، ص ۴۵

³⁹ Там же.

ческим миссионерам и не беспокоить армян, находившихся под их покровительством; в-третьих, в конкурентной англо-французской борьбе, когда англичане изгнали из Ирана французских дипломатов, Франция пыталась использовать в качестве связников нескольких армянских купцов, владевших иностранными языками, связанных с французским рынком и по характеру торговой деятельности отвечавших требованиям конспирации.

Анализ британской внешней политики показывает, что после заключения Тильзитского мира Англия вытеснила Францию из Ирана и подобно Франции тоже добивалась сохранения иранского господства в Восточной Армении и во всем Закавказье.

Играя на реваншистских устремлениях Каджаров, английское правительство оказало Ирану военную помощь для войны с Россией и чтобы угрожать России войной на два фронта, избежать поражения Турции и распада Османской империи, а также восстановить иранское господство во всем Закавказье и отвлечь Россию от Индии в интересах ее пресловутой «индийской безопасности», несмотря на то, что победа русских войск в Отечественной войне 1812 г. спасла народы Индии от французской оккупации.

По материалам АВПР о лондонских переговорах Д. Каннинга с русским послом Х. А. Ливеном, в книге раскрывается тайный стовор иранских реваншистов с их британскими покровителями в вопросе координации дипломатической деятельности в годы второй русско-иранской войны (1826—1828 гг.)⁴⁰. Англия была заинтересована в срыве работы мирной конференции в Дах-Харгане и в продолжении русско-иранской войны, чтобы не допустить присоединения Восточной Армении и всего Закавказья к России.

Политика Англии на Среднем Востоке и в Закавказье в первой трети XIX в. была обречена на провал. После заключения Тильзитского мира Англия разжигала первую русско-иранскую войну, а после поражения Ирана направляла борьбу Каджаров за пересмотр Гюлистанского договора и подготовку Ирана к новой войне против России. Ситуация повторилась в 1826 г., когда Англия сперва спровоцировала агрессивное вторжение армии Аббас-мирзы в Закавказье, и в 1828 г., когда Англия добивалась пересмотра Туркманчайского договора путем организации убийства русского посла, разгрома русской миссии в Тегеране и разжигания третьей войны против России⁴¹.

⁴⁰ АВПР, МИД, Канцелярия, г: 6958/1826 г., 6963, 6964, 6968/1827 г./.

⁴¹ См. Балаян Б. П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России, Ереван, 1984, с. 30—40 (Автореферат докторской диссертации).

В работе опровергается версия Николая I и министра иностранных дел России графа Нессельроде о виновности А. С. Грибоедова в своей гибели. Объективно эта версия была направлена против организаторов антирусского заговора в Тегеране, хотя и искажала политические мотивы убийства русского посла.

Чтобы не начинать новую войну с Ираном и не воевать на двух фронтах против Ирана и Турции одновременно, царизму не следовало сваливать вину заговорщиков на русского посла.

Факты показывают, что версия царизма о виновности А. С. Грибоедова послужила поводом для дальнейшей фальсификации политических мотивов убийства А. С. Грибоедова и, в первую очередь, всего того, что касалось освобождения военнопленных и подданных России, предусмотренного Туркманчайским договором, несмотря на то, что для А. С. Грибоедова—прогрессивного мыслителя и гуманиста—борьба за освобождение пленных, в том числе и переселение армян, была не только официальной обязанностью, но и человеческим долгом в обстановке, когда шах препятствовал выполнению статей Туркманчайского договора о пленных.

В итоге, вымышленная версия царизма о виновности Грибоедова в искаженном виде обошла мировую литературу. Этим воспользовались английские и иранские буржуазные историки, чтобы затушевать соучастие Ирана и Англии в убийстве А. С. Грибоедова. Показательно в этом отношении заявление иранского историка Шафии Джавади: «Поскольку русские историки уже доказали, что Грибоедов был виновен в своей смерти, иранским историкам по этому вопросу нечего что-либо сказать или добавить, тем более, что русское правительство было занято войной с Турцией, событиями на Балканах, и не начало третью войну с Ираном»⁴², а другой иранский историк, Мохаммед Хеджази, утверждает, что виновность Грибоедова в своей смерти, дескать, доказал оставшийся в живых (из членов грибоедовской миссии) Мальцов⁴³.

К сожалению, и отдельные советские историки необоснованно отрицают политические мотивы убийства А. С. Грибоедова. О. П. Попова, например, без всякого основания осуждала «некорректное», по ее словам, поведение А. С. Грибоедова в разговоре с шахом⁴⁴. Эта ошибка О. П. Поповой была вызвана нескритическим использованием ею английской фальшивки—анонимного

⁴² شفیع جوادى، تهریز، بیرامدن، تهریز، ۱۳۵۱، ص ۱۰۶.

⁴³ محمد حجازی، مهن ما، تهران، ۱۳۳۸، ص ۱۵۱.

⁴⁴ См. Попова О. И. Грибоедов-дипломат, М., 1964, с. 144—169.

«рассказа персиянина», марандского хана Назар-Али-хана, который сопровождал Грибоедова, однако за день до разгрома русской миссии был отозван тегеранским губернатором принцем Зель-эс-султаном и, следовательно, свидетелем событий быть не мог. Только позднее, под диктовку английских дипломатов, он написал так называемую «Реляцию происшествий, предвзявших и сопровождавших убийство членов последнего русского посольства в Персии». О. П. Попова явно обходит работу проф. С. В. Шестаковича «Происхождение «Реляции» о гибели Грибоедовской миссии»⁴⁵, в которой доказывается английское происхождение этой фальшивки.

Не критически отнесся к неправдоподобным версиям подполковника И. О. Симонича советский исследователь проф. Д. С. Комиссаров. Известно, что в 1826 г. И. О. Симонич командовал грузинским гренадерским полком в Тифлисской губернии, мечтал о дипломатической карьере и, подделываясь под настроенные Паскевича, рассказывал ему о Грибоедове всякие небылицы, свидетелем которых не был. В статье «Убийство русского посланника» он не зря писал, что после аудиенции шах уходил от Грибоедова в крайнем раздражении...⁴⁶. Много лет спустя Симонич стал послом в Иране. Не исключено, что ложная версия царизма о том, что Фатх-Али-шах и наследник престола, дескать, были «чужды гнусному и бесчеловечному умыслу», а «сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской»⁴⁷, была продолжением ареста и допросов А. С. Грибоедова в Петропавловской крепости по делу его причастности к движению декабристов.

* * *

Политика России в регионе Закавказья и Среднего Востока исследовалась в отечественной историографии большей частью в отрыве от европейской политики западных держав. В результате этого одностороннего подхода преимущественное внимание ис-

⁴⁵ См. «Труды Иркутского университета», т. XVI, вып. 3, 1956.

⁴⁶ См. Комиссаров Д. С. Иранские авторы о гибели А. С. Грибоедова, «Вопросы истории», № 8, 1975, с. 188—195; Симонич И. О. Убийство русского посланника—в кн.: А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников. Л., 1929, с. 202.

⁴⁷ «Кавказский сборник», т. XXX (Нессельроде—Паскевичу, 16 марта 1829 г.), с. 170; Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813—1828 гг., Ереван, 1967, с. 257.

следователей было сосредоточено на критике внешней политики царизма, тогда как агрессивная колониальная политика западных держав выпадала из их поля зрения.

К. Маркс и Ф. Энгельс подходили к международным проблемам на Востоке с точки зрения интересов революции. Они подвергли всесторонней критике попытки держав затормозить революционные процессы и разложение феодализма в Османской империи, а дипломатическую систему равновесия сил и сохранения статус-кво феодальных деспотий считали равнозначной попытке «приостановить на определенной стадии гниение трупав павшей лошади и предотвратить полное разложение»⁴⁸.

Ф. Энгельс писал: «До тех пор, пока традиционная политика сохранения любой ценой status quo и самостоятельности Турции в ее нынешнем состоянии будет руководящим принципом западной дипломатии, девять десятых населения европейской Турции будет видеть в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию»⁴⁹.

Труды К. Маркса и Ф. Энгельса о дипломатической системе «статус-кво» западных держав объясняют причины русской ориентации армянского освободительного движения в Западной Армении и показывают, что эти державы проводили аналогичную политику и в отношении Восточной Армении, но уже для установления в Закавказье иранского господства. Однако эта политика, нацеленная против России, привела к противоположным результатам—усилению влияния России в Закавказье.

В глобальной борьбе противоборствующих сил на одной стороне находились Франция, Англия, Иран и Турция с их противоречиями, завоевательными устремлениями и вероломной дипломатией, а на другой стороне—Россия и народы Закавказья, их совместные боевые действия против иранских и турецких войск и их западных покровителей.

На фоне этой борьбы в исторических судьбах народов Закавказья четко просматривается позитивная роль России, которая определялась не только победой русской армии в войнах с Ираном и Турцией, но и победой русской дипломатии в ожесточенной борьбе против дипломатического наступления западных держав, главным образом Англии и Франции.

⁴⁸ См. Маркс К., Энгельс Ф. Британская политика. Турция. Соч., 2-е изд., т. 9, с. 5.

⁴⁹ Энгельс Ф. Что будет с европейской Турцией?—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9, с. 32.

Классики марксизма-ленинизма подвергли суровой критике внешнюю политику всех великих держав. Вместе с тем они отмечали прогрессивную роль России на Востоке.

Ф. Энгельс писал: «А кто решил исход борьбы во время греческого восстания? Не Янинский паша Али со всеми его заговорами и мятежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонская конференция и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы»⁵⁰. Эта оценка Ф. Энгельса имеет прямое отношение и к роли России в освобождении армянского народа от иранского ига. Исход армянского освободительного движения против иранского ига в Восточной Армении решили те же русские войска генералов Дибича, Ермолова и Паскевича, а не фарисейская политика Наполеона и Канинга.

Новейшие исследования⁵¹ показывают, что история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России была локальной международной проблемой, сущность которой состояла в освободительной борьбе армянского и других народов в регионе Закавказья в первом тридцатилетии XIX в., тесно связанной с Восточным вопросом и Западной Арменией, политикой Англии, Франции, Ирана и Турции в этом регионе, победой русских войск в войнах с Ираном на территории Закавказья и победой русской дипломатии над дипломатией западных держав.

Россия объективно способствовала национальному возрождению народов Закавказья. Однако сама возможность неоднозначной оценки русско-иранских и русско-турецких войн создала для царизма определенные условия для идеологического маневрирования. Боевое содружество русской армии и закавказских ополченцев, а также веками накопившаяся ненависть народов Закавказья к иранским и турецким угнетателям, использовались идеологами самодержавия для прикрытия великодержавных устремлений царизма и классового содержания его внешней политики⁵².

Безотносительно к субъективным целям самодержавия, войны России против Ирана имели освободительные аспекты, которые формировались, с одной стороны, под влиянием патриотических традиций русского народа, ярко проявившихся в народном характере Отечественной войны 1812 г., и в солидарности передо-

⁵⁰ Энгельс Ф. Что будет с европейской Турцией? Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9, с. 32.

⁵¹ См. Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978, с. 4–7.

⁵² См. Золотарев В. А. Россия и Турция: война 1877–1878 гг. Л., 1984, с. 6, 9 (Автореферат докторской диссертации).

вой России с греческой революцией 20-х годов⁵³, а с другой—под влиянием освободительного характера борьбы армянского и других народов Закавказья, приведшей к участию сосланных на Кавказ декабристов в боях за освобождение Армении⁵⁴.

Характер русско-иранских войн определялся их историческими результатами.

В многовековой истории армянского народа русско-иранские войны и присоединение Восточной Армении к России были, по мнению М. Г. Нерсисяна, «поворотным этапом большого прогрессивного значения на пути к его полному освобождению и национальному возрождению»⁵⁵.

В то же время «Присоединение Закавказья усилило международные позиции России,—отмечает Г. А. Галоян,—и для нее самой имело прогрессивное значение»⁵⁶.

Присоединение Закавказья к России сыграло огромную роль в исторических судьбах народов Грузии, Азербайджана и Армении, способствовало эволюции их демократической общественно-политической мысли и процесса их социального и национального возрождения⁵⁷.

Присоединение Восточной Армении к России создало объективные предпосылки для слияния национально-освободительной борьбы армянского народа с освободительной борьбой великого русского народа, а в эпоху империализма и пролетарских революций—с революционным движением российского пролетариата.

На основе разработанного В. И. Лениным научно-методологического подхода к основной связи исторических событий, а также с «точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило... и чем данная вещь стала теперь»⁵⁸, дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении

к России исследуется в книге в широком историческом плане и перспективе, во всех основных взаимосвязях и этапах—в конкретных условиях начала XIX в., когда армянский народ освободился от ига иранских завоевателей, а также с учетом прогрессивных последствий присоединения Восточной Армении к России, связанных с спасением армянского народа от угрозы физического уничтожения с утверждением капитализма в Восточной Армении и национальной консолидацией армянского народа, а также слиянием национально-освободительной борьбы армянского народа с освободительной борьбой великого русского народа, а в эпоху империализма и пролетарских революций—с революционным движением российского пролетариата и образованием Армянской Советской Социалистической Республики.

⁵³ См. Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой.—Вопросы истории, М., 1979, № 4; Он же. Греческое национально-освободительное движение и Россия.—Вопросы истории, М., 1980, № 2.

⁵⁴ См. Нерсисян М. Г. Из истории русско-армянских отношений, кн. I, Ереван, 1956, с. 166; Он же, Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа, Ереван, 1965; Он же. Декабристы в Армении, Ереван, 1975.

⁵⁵ Нерсисян М. Г. Новый этап в истории армянского народа.—«Историко-филологич. журнал» АН Арм. ССР, Ереван, 1978, № 3, с.3—13 (на арм. яз.).

⁵⁶ Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1976, с. 179.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См. Ленин В. И. О государстве.—Полн. собр. соч., т. 39, с. 65.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РУССКО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЫ 1804—1813 гг., ГЮЛИСТАНСКОГО МИРА И АНТИРУССКОЙ ПОЛИТИКИ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

1. ДИПЛОМАТИЯ В НАЧАЛЕ РУССКО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЫ 1804—1813 гг.

Первая русско-иранская война была продолжением затянувшегося конфликта, вызванного в конце XVIII в. двумя вторжениями в Закавказье войск Ага-Мохаммед-хана (в 1795 и 1797 гг.), а в начале XIX в. — стремлением Фатх-Али-шаха восстановить иранское господство в Закавказье с помощью держав и войны с Россией.

Реваншистские планы Каджаров в отношении Закавказья осуществлялись в сложной международной обстановке, вызванной борьбой Англии и Франции за господство в Европе и на Востоке и продвижением царских войск к бассейнам Каспийского и Черного морей.

В январе 1801 г., когда был заключен англо-иранский союзный договор, а Россия, фактически, находилась в состоянии войны с Англией, в Иране рассчитывали на английскую помощь и англо-иранскую коалицию в войне против России.

Обстановка изменилась после того, как Александр I 5(17) июня 1801 г. заключил с Англией дружественный договор, устранивший нависшую угрозу англо-русского столкновения. В то же время Александр I продолжал переговоры с Францией, начатые Павлом I, а 26 сентября (8 октября) 1801 г. заключил договор с Францией, хотя и не верил в прочность русско-французского союза ввиду неизбежности франко-русской войны в будущем¹.

¹ См. Княпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963. с. 23—24.

В 1803 г. русско-французские отношения заметно обострились после того, как Франция закрепила свое господство в Италии, Швейцарии и Голландии и отклонила предложение Александра I вывести из этих стран французские войска, а французский посол Эдувиль был отозван из Петербурга. В том же году, 22 мая, Англия рсторгла Амьенский мир, возобновила войну с Францией и все более настойчиво добивалась участия России в третьей антифранцузской коалиции в Европе. В этих условиях Англия предусмотрительно воздерживалась от открытого предложения Ирану военной помощи, чтобы не оттолкнуть от себя Россию.

Обманутый в ожиданиях Фатх-Али-шах подверг смертной казни своего министра-сатрапа Хаджи Ибрагим-хана за то, что он подписал неравноправный договор с Англией, подчинил ей иранскую внешнюю политику, затем отправил за помощью в Бенгалию посла Хаджи Халил-хана, однако в Индии он был убит.

Не исключено, что шах казнил своего министра для того, чтобы сблизиться с Наполеоном, который отправил в его распоряжение четырех французских офицеров для разработки оперативных планов операций иранских войск в Закавказье и явно провоцировал Каджаров на войну с Россией, чтобы не допустить ее участия в третьей коалиции. Каджары постоянно лавировали в своей внешней политике, играли на противоречиях Англии и Франции, чтобы добиться их помощи и поддержки для войны с Россией, а западные державы использовали Иран для решения своих глобальных проблем и помогали Ирану только тогда, когда им это было выгодно.

Несмотря на то, что Россия вернулась в антифранцузскую коалицию только в 1805 г., шах явно спешил и в мае 1804 г. начал против России войну.

Сосредоточенные в Тебризе войска Фатх-Али-шаха и его наследника Аббас-мирзы в июне 1804 г. вторглись в Закавказье².

Каджары добивались не только покорения и наказания Грузии за Георгиевский трактат 1783 г., но и восстановления иранского господства во всем Закавказье.

В развернувшихся боях под Эчмиадзином и в других районах Восточной Армении русским войскам и воевавшим вместе с ними закавказским ополченцам удалось нанести персам ряд сокрушительных ударов³, несмотря на то, что в том же году блокада

² См. Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья..., М., 1976, с. 131.

³ Подробно о военных действиях первой русско-иранской войны см. Гри-

Ереванской крепости русскими войсками и армянскими добровольческими отрядами была снята из-за плохой службы тыла, эпидемических заболеваний⁴, а также спровоцированных проповедями мулл антирусских выступлений в Осетии и Памбаке.

Персы собирались привести в покорность закавказских ханов, которые с середины XVIII столетия были независимы, и многие из которых проявляли склонность признать над собой верховную власть России и вступить в русское подданство⁵.

Однако «независимость» этих ханов была весьма условной и относительной. Иранские шахы не всегда собирали дань у феодальных владетелей Закавказья, причем поступали так не для укрепления «независимости» этих ханов, а, напротив, для усиления их зависимости от Ирана. Известно, что нарушители такой зависимости жестоко наказывались карательными отрядами племени. Вторжение полчищ Ага-Мохаммед-хана в Грузию и Карабах, сожжение Тифлиса, насильственный угон в плен его жителей и разорение Карабаха не составляли исключения. Ханы и муллы, —отмечает историк Х. М. Ибрагимбейли,—с одной стороны, испытывали страх перед шахским Ираном, а с другой—боялись, что, присоединившись к России, они лишатся своей власти и привилегий⁶.

Дореволюционный историк Н. Дубровин отмечал, что отдельные ханы испытывали страх и после безнадежного сопротивления Джавад-хана Гянджинского при штурме Гянджинской крепости войсками ген. Цицианова⁷. Другие ханы опасались репрессий царской администрации за убийство генерала П. Д. Цицианова во время его переговоров с Хусейн-Кули-ханом Бакинским у стен бакинской крепости, несмотря на то, что, по мнению современного американского историка Муриэла Эткина, мирное присоединение

горян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. М., 1950, с. 66—76, Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века, Самарканд 1961, с. 74—78.

⁴ В осажденной Ереванской крепости многих армян, подозреваемых в сочувствии русским войскам, подвергали зверским пыткам, выселяли из крепости. См. Нерсисян М. Г. Освобождение Еревана от ханского ига (к 150-летию присоединения Восточной Армении к России)—«Историко-филологический журнал» АН АрмССР. 1977, № 3, с. 65.

⁵ См. Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958, с. 74, 82—83.

⁶ См. Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века, М., 1969, с. 65.

⁷ См. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. IV. С.-Петербург, 1886, с. 489—490.

к России Закавказских ханств было следствием не столько жестокости ген. Цицианова, сколько его мирных инициатив⁸.

С начала русско-иранской войны 1804—1813 гг. массовое участие азербайджанских, армянских и грузинских ополченцев в боях против армии Аббас-мирзы и принятие русского подданства феодальными владетелями Закавказья через год после начала этой войны в русском лагере на берегу реки Кюрак-Чай «на глазах» каджарского принца, было свидетельством не только антииранского движения в Азербайджане, но и усиления влияния России во всем Закавказье, хотя и сопровождалось в отдельных случаях вооруженным сопротивлением русским войскам проирански настроенной частью оппозиции.

Закавказские ополченцы, сражавшиеся с оружием в руках против иранских войск, укрепляли боевое содружество русского и закавказских народов и уже к концу 1806 г. предприняли исход войны. Почти вся Грузия, Северный Азербайджан и часть Восточной Армении присоединились к России, а война продолжалась в основном на территории Ереванского и Нахичеванского ханств.

Военные неудачи Ирана сопровождались дипломатическими провалами. Англия умерно не предоставляла Ирану военной помощи из боязни лишиться русского союзника по антинаполеоновской коалиции, а Ост-Индская компания, в интересах своей торговли, добивалась аннексии иранских островов в Персидском заливе. В конце 1805 г. Фатх-Али-шах пытался повлиять на Англию убийством французского эmissара Ромье в Тегеране и откомандированием в Индию иранского дипломата, однако, не добившись цели, стал добиваться помощи Франции. Это соответствовало планам Наполеона, который провоцировал турецкого султана на войну против России и рассчитывал образовать ирано-турецкую коалицию.

Послы России и Англии всеми мерами удерживали Турцию от союза с Францией после провалившейся египетской экспедиции. Следуя примеру России, султан Селим III не признал Наполеона императором, а Наполеон, в свою очередь, отозвал из Константинополя маршала Брюна и написал султану письмо, полное угрозы: «Зачем Вы терпеливо переносите поступки России?—спрашивал Наполеон.—Почему 15 тыс. русских солдат находятся в Корфу, а русский флот демонстрирует себя вблизи от Вашей столицы? Ваши министры преданы России, которая не откажется от Греции и греков. Диван не обращает внимания на все, что происходит в Каире, Дамаске, Мекке и Медине, в то вре-

⁸ Atkin M. Russia and Iran, 1780—1828. —The University of Texas at San Antonio, Minneapolis, 1980, p. 92.

мя как русские побеждают Персию, а затем нападут на вас». Наполеон предупреждает султана, что «половина ваших подданных исповедует вместе с русскими одну ту же веру и предана России. На всех торговых судах развевается русский флаг»⁹.

Турецкий султан отправил в Петербург копию этого наполеоновского письма, а Александр I, в свою очередь, заметил султану, что «старания Наполеона оклеветать Россию и посеять раздор между союзниками доказывают только, что он считает русско-турецкий союз сильнейшей преградой его властолюбивых целей». «Если бы Россия,—писал Александр,—имела бы входы на отдельные области Оттоманской империи, то со времени Французской революции она имела немало случаев для осуществления этих видов»¹⁰.

Это письмо Наполеона и ответ Александра были пространно прокомментированы турецкому султану и дивану русским посланником Италинским.

Вначале султан делал вид, что не доверяет Наполеону, однако битва под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. и уничтожение прусской армии в сражениях при Ене и Ауэрштедте в октябре 1806 г. побудили султана перейти на сторону Франции.

В июле 1806 г. в Константинополь прибыл новый французский посол ген. Себастиани с широкими полномочиями. После этого султан Селим III сформировал новое правительство из числа министров—сторонников Франции, которые при участии французских офицеров приступили к перевооружению дунайских крепостей и Босфора и реорганизации турецкой армии. Благодаря прускаму ген. Себастиани Порты закрыла Дарданеллы для русских военных судов и нарушила условия Ясского мира 1791 г.

Последовали протесты русского посла Италинского и вступление русских войск генерала Михельсона в Молдавию и Валахию.

В записке, составленной в Министерстве иностранных дел России (без подписи и даты) под названием «План переговоров с Баба-ханом (Фатх-Али-шахом—Б. Б.) на случай войны с турками», говорится на французском языке: «Судя по данным, поступившим из Константинополя 16 (28) июля, французские эмиссары убедили Баба-хана заключить договор о наступательном союзе с Францией. Персия обещала пропустить войска в Индию, а Наполеон намерен противодействовать операциям русских войск в Персии и овладеть портами в Персидском заливе с двойной

целью: действовать против русских или против англичан в зависимости от обстоятельств. Поездка Жобера и Ромье в Персию имела прямую связь с этими планами»¹¹.

Далее в Записке отмечается «Критическое положение Порты, увлекаемое Францией, заставляет желать мира с Персией, чтобы не сражаться против двух врагов в случае разрыва с Турцией. С другой стороны, маловероятно, что Баба-хан легко пойдет на заключение мира, основными условиями которого будут уступки в пользу России.

Надо найти способ сближения с шахом, заключить с ним выгодный мир, а уже потом добиваться границы по Куре и Араксу, тем более, что страны, расположенные на левом берегу этих рек, никогда не признавали персидской власти»¹².

В Записке рассматриваются «две точки зрения на переговоры с Персией: как последняя мера к достижению мира Баба-ханом и как подготовка к войне с турками»¹³.

Позиция Ирана расценивается в Записке как «не менее коварная, чем политика Бонапарта»¹⁴.

Далее говорится, что «если Россия будет восвать с Турцией, то мы выиграем время, если же этой войны не будет, то Россия все же урегулирует свои дела с Персией»¹⁵.

«Трудно надеяться,—отмечается далее в Записке,—что Баба-хан даже после заключения мира не попытается нанести России удар в спину... Объединение персов с турками возможно в любом случае, но этого нельзя допустить»¹⁶. «Можно передать мирные предложения Персии и воспользоваться посредничеством Англии».

Как видно, в министерстве иностранных дел России в то время еще не четко представляли экспансионистскую политику Англии на Среднем Востоке. Авторы записки считали, что «можно воспользоваться дружественными отношениями Фатх-Али-шаха с Ост-Индской компанией, которая направила в Тегеран посольство для переговоров об уступке иранских портов Персидского залива» и, как видно, не подозревали, что в 1804 г. резидент Ост-Индской компании в Басре Манести посетил Иран и отнюдь не

⁹ ВПР XIX и начало XX века. МИД СССР. Серия первая, т. 3 (январь 1806 г.—июль 1807 г.), М., 1963, с. 726.

¹⁰ См. там же.

¹¹ Там же, с. 727.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

⁹ См. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. V, С.-Петербург, 1887, с. 101—102.

¹⁰ Там же, с. 103.

для того, чтобы использовать свое влияние, чтобы прекратить войну, а наоборот, чтобы оказать Ирану военную помощь».

Нельзя не обратить внимания и на другое предложение авторов Записки «выиграть время, чтобы лучше разобраться в пронсках французских эмиссаров Жобера и Ромье»¹⁷, заинтересованных, как известно, в продолжении русско-иранской войны для ослабления англо-русского союза и антифранцузской коалиции в Европе путем ослабления военного потенциала России, а также для подготовки франко-иранского договора и обеспечения французского преобладания в Иране в глобальной англо-французской борьбе в эпоху наполеоновских войн.

Представляют интерес и выводы автора этой записки, составленной не ранее 13 (25) июля 1806 г. или не позднее 3 (15) ноября 1806 г.:

«1. Необходимо заключить с Персией мир, не рассчитывая на верность персов своим обязательствам, с целью помешать их объединению с Портой;

2. Временно отложить на более благоприятное время план установления границы по Куре и Араксу;

3. Необходимо принять военные меры предосторожности на случай объединения турок с персами»¹⁸.

В июле 1806 г. ген. Гудович получил рекомендации российского министра иностранных дел А. Я. Будберга проявлять осторожность до разрыва отношений с Портой, удостовериться, нет ли тайных связей между шахом и султаном и не допустить их объединения, чтобы не воевать России на два фронта. А. Я. Будберг рекомендовал отправить к шаху в Тегеран доверенное лицо для заключения перемирия по принципу статус-кво, но без обсуждения вопроса о границах.

При этом министр считал возможным предложить на переговорах идею совместного выступления против турок русских и иранских войск, чтобы после поражения Турции вернуть Ирану провинции, завоеванные Портой.

После заключения перемирия министр иностранных дел считал возможным отправить в Петербург иранских дипломатов для заключения окончательного мира с установлением государственной границы по рекам Куре и Аракс, однако не учитывал при этом, что Порта сосредоточивала свои войска в районе Баязета и Эрзерума. Несветаев и другие генералы Кавказского корпуса считали,

что турецкое командование может опередить русских и овладеть Ереванским ханством, и в связи с этим предлагали не допустить этого и самим овладеть Ереванской крепостью²⁰. Однако этот план не соответствовал планам Александра I, который воевал в Европе, и, не желая воевать на двух фронтах в Азии, добивался перемирия с Ираном накануне войны с Турцией.

Потерпев поражение от русских войск летом 1806 г., шах решил выиграть время переговорами с Россией и Турцией, чтобы дожидаться французской помощи для возобновления войны в Закавказье. Осуществляя этот план, шах в июле 1806 г. отправил к султану Селиму и Наполеону своего посла казвинского губернатора Мирза-Мохаммед-Реза-хана, а к графу Гудовичу отправил 26 октября 1806 г. малоизвестного иранского дипломата Мирза-Мохаммед-Али под видом чиновника гилинского правителя Мирза-Муса²¹. В то время Иран добивался перемирия, а шах создавал видимость, что перемирия добивается подчиненный ему правитель Гилиана.

На неофициальных переговорах в Георгиевске Мирза-Мохаммед-Али пытался создать впечатление, будто русские просят мира. С этой целью он упрашивал Гудовича обратиться с ответом не к Мирза-Мусе, а к самому шаху, несмотря на то, что, по иранской версии, шах не должен знать об инициативе гилинского правителя. Отклоняя это предложение, Гудович заявил, что не имеет повода вступать в переговоры с Тегераном и потому ответил не шаху, а Мирза-Мусе. В письме, которое вскоре было послано в Гилиан, Гудович подчеркивал, что не хочет кровопролития и поддерживает стремление Ирана к миру, если он будет почетным для России и установит границы по Куре и Араксу²². В Министерстве иностранных дел России с удовлетворением отнеслись к этой переписке и разрешили Гудовичу изменить предъявленные им условия в зависимости от «податливости Тегеранского двора»²³. Вслед за этим Гудович получил рескрипт Александра I от 4 октября 1806 г., предлагавший не входить в переговоры о границах и заключить перемирие на следующих «прелиминарных условиях»: 1. Стороны прекращают военные действия. 2. Стороны сохраняют за собой занимаемые территории по принципу статус-кво. 3. До заключения мира пограничные конфликты решают комиссары сторон. 4. После заключения перемирия шах отправит в Пе-

²⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, 1806 г., д. 4259, ч. 4, лл. 147—152.

²¹ ВПР XIX и начало XX века, МИД СССР, Серия I, т. 3 (январь 1806—июль 1807 г.). М., 1963, с. 726.

²² АВПР, МИД. 1—10, 1806—1814, д. 3. Гудович—Мирза-Муса, 16 сентября 1806 г.

²³ Там же, Будберг—Гудовичу, 2 октября 1806 г.

¹⁷ См. Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958, с. 119—123.

¹⁸ ВПР XIX и начало XX века, Серия первая, т. 3. М., 1963, с. 727.

¹⁹ ВПР XIX и начала XX века, т. 3, 1963, с. 727.

тербург своего уполномоченного для заключения мира²⁴.

Показательно, что министр иностранных дел А. Я. Будберг пытался пересмотреть политику Александра в Иране. Вместо второго пункта рескрипта Будберг и Гудович предлагали установить границу по Араксу (от владения в нее Арпачая до слияния с Курой и далее по этой реке до ее устья), несмотря на то, что Ереванское и Нахичеванское ханства продолжали находиться под властью Ирана, а шах не собирался их уступать России без войны. Будберг предлагал еще «оставить» эти ханства за Ираном на период перемирия или до заключения мирного договора, с сохранением на местах иранской гражданской администрации, но с выводом из этих ханств иранских войск²⁵. В случае принятия этого плохо продуманного плана русско-иранская граница неизбежно становилась внутренней границей Ирана. Ясно, что до присоединения к России Ереванского и Нахичеванского ханств нельзя было рассчитывать на уступчивость Каджаров после занятия русскими войсками Дербента, Баку, Кубы. Между тем, перспектива использования посредничества гиланского правителя для установления контактов с Тегераном сводилась к минимуму из-за плохой связи и недостатка времени. Достаточно отметить, что Мирза-Мохаммед-Али из-за продолжительного шторма на Каспийском море только 24 октября отплыл из Астрахани на родину.

Ген. Гудович имел основание считать, что ответ из Гилана он получит не раньше второй половины декабря, когда может начаться русско-турецкая война. Поэтому вначале он собирался отправить в Гилан своего представителя для установления связи с Мирза-Мусой. Однако по представлению российского министерства иностранных дел было решено отправить к шаху в качестве русского уполномоченного адъютанта Гудовича, майора Степанова с предложением заключить перемирие. В Петербурге считали, что это покажет «умеренность российского двора», а при случае «самых персиян обратит против турок»²⁶. Иначе рассматриваются цели миссии Степанова в иранской историографии. Проф. Нафиси утверждает, что «Степанова отправили в Тегеран, потому что русские воевали с Наполеоном и были заинтересованы в мире»²⁷. Другой иранский историк проф. Бина замечает, что «Гудович решил заключить с Ираном мир или перемирие через несколько дней после того, как стало известно о большой битве при Эйлау, и с этой целью отправил Степанова в Тегеран». «Одна-

ко,—пишет Бина,—иранское правительство добивалось возвращения всех территорий, занятых русскими войсками в Закавказье, и потому миссия русского представителя успеха не имела, тем более, что Иран в то время вел сепаратные переговоры с Францией»²⁸.

Известно, что битва при Прейсиш-Эйлау произошла 8 февраля 1807 г., а майор Степанов был отправлен в Иран в середине декабря 1806 г. и 31 декабря уже находился в Тебризе. Проф. Бина и проф. Нафиси одинаково ошиблись, указывая, что Степанов находился в Иране с середины февраля 1807 г. Надо полагать, что оба они пользовались книгой Альфреда Гардана—сына наполеоновского генерала, который в 1865 г. писал, что Степанов находился в Иране с 16 февраля по 16 апреля²⁹, а Гардан отметил эту дату прибытия Степанова в Тегеран без учета его пребывания в Тебризе.

Нельзя не отметить также, что Гудович отправил своего адъютанта в Иран сразу после объявления русско-турецкой войны, чтобы не допустить заключения ирано-турецкого союза. Однако он мог отправить Степанова на 20 дней раньше, вместе с иранским дипломатом Мирза-Мохаммед-Али (24 октября 1806 г.). Не исключено, что Гудович допустил ошибку, когда отправил Степанова не к шаху, как было предписано ему Петербургом, а к первому визитю Мирза-Шефи. Кроме того, ген. Гудович обошел находившегося в Тебризе Аббас-мирзу, который был наследным принцем, фактически руководил армией и внешней политикой Ирана и был персоной более важной, чем Мирза-Шефи. Неудивительно поэтому, что Степанов был задержан в Тебризе в течение 20 дней.

Каджары стремились использовать пребывание Степанова в Иране, чтобы оказывать давление на Наполеона видимостью русско-иранского «сближения» и этим ускорить заключение франко-иранского союза и получение французской помощи. «Степанову не отказывали,—замечает по этому поводу Альфред Гардан,—по его и не принимали. Тянули время в ожидании окончания франко-иранских переговоров»³⁰.

Министр и наставник наследного принца Мирза-Бозорг часто встречался со своим «пленником» Степановым, говорил ему, что иранцы помирились с турками, сблизились с французами и ожидают их посланников, выражал недовольство ген. Гудовичем за

²⁴ АКАК, т. III, № 790.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, № 795.

²⁷ نفیسی سعید، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران در دوره معاصر، تهران، ۱۳۳۵، ص ۲۲۴

بینا علی اکبر، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران از گناباد تا ترکمنچای، تهران، ۱۳۳۳، ص ۲۲۴

²⁹ Mission du general Gardane en Perse sous le Premier Empire, Paris, 1865, p. 24.

³⁰ Там же.

то, что он нарушил традиции—ничего не написал Аббас-мирзе и не прислал ему подарков.

Только 4 января 1807 г. состоялась встреча Степанова с Аббас-мирзой. На аудиенции, продолжавшейся несколько минут, наследный принц ограничился расспросами о здоровье Александра I, Гудовича и самого посла. Не исключено, что, пригласив к себе Степанова, Аббас-мирза хотел показать, что русские доби-ваются мира и нуждаются в помощи.

По требованию шаха 20 января Степанов отправился в Теге-ран. Курьер из Тифлиса поручик Меликов передал ему в дороге новые инструкции главнокомандующего, который требовал сде-лать все, чтобы Мирза-Шефи не доверял ложным заверениям тур-ков и французоз.

Положение И. В. Гудовича было не из легких. 5 февраля 1807 г. он жаловался министру иностранных дел, что «без пере-мирия с Персией ему будет трудно изворачиваться»³¹.

В то время Александр I требовал от него наступательных операций на войне с турками и оборонительных с персами, не-смотря на то, что на Кавказе не хватало войск. К тому же шах вел переговоры с Портой о совместных действиях в Закавказье, а эрзерумский Юсуф-паша призвал пограничных турецких началь-ников с возобновлением военных действий в Ереванском ханстве итти на соединение с иранскими войсками.

Между тем Каджары не спешили с возобновлением военных действий. До заключения соглашения с Наполеоном в Финкенштей-не и поступления в Иран французской помощи тегеранский двор следил за ходом русско-турецкой войны и собирался возобновить военные действия в Закавказье только после того, как опреде-лится решающий перевес турецкой армии. К тому же шаху было небезопасно рассчитывать на помощь Юсуф-паши, так как турец-кие войска могли войти в Закавказье и вместо оказания помощи захватить там все то, что собирались удержать за собой Каджа-ры. Наконец, иранские солдаты не были приучены к ведению войны в зимних условиях. По этим причинам Каджары вели пе-реговоры с русским командованием. Это было нужно им еще и для того, чтобы русские войска сами не перешли в наступление.

В апреле 1807 г. Аббас-мирза написал Гудовичу, что согла-сился вести переговоры, а с приездом Степанова прекратил воен-ные действия, которые ему было выгодно продолжать. Степанова продержали в Иране около полугода. Мирза-Шефи говорил ему, что союз с Россией больше любого другого союза привлекает вни-мание Тегеранского двора³². Несмотря на это заявление, Каджа-

ры долго не отвечали на письмо, доставленное Степановым, и только в мае, когда был заключен франко-иранский договор в Финкенштейне, к ген. Гудовичу в Ахалцихский пашалык был послан иранский дипломат Мохаммед-бек.

Позиция Гудовича на переговорах с иранским послом опре-делялась предписанием министра иностранных дел Будберга от 21 апреля 1807 г., в котором указывалось, что требуемая Россией уступка Ереванского и Нахичеванского ханств нужна для уста-новления прочной границы и дружественного соседства, и что эта уступка не унижает для шаха, потому что Закавказье «не на-ходилось под его бесспорной властью»³³. После этого совершен-ной неожиданностью для И. В. Гудовича было переданное Мо-хаммед-беком контрпредложение Мирза-Шефи установить гра-ницу севернее Кизляра и Дагестана.

Этот вызов иранского правительства был не только следстви-ем сближения шаха с Наполеоном и турецким султаном, сделав-шим Каджаров несговорчивыми, но и ответной реакцией на не-удачные операции русских войск под Карсом и Ахалкалаки в марте—апреле 1807 г.

Поездка Мохаммед-бека в район военных действий говорила о том, что ему было предписано действовать по обстановке на ту-рецком фронте. По этой же причине иранец ограничился устным заявлением и не доставил И. В. Гудовичу письмо от Аббас-мирзы. Учитывая все это, И. В. Гудович написал Мирза-Шефи, что, ве-роятно, по вине Мохаммед-бека произошла ошибка, так как пе-реданные им претензии Ирана «не могут способствовать доброму согласию и миру». Наставляя на прежних предложениях, И. В. Гу-дович уверял, что турки добиваются союза с Ираном из-за своего бессилия и несмотря на то, что всегда были злейшими врагами персов. Поэтому они не предлагали Ирану своей помощи, а с на-чала русско-иранской войны не добивались ее прекращения. Те-перь же, когда со всех сторон их осаждают русские и англичане, султан ищет союзников, чтобы принести их в жертву и спасти себя. И. В. Гудович обратил внимание и на верность России сво-им обязательством перед союзниками: «Франция,—отметил он,—ведет войну со всей Европой, в то время как Россия воюет с французами не за себя, а ради своих союзников—англичан, ко-торые истребили французский флот»³⁴. Чтобы ускорить заключе-ние перемирия, которое и без того существовало де-факто, ген. Гудович внес в первоначальный проект перемирия поправку, ко-торая запрещала русским и иранским войскам форсировать Ку-

³¹ АКАК, т. III, № 929.

³² АКАК, т. III, № 814.

³³ АКАК, т. III, № 809.

³⁴ АКАК, т. III, № 812.

ру и Аракс до заключения мира³⁵. Правительство Мирза-Шефи отклонило и эту поправку и отказалось отправить в Шушу иранских дипломатов для заключения перемирия.

Русско-турецкая война оказывала негативное влияние на русско-иранские переговоры о перемирии и, поскольку эта война велась с переменным успехом, иранская дипломатия занимала выжидательную позицию. Решающий перелом в этой войне произошел в ночь на 18 июня 1807 г. в кровопролитном Арпачайском сражении, принесшем Гудовичу фельдмаршальский жезл.

Иранский историк А. А. Бина отмечает, что Аббас-мирза и Юсуф-паша договорились нанести комбинированный удар по Грузии двумя отрядами по 20 тысяч солдат каждый из района реки Арпачай³⁶. Однако сражение произошло только между русскими и турецкими войсками. Аббас-мирза находился недалеко от места боя и выжидал результатов. Его разведчики вели неслабое наблюдение за динамикой сражения и, когда поражение турок окончательно определилось, а Юсуф-паша, оставив на поле боя тысячу трупов, отступил к Карсу, Аббас-мирза решил не воевать и отошел к Нахичевани. Это было предательством в отношении его турецкого союзника, тем более, что отряд ген. Гудовича значительно уступал по численности своим противникам.

Пытаясь оправдать эту измену наследного принца, иранский историк А. А. Бина утверждает, будто Гудовичу было заранее известно о планах союзников, поэтому он опередил их и нанес поражение войскам сараскира прежде, чем они успели соединиться с иранскими войсками³⁷. Бина отмечает еще, что когда Аббас-мирза привел свои войска на помощь туркам, он увидел поражение своего союзника и потому, дескать, был вынужден отступить³⁸.

Бина ошибается и в оценке причин, приведших к этому злополучному союзу. Он заявляет, что ирано-турецкое соглашение о совместном выступлении было следствием заключения Гильзитского мира, несмотря на то, что этот мир был заключен 8 июля 1807 г., а сражение у Арпачая (вблизи селения Малый Каралис) произошло на 20 дней раньше—18 июня и потому никак не могло быть следствием этого договора.

Арпачайское сражение заставило иранскую дипломатию активно маневрировать.

Гудович был уверен, что «Арпачай» сдвинет с места перегово-

воры с Ираном, так как Аббас-мирза поздравил его с победой³⁹, обещал не препятствовать русско-иранской торговле и урегулировать пограничные споры. Однако к переговорам для заключения перемирия наследный принц предлагал приступить только после того, как стороны будут знать условия будущего мира. Аббас-мирза говорил еще, что не видит разницы между миром и перемирием и спрашивал у Гудовича, что будет иметь Иран в том, и в другом случае; на каких условиях дружбы предлагается встреча уполномоченных и какие предложения собираются сделать иранскому правительству, чтобы их уполномоченные заключили мир⁴⁰.

После Арпачайского сражения Степанов был отозван на Кавказ. Сопровождавшему его чиновнику наследного принца Багир-беку, посланному с разведывательной целью, Гудович сказал, что персы настоящей драки еще не видели, а турки, разбитые без больших русских потерь, так же, как и французы, хотят, чтобы иранцы положили за них свои головы.

Не вступая в переговоры с Багир-беком, И. В. Гудович отправил в Тебриз к Аббас-мирзе капитана Вологодского мушкетерского полка Дублянского с проектом перемирия.

В тексте этого проекта, хранящегося в ЦГИА Грузинской ССР, говорится: «Прежде всего нужно прекратить неприятельские действия и сделать перемирие... причем все области и земли оставаться должны в теперешнем положении, а по заключении перемирия избранные чиновники отправлены будут до Москвы и далее в Санкт-Петербург. Там они приступят к трактованию о полном мире и постановлении границ»⁴¹.

Между тем Аббас-мирза и его каймакам Мирза-Бозорг и на этот раз не спешили с ответом. Русские настойчиво предлагали, а персы не менее упорно воздерживались от ответа, чтобы сохранить видимость дипломатических контактов для продления фактического перемирия, которое продолжалось полгода. Были и другие, более веские причины. После заключения 4 мая 1807 г. Финкенштейнского (франко-иранского) договора Каджары рассчитывали на получение французской помощи для продолжения русско-иранской войны в Закавказье, однако 7 июля 1807 г., когда ген. Гудович отправил Аббас-мирзе проект перемирия, в Тильзите был заключен мир между Наполеоном и Александром I. После этой измены французского императора Финкенштейнский договор

³⁹ «Присоединение Восточной Армении к России». Сборник документов, т. I (1801—1803), Ереван, 1972, с. 41.

⁴⁰ АКАК, т. III, № 810.

⁴¹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, оп. I, 1807 г., д. 102, лл. 24—27; «Присоединение Восточной Армении к России», сборник документов, т. I (1801—1813), Ереван, 1972, № 367, с. 418—419.

³⁵ АКАК, т. III, № 797.

³⁶ «بیضا علی اکبر، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران، تهران، ۱۳۳۴، ص ۳۴»

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

«повис в воздухе», а Бонапарт написал Фатх-Али-шаху, что «у них остался лишь один враг—Англия», против которой предлагал «вместе воевать»⁴².

2. РОЛЬ ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В РАЗВЯЗЫВАНИИ РУССКО-ИРАНСКОЙ И РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙН

Великая французская буржуазная революция 1789—1794 гг. оказала решающее влияние на ход мировой истории, изменила соотношение сил на мировой арене и привела к наполеоновским войнам в Европе. В. И. Ленин писал: «Войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционные: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся крупных жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»⁴³.

Французскому гегемонизму противостояла капиталистическая Англия, крупнейшая торговая и колониальная держава, добивавшаяся мирового господства.

Ожесточенная борьба Англии и Франции за господство в Европе и Азии была основным содержанием международных отношений в начале XIX в. В соответствии с решением Директории от 12 апреля 1798 г. «Об изгнании англичан из всех восточных владений», Наполеон вел обширную переписку с правителями Ирана, Турции, афганских и индийских княжеств. Особое внимание уделялось Ирану и Закавказью, расположенных на перекрестке мировых торговых коммуникаций, имевших военно-стратегическое значение. 28 сентября 1803 г. Наполеон предписал своему министру иностранных дел: «Я желал бы возобновить отношения с Персией»⁴⁴, несмотря на то, что обстановка в Европе была весьма напряженной. На берегу Ла-Манша в Булони Наполеон сосредоточил войска и готовился форсировать пролив, чтобы высадить десант на Британских островах. Нарушая границы, установленные Люневильским и Амьенским договорами, Наполеон

⁴² غیسی سعید، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران در دوره معاصر، تهران، ۱۳۳۸، ص ۲۲۸-۲۲۹.

⁴³ Ленин В. И. О брошюре Юнгуса.—Полн. собр. соч., т. 30, с. 5—6.

⁴⁴ «Correspondance de Napoléon I», t. IX, 7135.

продолжал перекраивать карту Европы⁴⁵. Франция закрепила свое господство в Италии, Швейцарии и Голландии и отклонила предложение Александра I вывести из этих стран французские войска. В итоге в 1803 г. русско-французские отношения обострились настолько, что французский посол Эдувиль был отозван из Петербурга.

С начала русско-иранской войны (1804—1813 гг.) Наполеон приказывает Талейрану собрать депеши Руссо об Иране и выяснить роль, которую играет там Англия, требует найти все, что напечатано об Иране в петербургских газетах; запрашивает о переводчиках, знающих персидский язык⁴⁶; указывает министру иностранных дел «... отправить в Персию врача или ученого под предлогом изучения растений»⁴⁷.

В марте 1804 г. французскому послу в Константинополе Брюну и консулу в Багдаде Руссо было указано «подготовить условия для прибытия в Тегеран французского посла»⁴⁸. Руссо, в свою очередь, через подкупленного им исфаганского шейх-уль-ислама Мирза-Мортеза информировал шаха об этом намерении Наполеона.

Назначенный для поездки в Иран переводчик Бонапарта А. Жобер готовился в дорогу, когда было получено письмо шаха, в котором сообщались ложные сведения о разгроме русских войск в Закавказье и выражалась надежда, что иранские и французские войска встретятся в России.

В армянской историографии утвердилось мнение, будто шах написал это письмо Наполеону по совету армянского католикоса Давида во время их встречи в Эчмиадзине в сентябре 1804 г. Иранский военный историк Джамиль Гузанлу опровергает эту версию. По его словам, регулярные связи Наполеона с шахом были установлены задолго до этой эчмиадзинской встречи и первой русско-иранской войны, что подтверждается, в частности, пребыванием в Штабе армии Аббас-мирзы группы французских штабных офицеров во главе с полковником Марше⁴⁹.

Послание Наполеона шаху было сводом наставлений: «Ты не будешь доверять советам нации купцов, торгующих в Индии жизнью и коронами владык. Ты противопоставишь мужество своего

⁴⁵ Всемирная история, т. VI, М., 1959, с. 92.

⁴⁶ «Correspondance de Napoléon I», t. X, № 8453.

⁴⁷ «Correspondance de Napoléon I», t. IX, № 7763.

⁴⁸ Там же, № 7619.

⁴⁹ قوزابلو جمیل، تاریخ نظامی ایران، جلد دوم، تهران، ۱۳۱۵، ص ۷۱.

народа набегам России и мы возобновим дружбу и торговлю наших государств»⁵⁰.

7 марта 1805 г. Жобер отправился в Иран. Через месяц Наполеону была отправлена депеша из Алеппо французского консула Коранса, который 19 декабря 1804 г. подтвердил сделанное шахом предложение о союзе. Судьбу этого союза Наполеон не хотел доверять Жоберу, жизнь которого постоянно находилась в опасности.

30 марта 1805 г. Наполеон написал шаху: «Я решил отправить в Персию своего представителя,—уведомляя император,—с еще большими полномочиями, чем у первого»⁵¹. Через неделю Талейран получил приказание отправить в Тегеран поверенного в делах в Корфу и одного из адъютантов Наполеона Ромье и принять меры для организации в пути безопасности обоих французских дипломатов. Жобер и Ромье имели одинаковые инструкции и должны были встретиться с шахом и султаном, чтобы передать им письма с предложениями Наполеона.

Русские и английские дипломаты пытались сорвать миссию французов.

Когда Жобер приехал в Константинополь, русский посол Италинский всячески препятствовал его работе. Француз добивался аудиенции у султана Селима III, чтобы передать ему письмо Бонапарта, где говорилось о «русской угрозе» и предлагалось помогать Ирану в войне против России.

Италинский энергично протестовал, и Жобер был вынужден встретиться с султаном во время его загородной прогулки.

В середине мая 1805 г. Жобер и Ромье встретились в Константинополе.

Ромье был принят верховным визирем, затем оставил Жобе-ра в турецкой столице, а сам отправился в Иран окружным путем. Быстрой ездой он надеялся сбить с толку следивших за ним англичан, однако в условиях бездорожья потерял много времени и только 14 июля прибыл в Алеппо. Отсюда Ромье в сопровождении французского вице-консула в Багдаде Жоржа Утрея и переводчика выехал в Мосул, чтобы через Хамадан и Казвин добраться до иранской столицы. Английский консул в Алеппо Баркер с помощью начальника мосульского гарнизона пытался организовать убийство Ромье, однако агент Баркера, следовавший по пятам французов, был арестован в Урфе и провалил операцию, после чего она приняла широкую огласку⁵².

На торжественной аудиенции у шаха Ромье передал письмо

⁵⁰ «Correspondance de Napoléon I», t. X, Nr. 8329.

⁵¹ «Correspondance de Napoléon I», t. X, Nr. 8502.

⁵² АВПР, МИД. Канцелярия, 1805 г., д. 2250, л. 350 об.—351; 1806 г.,

Наполеона. В персидском тексте этого письма, опубликованном проф. М. Махмудом, в частности, говорится: «Иран—знаменитое государство Азии. Франция—первая империя Запада, а англичане живут на острове, который меньше твоей самой маленькой провинции, и потому всеми силами стараются удержаться в Индии. Твои храбрые подданные умеют защищаться, но сегодня они еще не устоят перед 25-тысячной иностранной армией, которая сможет разбить твои войска и даже покорить Персию. Однако когда твои подданные научатся изготавливать оружие, а твои войска станут подвижными, смогут быстро сосредоточиться и строить боевые порядки, когда твои солдаты научатся использовать на войне огонь подвижной артиллерии, и, наконец, когда твои границы будут охраняться цепью крепостей, а на Каспийском море будет развеваться флаг иранской флотилии, ты будешь иметь неприступное государство и непобедимый народ. Я всегда хочу иметь с тобой полезные и выгодные связи»⁵³. Основное содержание этого письма совпадает с французским текстом, приведенным в Корреспонденциях Наполеона, что говорит о его достоверности. Однако нельзя не заметить, что в литературе упоминается другое письмо, доставленное шаху Ромье, которое мы условно назовем вторым.

«Как только шах Ирана расторгнет договор 1801 года,—говорится в этом письме,—и откажется от союза с Англией, император отправит в Тегеран посла, подпишет с шахом договор о союзе, а для возвращения Ирану Грузии и других областей Закавказья отправит в Иран деньги и войска, чтобы вместе с армией шаха они воевали против России»⁵⁴. Эти два письма отличаются по содержанию. Первое носит общий характер, а второе предполагает немедленные действия: разрыв с Англией, помощь деньгами и войсками, прямое участие Франции в войне в Закавказье.

Прежде всего вызывает подозрение, что письмо это было опубликовано отдельно, хотя и считается частью или продолжением первого. Напомним еще, что Наполеон в одной из своих корреспонденций указывал, что «Ромье должен быть очень сдержан, однако в разговоре с шахом и его министрами он скажет, что я хочу вступить с ним в союз»⁵⁵. Это означает, что предложения Наполеона были сделаны устно и в сдержанной форме, а не в письме. Содержание тегеранских переговоров Ромье подтверждает

д. 2258, л. 182—184; Цит. по книге: Иоаннисян, А. Р. Присоединение Закавказья к России, с. 95—96.

⁵³ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس...، ص ۴۱-۳۹

⁵⁴ Там же, с. 37.

⁵⁵ «Correspondance de Napoléon I», t. X, № 8535.

ет английское происхождение этой версии. Не оставляет в этом сомнения и английский историк Раулинсон. Он не делает секрета из того, что содержание этого документа стало известным «по сведениям, полученным в Индии»⁵⁶, а не в Тегеране или в Париже, как можно было ожидать.

В иранских хрониках отмечается, что «двор Фатх-Али-шаха торжественно принял Ромье, несмотря на то, что француз не имел полномочий заключить договор, и поэтому не мог помочь Ирану в войне с Россией. «Только впоследствии,—говорится далее в письме,—стало ясным, что Ромье прибыл в Иран только для изучения этой страны и выяснения той пользы, которую Франция могла бы извлечь от союза с Ираном»⁵⁷.

Ромье, несомненно, выполнял ограниченную задачу и в основном добивался согласия шаха на установление официальных дипломатических отношений, прерванных миссией Малькольма.

Переговоры с Ромье проходили в условиях напряженных англо-иранских отношений.

Ограниченные размеры английской помощи все больше сводили к минимуму значение англо-иранского договора.

По замечанию английского историка Кэя, англо-иранские отношения «были загнаны в тупик»⁵⁸, а Наполеон в этих благоприятных для себя условиях не решился заполнить образовавшийся в Иране вакуум—завязал персиску с шахом и осаждал его двор своими эмиссарами.

Несмотря на все это, полного разрыва между Ираном и Англией не произошло. «В течение 1805 г.,—отмечает проф. М. Махмуд,—шах не рвал своих отношений с англичанами и все надеялся, что Англия быстрее и больше, чем Франция, поможет Ирану»⁵⁹. С этим мнением нельзя не согласиться, несмотря на возражение Л. С. Семенова: «Франция предложила Ирану более выгодные условия, чем Англия, и потому шах согласился на союз»⁶⁰.

В то время шах не отказывался от помощи Англии. Однако в то же время он хотел воспользоваться пребыванием в Тегеране Ромье, чтобы угрожать Англии сближением с Францией. С этой целью он посылает запросы в Бомбей и Багдад; требует у Ан-

глии денег и вмешательства в войну против России⁶¹. Однако Англия, поглощенная интересами третьей антинаполеоновской коалиции, остается непреклонной и на этот раз. По поводу этой английской политики М. Махмуд заметил: «Выяснилось, наконец, что договор с Малькольмом был предназначен не для борьбы с Россией, а для англо-русского сближения и дружбы»⁶¹. В подтверждение этого автор цитирует заявление британского министра иностранных дел о том, что «Англия не предпримет каких-либо шагов без консультаций с Александром I»⁶², и с сожалением говорит, что при таком согласии, а также в условиях, когда на глазах у англичан дипломаты Наполеона осаждали тегеранский двор, было невозможно, чтобы англичане стали врагами русских из-за Ирана или из-за какого-нибудь договора, подобного тому, что заключен с Малькольмом⁶³.

М. Махмуд не осуждает Каджаров за их завоевательную политику в Закавказье, а неудачи Ирана в отношениях с Англией объясняет неосведомленностью и оторванностью иранской дипломатии от международных отношений в Европе.

По мнению этого иранского историка, накануне русско-иранской войны в Иране не знали о существовании Амьенского мира, прервавшего на год англо-французскую войну, а затем не разобрались и в англо-русском союзе, который был направлен против Наполеона и сделал невозможным, чтобы Англия помогала Ирану без согласия России⁶⁴.

На 18-й день пребывания в Тегеране Ромье и его спутники были отравлены в шахском дворце на аудиенции 11 октября 1805 г.

Обстоятельства и причины, из-за которых Ромье, Жорж Утрей и их переводчик были отравлены на приеме у шаха, весьма запутанны и до конца не выяснены. Материалы показывают, что переговоры с Ромье не проходили гладко, так как Наполеон не предоставил Ромье полномочий для заключения договора⁶⁵, и с его помощью создавал видимость, что собирался заключить соглашение, чтобы Иран продолжал войну.

Не исключено, что после этого Каджары отказались от своего первоначального предложения и первыми согласились отправить к Наполеону посла, которого, в отличие от Ромье, собирались наделить широкими полномочиями.

⁶¹ Rawlinson H. England and Russia in the East, p. 14.

⁶² محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۴۱.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, с. 41.

⁵⁶ Rawlinson H. England and Russia in the East ..., p. 16.

⁵⁷ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۴۱.

⁵⁸ Kaye J. W. History of the war in Afghanistan, vol. I., L., 1878, p. 40.

Rawlinson H. England and Russia in the East, L., 1875, p. 17.

⁵⁹ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۴۱.

⁶⁰ Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в., ЛГУ, 1963, с. 17.

После первой аудиенции Ромье не мог не убедиться, что шах стремился выиграть время для того, чтобы узнать, как будут реагировать англичане на его переговоры с Францией, и повлияет ли эта угроза на англо-иранское сближение и получение английской помощи. Написав об этом в Багдад Жозефу Руссо, Ромье не ошибся в своих предположениях, так как был отравлен меньше чем через две недели.

После неудавшегося мосульского покушения англичан на Ромье Каджары могли предвидеть, что смерть Ромье будет приписана козням англичан, а Каджары не понесут ответственности.

Прежде всего вызывает подозрение, что Ромье и его переводчик умерли на следующий день после аудиенции у шаха, а Утрей после этого долго находился при смерти. Следовательно, факт умерщвления французов Каджарами не вызывает сомнения. К тому же это отравление было преднамеренным убийством, так как кроме французов никто из присутствовавших иранцев не отравился, и никого за убийство Ромье иранцы не наказали. Заметим еще, что на аудиенции 11 октября не было ни одного англичанина. Стало быть, французов отравили персы, за действия которых шах нес личную ответственность. Если даже эти персы были подкуплены англичанами, то и в этом случае трудно представить, чтобы они решились отравить французских дипломатов во дворце шаха, в присутствии шаха, но без его ведома. Ясно, что и в этом случае сами иранцы легко обнаружили бы убийц. Это означает также, что если английские дипломаты убили Ромье и его сотрудника, то Каджары, по меньшей мере, были их соучастниками.

Не исключено, что ценой крови двух французов шах принес вероломное доказательство своей «верности» англо-иранскому договору 1801 года, чтобы таким путем ускорить получение английской помощи. Неслучайно после убийства Ромье шах отправил в Индию своего посла для получения английской помощи.

В Иране могли ожидать, что убийство Ромье приведет к выгодным последствиям и в отношениях с Францией—ускорит заключение договора и обеспечит помощь Наполеона. Во всяком случае, из писем, поступивших из Парижа, было известно, что другой французский дипломат тоже направляется в Иран. И пока он находился в дороге, шах мог рассчитывать, что после смерти Ромье Англия на что-нибудь да решится, а с Францией можно будет договориться и с помощью Жобера. Случилось, однако, так, что, вопреки ожиданиям шаха, Англия не предоставляла помощи. По этой причине в Иране возрос интерес к миссии Жобера, который упорно пробивался к Тегерану, несмотря на преследования англичан и репрессии турецких властей.

В Константинополе Жобер объявил, что он возвращается во Францию, а сам под чужим именем Жозефа Алье предположительно 30 мая 1805 г. отплыл в Трапезунд.

Из Трапезунда Жобер и сопровождавшие его лица отправились «в паломничество» в Эчмнадзин, однако вблизи Баязета были задержаны губернатором этого города Махмуд-пашой, который по требованию англичан учинил кровавую расправу: Жобера бросил в подземелье баязетской крепости, а сопровождавших его лиц подверг мучительной казни⁶⁷.

По составленной Жобером легенде, француз следовал к католикосу в Эчмнадзин, а письмо на имя католикоса могло быть использовано им для прикрытия этой легенды.

В то время в Западной Армении не прекращались пограничные конфликты, а находившийся на турецкой службе курдский хан Махмуд-паша мог заподозрить связь между этим письмом, адресованным католикосу, и армяно-курдскими столкновениями, тем более, что Франция обещала тогда свое покровительство армянам, а французская дипломатия использовала влияние французской революции для переманивания на французскую дипломатическую службу отдельных коммерсантов, связанных с французским рынком, и офицеров корпуса В. Зубова, недовольных отменой персидского похода, поскольку народы Закавказья связывали с этим походом свое освобождение от иранского господства.

Туркам, не меньше чем англичанам и русским, не нравилось франко-иранское сближение. Поэтому, когда Жобер находился в подземелье, англичане добивались его умерщвления, русское командование на Кавказе пыталось его похитить, турецкие власти Баязета собирались его продать, а Эчмнадзинский католикосат—освободить.

Аббас-мирза также, как и католикос Давид, действительно ходатайствовал за Жобера, в том числе и перед эрзерумским сараскиром Юсуф-пашой⁶⁸, который сыграл далеко не последнюю роль в освобождении французского пленника. Однако не это позволило Жоберу довести до конца свою миссию. Сам он по этому поводу писал, что из заточения его освободила победа французов в битве при Аустерлице (2 декабря 1805 г.), после которой султан Селим стал сближаться с Наполеоном.

В рапорте Жобера императору об итогах его поездки в Иран изложено содержание его переговоров с Фатх-Али-шахом. «Во всех беседах,—пишет Жобер,—шах неизменно выражал одни и те же чувства: восхищение французами и всемогуществом Напо-

⁶⁷ Jaubert P. A. Voyage en Arménie et en Perse, Paris, 1821, p. 93.

⁶⁸ Там же.

леона, ненависть к русским и недовольство англичанами»⁶⁹. Жобер сообщает о согласии шаха заключить с Наполеоном союз, не заключать мира с Россией без ведома и участия французского императора, который не вступит ни в какие переговоры с Россией, не приняв во внимание интересы шаха⁷⁰. Жобер отмечает также, что шах взял на себя обязательство использовать все имеющиеся у него средства для организации в Индии восстания многочисленных врагов Англии.

Профессор Тебризского университета Ахмед Таджбахш отмечает, что шах заявил еще Жоберу, что он «не только позволит французской армии пройти в Индию по иранской территории, но и сам готов участвовать в этом походе»⁷¹.

Иранский историк доктор М. Афшар отмечает, что на заключительной аудиенции 12 июля шах просил передать Наполеону абсурдный послевоенный план, по которому предлагалось «произвести раздел России на зоны Франции, Турции и Ирана и возвести одного из братьев французского императора на трон русского царя»⁷².

Жобер закончил свой рапорт словами шаха: «Скажите великому Бонапарту, что с этого момента его интересы являются интересами шаха, его наследника, народа и армии, которые смотрят на Наполеона, как бедуна в пустыне смотрит на звезду, возвещающую наступление дня»⁷³.

С помощью Франции шах надеялся завоевать Грузию, а у Османской империи отнять Багдад и всю Месопотамию, несмотря на то, что Наполеон хотел образовать тройственный франко-турецко-иранский союз против России и Англии. Участие Порты в этом союзе с самого начала осложнилось враждой между шахом и султаном, которые создавали конфликты на своих границах, и лишь после давления, оказанного французским послом в Константинополе, начали переговоры о союзе⁷⁴.

Так как Жобер заболел от перенесенных в пути трудностей, шах поспешил отправить француза в обратный путь и выделил для сопровождения врача, к которому был приставлен евнух. По-

следнему было приказано убить этого врача, если Жобер умрет в дороге⁷⁵.

Успехи французских войск под Аустерлицем 2 декабря 1805 г., победа французского влияния в Турции, объявившей в 1806 г. войну России, а в 1807 г.—Англии, а также операции русских войск в Закавказье и нежелание Англии помогать Ирану заставили шаха стать «другом друзей и врагом врагов Наполеона»⁷⁶.

Еще в июле 1806 г. Фатх-Али-шах отправил к Наполеону своего посла казвинского беглярбека Мирза-Мохаммед-Реза-хана (Мирза-Реза) для заключения союза против России и Англии, так как русские войска заняли Дербент, Гянджу и Баку, а англичане не предоставляли помощи. Казвинского губернатора сопровождал старший сын шаха, наместник Керманшаха Мохаммед-Али-мирза (а не сын Аббас-мирзы, как ошибочно указывает иранский проф. М. Махмуд)⁷⁷. Этот принц придавал большой вес иранской миссии, так как был персоной более важной, чем посол Мирза-Мохаммед-Реза-хан.

В ноябре 1806 г. иранская делегация прибыла в Константинополь. Одна из главных ее целей состояла в нормализации ирано-турецких отношений накануне русско-турецкой войны, обострившихся вооруженными столкновениями в Курдистане.

Включение в иранскую делегацию принца Мохаммед-Али-мирзы, принявшего непосредственное участие в этом конфликте, должно было облегчить достижение соглашения на переговорах с великим визирем, которому была вручена жалоба иранского правительства на враждебную деятельность багдадского пашы.

По сообщению Н. Дубровина, иранский посол дезинформировал Порту ложной информацией о «блестящих операциях 20-тысячной армии Аббас-мирзы в Карабахе»⁷⁸, несмотря на то, что отряды генералов Пегольсина, Карягина, Лисаневича при активной поддержке карабахских армян 28 октября 1806 г. вблизи деревни Карабаба отразили атаки персов, потерявших 300 человек убитыми, и обратили их в бегство, а герой этой кровопролитной битвы подполковник Котляревский занял Нахичеванскую крепость⁷⁹.

⁶⁹ Лависс и Рамбо. История XIX века, т. 2, М., 1938, с. 439.

⁷⁰ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس، ص ۴۲

⁷¹ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس، ص ۴۰

⁷² См. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 5, СПб., 1887, с. 112.

⁷³ См. ген. Шишкевич. Персидские и кавказские войны. В св.: «История русской армии и флота», М., 1911, с. 47.

⁶⁹ Jaubert P. A., Voyage en Arménie et en Perse, 1821, p. 223.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ احمد تاج بخش، روابط ايران و روسيه در نيمه اول قرن نوزدهم، تبريز، ۱۳۳۷، ص ۲۹

⁷² Afshar. M. La politique europeenne en Perse, Berlin, 1921, p. 18.

⁷³ Jaubert P. A., Voyage en Armentie et en Perse, 1821, p. 351.

⁷⁴ См. Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар, М.—Л., 1948, с. 150.

В Константинополе Жобер согласился организовать встречу иранской делегации с Наполеоном в Восточной Европе. Вместе они отправились в Польшу, где предполагали заставить Наполеона. Однако в феврале 1807 г. возобновились военные действия. После битвы при Прейсиш-Эйлау Наполеон вернулся в Варшаву и 14 марта отправил шаху письмо, в котором предлагал воспользоваться переброской русских войск с Кавказского фронта на Запад и решительно атаковать «обесспленных русских»⁸⁰.

В это же время французский посол в Константинополе Себастиани, выполняя предписание Наполеона «серьезно заняться сообщением с Ираном»⁸¹, отправил в Тебриз капитана инженерных войск Бонтана и Огюст-де Нерсия, приступивших к обучению войск Аббас-мирзы, а в Тегеран — племянника Талейрана, секретаря французского посольства в Константинополе Ла Бланша⁸².

Появление в Иране французских офицеров, активная переписка шаха с Наполеоном, а также миссия иранского посла Мирза-Мохаммед-Реза-хана вызвали сильнейшее беспокойство в Англии. В письме Малькольма на имя генерал-губернатора Индии (от 23 октября 1806 г.), опубликованном английским историком Керзоном, предлагалось оказать давление на внешнюю политику Фатх-Али-шаха путем «оккупации английским флотом иранских портов Персидского залива»⁸³. Показательно, что эту агрессивную акцию Малькольм считал «необходимой мерой, предназначенной «спасти владения шаха»⁸⁴.

Несмотря на сближение с Францией, Фатх-Али-шах продолжал заигрывать с английскими властями в Индии. В мае 1806 г. он отправил в Бомбей своему послу Мохаммед-Неби-хану открытый фирман (открытый для того, чтобы с ним ознакомились англичане), в котором сообщал «о прибытии в Иран представителей Франции и предлагал добиваться английской помощи против России на базе дружественного англо-иранского договора»⁸⁵. Опубликовавший этот шахский фирман иранский историк проф. А. А. Бина замечает, что «обращение Ирана к индийским властям снова не достигло цели, так как новый вице-король Индии лорд Минто к иранским делам относился недружелюбно»⁸⁶. «Такое от-

ношение, — отмечает далее А. Бина, — было вызвано печальным для Наполеона исходом англо-французской войны в Египте и Сирии, после чего Англия утратила интерес к союзу с Ираном, тем более что французский план индийского похода через Ближний и Средний Восток был разрушен, а Россия вместе с Англией находилась в антинаполеоновской коалиции»⁸⁷. Только в конце марта 1807 г., когда Наполеон выехал в Восточную Пруссию⁸⁸, Мирза-Мохаммед-Реза-хан известил Бонапарта о своем приезде и просил конфиденциальной аудиенции. К этому времени были получены новые письма шаха Наполеону. В одном из них говорилось, что Мирза-Мохаммед-Реза-хан облачен его полным доверием и что посла уполномочили «согласиться со всем, что будет приемлемо Наполеону для заключения союза, который по воле бога будет вечным, как время»⁸⁹. Однако император не спешил с переговорами с Мирза-Мохаммед-Реза-ханом и принял его только 27 апреля — после того как турецкие войска вступили в дунайские княжества, а Наполеон обратился к Селиму III и Фатх-Али-шаху с одинаковым призывом объединиться, покончить и позabyть разделяющие их споры и сделать все, чтобы Иран стал другом Турции и чтобы они вместе противостояли России. Наполеон просил еще султана направить к нему из Берлина турецкого посла для заключения тройственного союза, а шаху еще 17 января 1807 г. написал, что Россия будет вынуждена бороться против трех могущественных империй, и поэтому необходимо, чтобы Франция, Турция и Иран «сговорились и заключили вечный союз»⁹⁰.

План заключения тройственного франко-ирано-турецкого союза был подробно изложен в первоначальном проекте инструкции ген. Гардану. «Фатх-Али-шах, — говорится в этом документе, — с начала своего правления признал пользу тройственного союза с Францией и Турцией и предложил туркам объединить их силы, однако империя османов не захотела нарушить мира с Россией. Теперь же положение изменилось, и шах отправил к нам своего посла, который уполномочен заключить с Францией и Турцией союз, условия которого вы заставите соблюдать»⁹¹. Инструкция

⁸⁰ علی اکبر بیضا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۰۶

⁸¹ Correspondance de Napoléon Ier, t. XIV, № 12024.

⁸² علی اکبر بیضا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۱۳—۱۱۴

⁸³ Curson G. N., The Persia and Question, London, 1892, v 2, p. 449—450

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ علی اکبر بیضا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۰۶

⁸⁶ Там же, с. 105.

⁸⁷ علی اکبر بیضا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ص ۱۰۵—۱۰۶

⁸⁸ Correspondance de Napoléon Ier, t. XV, № 12475.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Correspondance de Napoléon Ier, t. XIV, № 11651.

⁹¹ Correspondance de Napoléon Ier, t. XV, № 12278.

предписывала Гардану «придать персам новую энергию на войне с русскими и добиться искреннего сближения Турции с Ираном. Несмотря на то, что между ними никогда не было настоящей дружбы, общая опасность может и должна их объединить»⁹². В ожидании турецкого посла Наполеон издал приказ о назначении бывшего начальника французской полиции Гардана полномочным посланником в Иране, и только 26 апреля послы шаха и султана были приглашены в замок Финкенштейн, где находилась резиденция Наполеона. Послы были радушно приняты, однако груз старинной вражды давил на них и намечавшийся союз был неожиданно провален. После этого было принято компромиссное предложение Жобера заключить два отдельных договора—франко-иранский и франко-турецкий, а поездка Гардана в Иран была временно отложена до составления новой инструкции.

«Варшавский» вариант инструкции уже не соответствовал новой обстановке, так как исходил из предположения, что в Финкенштейне будет заключен тройственный союз. Создание такого союза в новых условиях не исключалось, однако Наполеон теперь уже признавал, что в борьбе против России он «хочет добиться если не союза между Ираном и Турцией, то хотя бы мира между ними»⁹³. Показательно, что Наполеон предлагал придать войне против России религиозный характер. «Пусть Турция и Иран выставят России одинаково ненавидящую всех мусульман, как сторонников Али, так и сторонников Омара»⁹⁴,—предписывалось Гардану за два месяца до Тильзитского мира, провозгласившего «дружбу» двух императоров. В наполеоновской дипломатии по-прежнему преобладали вероломство и лицемерие. Во всяком случае, франко-иранский договор, заключенный в Финкенштейне 4 мая 1807 г., довольно скоро испытал на себе эти особенности французской внешней политики.

Договор, подписанный в Восточной Пруссии под Финкенштейном 4 мая 1807 г. министром Наполеона Маре, а с иранской стороны—принцем Мохаммед-Али-мирзой и послом Мирза-Мохаммед-Реза-ханом, состоял из 16 статей и был направлен, главным образом, против России и Англии. Уже первая статья наряду с традиционным «миром и дружбой» провозгласила «вечный союз императора Франции с шахом Ирана»⁹⁵. Однако буквально за 2 месяца этот мыльный пузырь вечности лопнул в Тильзите. На-

полеон уже отказался от всего того, что им же было провозглашено 4 мая в 3 и 4 статьях Финкенштейнского договора, которые мы полностью приводим в нашем переводе из официального персидского текста, опубликованного иранскими историками проф. М. Махмудом и проф. С. Нафиси:

ماده سوم—اعلیحضرت امپراطور فرانسویان و پادشاه ایتالیا
گرجستان را حقا متعلق با اعلیحضرت پادشاه ایران میدانند (۱)
(Статья 3: Император Франции и король Италии считают, что Грузия по праву принадлежит иранскому шаху)⁹⁶.

ماده چهارم—اعلیحضرت امپراطور فرانسویان و پادشاه ایتالیا
متعهد میشوند که تمامی مساعی خود را در مجبور ساختن روسها به
تخلیه گرجستان و خاک ایران صرف نمایند و برای تحصیل این اراضی
در بستن عهدنامه صلح مداخله کنند تحلیه این اراضی همه وقت منظور
سیاست و پیشنهاد نظر عنایت او خواهد بود. (۲)

(Статья 4: Император Франции и король Италии соглашаются сделать все, чтобы принудить Россию оставить Грузию и территорию Ирана, и эти приобретения зафиксировать в мирном договоре. Освобождение этих территорий всегда будет в центре его политического внимания)⁹⁷.

В случае возвращения Грузии Каджарам шах обязался передать Франции в полную собственность остров Харк в Персидском заливе (ст. 17), на который, как известно, претендовали англичане.

Выясняется еще, что Наполеон обязался заставить Россию вернуть Каджарам не только Грузию, но и всю ту территорию, которая в договоре называется «иранской» и которая отошла к России до мая 1807 г., в том числе и в первые три года русско-иранской войны.

Вопрос этот отражен и во второй статье, однако имеется несоответствие ее содержания в персидском и французском текстах. В персидском тексте второй статьи Наполеон гарантировал обеспечить суверенитет иранского государства⁹⁸ без указания его границ, а во французском тексте и в отдельных русских переводах этой второй статьи говорится, что Наполеон гарантировал безо-

⁹² «Correspondance de Napoléon», t. XV, № 12278.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران، ص ۹۸-۹۱

محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۴۵

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران، ص ۹۸-۹۱

пасность Ирана в границах 1807 г.⁹⁹, то есть на основе статус-кво.

Здесь нельзя не заметить противоречия, поскольку в третьей и особенно в четвертой статьях Франция считала Грузию принадлежащей шаху, хотя и находилась в пределах России. К тому же 4 мая 1807 г., когда был заключен Финкенштейнский договор, к России были присоединены большая часть Северного Азербайджана и Восточной Армении.

Против России были направлены и ст. 6 и 7. Франция обязалась отправить в Иран своих офицеров различных родов войск, в том числе и инженерной службы, для реорганизации иранской армии, обучения европейской тактике и реконструкции крепостей.

И поскольку иранская сторона, наученная горьким опытом английского вероломства, настаивала на включении в договор необходимых статей о размерах военной помощи Франции, то уже в ходе переговоров 12 апреля 1807 г. Наполеон приказал своему министру военно-морского флота Дукресу подготовить для отправки в Иран 10 тысяч пехотинцев, 50 артиллерийских орудий и 10 тыс. винтовок и обещал, что уже в октябре 1807 г. отправит в Иран отряд в 1500 человек, который станет ядром смешанного франко-иранского корпуса в 10—12 тысяч человек, однако все эти обещания Наполеона оказались ложными.

В конце декабря 1807 г. (после заключения Тильзитского договора) Наполеон дополнил утративший силу Финкенштейнский договор Военной конвенцией, по которой Франция согласилась только продать Ирану 20 тыс. винтовок (вместо обещанных в апреле 10 тысяч), и шаху потребовалось не много времени, чтобы убедиться в очередном обмане французского императора.

Выясняется, таким образом, что при заключении Финкенштейнского договора Наполеон преднамеренно отказался от включения в текст договора статей о военной помощи Франции, т. к. был уверен, что не выполнит их.

Другая группа статей договора была направлена против Англии и полностью перечеркнула англо-иранский договор 1801 г., подписанный Малькольмом.

Иран обязался разорвать дипломатические отношения с Англией, отозвать из Индии иранского посла, объявить Англии войну, репатриировать из Ирана всех англичан и не допускать в эту страну английских представителей (ст. 8).

Шах Ирана обязался пропустить в Индию французские войска, снабдить их транспортными средствами, а также отправить вместе с ними в Индию иранские войска для несения вспомога-

тельных служб и содействовать операциям французской морской эскадры в Персидском заливе (ст. 12). Более того, шах обязался оказать влияние на афганцев, в том числе на население Каидагара, чтобы объединить их с иранскими войсками и вместе завоевать Индию (ст. 10). Таким образом, договор допускал два возможных варианта похода в Индию. Один из них франко-иранский, а другой—ирано-афганский, без участия французской армии.

Торговые статьи договора обеспечили за представителями Франции приоритет наиболее благоприятствуемой нации сравнительно с дипломатами и коммерсантами других государств. Французам, в частности, предоставлялось право консульской юрисдикции. Таможенные пошлины с товаров французских подданных ограничивались тремя процентами их стоимости. При этом в течение трех лет после заключения договора французские подданные освобождались от уплаты пошлин.

Значение и последствия Финкенштейнского договора подробно освещаются в иранской историографии.

По оценке иранского проф. Сеида Нафиси, «договор этот оставил неизгладимый след в истории Ирана прежде всего потому, что был заключен Наполеоном, который был великой личностью, располагал великой армией и, вступив в соглашение с шахом, оказал Ирану великую честь»¹⁰⁰. Несмотря на то, что меньше чем через два месяца после заключения Финкенштейнского договора Тильзитский мир ликвидировал его значение, проф. Нафиси считает, что договор этот, дескать, «нанес сокрушительный удар по внешней политике Англии и России»¹⁰¹.

«Вовсе не удивительно,—утверждает этот автор,—что Финкенштейнский договор был следствием полета наполеоновской мысли. Удивительны ограниченность и недалекость Фатх-Али-шаха, который, будучи соседом России и Англии, согласился заключить договор с Францией, расположенной в другой части света и не связанной с Ираном кратчайшими путями. К тому же,—возмущается Нафиси,—у шаха хватило дерзости объявить войну Великобритании и наивности, чтобы поверить в фантастические обещания Наполеона вернуть Ирану Грузию и другую часть Закавказья»¹⁰². Нафиси считает, что договор этот нанес Ирану непоправимый политический ущерб, несмотря на то, что, по его же словам, «был иллюзорным и не имел практических результатов»¹⁰³. Любопытно, что этот ущерб Ирана, по мнению Нафиси,

⁹⁹ См. Ключников Ю. В. и Сабонин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. I, М., 1925, с. 81.

سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران، ص ۱۹۵

¹⁰¹ Там же, с. 98.

¹⁰² Там же, с. 97.

¹⁰³ Там же.

заклучался в том, что шах предпочел французских колонизаторов английским и безнадежно испортил свои отношения с лондонским двором.

Оставляя в тени и, по существу, оправдывая колониальную политику Англии в Иране, Нафиси рассматривает последствия Финкенштейнского договора с точки зрения «двух английских обид» и «двух плохих мнений Англии об Иране», вызванных, по его словам, «ошибочной политикой правительства шаха». «Старую обиду» Англии Нафиси рассматривает в плане ирано-индийских и ирано-афганских отношений, а новое «плохое мнение Англии» — в связи с заключением Финкенштейнского договора. В целом Нафиси считает, что этот «злосчастный договор отдал Иран на растерзание обиженной Англии, а последняя, дескать, отомстила за это шаху тем, что уничтожила Иран с помощью царской России, Турции и многочисленных племен, расселенных севернее Персидского залива»¹⁰⁴. В этом Нафиси видит губительные последствия Финкенштейнского договора и их негативное влияние на всю последующую историю Ирана.

Нафиси заявляет, что торговля Ирана, так же, как и персидский язык и литература, имели широкое распространение в Индии и превратили эту страну «в индийскую колонию Ирана»¹⁰⁵. И поскольку, — продолжает Нафиси, — англичане превращали Индию в свою колонию, они искореняли из этой страны иранское влияние и делали все, чтобы ослабить Иран, лишить его плодородных земель западнее Каспийского моря, толкнуть шаха на войну с соседними странами, а последних направляли против Ирана, чтобы они вторглись в эту страну»¹⁰⁶. Затем Нафиси обрушивается на Англию за то, что она «не только контролировала, но и усиливала Афганистан в противовес Ирану, к которому афганцы постоянно тяготели, так как говорят на персидском языке»¹⁰⁷. Не в меньшей мере проф. Нафиси осуждает Англию за то, что после заключения Финкенштейнского договора она толкнула Иран в водоворот европейской политики, стремилась не допустить сближения Ирана с Россией, Турцией и Афганистаном, разжигала между ними вражду, а в самом Иране подтачивала его духовные силы»¹⁰⁸.

Противоречия в запутанных рассуждениях тегеранского про-

фессора очевидны и типичны для многих буржуазных иранских историков. В одном случае С. Нафиси выставляет Англию обиженной страной и возмущается Фатх-Али-шахом, объявившим Англию войну, а в другом — осуждает Англию за ее антииранскую политику на Среднем Востоке.

Не менее показательно, что проф. Нафиси называет Наполеона великой личностью и в то же время фантазером и лжецом, обманувшим Каджаров в грузинском вопросе, а шаха считает доверчивым и наивным политиком за его связи с Францией, расположенной в другой части света.

По мнению другого иранского историка, доктора Афшара, — автора книги «Европейская политика в Персии», Финкенштейнский договор «был мертворожденной дипломатической акцией», потому что Наполеон в союзе с Ираном скорее искал союзника, чтобы угрожать англичанам в Индии, чем воевать против русских войск на Кавказе, в то время как Фатх-Али-шах сначала рассчитывал получить помощь для завоевания Грузии, и только после этого выступить против англичан»¹⁰⁹. Между тем известно, что ко времени заключения Финкенштейнского договора первой и главной задачей Франции была война против России в Европе, и в связи с этим — отвлечение части русских войск от европейского театра войны с помощью русско-иранской и русско-турецкой войн. Наиболее четко говорится об этом в варшавском варианте инструкции Гардану. Наполеон предписывал ему «заставить Иран вести войну с Россией все время, пока продолжается война в Европе с тем, чтобы русские были вынуждены постоянно разделять свои силы»¹¹⁰. Это означает также, что союз с Ираном был нужен Наполеону прежде всего для того, чтобы не допустить прекращения русско-иранской войны. Во всяком случае, вопреки мнению доктора Афшара, к моменту заключения Финкенштейнского договора индийский поход не стоял в повестке дня французской дипломатии, хотя и оставался потенциальной угрозой британским колониям в Азии и несбывшейся мечтой французского императора.

Наполеон и Фатх-Али-шах поздравили друг друга с «счастливым» заключением союза». Только после Тильзитского мира, образования пятой антифранцузской коалиции и заключения в 1809 г. нового англо-иранского договора, шах не мог не убедиться, что был обманут Наполеоном и что наименьшим злом все же является Англия, располагавшая в соседней Индии золотом и войсками Ост-Индской компании.

¹⁰⁹ Afshar, La politique européenne Perse, Berlin, 1921, p. 18.

¹¹⁰ «Correspondance de Napoléon I. t. XV, № 12278.

¹⁰⁴ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران...، ص 90

¹⁰⁵ Там же, с. 98.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

Между тем, активность французской дипломатии в Иране не осталась незамеченной англичанами. В Персидском заливе появились семь английских военных судов¹¹¹, которые блокировали иранское побережье залива и ирано-месопотамскую границу по Шатт-эль-Арабу. Вслед за этим британские власти в Индии прекратили торговлю с Ираном, а в ответ на английские санкции Наполеон потребовал у Фатх-Али-шаха отозвать из Бомбея иранского посла Мохаммед-Наби-хана¹¹².

Надежды Ирана на помощь Франции и союз с Портой сделали шаха высокомерным и несговорчивым на переговорах с русским командованием.

На шестой день после заключения Финкенштейнского договора Гардан получил новые инструкции Наполеона, которые предписывали Гардану постоянно напоминать Каджарам «о русских притеснениях», чтобы на этой основе «взбудораживать иранский народ и разжигать в нем огонь ненависти; обучать иранские войска и сотрудничать с Аббас-мирзой, воспользоваться ослаблением Кавказского корпуса и атаковать русские позиции». В инструкции отмечалось еще, что Иран должен отбросить русские войска за Кавказский хребет.

«Россия, — отмечал Наполеон, — угрожает всем странам, расположенным к югу от нее»¹¹³. Наполеон предлагал Гардану добиться взаимодействия иранской и турецкой армий на широком фронте от Каспийского до Черного морей¹¹⁴ и выражал недовольство иранским шахом за то, что он продолжал считать, что «против России надо воевать в одиночку»¹¹⁵. В инструкции говорилось, что поскольку Каджары подвергаются давлению со стороны России и Англии, в Иране должны осознать эту опасность, чтобы не превратиться в подобие Северной Индии¹¹⁶. «Франция, — указывалось в инструкции, — рассматривает Иран с двух точек зрения: как естественный противник России и как путь в Индию»¹¹⁷. В связи с этим в посольстве Гардана будут находиться французские офицеры, которые «превратят иранскую армию в грозную силу против России». Гардану предписывалось сделать все, чтобы Иран угро-

¹¹¹ Curzon C. N. The Persia and Persian Question, v. 2, p. 449.

¹¹² علی اکبر فیما، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران، ص ۱۰۵

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Mission du général Gardane en Perse sous le premier Empire, Paris, 1865, p. 84.

¹¹⁵ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۴۹

¹¹⁶ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران، ص ۱۰۹-۱۰۳

¹¹⁷ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران، ص ۱۰۵

жал России больше, чем прежде. Для этого ему разрешалось заключить конвенцию для закупки шахом и доставки в Иран 10 тысяч винтовок и 30 полевых орудий¹¹⁸, а также пригласить в Иран французских офицеров, статус и привилегии которых предлагалось предусмотреть конвенцией¹¹⁹. Гардану разрешалось сформировать войсковое соединение численностью в 12 тысяч солдат и офицеров, а в случае продолжения войны с Россией — заключить еще одно соглашение с шахом об отправке в Иран четырех или пяти французских батальонов пехоты и 3-х артиллерийских батарей¹²⁰. Гардану предлагалось изучить вопрос об открытии нового фронта против России в Туркмении, на границе с Хорасаном¹²¹, а после изгнания из Ирана англичан — обеспечить в этой стране экономическое преобладание Франции. С этой целью Гардану предписывалось изучить сырьевые ресурсы Ирана, заключить с шахом новый торговый договор на основе прежних франко-иранских торговых договоров 1708 и 1715 гг. Другим проявлением французского экспансионизма было указание Гардану получить остров Харк в Персидском заливе под предлогом, что этот остров, дескать, был уступлен Франции еще Керим-ханом Зендом. Расположенный недалеко от Бушира на морском торговом пути в Басру и Индию остров Харк имел важное стратегическое значение в период «континентальной блокады» Англии, начавшейся в 1806 г.

Индийская проблема не выделялась в инструкции в качестве первоочередной задачи. Гардану предлагалось только выяснить пользу франко-иранского союза для совместных действий против английской колонии в Индии, при этом конкретно не указывалось, когда наступит эта необходимость. Гардан должен был описать маршруты путей, ведущих в Индию, установить численность иранских войск, которые могли быть выделены для этого похода¹²², а также «оказать поддержку маратам в их борьбе с Англией и использовать влияние иранского шаха на афганские племена, чтобы поднять их на борьбу с англичанами»¹²³.

Несмотря на то, что Наполеон подчинил себе почти всю Ев-

¹¹⁸ Там же, с. 50. В пику Наполеону англичане предложили Ирану вооружение безвозмездно.

¹¹⁹ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران، ص ۱۰۵

¹²⁰ Там же.

¹²¹ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۵۱

¹²² سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران، ص ۱۰۶

¹²³ Там же.

ропу, Трафальгарский разгром лишил Францию всякой возможности бороться с Англией на море и заставил отказаться от высадки французского десанта на Британских островах. Начиная с 1806 г. Наполеон стремился сокрушить Англию континентальной блокадой, а после разгрома Пруссии победить Россию, которая из всех континентальных государств Европы почти одна продолжала сражаться с французской армией.

Четвертой антифранцузской коалиции в Европе Наполеон собирался противопоставить четыре фронта в Азии против России и Англии. Два из них (русско-иранский фронт и русско-турецкий фронт) были действующими и отвлекали русские войска от европейских театров войны. Два других фронта только намечалось открыть с помощью ген. Гардана. Один из них—против России на среднеазиатской границе, а другой—против Англии—на индийской границе Ирана, при участии Франции и коалиции азиатских стран.

Несмотря на то, что двум последним фронтам не суждено было открыться, в целом эта политика Наполеона, зафиксированная в инструкции ген. Гардану, определяла основные направления французской экспансии и дипломатии и свидетельствовала о тесной взаимосвязи европейской и азиатской политики Франции в начале XIX века.

Тенденциозно рассматривает последствия этой французской политики иранский историк Афшар. Он жалеет, что договор этот «провалил посольство Гардана и позволил русским войскам, оказавшимся бесполезными в Польше, возобновить войну с Ираном с огромной силой»¹²⁴. Афшару следовало оговориться, что Россия в то время воевала и с Турцией, и со Швецией, к которым были прикованы ее основные силы, а с Ираном возобновила военные действия только в сентябре 1808 г., или через 14 месяцев после заключения Тильзитского мира. В этом отношении еще более ощутимыми и неприглядными для Ирана были две статьи (21 и 23) Тильзитского договора¹²⁵, которые уже в августе 1807 г. обеспечили заключение русско-турецкого перемирия при посредничестве Франции и позволили русскому командованию перебросить часть освободившихся войск с турецкого фронта на иранский.

Тегеранский двор усмотрел в Тильзите вероломную измену Наполеона.

¹²⁴ Afschar. La politique Européenne en Perse, Berlin, 1921, p. 37.

¹²⁵ Ключников Ю. В., Сабонин А. Международная политика... в договорах, нотах и декларациях..., с. 83.

Позднее, в 1809 г., Фатх-Али-шах заявил Гардану, покидавшему Тегеран под натиском английских резидентов: «Когда Наполеон продиктовал свои условия побежденному Александру I, он мог подумать и об интересах Ирана»¹²⁶. Император Франции в одно и то же время пытался стать союзником шаха, султана и царя. Ему нелегко было привести к согласию султана и царя или шаха и султана, и было почти невозможно установить мир между шахом и царем.

«Это кажущееся миролюбие Наполеона,—отмечает тегеранский проф. М. Махмуд,—было нужно для усиления общего фронта борьбы против Англии—в то время для него главной опасности». Осуждая в связи с этим политику Наполеона, М. Махмуд замечает далее, что «Тильзитский мир изолировал в Париже иранского посла Аскер-хана, с которым тогда перестали считаться, а турецкого посла заставил вернуться в Константинополь»¹²⁷.

Тильзитский мир подвергается критике и в турецкой историографии. По мнению турецкого историка Ниязи Акишта, «в Тильзите Наполеон предал свою дружбу с Турцией»¹²⁸, а по оценке другого турецкого историка Унала Тахсина, «Наполеон, с одной стороны, протянул руку дружбы султану Селиму III, а с другой, с помощью Тильзитского мира и Эрфуртского договора 1808 г.,—выдал России своих турецких друзей»¹²⁹. Ссылаясь на этих турецких авторов, советский историк Х. М. Ибрагимбейли напоминает, что под давлением Наполеона в Тегеран был направлен султаном турецкий дипломат Фейзи Махмуд-Эфенди для переговоров с Фатх-Али-шахом о военном союзе с Ираном против России¹³⁰. С этой же целью султан Селим III отправил другого своего дипломата Халет-Эфенди к Наполеону—своему «самому старому, самому верному и самому необходимому другу»¹³¹.

По мнению проф. М. Махмуда, Тильзитский мир окончательно сорвал франко-ирано-турецкий союз¹³² после неудачной попытки создать его в Финкенштейне.

¹²⁶ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۵۳

¹²⁷ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۵۴

¹²⁸ Niyazi Aksit. Tarih. İstanbul, 1956. s. 186.

¹²⁹ Tahsin Unal. 1700 den 1958—e kadar Türkiye siyasi tarihi, Ankara, 1958, s. 67.

¹³⁰ Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века (Из военно-политической истории), М., 1969, с. 84, 85.

¹³¹ ЦГНА Грузинской ССР, ф. 1438, оп. 1, л. 787, л. 4.

¹³² محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۵۵

Другой иранский историк, профессор Али Акбар Бина, сожалеет, что «Франция стала другом России, несмотря на то, что Иран и Турция сблизилась с Наполеоном только для борьбы с Россией и что только благодаря заверениям французского посла в Константинополе турецкий султан Селим в декабре 1806 г. одновременно объявил две войны—России и Англии»¹³³.

В иранской историографии преобладает ошибочное мнение, будто на тильзитском совещании иранский вопрос не затрагивался¹³⁴.

«Ни об Иране, ни о Грузии Наполеон не произнес ни одного слова»,—пишет военный историк Гузанлу¹³⁵, а проф. Нафиси в связи с этим упрекает Наполеона за то, что он «абсолютно забыл о своем союзе с шахом», несмотря на то, что Тильзитский договор был заключен спустя 2 месяца и 3 дня после Финкенштейна¹³⁶. «Наполеон просто не принял во внимание свое соглашение с шахом,—резюмирует доктор Афшар,—и франко-иранское соглашение умерло в Тильзите»¹³⁷.

В работах иранских историков встречается и противоположная тенденция. Например, проф. Аббас-Эгбал оправдывает тогдашнюю политику Наполеона. Имея в виду французское нашествие на Россию в 1812 г., он указывает, что «Иран не упоминался в Тильзитском договоре по дипломатическим соображениям временного характера» и, в частности, потому, что иранский посол не присутствовал при встрече двух императоров¹³⁸. В данном случае иранские историки повторяют версию французского министра иностранных дел Шампаньи, который через полтора месяца после Тильзита—26 августа 1807 г. написал Гардану, находившемуся в то время в пути, что «ничего не было оговорено о Персии при заключении Тильзитского договора потому, что еще не был ратифицирован договор, подписанный в Финкенштейне»¹³⁹.

В унисон этой версии проф. М. Махмуд заявляет: «если даже два императора и договорились об Иране, то никто об этом ничего не знает»¹⁴⁰.

¹³³ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران...، ص ۱۲۵

محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۷۵

جمیل قهراندو، تاریخ نظامی ایران، جلد دوم، تهران، ۱۳۱۵، ص ۷۸

سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران...، ص ۲۲۷

¹³⁷ Afshar. La politique Européenne en Perse... p. 36—37.

¹³⁸ عباس اقبال، تاریخ مفصل ایران...، ص ۴۱۵

محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۷۵

محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۷۵

Между тем, эти два императора не только говорили об Иране, но и включили в Тильзитский договор секретную статью об Иране и Турции.

В фондах Воронцовых Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР хранится «не предназначенная для печати» рукопись Павла Дявова, который с 1805 по 1820 гг. заведовал секретным отделом Министерства иностранных дел России.

В этой рукописи помещены три совершенно секретные статьи Тильзитского договора, из которых первая и третья касались Финляндии и Австрии, а вторая, текст которой мы приводим,—Ирана и Турции: «La France se désiste de la médiation tant a l'égard de la Turquie, qu' a l'égard de la Perse, laissant aux parties belligérantes le soin de s'arranger elles mêmes.»

(«Франция отказывается от своего посредничества как по отношению к Турции, так и по отношению к Персии, предоставляя воюющим сторонам самим улаживать свои дела»)¹⁴¹.

Следовательно, эта секретная статья непосредственно относилась к Ирану. Она гарантировала невмешательство Франции в русско-иранские отношения и вопреки французской версии, распространенной в иранской историографии, была принята независимо от ратификации Финкенштейнского договора и без участия на тильзитских переговорах иранского посла.

Выясняя основные концепции французской внешней политики в период Тильзитского мира, проф. М. Махмуд и повторяющий его тебризский профессор Таджбахш ссылаются на мемуары французского посла в Иране в 1839—1840 гг. графа Д'Серсея¹⁴², который писал, не без основания, что «Наполеон в глубине своей души был уверен, что для Франции было выгоднее, чтобы Иран находился под влиянием России, нежели Англии, потому что на русскую дружбу можно надеяться, а англичане—опасные и несправедливые враги Франции»¹⁴³.

Иначе объясняет политику Наполеона С. Нафиси. Оставляя в тени французскую экспансию в Иране и оправдывая агрессив-

¹⁴¹ Архив ЛОИИ СССР, фонд Воронцовых, переплет 291, л. 141—141 об. Текст этой статьи опубликован нами в «Кратких сообщениях Института народов Азии АН СССР», № 73, М., 1964, с. 193 и в «Востоковедном сборнике» Сектора востоковедения АН АрмССР, т. II, 1964, с. 256.

¹⁴² Comte de Sercey. La Perse, 1839—1840, Paris, 1928. محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۷۵

¹⁴³ احمد تاجبخش، روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم، تبریز، ۱۳۲۷، ص ۴۸

ную политику Ирана в Закавказье, он утверждает, что Наполеон «хотел использовать Иран во вред Англии и ничего не сделал для защиты Ирана от России»¹⁴⁴.

А в целом, иранские историки сходятся во мнении, что, связавшись с Наполеоном, Иран не выиграл ни на йоту. «Еще при заключении Финкенштейнского договора,—замечает М. Махмуд,—казалось, что Ирану сопутствует счастье. Однако прошло два месяца и повторялась знакомая история: сперва Англия отдала Иран на растерзание России (это, дескать, для того, чтобы отвлечь Иран от Индии—Б. Б.), а в Тильзите то же самое было сделано с Ираном руками Наполеона»¹⁴⁵. Проф. Таджбахин повторяет эту версию, хотя и приходит к не менее нелепому выводу: «Наполеону было безразлично, если бы Россия завоевала и весь Иран»¹⁴⁶.

Тильзитский мир привел к ослаблению антирусских союзов Франции с Ираном и Турцией. Это отвечало интересам восточной политики России, а также Англии, добивавшейся преобладания в Иране в острой конкурентной борьбе с Францией.

8 июня 1807 г. посольство Гардана отправилось в Иран. В. И. Ленин, работая над книгой гамбургского профессора Т. Егера «Персия и персидский вопрос», отметил: «1807—Военная миссия Наполеона в Персии (70 офицеров и пр. с генералом Гарданом)»¹⁴⁷.

Пятимесячное пребывание этого французского посольства в пути иранский профессор Нафиси объясняет трудностями, вызванными русско-турецкой войной, а также франко-иранским, армяно-курдским и франко-английским конфликтами¹⁴⁸ и вынужденной задержкой в Константинополе¹⁴⁹.

4 декабря 1807 г., или через пять месяцев после заключения Тильзитского мира (7 июля 1807 г.), генерал Гардан был торжественно принят в Тегеране, а еще через полмесяца шах ратифицировал Финкенштейнский договор после того, как Гардан заверил его, что Франция не начнет индийского похода до тех пор, пока русские войска не будут выведены из Закавказья.

¹⁴⁴ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران...، ص ۲۲۷

¹⁴⁵ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۷۵

¹⁴⁶ احمد قاجمخش، روابط ایران و روسیه...، ص ۴۸

¹⁴⁷ Ленинский сборник, т. XXIX, Партиздат, с. 350.

¹⁴⁸ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران...، ص ۲۲۷

¹⁴⁹ Посольство генерала Гардана находилось в Константинополе с 22 августа по 10 сентября 1807 г.

В конце декабря 1807 г. была заключена франко-иранская конвенция о поставке Ирану 20 тыс. ружей и подписан торговый договор, который установил торговые, правовые и религиозные привилегии французских купцов, консулов и католических миссионеров, определил трехпроцентную таможенную пошлину на французские товары, предоставил французским военным и торговым судам право свободного плавания в Персидском заливе. Откровенным проявлением французского экспансионизма была статья 17, по которой иранский остров Харк в Персидском заливе становился французской колонией. Ценой этого острова шах рассчитывал увеличить масштабы французской военной помощи. Однако французская армия сама нуждалась в помощи, а Наполеон не собирался выполнять своих обещаний.

В конце 1807 г. генерал Гардан отправил Наполеону описания 124 маршрутов, составленных офицером французского посольства¹⁵⁰. Подробно описывались маршруты, ведущие из Ирана в Закавказье и, в частности, дорога Нахичевань-Ереван-Тифлис, а также в Среднюю Азию, и только 8 маршрутов, ведущих из Ирана в Индию.

Заметим еще, что генерал Гардан явно спешил с оформлением франко-иранских соглашений и описанием маршрутов, чтобы завершить эту работу в первый же месяц пребывания в Тегеране. Он опасался не без основания, что не успеет или не сможет это сделать, если в Иране узнают о Тильзитском мире. Только поэтому он больше двух месяцев создавал видимость, что об этом договоре ничего не знает, и даже передал шаху письмо Наполеона, которое было написано до Тильзита и призывало «беспрерывно атаковать русских»¹⁵¹. Вопрос этот проливает свет на антирусскую деятельность Гардана и французскую внешнюю политику после Тильзитского мира и вносит коррективы в концепции отдельных историков.

Нельзя, например, согласиться с советским историком Е. Л. Штейнбергом, который считал, что до 10 февраля 1808 г., когда в Тегеране были получены инструкции французского министра иностранных дел Шаппаньи, шах и Гардан не знали о Тильзитском договоре¹⁵². (?) По смыслу этой версии, оправдывающей антирусскую деятельность Гардана, генерал смело выполнял дотильзитскую инструкцию, которая предписывала русофобскую деятельность, тогда как на деле француз обманывал шаха и его

¹⁵⁰ См. «Сборник материалов по Азии», вып. XXIII, 1886, с. 12.

¹⁵¹ Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в., М., 1960, с. 174.

¹⁵² См. Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1959, с. 39.

двор. Ошибается и иранский проф. М. Махмуд, когда утверждает, что 10 февраля Гардан и его спутники не знали о тильзитской встрече императоров и потому, дескать, «не знали, что им делать»¹⁵³. Этим Махмуд опровергает себя, так как если бы Гардан не знал о Тильзите, то в этом случае он как раз должен был знать все то, что ему следует делать по инструкции, полученной еще в Париже. К тому же пословица, с которой Гардан выполнял устаревшую инструкцию, вовсе не говорит о его растерянности и пассивности. Версия проф. Нафиси по этому вопросу еще более противоречива. Ссылаясь на мемуары французского артиллериста Фовье, открывшего в Пешагане мастерскую для литья пушек, привезенную им из Константинополя, проф. Нафиси отмечает, что французские офицеры не знали об изменениях в политике Наполеона и даже были уверены, что все, что они делали для иранской армии, предназначалось для индийского похода¹⁵⁴. Между тем, эти французские офицеры оборудовали Ереванскую крепость вместе с иранскими офицерами. В другом месте проф. Нафиси утверждает, что при ратификации Финкенштейнского договора Гардан принял условие шаха — не начинать индийского похода до присоединения Закавказья к Ирану, потому что «индийский поход перестал интересовать Наполеона»¹⁵⁵. Нафиси отмечает еще, что «поскольку при заключении Тильзитского мира Финкенштейнский договор еще не был ратифицирован, не было повода, чтобы Иран отказался от союза с Францией. К тому же, — продолжает Нафиси, — Гардан не по вине шаха долго находился в пути и был оторван от нового курса французской внешней политики»¹⁵⁶. Однако не учитывается при этом, что путь ген. Гардана лежал через европейские столицы и Константинополь, где были аккредитованы послы европейских держав. О Тильзитском мире ген. Гардан мог узнать и в Западной Армении, и, в частности, в Эрзеруме, где находился около месяца.

Историк Н. Дубровин указывал, что по случаю заключения Тильзитского договора эрзерумский сараскир подарил послу Наполеона жеребца в золотых уборах¹⁵⁷, что ген. Гардан и сараскир Юсуф-паша обсуждали содержание Тильзитского договора. После франко-русского сближения положение Гардана было не

из легких, так как прежние инструкции не увязывались с новой обстановкой, и Гардан стал делать нечто противоположное тому, что ему предписывали в Париже. Прежде всего ему надо было добиться ратификации Финкенштейнского договора до того, как в Иране получат официальный текст Тильзитского договора и обнаружат обман французского посла. Французской дипломатии нелегко было спасти их разваливающийся союз с Фатх-Али-шахом. Наполеону действительно было выгодно, чтобы в Иране узнали о Тильзите после ратификации Финкенштейнского договора и заключения нового франко-иранского торгового соглашения, с тем чтобы шах не передумал, а Гардан смог отвести обвинения в обмане шаха и в нарушении Финкенштейнского договора своей неинформированностью. Вся последующая деятельность Гардана в Иране показывает, что он так и понял эту свою задачу, когда убедился, что новых инструкций скоро не получит.

Прежде чем Гардан разобрался в причинах преднамеренной медлительности французского министра иностранных дел с высылкой новых инструкций, прошло немало времени, в течение которого Гардан не знал, как ему лучше поступить. То он спешил и находился в пути по 12—16 часов в сутки¹⁵⁸, чтобы быстрее покончить с ратификацией договора, то надолго задерживался в городах в ожидании инструкции. Между тем, время играло не в пользу французской дипломатии, так как и русские, и англичане спешили распространить в Иране сведения о Тильзитском мире. Русское военное командование было заинтересовано в этом, потому что добивалось прекращения русско-иранской войны, которую шах продолжал в надежде и на французскую военную помощь, а Англия не прочь была воспользоваться Тильзитским миром для того, чтобы убедить шаха в предательстве Наполеона, выставить из Ирана французов и занять их место.

В этих условиях Гардан создавал впечатление, будто обучение и усиление иранской армии связаны с подготовкой к индийскому походу. Французская дипломатия пыталась укрепить эти новые позиции Гардана. Посол Наполеона в Петербурге Коленкур безуспешно пытался убедить Александра I, будто миссия Гардана не имеет другой цели, кроме подготовки совместного франко-иранского похода в Индию, а Наполеон заверил Александра I, что Гардан будет содействовать заключению русско-иранского мира. После этого для ведения переговоров о мире генерал Гудович отправил в Тавриз и Тегеран подполковника Вреде. Од-

¹⁵³ محمود محمود، تاریخ و ربط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۵۳

¹⁵⁴ سعید نفیسی، تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران، ص ۱۵۹

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ См. Дубровин Н. История войны, с. 200.

¹⁵⁸ نفیسی سعید تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران، ص ۱۵۷

нако Гардан сорвал переговоры тем, что предложил шаху заключить с русскими только перемирие, а переговоры о мире перенести в Париж и вести их там при посредничестве Наполеона.

Эту политическую диверсию, соответствующую вероломству наполеоновской дипломатии, Гардан произвел в марте 1808 г., в нарушение второй секретной статьи Тильзитского договора, а спустя 8 месяцев настойчиво добивался, чтобы для усиления армии шаха в Иран был переброшен французский корпус. Гардан предлагал еще, чтобы Париж оказал давление на турок и персов, чтобы они возобновили военные действия против русских на территории Армении.

Между тем события развивались не так, как бы хотелось Гардану: в середине сентября 1808 г. русские войска сами предприняли наступление для присоединения к России Ереванского ханства.

В сборнике документов Института истории АН Армянской ССР «Присоединение Восточной Армении к России» опубликован ценный архивный документ «О действиях французской миссии в Персии». «В ноябре 1808 г. Фельдмаршал Гудович, — отмечается в этом документе, — уведомил Н. П. Румянцева, что накануне штурма Ереванской крепости в Армению был направлен из Тегерана секретарь французского посольства капитан Лажар для осмотра укреплений Ереванской крепости и Эчмиадзинского монастыря и остановился в лагере Аббас-мирзы».

Лажар передал Гудовичу письмо ген. Гардана, в котором отмечалось, что русское командование «не соблюдает связей, соединяющих Францию с Персией». На вопрос Гудовича «Зачем он прибыл?», Лажар ответил, что прибыл передать предложения иранского правительства и ген. Гардана «простоять боевые действия и уйти из пределов Ереванской области»¹⁵⁹.

Решительно отклонив предложения, переданные Лажаром, Гудович указал, что от дружественного французского посольства в Тегеране и союзного французского государства он скорее всего ожидал содействия в пользу России, чем старания, выгодные одному Ирану¹⁶⁰.

Возражая Гудовичу, Лажар пытался доказать, будто по франко-иранскому договору Французская империя обязана соблюдать целостность иранского государства и всех его провинций, а Гудович ответил ему, что эти французские обязатель-

ства и гарантии были даны Ирану тогда, когда Франция воевала с Россией. Теперь же все это утратило значение. «Наполеон, — заметил еще Гудович, — скорее предпочтет союз и дружбу Всероссийской империи, нежели во вред оной захочет доставить обещанные прежде выгоды Персии»¹⁶¹.

В связи с этими переговорами Гудович написал Н. П. Румянцеву, что антирусская деятельность французской миссии в Иране в 1808 г. «гораздо вредительнее... нежели когда Россия находилась в войне с Францией»¹⁶², а в рапорте Александру I Гудович охарактеризовал деятельность французского генерала Гардана и его офицеров по укреплению Ереванской крепости как одну из главных причины неудачного штурма этой крепости русскими войсками.

«Крепость Ереванская, — удивлялся Гудович, — укреплена по всем европейским военным правилам, имея две стены и впереди их ров и гласис. Во рву поставлены были пушки и действовали картечью, чего прежде никогда не делали». «Нельзя сомневаться поэтому, — писал Гудович, — в причине откомандования в Ереван французского капитана инженерных войск, который был в этих местах и прежде, а теперь хотел увидеть плоды своей деятельности, проходившей в условиях англо-французского соперничества в Иране»¹⁶³.

Французские инженеры укрепляли и турецкие крепости, а французская дипломатия убедила турецкого султана, что после Аустерлица Россия не в состоянии воевать, и в декабре 1806 г. спровоцировала Турцию начать против России войну, несмотря на то, что еще в сентябре 1805 г. Турция заключила союзный договор с Россией.

Тильзитский мир, заключенный 7 июля 1807 г. после сражения при Фридланде (14 июня 1807 г.), резко обострил англо-русские отношения, поскольку Россия уже не участвовала в пятой антифранцузской коалиции в Европе.

Положение России осложнялось тем, что она продолжала войну с Ираном и Турцией, с 1808 г. — со Швецией, а Англия уже не воздерживалась от активной антирусской политики в Закавказье. Иране и Турции, заключив договор с Турцией, снабжала ее деньгами и оружием и без всякого успеха добивалась образования антирусской коалиции в составе Турции, Ирана и Австрии.

¹⁵⁹ «Присоединение Восточной Армении к России», сб. док. Института истории АН Армянской ССР, т. I (1801—1813), № 419, с. 474—476; № 421, с. 476—478, Ереван, 1972.

¹⁶⁰ Там же, с. 477.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ «Присоединение Восточной Армении к России». Сб. документов, ИИАН Арм. ССР, т. I, № 423, «Рапорт Н. В. Гудовича Александру I о сражениях за вятке Еревана и Нахичевана, декабрь 1808 г.», с. 482.

Несмотря на встречу императоров в Эрфурте в сентябре 1808 г., Франция и Россия готовились к войне.

Финкенштейнский договор 1807 г., ратифицированный шахом после заключения Тильзитского мира, обострил англо-французскую борьбу в Иране. 10 мая 1808 г. в Бушире высадился английский морской десант во главе с Малькольмом, а 14 октября — Харфорд Джонс. Великий визирь шаха Мирза-Шефи говорил Гардану: «Знайте генерал, что в Тегеране все, исключая шаха и меня, жаждут французской крови».

4 февраля Х. Джонс получил официальное разрешение прибыть в Тегеран. Шах предложил Гардану переехать в Тебриз и там ждать известий из Франции.

12 марта 1809 г. в Тегеране был подписан англо-иранский договор, который аннулировал франко-иранский договор, подписанный в Финкенштейне. После этого французы Гардан, Жуаннин, Фипо, Реймон, Персна и др. были вынуждены покинуть Иран.

Англия в больших масштабах, чем Франция, помогала Ирану в войне с Россией. Это вполне соответствовало наполеоновскому плану вторжения французских войск в Россию, несмотря на то, что Англия была заинтересована в продолжении русско-иранской войны, чтобы не допустить франко-русского или франко-иранского похода в Индию¹⁶⁴.

Отечественная война 1812 г. подтвердила, во-первых, что главной целью французской агрессии была не Индия, а Россия, а во-вторых, Россия, а не Англия спасла народы Индии от французского нашествия в результате разгрома французских войск. Показательно, что перед этим разгромом из охваченной пожаром Москвы Наполеон написал Фатх-Али-шаху, накануне своего бегства, что он уже, дескать, победил Россию и возвратит Ирану Грузию, а своему окружению говорил: «Неслыханная вещь — две державы (Османская империя и Швеция — Б. Б.), которые должны потребовать все обратно у русских, являются их союзниками как раз тогда, когда представляется прекрасный случай вновь завоевать потерянное»¹⁶⁵.

Выясняется, таким образом, что вся Ближневосточная и Средневосточная политика Наполеона была нацелена против Англии и России и отличалась неприкрытым вероломством в отношениях с его тогдашними союзниками и явно враждебным отношением к национальным чаяниям армянского народа.

¹⁶⁴ ВПР XIX и начало XX века. Документы российского МИД. Серия первая, т. 4 (июль 1807 г. — март 1809 г.) МИД СССР, М., 1967, с. 578.

¹⁶⁵ См. Княпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века, М., 1963, с. 63.

В антирусской политике Франции в начале XIX в. можно выделить два основных этапа. Первый (дотильзитский) этап был связан с усилиями французской дипломатии ослабить антифранцузские коалиции в Европе путем ослабления военного потенциала России на войне с Францией, Ираном и Турцией, а второй (посетильзитский) этап был рассчитан на дипломатическую и военную подготовку вторжения французских войск в Россию.

3. АНГЛИЙСКИЙ ПЛАН ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИРАНСКОГО ГОСПОДСТВА В ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

Промышленный переворот в Англии, а также богатейшие ресурсы британской Индии и англо-иранские войска, служившие опорой для проведения широких завоевательных планов, позволили Англии «наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря»¹⁶⁶.

Из Индии британская экспансия распространялась на Восток — к Бирме, Малайе, Китаю; на Север — к Тибету и Кашгарию; на Запад — к Афганистану, Ирану, Средней Азии и Каспийскому морю. Наряду с этим Англия вела встречное наступление в Азию со стороны Средиземного моря. Укрепляя свои базы на Мальте и Ионических островах, англичане все глубже проникали через малоазийские порты Турции в Переднюю Азию с запада. Это позволило английским колонизаторам господствовать в восточной части Средиземного моря, на подступах к черноморским проливам, Малой Азии, Балканскому полуострову, Персидскому и Османскому заливам, Ирану.

В целях прикрытия этой агрессивной политики британская дипломатия широко использовала не столько наполеоновскую угрозу вторжения в Индию, сколько вымысел о «мнимой русской угрозе Индии», основанный на расторгнутом соглашении 1801 г. Наполеона с Павлом I и опровергнутый через много лет самими англичанами¹⁶⁷. Другой миф «о русской угрозе» связывался с вымышленным завещанием Петра I о стремлении России к Персидскому заливу для выхода в Индийский океан.

¹⁶⁶ Энгельс Ф. Действительно опорный пункт в Турции. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9, М., 1957, с. 13.

¹⁶⁷ В феврале 1875 г. Р. Солсбери и вице-король Индии Норсбрук признали, что «русское наступление на Индию является мифом». См. Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране, М., 1981, с. 9—15.

В Европе Англия воевала вместе с Россией в одной коалиции, а в Иране выступала против России — своего европейского союзника. Это вносило коррективы в ориентацию Ирана на Англию, поскольку исключалась возможность открытого выступления Англии против России, и создавало двойственную основу в дипломатических отношениях Англии с Россией и Ираном.

Англия и Франция натравливали Турцию и Иран на Россию и оказывали помощь иранским правящим кругам в осуществлении их агрессивных замыслов в отношении Закавказья в годы, когда они находились в неприязненных отношениях с Россией, и в те годы, когда они были официальными союзниками России. Менялись лишь методы английской и французской дипломатии на Востоке, но отнюдь не их цели¹⁶⁸.

Несмотря на убийство Павла I (12 марта 1801 г.) и связь заговорщиков с английским послом Ч. Уитвортом, Ост-Индская компания находилась под впечатлением незавершенного в 1801 г. франко-русского похода в Индию¹⁶⁹, а также переговоров Наполеона с Александром о новом походе в Индию на Тильзитской встрече¹⁷⁰ и с большой подозрительностью реагировала на посещение Ирана французскими эмиссарами Наполеона¹⁷¹. К. Маркс писал: «... калькуттские «торгаши» трепетали перед такой комбинацией: Франция, Персия, Афганистан. Этим объясняется посольство в Персию во главе с капитаном Малькольмом!»¹⁷². По англо-иранскому договору, заключенному в январе 1801 г., стороны обязались «поддерживать дружественный союз, оказывать взаимную помощь и поддержку и ликвидировать все причины, порождающие ненависть и вражду» (ст. 1). В случае афганского

¹⁶⁸ См. Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958, с. II V.

¹⁶⁹ Анализ персиски Павла I с командующим донским войском Орловым В. П. (См. «Русская старина», т. VIII, 1873, с. 401—410) показывает, что сорок донских полков не были подготовлены к походу в Индию, а вся эта операция была ответной реакцией на действия британского флота в Балтийском море. Не исключено также, что донская армия на 45 дней раньше согласованного с французами времени подошла к Волге для того, чтобы отправиться в Индию через Оренбург, а не Астрахань и Астрабад.

¹⁷⁰ ВПР. Документы российского МИД, серия I, т. 4 (1807—1809). М., изд. МИД СССР, 1963, с. 378.

¹⁷¹ مهدوی عبد الرضا هوشنگ تاریخ روابط خارجی ایران قهران ۱۴۹۱ ص ۱۱۸

¹⁷² Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947, с. 105.

вторжения в Индию шах Ирана обязался напасть на Афганистан и опустошить его» (ст. 2), а в случае войны между Ираном и Афганистаном Афганистан должен был отказаться от нападения на Англию и ее колонии (ст. 3). Англия обязалась направить иранскому шаху морским путем в один из иранских портов необходимое количество вооружения и военных специалистов при условии, если когда-либо афганский шах или кто-либо из европейских наций начнет войну (или враждебные действия) против Ирана или Англии» (ст. 4). По этой статье Иран должен был воевать со всеми врагами Англии, которые воевали с ней или совершали против Англии «враждебные действия». Фатх-Али-шах добивался у Англии неотложной помощи деньгами и вооружением для ведения войны против России, а Англия предполагала предоставить эту помощь тогда, когда это будет ей выгодно. И, поскольку Иран не мог участвовать в европейской войне на стороне Англии, английская дипломатия всегда могла обвинить Иран в нарушении договора и отказаться от предоставления помощи.

Иран был неравноправной, зависимой стороной в этом договоре, а Англия с помощью этого договора рассчитывала направлять иранскую внешнюю политику. В этой связи отметим еще, что англо-иранский договор был заключен в январе 1801 г. или за два месяца до убийства Павла I, которого вся буржуазная иранская историография в один голос называла и все еще называет не иначе, как «царем-миротворцем»¹⁷³ за то, что 7 декабря 1796 г. Павел I приостановил Зубовский поход, а в феврале 1797 г. отозвал из Грузии русские батальоны и этим создал условия для экспансии в Закавказье не только Ирана, но и западных стран. В этом отношении англо-иранский договор был отражением международных отношений того времени, когда Россия, недовольная вероломной политикой Австрии и Англии, вышла из второй антифранцузской коалиции, отозвала свои войска из Европы и Закавказья, порвала отношения с Англией, начала переговоры с Францией о мире и союзе в борьбе против Англии, после чего Англия и Россия оказались в состоянии войны¹⁷⁴.

Это означает, что Англия спешила заключить с Ираном договор не только для того, чтобы не допустить образования франко-ирано-афганской коалиции для завоевания Индии, что для Ост-Индской компании было главной внешнеполитической проблемой. Договор этот был заключен в обстановке обострения англо-русских отношений еще и для того, чтобы не допустить русско-

¹⁷³ مهدوی عبد الرضا هوشنگ تاریخ روابط خارجی ایران قهران ۱۴۹۱ ص ۱۰۸

¹⁷⁴ См. «Всемирная история», т. VI, М., 1959, с. 84—85.

иранского сближения после того как были отозваны русские войска из Европы и Закавказья и препятствовать франко-русскому варианту похода в Индию.

Неравноправный характер англо-иранского договора 1801 г. подтверждался и его торговой частью, состоявшей из четырех и одной «дополнительной статьи». По статье первой английским купцам было предоставлено право свободно ввозить в Иран свои товары и находиться под защитой правителей и губернаторов иранских городов. Формально иранским купцам были предоставлены аналогичные права в Англии. Статья вторая разрешала «купцам и торговцам Англии поселяться в любом из портов и городов Ирана». При этом английские товары освобождались от правительственных налогов, за исключением обычных сборов, а дополнительная статья объявляла беспошлинный ввоз в Иран железа, свинца и тонкого сукна.

Третья статья гарантировала содействие и покровительство английского правительства иранским купцам в Индии, а четвертая разрешала английским служащим в Иране нанимать местных жителей и наказывать их по своему усмотрению¹⁷⁵.

В целом, англо-иранский договор 1801 г. был неравноправным для Ирана соглашением, равносильным установлению в стране режима капитуляции.

Торговые статьи англо-иранского договора 1801 г., хотя и не были ратифицированы английским королем, способствовали развитию торговли Британской Индии с Ираном по Персидскому заливу¹⁷⁶.

Неравноправный характер этого договора признавал и двор Фатх-Али-шаха. Иранский историк Х. Мехдеви отмечает, что после возвращения Малькольма в Индию везир Хаджи Ибрагим-хан Эттемад-эд-Довле, который вел переговоры с Малькольмом и от имени правительства подписал англо-иранский договор, был казнен по обвинению в государственной измене¹⁷⁷. В советской историографии вопрос этот почти не исследован. Представляется спорной, например, точка зрения М. А. Игамбердыева о том, что в Тегеране Малькольм «путем подкупов и обещаний сколачивал проанглийскую партию, а все, кто осторожно отно-

¹⁷⁵ Торговые и политические статьи англо-иранского договора 1801 г. цит. по сборнику документов *Aitchison C. V. A Collection of Treaties Engagements and Sanads relating to India and Neighbouring Countries*, vol. XIII, Calcutta, 1933, pp. 46—53.

¹⁷⁶ *Malcolm J. The History of Persia*, vol. II, London, 1829, p. 215.

¹⁷⁷ مهدوی عبدالرضا هوشنگ تاربخ روابط خارجی ایران تهران ۱۳۴۹ ص ۱۱۱

силе к англичанам, устранились от власти или лишались жизни», и в этой связи отмечается, что «Хаджи-Ибрагим с большой осторожностью относился к миссии Малькольма»¹⁷⁸ в том смысле, что по этой причине был подвергнут казни. Между тем изучение материалов, относящихся к миссии Малькольма, представляет убийство Хаджи Ибрагима совершенно в ином свете.

Докладная записка Д. Малькольма, адресованная в 1801 г. генерал-губернатору Индии о необходимости добиться уступки Ираном островов Харк и Кешм в Персидском заливе в компенсацию за английскую военную помощь, а также аналогичные претензии Ост-Индской компании на эти острова в 1805 и 1809 гг. не оставляют сомнений в том, что вопрос об этих островах был поднят Д. Малькольмом уже на тегеранских переговорах 1801 г. Однако эти претензии были отклонены Хаджи Ибрагимом.

Как видно эти острова в Персидском заливе понадобились Ост-Индской компании отнюдь не для воспрепятствования французским войскам в случае их похода в Индию по иранским дорогам, расположенным вдали от этих островов. Скорее всего, Ост-Индская компания собиралась использовать эти острова для осуществления торгового контроля в Персидском и Оманском заливах—важнейших водных артериях, соединяющих ближневосточные рынки с Индийским океаном, а также для оборудования на этих островах военных баз для экспансии Ост-Индской компании в Иране и в других государствах Азии.

Отклонение английских претензий на иранские острова было патристическим решением Хаджи Ибрагима, однако он предоставил Англии другие важные преимущества, подчинившие иранскую внешнюю политику интересам и контролю Ост-Индской компании, а за все это не выполнил главной задачи, поставленной шахом—договорного обязательства Англии предоставить Ирану помощь деньгами и оружием для ведения запланированной войны против России, так как ни к чему не обязывающая четвертая статья договора 1801 г. совершенно не устраивала Каджаров. Именно поэтому Хаджи Ибрагима обвинили в государственной измене и казнили его, несмотря на то, что шах и его приближенные находились в курсе англо-иранских переговоров, приведших к заключению договора 1801 г.

Не исключено поэтому, что ценой казни своего министра шах пытался снять с себя ответственность за заключение неравноправного и невыгодного для Ирана договора и одновременно показать Ост-Индской компании свое недовольство этим догово-

¹⁷⁸ Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века, Самарканд, 1961, с. 66.

ром. Этим же соображениями была продиктована миссия в Индию иранского посла—казвинского купца Хаджи Халила для продолжения переговоров о предоставлении Ирану английской военной и финансовой помощи, что, по существу, было попыткой шаха пересмотреть англо-иранский договор 1801 г. вскоре после его заключения.

По сообщению русского резидента Скибиневского посол Хаджи Халил был уполномочен предложить Ост-Индской компании гиланский шелк, а также строительство английских торговых факторий в прикаспийских портах Мазандерана и корабельной верфи в Ленкорани для создания Каспийской военной флотилии Ирана. С этой же целью шах пригласил на работу на судостроительной верфи 300 английских корабельных мастеров и других специалистов для изготовления боеприпасов для корабельной артиллерии¹⁷⁹.

Между тем задачи эти остались невыполненными из-за неожиданной смерти Хаджи-Халил-хана. По английской версии иранец был убит в Калькутте при столкновении с индийскими повстанцами, к которым Хаджи-Халил явно не имел никакого отношения, а по более правдоподобной иранской версии, англичане убили иранского посла для того, чтобы сохранить в Иране односторонние преимущества, полученные Малькольмом¹⁸⁰—причина, из-за которой по случаю смерти Хаджи-Халил-хана в Иран прибыл для выражения соболезнования представитель английского главнокомандующего в Индии Лоут, передавший шаху виру—ценные подарки и несколько орудий с боеприпасами. Политические мотивы убийства иранского посла все еще обсуждаются в иранской историографии.

Проф. М. Махмуд считает, что этот договор «был счастьем для Ост-Индской компании потому, что в 1800 г. европейские государства были или разбиты Наполеоном, или входили в коалицию наполеоновской Франции¹⁸¹. В этих условиях,—заключает М. Махмуд,—Англия находилась в политической изоляции, лихорадочно искала себе союзников на Востоке и в конце концов остановилась на Иране¹⁸².

По мнению другого иранского историка Шафи Джавиди «Фатх-Али-шах был недоволен англо-иранским договором 1801 г., потому что был уверен, что Англия не выступит против

своего союзника — царской России»¹⁸³, а договор «был вынужден подписать только потому, что при дворе шаха и в иранской армии усиливалось влияние Англии»¹⁸⁴. Шах мог рассчитывать на английскую помощь для ведения войны против России, хотя и сомневался в этом исходя из общих планов английского правительства использовать русские войска в европейской войне против Франции.

Наибольшего внимания заслуживает оценка англо-иранского договора, данная историком Х. Мехдеви. «Фатх-Али-шах,—отмечает этот автор,—ошибочно считал, что с помощью договора, заключенного с Малькольмом, он добьется английской помощи в борьбе против России, однако англичане ловко обманули его тем, что получили в Иране торговые привилегии, а взамен не дали Ирану конкретных обязательств, связанных с Россией. Неслучайно поэтому,—заключает Х. Мехдеви,—после дипломатической удачи Малькольма и его возвращения в Индию в Иране был казнен участник переговоров с Малькольмом садр азам шаха Хаджи Ибрагим-хан Эттемад Эд-Довле по обвинению в государственной измене»¹⁸⁵. Не исключено поэтому, что нуждается в уточнении преобладающее в советской историографии мнение о том, что Фатх-Али-шах в 1801 г. решил вступить в войну с Россией, рассчитывая на поддержку Англии¹⁸⁶. Шах, безусловно, рассчитывал на английскую помощь. Однако, как показывают факты, до 1809 г., когда был заключен новый англо-иранский договор, у шаха, обманутого английской дипломатией в 1801 г., еще не было большой уверенности в английской поддержке. Эта неуверенность шаха прежде всего была вызвана тем, что в компенсацию за помощь Ост-Индская компания требовала аннексии Англией иранских островов Харк и Кешм в Персидском заливе, а шах решительно отклонил эти требования на переговорах с Малькольмом.

Неуверенность в английской помощи была вызвана и отсутствием в договоре четких английских обязательств по оказанию Ирану помощи для войны против России, как указывалось в отношении Афганистана. Неуверенность в получении английской помощи просматривается и в стремлении шаха добиться французской помощи вслед за заключением договора с Малькольмом, а также в убийстве иранского посла в Калькутте. Договор прикрывал английские планы политического и экономического закаба-

¹⁷⁹ АКАК, т. I, док. № 973.

¹⁸⁰ مهدوی عبدالرضا هوشنگ تاربخ روابط خارجی ایران ص 111

¹⁸¹ محمود محمود، تاربخ روابط سیاسی ایران و انگلیس... ص ۲۹

¹⁸² Там же.

شفیع حمادی، ترمین و تبادلات، ص ۳۳۴

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ مهدوی عبدالرضا هوشنگ تاربخ روابط خارجی ایران، ص ۱۱۰

¹⁸⁶ См. «Всемирная история», т. VI, с. 102.

ления Ирана, способствовал вовлечению Ирана в орбиту международных конфликтов и конфронтаций.

Только после распада четвертой антифранцузской коалиции Англия пересмотрела свою политику в отношении России с учетом франко-русского сближения, Тильзитского мира и пятой антифранцузской коалиции (без участия России).

Лишившись русского союзника, Англия в новых условиях могла вернуться в Иран только при своей активной помощи Каджарам в условиях продолжавшейся русско-иранской войны, так как в течение восьми лет (после заключения англо-иранского договора 1801 г.) Англия воздерживалась от военной помощи Ирану из боязни потерять русского союзника в Европейской войне, а Франция этим воспользовалась, хотя и не предоставила Ирану широкой военной поддержки.

После образования в 1809 г. пятой антифранцузской коалиции английская помощь Каджарам предназначалась не только для продолжения войны Ирана против России, но и играла роль «пропуска» для вступления Англии в Иран в целях вытеснения из Ирана французского посольства Гардана.

Подобно тому, как Наполеон до заключения Тильзитского мира провоцировал иранского шаха на войну против России для разобщения и ослабления русских сил, сражавшихся против Франции в Европе, в новых постетильзитских условиях нечто подобное пыталась делать Англия: вооружая, обучая и финансируя иранскую армию для продолжения войны против России, Англия рассчитывала не допустить участия России в борьбе против пятой антифранцузской коалиции. И, поскольку русско-иранская война велась после Тильзитского мира главным образом на территории Восточной Армении, Англия так же, как и Франция, добивалась сохранения каджарской власти в Восточной Армении.

Английская дипломатия не могла не учитывать при этом, что Наполеон разжигал вражду между Россией и Англией и преднамеренно задерживал выполнение секретных статей Тильзитского мира, когда помогал Ирану и Турции в их борьбе против России.

Усилившиеся разногласия между Россией и Францией угрожали дальнейшему существованию Тильзитского союза, который дал очередную трещину после заключения 12 октября 1808 г. Эрфуртской союзной конвенции, так как император Александр не дал себя втянуть в войну против Австрии и, не считаясь с континентальной блокадой, содействовал торговле с Англией.

Другая задача английской дипломатии состояла в изгнании из Ирана французского посольства генерала Гардана, который изучал маршруты, ведущие из Ирана в Индию, и добивался ратификации шахом Фиккенштейнского договора, несмотря на заключение Тильзитского мира.

С помощью нового договора с Ираном Англия собиралась ликвидировать Фиккенштейнский договор 1807 г., заменить французских военных советников в армии Аббас-мирзы английскими офицерами и обеспечить «безопасность» Британской Индии путем заключения новых договоров не только с Ираном, но и с Турцией, Афганистаном и Синдом.

В индийском вопросе Англия руководствовалась традиционным «животным страхом», а не объективной оценкой тогдашних международных отношений. После того как Англия и Австрия образовали пятую антифранцузскую коалицию, Наполеону, начавшему войну против Австрии, было не до Индии.

К тому же героическая борьба испанского народа, сорвавшая завоевательные планы Наполеона и оттянувшая к Испании французские войска, вызвала большое оживление антинаполеоновского движения в Европе.

Опасаясь французского вторжения в Индию после заключения франко-русских соглашений в Тильзите и Эрфурте, Англия создала в 1809 г. вокруг Индии и на дальних подступах к ней оборонительный пояс: 5 января был заключен англо-турецкий (Дарданелльский) договор о союзе, завершивший двухлетнюю англо-турецкую войну; 12 марта Англия заключила договор с Ираном; 17 июня — с Афганистаном, а 22 августа — с Синдом.

Английский план вторжения в Иран состоял из набора континентальных средств давления, угроз и подкупов. 10 мая 1808 г. в Бушире высадился английский морской десант в составе трех кораблей и 500 матросов. Малькольм доставил в Иран укрывавшегося в Индии отпрыска династии Зендов Мохаммед-Али-хана, претендовавшего на шахский престол. Эта вооруженная интервенция, не совместимая с суверенитетом Ирана, была провалена иранской конничей, отбросившей в воды Персидского залива англо-индийских морских пехотников. Малькольма в Тегеран не допустили, несмотря на горы подарков, которые он привез, а состоявшиеся в мае переговоры садрама Мирза-Шефи с представителем Малькольма капитаном Пасли предназначались для изучения английских предложений и успокоения Гардана. Шах стремился сохранить союз с французами и неофициальный контакт с Малькольмом, который, после нескольких попыток получить разрешение на въезд в Тегеран, отказался от дальнейших переговоров, считая их несовместимыми с достоинством посла великой державы, объявил, что отправляется в Индию и скоро вернется с войсками. 12 июня 1808 г. Малькольм отплыл в Калькутту ни с чем, а 14 октября в Бушире высадился Харфорд Джонс, командированный британским правительством. В «Хронологических выписках по истории Индии» К. Маркс по этому

поводу отмечает: «Второе посольство в Персию *embargas de richesse* (из животного страха перед Наполеоном) в Тегеран в 1808 г. были направлены послы из Лондона—сэр Харфорд Джонс, а из Калькутты—сэр Джон Малькольм»¹⁸⁷. В Иране Джонс встретили лучше, чем Малькольма. Этой перемене Джонс был обязан штурму Ереванской крепости русскими войсками, ограниченными размерами французской военной помощи Ирану и английским угрозам оккупировать остров Харк и блокировать иранские порты Персидского и Оманского заливов.

На подступах к Тегерану впереди Джонса и его свиты¹⁸⁸ двигался караван подарков на 500 тыс. туманов. Когда 20 ящиков зеркал уже были доставлены к воротам столицы, а Харфорд Джонс получил разрешение войти в Тегеран, ген. Гардан энергично протестовал, но все было кончено. При приближении британской миссии Гардан выехал в Тебриз, ставший его новой резиденцией¹⁸⁹, а в Тегеране остались от миссии два француза—Жуанен и Персна.

14 февраля 1809 г. английское посольство было торжественно встречено в Тегеране, а на аудиенции 17 февраля шаху были переданы послание английского короля, бриллиант стоимостью в 25 тыс. туманов, 30 тыс. английских ружей с патронами, 20 полевых орудий с 40 ящиками боеприпасов, были представлены 30 английских офицеров для обучения иранской армии и объявлено о назначении шаху ежегодного английского пособия в размере 160 тыс. туманов¹⁹⁰.

12 марта 1809 г. был подписан предварительный англо-иранский договор.

В первой статье официального текста отмечалось, что все восемь статей предварительного договора являются основой для заключения впоследствии окончательного договора. Вторая статья провозглашала союз и дружбу между иранским шахом, английским королем и их наследниками. Третья статья объявила недействительными все другие договоры, заключенные Ираном с европейскими странами (в том числе англо-иранский договор 1801 г. и франко-иранский договор, заключенный в Финкенштейне в 1807 г.).

¹⁸⁷ Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии, М., 1947, с. 113.

¹⁸⁸ Джонса сопровождали: политический советник Генри Шеридан, секретарь Джеймс Морисер, капитан Сутерленд, Виллок, Брук и врач Джекс.

¹⁸⁹ Наполеон наказал ген. Гардана за то, что он покинул Тегеран 17 апреля 1809 г. без санкции императора.

¹⁹⁰ После подписания договора эта сумма была увеличена на 40 тыс. туманов.

В случае занятия иранской территории войсками европейской державы Англия, по статье четвертой, обязалась поставлять Ирану оружие или выдать соответствующую субсидию, размер которой будет определен в окончательном договоре. Англия должна была предоставлять помощь до тех пор, пока в Иране будут находиться европейские войска и пока не будет заключен мир между воюющими странами, в том числе и тогда, когда Англия заключит мир с той европейской страной, с которой Иран будет находиться в состоянии войны.

Ряд статей содержали обязательство иранского шаха не пропускать через иранскую территорию войска, направляющиеся в Индию.

Иран обязался присоединиться к Англии в случае нападения на Индию Афганистана или другой страны.

Договор запрещал Ирану вступать в какие-либо переговоры, направленные против Англии или британских владений в Индии (ст. 8), а в случае возникновения войны между Ираном и Афганистаном Англия обязалась не вмешиваться в эту войну без согласия воюющих стран (ст. 7). С согласия иранского шаха англо-индийские войска могли временно базироваться на острове Харк или в любом из иранских портов Персидского залива с гарантированным дружественным отношением к ним местного населения (ст. 6).

Предварительный англо-иранский договор 1809 г., заключенный в ходе русско-иранской войны, был направлен главным образом против России и народов Закавказья, так как английская помощь Ирану была предназначена для установления каджарской власти в Закавказье как гаранта длительного английского преобладания в Иране, независимо от будущих англо-русских отношений.

Договор был направлен и против наполеоновской Франции. По лаконичной оценке К. Маркса, «шах персидский изгоняет из Персии всех французов; прекращает всякие нападения на Индию и в случае необходимости препятствует таковым силой оружия; в иностранной торговле обеспечивает покровительство исключительно англичанам»¹⁹¹.

После провалившихся попыток французской миссии в Константинополе установить через французского дипломата Жуанена переписку с Тебризом и восстановить франко-иранские дипломатические отношения французская дипломатия не хотела мириться со своим поражением, и Наполеон в 1810 г. предпринял

¹⁹¹ Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.), М., 1947, с. 105.

очередную попытку возобновить свои отношения с Ираном. Император Франции отправил к Фатх-Али-шаху вице-консула в Багдаде Жоржа Утрея, который должен был открыть в Персии французское посольство, развернуть борьбу против английского влияния и предложить шаху обещанные ген. Гарданом 20 тыс. ружей и другое вооружение для усиления иранской армии. Однако, когда в декабре 1810 г. французский поверенный в делах Жорж Утрей вступил на территорию Ереванского ханства, сардар передал ему приказание Аббас-мирзы покинуть ханство.

* * *

После возобновления в 1809 г. русско-турецкой войны обстановка в Закавказье складывалась для русских войск неблагоприятно, несмотря на то, что война в то время велась, в основном, на Дунайском фронте.

Ввиду разбросанности и малочисленности русских войск в Закавказье и русско-турецкой войны Россия нуждалась в прекращении иранской войны.

2 июля военный министр приказал ген. Тормасову «не производить никаких военных операций и находиться в оборонительном положении»¹⁹².

Каджары, в свою очередь, хотели заставить русских воевать на два фронта и неустанно трудились над созданием ирано-турецкой коалиции, а с наступлением лета приступили к боевым операциям на широком фронте.

Войска ереванского сардара Гусейн-Кули-хана сосредоточились у крепости Ахалкалаки для нападения на Грузию. 10 тысяч солдат принца Мохаммед-Али-мирзы (старшего сына шаха) опустошали Памбакскую и Шурагельскую провинции¹⁹³, а двадцатитысячная армия Аббас-мирзы вторглась в Карабах¹⁹⁴ и в середине августа пыталась овладеть Елизаветполем (Гянджой)¹⁹⁵. Однако иранцы избегали боев с частями русского корпуса и отходили. Неудачи иранских войск летом 1809 г. убедили Аббас-мирзу и его министра Мирза-Бозорга в необходимости возобновления мирных переговоров с Россией, прерванных в 1808 г.

¹⁹² ЦГВИА ф. ВУА, д. 406, 1808—1809 гг., лл. 12—16.

¹⁹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 406, лл. 1—3.

¹⁹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 404, лл. 12—15.

¹⁹⁵ См. Дубровин Н. История войны, т. V, 1887, с. 238—241.

после того как русский главнокомандующий Тормасов¹⁹⁶ потребовал присоединения к России Ереванского и Нахичеванского ханств и установления границы по течению рек Кура, Аракс и Арпачай¹⁹⁷.

Между тем Харфорд Джонс внушил наследному принцу, будто эти русские условия перемирия были выдвинуты не правительством России, а по инициативе главнокомандующего Тормасова и, дескать, поэтому переговоры надо вести непосредственно в Петербурге. К командующему русскими войсками в Молдавии и Валахии ген. Багратиону был направлен (через Константинополь) малоизвестный иранский дипломат Хаджи-Хусейн-хан Кербалаи.

Министр иностранных дел России граф Румянцев предложил ген. Багратиону отправить Хаджи-Хусейн-хана в Петербург (через Киев), а ген. Тормасова предупредил, что переговорам о мире должно предшествовать соглашение о перемирии и что «если персы будут настаивать на ведении переговоров в Петербурге, перемирие надо заключить на 2 или на 5 лет при обязательном условии занятия русскими войсками Ереванского и Нахичеванского ханств в виде залога»¹⁹⁸. Генерал Тормасов, в свою очередь, написал Аббас-мирзе о необходимости предварительного заключения перемирия и бесполезности отправлять в Петербург Хаджи-Хусейн-хана, не имевшего полномочий для заключения мира.

Вначале наследный принц ответил Тормасову, что Хаджи-Хусейн-хан будет дожидаться в Петербурге прибытия другого иранского дипломата, наделенного необходимыми полномочиями, а когда ген. Багратион разрешил Хаджи-Хусейн-хану отправиться в Киев, Аббас-мирза изменил свое решение и отозвал Хусейн-хана в Иран. Как видно, это решение было вызвано деятельностью Хаджи-Хусейн-хана в Константинополе, где он вел переговоры с Великим визирем, вероятно по вопросу образования ирано-турецкой коалиции, а также посетил французское посольство и встречался с французским дипломатом Жуаненом, высланным из Ирана. Все это не осталось незамеченным английским послом в Турции Эдером и не могло не вызывать возмущения у Харфорда Джонса, потребовавшего возвращения Хаджи-Хусейн-хана в Тебриз.

¹⁹⁶ Александр Петрович Тормасов (1752—1819 гг.) с июня 1808 г. находился в подчинении ген. Гудовича, которого заменил 14 февраля 1809 г. после неудачного штурма Ереванской крепости.

¹⁹⁷ См. Дубровин Н. История войны, т. V, с. 242, 243.

¹⁹⁸ АКАК, т. IV, до. № 1082.

Вся эта инсценированная история с миссией Хаджи-Хусейн-хана показывает, что после того как Аббас-мирза отправил в Лондон министра иностранных дел Мирза Аболь-Хасан-хана с текстом англо-иранского договора 1809 г. для ратификации английским правительством, Каджары создавали только видимость, что добиваются мира и прекращения войны против России, тогда как на деле последний принцип только запугивал англичан такой перспективой для того, чтобы ускорить ратификацию договора и предоставление Ирану английской помощи. Этим же целям были подчинены далекий маршрут поездки в Россию Хаджи-Хусейн-хана и особенно его демонстративные встречи с французскими дипломатами в Константинополе, угрожающие Англии франко-иранским сближением.

Необходимость заключения перемирия до переговоров о мире привела к прекращению миссии Хаджи-Хусейн-хана, так как для давления на Англию иранская дипломатия теперь уже собиралась использовать переговоры о перемирии между ген. Тормасовым и Мирза-Бозоргом.

Прибывшего 5 февраля 1810 г. в Тебриз барона Вреде для согласования условия ведения переговоров заставили ждать три недели, как выяснилось, до возвращения из Константинополя иранского эмиссара. Вполне допустимо поэтому, что Аббас-мирза собирался использовать переговоры о перемирии и для давления на Турцию: угрожая прекращением русско-иранской войны и неизбежной переброской русских войск с иранского фронта на турецкий, Каджары рассчитывали ускорить создание турецко-иранской военной коалиции и расшевелить турецкого султана, который еще находился под впечатлением разгрома австрийцев наполеоновскими войсками, недооценивал противоречий талышских союзников и дожидался исхода борьбы Наполеона с пятой антифранцузской коалицией.

Переговоры Тормасова с Мирза-Бозоргом в Аскеране (недалеко от Шуши) начались 21 апреля 1810 г. и продолжались 17 дней¹⁹⁹. Наибольшие споры в течение первых шести дней переговоров были вызваны определением статуса Талышского ханства, который был естественным оборонительным рубежом, вписанным в горный рельеф, и стратегическим плацдармом для опе-

¹⁹⁹ В связи с тем, что ген. Тормасов прибыл в Аскеран 20 апреля 1810 г. (на день раньше Мирза-Бозорга), отдельные историки ошибочно считают, что переговоры в Аскеране продолжались 18 дней (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6/86, лл. 19—24).

раций сухопутных и военноморских сил. Талышский хан Мир-Мустафа лавировал между Россией и Ираном, хотя и отказался выдать свою восьмилетнюю дочь за старшего сына шаха Мохаммеда-Али-Мирзу, за что иранская конница Фараджуллах-хана 16 сентября 1809 г. блокировала Ленкорань²⁰⁰.

В письме А. П. Тормасова М. Б. Барклаю де Толли о переговорах в Аскеранской крепости, прерванных вмешательством англичан, отмечается, в частности, что переговоры были близки к успешному завершению, когда из Тегерана были получены секретные инструкции, заставившие Мирза-Бозорга отказаться от согласованных статей перемирия и предложить ген. Тормасову новые, совершенно неприемлемые условия: присоединение к Ирану Талышского ханства, а также прекращение боевых действий русских войск на территории Ахалцихского и Карсского пашалыков и признание иранских прав на Дагестан²⁰¹.

Тормасов считал не без основания, что «причина неуспеха в заключении перемирия с Персией—в щедро рассыпанном Англией золоте, в снабжении Персии оружием, пашмыми чиновниками и даже войсками»²⁰².

Впоследствии выяснилось, что уже на второй день аскеранских переговоров—23 апреля 1810 г. в Тегеране было получено письмо генерал-губернатора Индии Минто, который выражал недовольство Харфордом Джонсом, и сообщил об откомандировании в Иран Малькольма с 12 артиллерийскими орудиями, боеприпасами, 20 тыс. европейских ружей и сукнами для обмундирования иранских солдат²⁰³.

Несмотря на то, что всего этого было далеко недостаточно для существенного изменения соотношения сил, информация Минто о третьей миссии Малькольма сыграла не последнюю роль в провале переговоров о перемирии в аскеранской крепости. Были и другие причины. Шаху, например, было известно о назначении нового английского посла в Тегеране Лузли, который тоже должен был доставить в Иран оружие и деньги, предусмотренные англо-иранским договором 1809 г. В срыве аскеранских переговоров определенную роль сыграли Харфорд Джонс и турецкая дипломатия. Еще 25 марта 1810 г. на закрытом совещании с Аббас-мирзой, Мирза-Бозоргом и ереванским сардаром английский посол согласился на переговоры о перемирии в Аскеране при условии, се-

²⁰⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6186, лл. 19—24.

²⁰¹ Дубровин Н.—История войны, т. V. СПб., 1887, с. 286.

²⁰² ЦГИА Грузинской ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, л. 408.

²⁰³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, л. 120—127.

ли каймакам незамедлительно прервет переговоры с Гормасовым как только выяснится готовность Порты заключить союз с Ираном. Не менее показательно, что выдвинутое Мирза-Бозоргом на заключительном этапе переговоров требование о прекращении операций русских войск на территории Каресского и Ахалцихского пашалыков было недвусмысленным приглашением к заключению ирано-турецкой коалиции, и с удовлетворением воспринято султаном, который после этого отправил в Тегеран своего эмиссара с ценными подарками для Фатх-Али-шаха и Аббас-мирзы и обещал предоставить в их распоряжение 12 тысяч турецких солдат и офицеров²⁰⁴, а эрзерумский сараскир, в свою очередь, на 96 верблюдах доставил ереванскому сардару Гусейн-Кули-хану порох и свинец²⁰⁵. Уже в августе 1810 г. Иран и Турция заключили союзный договор и поручили турецкому послу в Тегеране Сеид-Абдул-Вахаб-Эфенди и турецкому генералу Хайрет-эфенди разработать координационный план совместных операций турецких и персских войск для захвата Тбилиси летом 1811 г.

До объединения с турками персы предприняли несколько попыток овладеть Карабахом, однако 21 июля 1811 г. были отброшены из района Шуши отрядом ген. Хатунцева²⁰⁶, а 14 августа не смогли проникнуть в Карабах со стороны Нахичевана²⁰⁷. Неожиданно сорвалась и встреча турецких и иранских войск 30 августа у крепости Магизберд (на правом берегу Арпачая) после того, как выстрелом неизвестного курдского террориста был ранен турецкий командующий Эмин-эфенди-паша.

31 августа, 17 и 22 сентября 1811 г. Аббас-мирза безуспешно пытался овладеть Мегри, а полковник Котляревский в ночь на 8 декабря штурмом овладел крепостью Ахалкалаки²⁰⁸.

9 ноября 1811 г. в Тегеран прибыл из Лондона новый английский посол Гор Аузли, который передал шаху 120 тыс. туманов для продолжения войны с Россией (кроме 200 тыс. туманов, которые выдавались шаху ежегодно по договору 1809 г.), а 14 марта 1812 г. подписал с садразамом Мирза-Шефи «окончательный» договор, заменивший preliminary договор 1809 г.

Первая статья договора аннулировала союзы, заключенные Ираном с европейскими государствами, а шах обязался не допу-

скасть в Иран войска европейских стран, а также частных лиц европейского происхождения.

В случае вторжения в Иран европейской армии Англия, по второй статье договора, обязалась ежегодно (до окончания войны) выплачивать шаху 200 тыс. туманов на содержание иранской армии или отправить в распоряжение шаха англо-индийские войска. Если какая-либо европейская держава (имелась в виду Россия), воевавшая с Ираном, пожелает заключить мир с Англией, последняя (согласно статье третьей) приложит усилия для примирения Ирана с этим европейским государством или предоставит Ирану помощь (согласно статье второй), или будет выплачивать шаху субсидию в размере 200 тыс. туманов до заключения мира и направит в Иран своих офицеров для обучения шахской армии.

Против России была направлена и статья седьмая, по которой Англия обязалась направить в прикаспийские районы Ирана из Лондона и Бомбея британских морских офицеров, моряков и инженеров для строительства корабельных верфей и морского флота.

Пятая и шестая статьи касались Афганистана. В случае возникновения англо-афганской войны шах должен был отправить свою армию против афганцев, а в случае ирано-афганской войны Англия обязалась соблюдать нейтралитет, пока оба государства не будут ходатайствовать перед Англией быть посредником для заключения мира.

В других статьях говорилось о выдаче Англией иранских эмигрантов (ст. 8), временном нахождении английских военных кораблей в водах и портах Персидского залива (ст. 9), выплате Англией жалования английским военным советникам (ст. 10) и др.

Англо-иранский договор 1812 г. был заключен в период обострения франко-русских отношений и англо-русского сближения и, несмотря на это, был направлен против России, особенно статьей четвертой, которая не только провоцировала Иран на продолжение бесперспективной войны с Россией, но и подчеркнуто открыто финансировала Иран для ведения этой войны. Эта традиционная двойственность британской внешней политики прослеживается и в предоставлении Англией дополнительных ассигнований Фатх-Али-шаху, не предусмотренных договором и дублирующих английскую военную помощь.

Другая особенность английской экспансии в Иране накануне вторжения в Россию «великой армии» Наполеона состояла в частности, в том, что Англия получила по договору 1812 г. официальное право обосноваться на неопределенный срок на побе-

²⁰⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6186, лл. 22—22 об.

²⁰⁵ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 416, оп. 2, д. 14, л. 332.

²⁰⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. 354.

²⁰⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. 355.

²⁰⁸ АКАК, т. V, док. № 258 (За эту операцию полковник Котляревский получил звание генерал-майора).

реже Гиляна и Мазандерана и строить военную флотилию на каспийском берегу. Безусловно, Англией учитывалось, что эта военно-морская база может быть использована, под видом обороны далеких подступов к Индии и как стратегический рубеж для развертывания британской экспансии в направлениях Средней Азии, Кавказа в зависимости от исхода наполеоновской агрессии.

Этим, отчасти, и объясняется, что после франко-австрийского сближения (в том числе и после брака Наполеона с австрийской эрцгерцогиней Марией Луизой, предназначенного обеспечить французский «тыл» в решающей схватке с Россией) Англия не только финансировала и вооружала иранскую армию и строила Ирану военные корабли, но и перебрасывала в Иран свои сухопутные войска. В одном из архивных документов ЦГИА Грузинской ССР указывается, что в Иран прибыло через Бендер-Бушир 300 английских солдат с сотней медных пушек, 2000 ружей, 120000 денег, а также разного рода мастеров для литья пушек и построения судов в Астрабаде, Мазандеране, Гиляне и Ленгеруде²⁰⁹.

По указанию Фатх-Али-шаха глава шиитского духовенства Ирана объявил фетву о джихаде—священной войне против русских христиан, чтобы придать войне религиозный характер. Антирусская пропаганда велась и на окраинах страны. Тебризские улемы Хаджи-Мулла-Бакир, Садр-эд-Дин-Мохаммед Тебризи отправляли своих миссионеров в мусульманские районы Кавказа с антирусскими прокламациями. Злобная антирусская пропаганда велась шейхом Джафар Наджафом и Сеид-Али-Мирза-Аболь-Касемом в исфаганских мечетях²¹⁰.

На переправе через Куру был пойман миссионер турецкого султана Шахсевар-бек с обнаруженными у него воззваниями к народам Дагестана и передан Джафар-Кули-ханом Шекинским русскому главнокомандующему²¹¹.

Английские дипломаты явно уговаривали Каджаров воспользоваться переброской на Запад русских войск и восстанием крестьян в Кахетии²¹², недовольных усилением эксплуатации и злоупотреблениями царских чиновников, и всячески разжигали религиозную вражду.

²⁰⁹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 416, оп. 2, л. 14, л. 404.

²¹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4312, л. 1—2.

²¹¹ См. Ибрагимбейли Х. М. Россия и Азербайджан, с. 130.

²¹² См. Маркова О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г., М., 1951.

4. ГЮЛИСТАНСКИЙ МИР

Накануне Отечественной войны 1812 г. Россия была крайне заинтересована в прекращении русско-иранской и русско-турецкой войн. На пути к достижению этой цели корпус М. И. Кутузова разгромил 22 июня 1811 г. под крепостью Рушук (недалеко от Бухареста) 60-тысячную турецкую армию Ахмет-бея. Последствия этого разгрома, а также победа русских войск под Калафатом на Дунае и взятие русскими войсками Ахалкалаки заставили Турцию 16 мая 1812 г. заключить с Россией мир в Бухаресте.

За 38 дней до начала Отечественной войны Бухарестский мир лишил Францию турецкого союзника и позволил России перебросить свои войска с турецкого фронта на борьбу с Наполеоном.

Потерял турецкого союзника и Фатх-Али-шах, рассматривавший Бухарестский мир как предательство турецкого султана, так как по ирано-турецкому договору 1810 г. мир с Россией турки обязались заключить только с согласия Ирана и одновременно с Ираном.

Англия тоже потеряла турецкого союзника, поскольку Бухарестский мир провалил английские планы по созданию ирано-турецкой коалиции против России и положил конец войне России на два фронта—против Турции и Ирана, хотя и воспользовалась статьей шестой Бухарестского мира²¹³ о возвращении части земель, завоеванных Россией, для обоснования иранских претензий на Закавказье.

Не исключено также, что разгром турецкой армии Ахмет-бея под крепостью Рушук 22 июня 1811 г. сыграл не последнюю роль в провале ирано-турецкого союза тем, что заставил эрзерумского и трапезундского сараскеров воспользоваться ранением Эмин-пашы, чтобы покинуть своих иранских союзников.

Распространяемые англичанами сведения о подготовке французской армии к вторжению в Россию были восторженно встречены Каджарами. Уже в конце 1811 г. иранское командование пыталось воспользоваться переброской русских войск из Закавказья, однако в ночном штурме 20 декабря 1811 г. отряд Котляревского с боем овладел Ахалкалакской крепостью²¹⁴. Благодаря храбрости 17-го егерского полка и отваге армянских ополченцев провалились попытки Аббас-мирзы овладеть крепостью Мегри и Зангезурским магалом²¹⁴.

В конце января 1812 г. вторгшиеся в Карабах подразделения наемников Аббас-мирзы встретили сопротивление армянского на-

²¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 3092.

²¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4258, лл. 374—375.

селения и в районе Шуши захватили лишь зимовку кочевников Султан-Буд²¹⁵.

7 апреля 1812 г. министр иностранных дел Румянцев предписал Ртищеву возобновить мирные переговоры с Ираном, начатые ереванским сардаром Хусейн-ханом еще в марте месяце, и не допускать на эти переговоры англичан. Однако в том же месяце, с согласия Румянцева, Ртищев отправил в Ереван надворного советника Фрейгана для встречи с Аузли (а не с иранскими властями), чтобы по просьбе герцога Серра-Каприола—бывшего неаполитанского посла в России, английский посол содействовал заключению мира между Россией и Ираном на основе статус-кво, а Аузли этим воспользовался, и только в день вторжения наполеоновских войск в Россию, 21 июля 1812 г., ответил через Фрейгана, что уполномочен шахом вести переговоры с Россией вместе с Аббас-мирзой, и что Иран отвергает принцип статус-кво на переговорах с Россией.

Несмотря на то, что Фатх-Али-шах по Бухарестскому миру 16 мая 1812 г. потерял турецкого союзника, а спустя два месяца—18 июля, лишился английского союзника (по англо-русскому договору в Эрберо Англия обязалась помогать России в войне против Франции), восточная политика Англии оставалась антирусской. «Если до 1812 г.,—отмечает проф. М. Г. Нерсисян,—эта политика Англии осуществлялась открыто, без маскировки, то после 18 июля 1812 г. стала проводиться в завуалированной форме»²¹⁶. Английские офицеры Монтис, д'Арсен, Стоун, Кристи, Линсей через месяц после заключения договора в Эрберо участвовали в боях против русских союзников в районе Талыша и Ленкорани, а на поле боя у Асландуза были подобраны трупы английских офицеров. Этот бой произошел после провала сентябрьских переговоров в Асландузе ген. Ахвердова с министром наследного принца Мирза-Бозоргом и секретарем английской миссии Д. Мюрнером, на которых персы и англичане добивались восстановления довоенных границ, так как рассчитывали на победу наполеоновских войск и восстание крестьян в Кахети, а ген. Ахвердов, по инструкции Румянцева и ген. Ртищева, предлагал установить границу на основе статус-кво с сохранением русской флотилии в Каспийском море и русского протектората над Талышским ханством. 17 октября 1812 г. Аббас-мирза сосредоточил 15 тысяч солдат у асландузского брода на Араксе и готовился к очередному вторжению в Карабах. Однако ген. Котляревский опередил

²¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, лл. 269—272.

²¹⁶ Нерсисян М. Г. Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа. Ер., 1965, с. 272.

его: в ночь на 19 октября совершил 70-километровый обходной марш через горы, форсировал Аракс и, выйдя в тыл иранских войск, атаковал их с трех сторон и отбросил за реку Даравурт (Даравюрд). На следующий день ген. Котляревский снова обрушился на остатки иранского отряда. За подвиг под Асландузом Котляревский получил звание генерал-лейтенанта и орден Георгия третьей степени, а в декабре 1812 г. он снова сражался с персами—освободил армянский город Аркеван, а 31 декабря штурмом овладел Ленкоранской крепостью в Талышском ханстве²¹⁷.

С окончанием Отечественной войны 1812 г. ожидалось значительное усиление Кавказского корпуса. Англичане опасались, что продолжение русско-иранской войны может привести к новым территориальным потерям Ирана и к ослаблению в этой стране английского влияния. К тому же намечалось участие России в шестой антифранцузской коалиции, и английские дипломаты, многие годы разжигавшие эту войну, стали активными поборниками мира.

Что же касается Фатх-Али-шаха и Аббас-мирзы, то они оставались в плену реваншистского угара, недооценивали возможности поражения наполеоновских войск в России, переоценивали возможности английской помощи и готовились к летней кампании 1813 года.

В начале 1813 года ген. Ртищев предложил прекратить огонь на 50 дней и сразу приступить к переговорам на основе статус-кво. План этот был принят Каджарами и одобрен английским послом Аузли, который рассчитывал, что за 50 дней наполеоновская угроза будет устранена и возникнут более благоприятные условия для разработки условий будущего мира.

Ртищев и Мирза-Аболь-Хасан-хан согласились встретиться в Гюлистане для обсуждения условий будущего мира. Однако, по вине английского посла, эта встреча произошла не сразу. Русский главнокомандующий отправил своего адъютанта в Тебриз для встречи и сопровождения иранской делегации. «Однако к тому времени,—рассказывает иранский проф. М. Махмуд,—еще не все вопросы переговоров с русскими были согласованы между шахом и английским послом. Поэтому адъютанту генерала Ртищева было предложено отправиться в ставку шаха в Уджаны и там дожидаться приезда Аузли, который в Тебризе вел переговоры с Аббас-Мирзой, а когда английский посол прибыл в Уджаны, адъютанту Ртищева снова предложили подождать, пока шах переговорит с Аузли»²¹⁸.

²¹⁷ АКАК, т. V, док. № 858. Подробно см. Сокологуб В. Биография ген. Котляревского, Тифлис, 1854.

²¹⁸ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگلستان، ص ۱۳۳.

Добиваясь английских гарантий и поддержки, Каджары всячески рекламировали свои связи с английскими дипломатами для укрепления своих позиций на переговорах с ген. Ртищевым, хотя и понимали при этом заинтересованность Англии в использовании русских армий против наполеоновских войск.

После разгрома французских полчищ в России Наполеон вернулся в Париж и за короткое время собрал трехсоттысячную армию. В ответ на это Россия, Англия, Швеция и Пруссия образовали шестую антинаполеоновскую коалицию, которая весной 1813 года встретилась с французами в Саксонии. Когда в мае Наполеон одержал победу в сражении при Лютцене, Аузли заявил шаху, что если он предпочтет идти своим путем и откажется заключить на «сходных» условиях перемирие с Россией, Англия прекратит выплату субсидий.

При этом Аузли предлагал отправить иранского представителя в Петербург и вместе с Англией добиваться возвращения потерянных Ираном территорий.

Иранский проф. М. Махмуд осуждает Аузли и других английских дипломатов за то, что «они вмешивались во внутренние дела Ирана»²¹⁹, однако при этом обходит главную причину поражения Ирана — разгром иранской армии Аббас-Мирзы и восставших вместе с ним английских офицеров.

Народы Закавказья оказали огромную помощь русским войскам на всех этапах русско-иранской войны 1804—1813 гг.

Весомый вклад в эту победу внес армянский народ, несмотря на то, что Ереванская и Нахичеванская провинции Восточной Армении были присоединены к России позднее, в результате второй русско-иранской войны 1826—1828 гг. и заключения Туркманчайского мира.

Бескорыстная помощь армянского народа русским войскам в начале присоединения Восточной Армении к России была отмечена в специальной «Грамоте Александра I армянскому народу за верность и усердие к России» от 15 сентября 1813 года.

«С истинным удовольствием,—говорится в грамоте,—усмотрели мы приятное для сердца нашего новое свидетельство о тех чувствованиях верноподданнической благодарности, коими все сословия армян, в Грузии обитающих, всегда были преисполнены. Они доказали свои чувства на многократных опытах и непоколебимой верности во всех случаях; они отличались примерным постоянством и преданностью, пребыли тверды и непоколебимы в своем усердии к нам, жертвуя имуществом своим и всеми средствами и самою жизнью на пользу службы нашей и для блага

²¹⁹ Там же, с. 132, 134.

общего. Таковое усердие всего армянского народа в Грузии и всех сословий, оный составляющих, заслуги их и подвиги полагают на нас приятную обязанность засвидетельствовать перед целым светом справедливую нашу им признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство в честь и славу их в памяти потомков»²²⁰.

Гюлистанский мир завершил русско-иранскую войну 1804—1813 годов, усилил политическое, экономическое и военное влияние России на Востоке и нанес удар по интересам западных держав, которые не могли не считаться с возросшим международным авторитетом России после ее исторической победы в Отечественной войне 1812 г.

Гюлистанский мир был победой русской дипломатии над английской, которая в сложных международных условиях не могла не учитывать перспективы операций русских войск в Европе в дальнейшей борьбе против Наполеона, который в мае 1813 г. в сражениях при Лютцене и Бауцене, а в августе того же года — под Дрезденом успешно отразил натиск антинаполеоновской коалиции и по-прежнему навел ужас на англичан. В это время Англия не без основания опасалась оттолкнуть от себя Россию и была вынуждена содействовать прекращению русско-иранской войны, которую сама же финансировала и разжигала.

Решившись на этот поворот в политике, Англия не могла не учитывать, что армия наследного принца Аббас-мирзы потерпела поражение в сражениях при Асландузе и Ленкорани, что «Персия разбита в войне с Россией»²²¹, а усиленный резервами Отдельный Кавказский корпус мог углубиться в Ереванское и Нахичеванское ханства, перейти Аракс и завершить разгром Ирана.

Капитуляция армии шаха была вызвана и тяжелым экономическим положением Ирана, ослабленного десятилетней войной, голодными бунтами крестьян и восстаниями племен на окраинах²²². В ходе напряженной дипломатической борьбы, предшествовавшей заключению Гюлистанского договора, Англия добивалась, чтобы между Ираном и Россией был подписан не мир, а длительное перемирие, с последующим заключением предварительного соглашения. Англичане явно рассчитывали дожидаться исхода гошны в Европе, чтобы и послевоенной международной

²²⁰ АКАК, т. V, док. № 1058, с. 945, Ср. ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, л. 159, л. 7; Нерсисян М. Г. Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа, Ер., 1965, с. 277; Сборник документов Института истории АН Арм. ССР «Присоединение Восточной Армении к России», т. I, № 483, Ер., 1972, с. 623—624.

²²¹ Ленинский сборник, т. XXIX, Тетради по империализму, 1936 г., с. 351.

²²² بینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران ص ۱۷۴

обстановке добиться выгодного мира и не допустить в Иране усиления влияния России. Однако Россия заключила мир 12 октября—за четыре дня до решающей «битвы народов» под Лейпцигом, в которой войска шестой коалиции разбили наполеоновскую армию, а Англия не успела воспользоваться последствиями этой победы в Иране.

Гюлистанский мир сыграл важную роль в исторических судьбах всех народов Закавказья. Статьей третьей этого договора Иран признал присоединение к России Гянджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Талышского, Бакинского ханств, а также Карабаха, Лорийской Шамшадинской, Зангезурской и Шурагельской провинции Восточной Армении²²³.

Иранская делегация настаивала, чтобы линия границы указывалась в договоре только в общих чертах. Делалось это для того, чтобы в последующем, ссылаясь на неопределенность границ, добиваться пересмотра договора или сохранить повод к новой войне.

Не случайно, например, специально оговаривалось, что после ратификации Гюлистанского договора границы Талышского ханства со стороны Энзели и Ардебил будут окончательно определены комиссарами сторон на основании статус-кво. Известно, что именно проблема Талыша была использована в качестве повода к новой войне.

Статьей четвертой Россия обязалась оказывать помощь тому из сыновей шаха, который будет назначен им наследником престола, чтобы, как говорится в этой статье, «никакие внешние неприятели не могли вмешаться в дела Персидского государства и дабы помощь Высочайшего Российского Двора Персидский Двор был подкреплена». Далее указывается, что в случае споров между сыновьями Россия не будет вмешиваться в эти споры, пока сам шах не попросит об этом.

В момент подписания договора наследником иранского престола был Аббас-мирза, которого царская Россия официально признала только в 1819 г., в обстановке временного улучшения русско-иранских отношений. Статья эта частично была направлена против Англии, которая с помощью Аббас-мирзы активно вме-

шивалась в иранские дела. То обстоятельство, что Россия более 5 лет после подписания Гюлистанского договора не признавала официально Аббас-мирзу наследником престола, говорило о том, что предпринималась попытка ослабить его влияние в Иране и оторвать Аббас-мирзу от проанглийской ориентации.

Против английского влияния в Иране была направлена и статья V. Известно, что по англо-иранскому договору 1812 г. английское правительство обязалось построить на Каспийском море военно-морской флот. Гюлистанский договор 1813 г. запретил Ирану и любому другому государству, кроме России, иметь на этом море военный флот (этот запрет не распространялся на торговые суда Ирана).

Другие статьи договора предусматривали освобождение пленных в течение трех месяцев после подписания договора (ст. VI); стороны признали взаимное право назначать консулов; устанавливались нормы дипломатического этикета и прерогативы консулов; Ст. VII ограничивала численность дипломатического персонала (не более десяти человек). Это ограничение было включено в договор по настоянию главы иранской делегации Мирза-Аббас-Хасан-хана, который считал, что под видом дипломатов в Иран могут быть введены войска.

Три статьи касались равноправных и взаимовыгодных торговых отношений, транзита и пятипроцентной пошлины на товары сторон²²⁴.

К договору был приложен так называемый «Сепаратный акт», по которому «посланник, имеющий право отправиться от Персидского двора с поздравлением к Российскому двору, повеленные ему от своего шаха просьбы предоставит на волю Великого Императора. Главнокомандующий же Российский обещает по возможности употребить старание о просьбах Персии»²²⁵. Этим «актом» Иран обеспечил себе право на ведение дальнейших переговоров не на Кавказе, а в Петербурге, где, по мнению иранцев, пограничные дела были менее известны, чем на Кавказе, и где Каджары надеялись на территориальные уступки России²²⁶.

²²⁴ Русско-иранскими договорами 1732 и 1733 гг. российским купцам было предоставлено право «беспошлинного торга». Аналогичное право было предоставлено и Англии договорами 1763 и 1801 гг. По запретительному тарифу 1755 г. в Баку и Астрахани на экспортируемые русские товары налагались пошлины в размере 23%.

²²⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1987, оп. I, л. 429, л. 1. Ср. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI, СПб., 1886, с. 129.

²²⁶ Предложенный Ираном первоначальный проект «Сепаратного акта» предоставлял иранским послам право просить царя об уступке Ирану некото-

²²³ Текст Гюлистанского договора см. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые, СПб., 1869, с. 208—214; Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях, МИД, М., 1946, с. 24—26; ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. I, л. 429, л. 1—3; Персидский текст Гюлистанского договора см.: محمود محمود تاريخ روابط سياسي ايران و انگلستان جلد 1 ع 1861.

Генерал Ртищев согласился подписать тот «акт», чтобы быстрее заключить с Ираном мир в обстановке усиливавшихся прорусских настроений в Закавказье.

Александр I ратифицировал Гюлистанский договор в Париже 21 мая 1814 г., а спустя два месяца ратифицированный шахом договор Мирза-Аболь-Хасан-хан привез в Тифлис²²⁷.

* * *

Иранская буржуазная историография, как правило, оставляет в тени экспансионистскую политику Каджаров и считает, что они приступили к войне только после того как ее начала Россия. Повторяя давно опровергнутую версию о «Завещании Петра», свергнутый в 1979 г. шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви объяснял причину первой русско-иранской войны натиском России в направлении Персидского залива. «Русский царь,—аргументировал шах свои доводы,—начал войну для удержания Грузии, а кончил ее присоединением к себе восьми областей»²²⁸, захваченных, добавим мы от себя, иранскими войсками во время завоевательных походов.

Автор «Военной истории Ирана» Джамиль Гузанлу осуждает Каджаров за то, что они «пустили на ветер успехи Ирана и результаты 10-летней русско-иранской войны, а в компенсацию за признание Аббаса-мирзы наследником престола отказались от Каспийского моря»²²⁹.

Большинство иранских историков увязывает причины первой русско-иранской войны с политикой Англии. Профессор Махмуд Махмуд в «Истории ирано-английских политических отношений в XIX веке» и профессор Али Акбар Биша в «Политической и дипломатической истории Ирана» утверждают, что «Англия стремилась ослабить и отвлечь Иран и Россию от Индии и с этой целью спровоцировала между ними войну»²³⁰.

рых областей с условием, что эта просьба будет удовлетворена Россией. Однако русская делегация отклонила этот проект (АКАК, т. VI, ч. II, докл. № 267, с. 128).

²²⁷ Гюлистанский договор вступил в силу после возвращения из Ирана ген. Ермолова в 1817 г. и опубликования этого договора 7 августа 1818 г.

²²⁸ محمد رضا شاه پهلوی، «مأوردت برای وطنم»، تهران، ۱۳۱۱، ص ۳۴.

²²⁹ حمید قزوینی، «تاریخ نظامی ایران»، تهران، ۱۳۱۵، ص ۸۱۲.

²³⁰ علی اکبر بیضا، «تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران»، جلد اول، ص ۱۶۱.

Профессор Тебризского университета Ахмед Таджбахш в книге «Ирано-русские отношения в первой половине XI века» также осуждает британское правительство: «Англия спровоцировала первую русско-иранскую войну для того, чтобы Иран не помогал Наполеону. А когда русское наступление стало опасным для Индии, англичане стали добиваться мира». Таджбахш считает еще, что Англия поступила так не потому, что была заинтересована в безопасности Индии, а действовала так только в своих политических интересах²³¹. Вместе с тем Таджбахш пытается прикрыть агрессивную политику Каджаров в отношении народов Закавказья ссылками на ограниченность и неосведомленность правившей Ираном династии²³².

Насер Наджми в книге «Аббас-мирза—храбрейший и самый патриотический сын династии Каджаров и войны Ирана с царской Россией», вышедшей в свет в 1947 г., призывает азербайджанцев и всех иранцев следовать примеру смелости и патриотизма Аббас-мирзы. Он пытается убедить читателя в том, что население Азербайджана всегда шло за этим кадjarским принцем, умалчивая при этом, что население Тебриза разрушило дворец Аббас-мирзы и открыло ворота этого города русским войскам.

По мнению тегеранского проф. Махмуд Махмуда, видного в Иране исследователя англо-иранских дипломатических отношений в XIX в., «Гюлистанский договор был навязан Ирану Россией благодаря настоянию английского посланника Лузли»²³³. Анализируя противоречия между Англией, Ираном и Россией, М. Махмуд замечает: «в то время, когда шах готовился к продолжению борьбы с Россией в надежде на возвращение потерянных территорий в Закавказье, англичане с помощью Гюлистанского договора хотели успокоить русских, чтобы подготовить их к войне с Наполеоном в Европе»²³⁴. М. Махмуд осуждает Англию за то, что будто бы она «наладила хорошие отношения России с Турцией», затем, ссылаясь на книгу об Иране лорда Керзона, упрекает английских дипломатов Лузли и Фрезера, которые недружелюбно относились к Ирану и помогли России «овладеть иранскими территориями»²³⁵. М. Махмуд обратил внимание

احمد تاجبخش، روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم، تبریز، ۱۳۳۷، ص ۱۷۵.

²³² Там же, с. 174.

²³³ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۰۱.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же, с. 132.

лишь на одно из двух основных направлений английской внешней политики того времени, которое действительно было связано с планами использования русских армий против Наполеона в Европе, а другое, которую обходит иранский историк, пыталась не допустить усиление влияния России в Иране и не допустить полного разгрома Ирана. Неудивительно поэтому, что в 1813 г. Англия выступала в роли поборницы мира и в то же время доставила Аббас-мирзе из Индии 20 орудий и 12 тысяч винтовок. В Тебризе английские офицеры отливали пушки и обучали армию Аббас-мирзы. В марте 1813 г. английский офицер Монтис воевал против русского отряда на территории Ереванского ханства, а потом охранял брод, чтобы не допустить перехода русского отряда через Аракс.

«Пацифистское» направление в английской политике в Иране, вызванное интересами антифранцузской коалиции, было неожиданностью для шаха и его сановников и вызвало резкое, хотя и непродолжительное обострение в англо-иранских отношениях. Касаясь этого вопроса, Аузли в своих мемуарах писал, что шах угрожал объявить его персоной нон грата и расторгнуть англо-иранский договор 1812 г., а Аузли, по словам Махмуда, ответил ему, что договор этот не может быть денонсирован одной из сторон до тех пор, пока шах не расплатится с английскими долгами²³⁶.

Для натянутых англо-иранских отношений характерно следующее заявление Аббас-мирзы, сделанное им в 1813 г. посланнику Аузли перед поездкой английского офицера д'Арсен в Лондон: «Я прикажу часовым стрелять в д'Арсен, который знает секреты иранской армии и дислокацию наших войск и может сообщить об этом русскому командованию»²³⁷.

При сложившихся тогда обстоятельствах правительство шаха пыталось разработать самостоятельный курс своей внешней политики (без участия английского посланника). Это подтверждается, в частности, переговорами иранского посла в Константинополе Хусейн-Ага с французским послом Андреосен осенью 1813 г. и обращением Ирана к правительству Австрии с просьбой о посредничестве на русско-иранских переговорах о мире.

В армянском селении Гюлистан ген. Ртищев спешил заключить с Ираном мир, а возглавлявший иранскую делегацию Мирза-Аболь-Хасан-хан пытался придать договору черты предварительного соглашения. В итоге граница в Талыше осталась неопре-

деленной, а «Сепаратный акт» вызвал отрицательную реакцию в Петербурге, несмотря на то, что предоставил иранским дипломатам только формальное право обращаться к царю с просьбами иранского правительства.

Гюлистанский мир не разрешил русско-иранских противоречий. С помощью Англии и в обход англо-русского союза 1812 г. шах рассчитывал пересмотреть Гюлистанский договор и восстановить довоенные границы.

Россия тоже не была удовлетворена Гюлистанским договором, так как рассчитывала присоединить к России Ереванское и Нахичеванское ханства и завершить присоединение к России всего Закавказья.

Ген. Ртищев спешил заключить с Ираном мир, а возглавлявший иранскую делегацию на переговорах в Гюлистане известный своими связями с Англией Мирза-Аболь-Хасан-хан выполнял предписания Аузли и пытался придать Гюлистанскому договору черты предварительного соглашения. В итоге границы государств остались неопределенными (например, в Талыше) и был подписан «Сепаратный акт», который вызвал отрицательную реакцию в Петербурге, несмотря на то, что предоставил иранским дипломатам только формальное право обращаться к царю с просьбами иранского правительства.

Иранская делегация в Гюлистане объявила, что будет добиваться пересмотра договора, который собиралась подписать, и воспользуется для этого сепаратным актом. Однако благодаря внесенным поправкам акт этот подавал только надежду на великодушные царя.

Гюлистанский мир не разрешил русско-иранских противоречий. С помощью Англии шах рассчитывал пересмотреть этот договор и восстановить прежние границы, несмотря на то, что эта бесперспективная политика не соответствовала ограниченным экономическим и военным возможностям Ирана после войны. Царская Россия тоже не была удовлетворена Гюлистанским договором, потому что рассчитывала присоединить к России Ереванское и Нахичеванское ханства и тем самым завершить присоединение к России Восточной Армении, всего Закавказья и установить границу по Араксу.

В результате русско-иранские отношения остались неопределенными и натянутыми, а Англия всячески пыталась воспользоваться этим, несмотря на существование англо-русского союза (1812 г.), чтобы в противовес Гюлистанскому миру заключить с Ираном новый англо-иранский договор.

²³⁶ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگلیس، ص ۱۳۰

²³⁷ См. там же, с. 136—137.

БОРЬБА АНГЛИЙСКОЙ И ИРАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЗА ПЕРЕСМОТР ГЮЛИСТАНСКОГО ДОГОВОРА И РАЗВЯЗЫВАНИЕ НОВОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ

1. ТЕГЕРАНСКИЙ (АНГЛО-ИРАНСКИЙ) ДОГОВОР 1814 г.

После заключения Гюлистанского договора, ослабившего влияние Англии в Иране, английский посланник Г. Аузли был отозван в Лондон, а вместо него в Тегеран отправлен Генри Эллис с проектом нового англо-иранского договора, составленного с учетом новой международной обстановки, возникшей в результате победы России в Отечественной войне 1812 г., и в войне с Ираном, а также в результате крушения империи Наполеона и ослабления французских позиций на Среднем Востоке.

Проект нового англо-иранского договора, названного Тегеранским, был составлен на основе «окончательного» англо-иранского договора 1812 г. и двух других договоров, заключенных в 1801 и 1803 гг. и указывающих на преемственность договорной системы Великобритании на Среднем Востоке.

До второй реставрации Бурбонов английская дипломатия опасалась обострения англо-русских отношений из-за антирусского содержания проекта нового англо-иранского договора, который противоречил англо-русскому союзному договору 1812 г. и Гюлистанскому договору 1813 г.

Показательно, что проект Тегеранского договора был секретным, не обсуждался в английском парламенте и, несмотря на то, что был заключен 13 (25) ноября 1814 г., не был опубликован до 1839 г.

По статье первой этого неравноправного договора Иран обязался аннулировать свои союзные отношения со всеми европейскими странами, находившимися во враждебных отношениях с Англией. Это означало, что Иран должен был постоянно следить за всеми коалициями, в которых участвовала Англия, чтобы аннулировать свои соглашения с врагами Англии.

Против России была направлена и статья третья. Границы между Ираном и Россией должны были, по этой статье, определяться с согласия и при участии Англии. Это означало, что через год после заключения Гюлистанского договора побежденный в войне Иран вместе с Англией, за спиной России и без ее согласия, решили пересмотреть границы Гюлистанского договора. «Англия и Иран,—говорится в этой статье,—отказываются

признавать границу, установленную Гюлистанским договором»¹. Рассчитанный на противодействие возросшему русскому влиянию, Тегеранский договор сохранял повод для разжигания пограничных конфликтов и пересмотра границ, а Англия назначила себя участницей русско-иранских переговоров о границах.

В этой связи иранский историк проф. Аббас Эгбал писал, с полным основанием, что в политическом отношении договор 1814 г. «передал Англии независимость Ирана, превратил его в орудие Лондонского двора и должен был свести на нет значение Гюлистанского договора»². Колониальная политика Англии прослеживается и в статьях о предоставлении Ирану финансовой и военной помощи Англии. «В случае нападения на Иран европейской державы,—говорилось в статье четвертой,—Англия по просьбе Ирана будет помогать шаху войсками в требуемом количестве (командный состав, вооружение, снаряжение и обмундирование) или выплачивать на время войны ежегодную субсидию в размере 200 тыс. туманов при условии, если английский посол будет контролировать расходование этих сумм»³, а Иран не будет зачинщиком войны. На первый взгляд, эта статья должна была затруднить осуществление реваншистских планов Ирана, так как в случае иранской агрессии в Закавказье шах не мог рассчитывать на военную и финансовую помощь Англии. Однако статья четвертая дополнялась статьей шестой, в которой говорилось, что если европейская держава будет воевать с Ираном (а с Англией у нее будут мирные отношения), король Англии будет добиваться прекращения войны, в противном случае Англия будет помогать Ирану войсками и деньгами до окончания войны⁴. Это означает, что статья шестая не только находилась в противоречии с той частью статьи четвертой, где оговаривались последствия возможной иранской агрессии, но и предоставляла Англии свободу действий, в том числе и право на финансирование и вооружение иранской армии и в случае нападения Ирана на европейскую страну, независимо от ее отношений с Англией. С учетом этой двойственной дипломатии Великобритании В. И. Ленин писал, что англо-иранский договор 1814 г. для Англии был «оборонительно-наступательным»⁵.

¹ См. Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, 1961, с. 176.

² اقبال عباسی تاریخ مفصل ایران از استیلای مغول تا انقراض قاجاریه تهران ۱۳۲۰ ص ۳۶۸

³ См. Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813—1828 гг., Ереван, 1967, с. 21.

⁴ محمود محمود تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس ص ۱۴۴

⁵ Ленин В. И., Тетрадь материалов о Персии. Полн. собр. соч., т. 28, с. 704.

Позднее, уже в ходе второй русско-иранской войны, когда обозначилось поражение Ирана, русский посол в Лондоне Х. А. Ливен доказал Д. Каннингу, что англо-иранский договор 1814 г. был главной причиной второй русско-иранской войны⁶.

Не считаясь с фактами, бывший шах Ирана Мохаммед-Реза Пехлеви в книге «Миссия для моей родины» назвал Тегеранский договор не иначе как «оборонительным союзом, целиком и конкретно предназначенным для воспрепятствования русским»⁷, несмотря на то, что в 1804 г. иранские войска первыми начали войну с Россией и глубоко вклинились в Закавказье, на которое не имели ни каких прав.

В отличие от Мохаммеда Резы Пехлеви английский историк Кей считал Тегеранский договор «оскорбительным для Ирана»⁸; иранский историк профессор Аббас Эгбал называл этот договор «одним из самых злосчастных и наихудших в иранской истории»⁹; а другой иранский профессор М. Махмуд указывал, что эти и другие ошибки Ирана были вызваны тем, что «Фатх-Али-Шах потерял разум от подарков Англич, а его министр иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хан четверть века получал у Англич ежегодную персональную пенсию в размере 1500 туманов»¹⁰.

В целом Тегеранский договор предоставил Англии возможность развязать войну Ирана против России в выгодной для Англии международной обстановке. Это проливает свет на причины, из-за которых Англия в течение 12 лет после заключения Тегеранского договора воздерживалась от предоставления Ирану военной и финансовой помощи для нападения на Россию. До второй реставрации Бурбонов Англию пугала наполеоновская угроза, а с начала 20-х годов — революционное движение в странах Европы. Лондонский двор учитывал приверженность царизма к легитимизму и контрреволюционному «Священному союзу» и в связи с этим рассчитывал использовать в Европе русские войска для окончательной победы над Наполеоном и подавления европейских революций.

⁶ АВПР, ф. МИД, Канцелярия, д. 6964.

⁷ پهلوئی محمد رضا ماموریت برای وطنم تهران ۱۳۱۱ ص ۴۳

⁸ Kaye J. W. The life and correspondence of Major-General Sir John Malcolm, v. 1, London, 1856. p. 150.

⁹ اقبال عباسی تاریخ مفصل ایران ص ۳۶۷

¹⁰ محمود محمد تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس ص ۱۴۳

* * *

Англия стремилась сохранить в тайне от России заключение Тегеранского договора для того, чтобы облегчить задачу Г. Аузли, находившегося в Петербурге вместе с иранским министром иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-ханом, для пересмотра Гюлистанского договора на переговорах с царем. Однако Александр I находился в Европе. Дождавшись его возвращения, иранский посол установил в Петербурге контакты с английским послом Кэткартом, заменявшим его лордом Уальполем и секретарем посольства Р. Кер Портером¹¹. Предприимчивый лорд Уальполь от имени Аболь-Хасан-хана составил письмо Александру с просьбой разрешить иранскому посольству на основании Сепаратного акта приехать во Францию или дать согласие «на уступку Ирану нескольких областей или пограничных районов, которые мешают России, доставляют ей массу хлопот и от которых Россия не имеет никакой пользы, кроме убытков»¹². Отмечалось еще, что Иран вправе ожидать эту уступку, поскольку Россия согласилась уступить Турции занятые русскими войсками Ахалкалаки и Потти по Бухарестскому договору 1812 г., и что иранский посол уже около года находится в России и безрезультатностью своего прибытия рискует вызвать недовольство шаха¹³.

После бегства Людовика XVIII Г. Аузли чаще других британских дипломатов встречался с Мирза-Аболь-Хасан-ханом в Царском Селе, сообщил ему о поездке в Тебриз секретаря английской миссии Д. Кемпбелла, чтобы убедить Аббас-мирзу «в невозможность нового похода Наполеона на Восток и в необходимость не допускать в Иран французских эмиссаров»¹⁴. В Министерстве иностранных дел России Аузли добивался английского посредничества на русско-иранских переговорах. Тайному советнику Вейдемейеру он советовал «уступить Ирану все земли к югу от Терека и Кавказского хребта»¹⁵, а иранскому министру предлагал отправиться с ним в Лондон, чтобы у английского правительства потребовать выполнения прежних английских обязательств. Г. Аузли пытался таким путем уйти от ответственности

¹¹ Ker Porter. Travels in Georgia, Persia, v. I, London, 1821, pp. 332, 353—354.

¹² АКАК, т. V, с. 761.

¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 502, л. 19.

¹⁴ محمود محمد تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس ص ۱۴۱

¹⁵ «Военный сборник» 1887 г., № 2, с. 208—209; Дубровин Н. Ф. История войны, т. VI, с. 199.

и развязать себе руки, чтобы уехать в Англию, не дожидаясь возвращения царя.

До вступления в Париж войск седьмой коалиции (6—8 июля 1815 г.) Мирза-Аболь-Хасан-хан считал, что активность Наполеона поднимет иранский престиж в международных отношениях и благоприятно отразится на его переговорах в Петербурге. «Когда Наполеон перешагнул через Альпы,—замечает М. Махмуд,—война в Европе могла окончиться поражением Англии. Поэтому в то время значение Ирана возросло, а цена его дружбы неожиданно поднялась». «100 дней» Англия не сводила с Ирана глаз, так как в случае победы Наполеона Россия могла уступить на переговорах с Ираном¹⁶. Когда одновременно с высадкой во Франции Наполеона его эмиссар Давид-хан (Мелик Шахназарян) 2 марта 1815 г. отправился в Иран из турецкой столицы, Фатх-Али-шах и Аббас-мирза с нетерпением ожидали его приезда. Они не посчитались с унизительными обязательствами шаха по статье первой Тегеранского договора «не допускать в Иран лиц из европейских стран, враждебно настроенных по отношению к Англии»¹⁷ и не обратили внимания на секретаря английской миссии Кэмпбелла, который по поручению Г. Аузли, напуганного бегством Наполеона с Эльбы, доставил из Петербурга письмо Аббас-мирзе. А когда иранский посол в начале июня 1815 г. прибыл в Тегеран, шах не скрывал своего раздражения, получив письмо не от Наполеона, который в это время торжественно присягал французской конституции, палатам парламента и армии, а от Людовика XVIII, который еще 19 марта бежал из Парижа.

Во время «100 дней» Наполеон уже в последний раз пытался восстановить прерванные связи с иранским шахом. 9 июня в Константинополь вторично прибыл его дипломат Жобер. Вместе с французским поверенным в делах Руффеном он энергично взялся за дело: переписывался с шахом, собирался поехать в Иран, но ничего не достиг из-за Ватерлоо и второй реставрации Бурбонов.

Следившая за действиями французского эмиссара английская разведка в Турции информировала о нем английское посольство в Петербурге, а Г. Аузли обратил на это внимание царского правительства.

Английские дипломаты, озабоченные деятельностью дипломатов Наполеона, создавали впечатление, что Жобер восстанавливает шаха против России, несмотря на то, что поздно вечером

19 марта 1815 г. в письменном столе кабинета короля, бежавшего из Парижа, Наполеон нашел секретный договор Англии, Франции и Австрии против России. Людовик XVIII бежал так внезапно, что впопыхах забыл у себя в столе этот документ, а Наполеон, в решении которого покинуть Эльбу немалую роль сыграли дошедшие до него слухи о разногласиях на Венском конгрессе, отправил в Вену курьера, который вручил этот документ императору Александру.

Несмотря на то, что деятельность Жобера в Константинополе почти не изучена, можно полагать, что до второй реставрации Бурбонов он добивался раскола антифранцузской коалиции путем выхода из нее России, и потому в 1818 г. приехал на Кавказ и встречался с А. П. Ермоловым¹⁸. Нельзя не учитывать также, что в Константинополь он приехал тогда, когда Порты, воодушевленная возвращением Наполеона во Францию, проводила в отношении России враждебную политику: эрзерумский сараскир с 20-тысячным отрядом двинулся в Ахалцихский пашалык, а трапезундский паша отправил к русской границе 12 тыс. солдат.

Недовольный затянувшимся пребыванием Аболь-Хасан-хана в России, Аббас-мирза тоже пытался воспользоваться возвращением Наполеона. Он отправил в Турцию посла Мирза-Резу для переговоров о союзе и в нарушение Гюлистанского договора, отказался репатриировать пленных¹⁹. Не исключено поэтому, что приехавший в Константинополь Жобер вначале содействовал антирусской деятельности турок и персов, а после второй реставрации Бурбонов содействовал франко-русскому сближению.

Капитуляция Наполеона существенно повлияла на русско-иранские и англо-иранские отношения. У Ирана оставалось мало надежды на активную английскую поддержку, так как Франция оказалась отброшенной со Среднего Востока. Иранский историк М. Махмуд писал, что у него создается впечатление, будто «Иран, втянутый в водоворот международной политики, был схвачен за шиворот, и в обстановке его внутренних и внешних несчастий, брошен в гибельную пропасть»²⁰. М. Махмуд не решается сказать, что большинство этих несчастий было уготовлено колониальной политикой Англии и захватническими устремлениями Каджаров в Закавказье. Во всяком случае, в 1815 г. Россия не имела никакого отношения к восстаниям туркмен и хузестанских арабов и вторжению хорезмского эмира в Хорасан, о которых

¹⁶ محمود محمود تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس ص ۱۴۱

¹⁷ Там же, с. 144.

¹⁸ Архив князя Воронцова, кн. 36, М., 1890 г., с. 222 (Ермолов—Воронцову, 25 октября 1828 г.).

¹⁹ Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России, с. 436—439.

²⁰ محمود محمود تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس، ص ۱۶۵—۱۶۷

пишет М. Махмуд²¹ и при этом обходит молчанием длительную поездку английского дипломата Д. Морнера в Хорасан и Астрабад к тем же туркменам накануне их выступлений. М. Махмуд не раскрывает роли английской разведки в восстании арабов Хузестана и, запутавшись в противоречиях, осуждает Англию за недостаточную военную и финансовую помощь, которая, по его словам, «довела Иран до катастрофы». Тенденция выгораживания и оправдания Каджаров за начатую им войну преобладает в иранской буржуазной историографии.

Только 12 декабря 1815 г. император Александр вернулся из Европы в Петербург. Через неделю Мирза-Аболь-Хасан-хан просил царя «уточнить Гюлистанский договор путем возвращения Ирану Восточного Закавказья и не отказать шаху в просьбах, столь ничтожных в сравнении с величием души российского императора, слава которого затмила славу Александра Македонского»²².

Через месяц Мирза-Аболь-Хасан-хан передал графу Нессельроде ноту, в которой настаивал на полном пересмотре Гюлистанского договора. «Так как Гюлистанский трактат составлен кратко и в общих чертах,—говорилось в ноте,—то я надеюсь, что в Петербурге будет заключен другой договор, более детальный и определенный, по которому великий император великодушно возвратит шаху по его просьбе ханства, уступленные России Гюлистанским трактатом, а Иран заплатит России ее военные издержки»²³. «В крайнем случае,—отмечалось далее в ноте,—иранское правительство согласно оставить России Грузию и Дагестан»²⁴.

Следовательно, речь в иранской ноте не о разграничении, а о полном пересмотре Гюлистанского договора и возвращении к границам 1801 г. Показательно, что эта нота была передана графу Нессельроде одновременно с нотой турецкого посла, предъявившего претензии султана на Западную Грузию (вопреки Бухарестскому договору), а 23 марта английское посольство в Петербурге официально поддержало демарш иранского посла²⁵. Обращение иранского, турецкого и английского послов было не слу-

чайным совпадением. После Венского конгресса, усилившего соперничество держав на Востоке, Англия стремилась усилить свое влияние в Иране и Турции и всячески разжигала недовольство этих стран Россией.

В ответной ноте МИД России отмечалось, что Гюлистанский договор не соответствует безопасности русских границ и что окончательный ответ будет дан после осмотра границ ген. А. П. Ермоловым, который заменит ген. Ртищева и отправится в Иран в качестве чрезвычайного и полномочного посла.

Комментируя это решение Нессельроде и повторяя версию Г. Ауэли, иранский историк А. Биша осуждает Александра I за то, что он «надолго задержался в Европе и задержал ратификацию Гюлистанского договора до падения империи Наполеона, а потом круто изменил политику и, сославшись на добровольное присоединение Закавказья к России, отказал Ирану даже в пяти землях»²⁶.

22 апреля Нессельроде написал Кэткарту, что нельзя допустить вмешательства Англии в русско-иранские отношения «на основании тех же государственных принципов, которыми руководствуется британский кабинет в подобных обстоятельствах»²⁷. Российский посол в Лондоне Х. А. Ливен сделал аналогичное заявление английскому правительству²⁸, и Мирза-Аболь-Хасан-хану ничего не оставалось, как вернуться в Иран.

В то время Фатх-Али-шах решил установить дипломатические отношения с Людовиком XVIII и отправил в Париж посла, который 11 июня 1816 г. был принят французским королем. В связи с сокращением английской помощи шах искал поддержку у Франции, которая рассчитывала использовать свои торговые связи с Россией и с Турцией для возобновления транзитной торговли с Ираном через порты Черного и Средиземного морей и восстановления в Иране позиций, с которых была вытеснена английской дипломатией.

²⁶ АКАК, т. V, с. 774—775.

²⁷ بینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران ص ۱۸۲

²⁸ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XI, СПб, 1895, с. 265—266.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Французский текст этой ноты приведен в книге А. П. Шербатова «Генерал-фельдмаршал князь Паскевич», т. II, СПб, 1890. Приложение к I главе, с. 3.

²⁴ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, ф. 1146, л. 291, лл. 322—333.

²⁵ АКАК, т. VI, ч. 2, с. 115.

2. ПОСОЛЬСТВО А. П. ЕРМОЛОВА В 1817 г.

Гюлистанский мирный договор 1813 г. был опубликован 16 июля 1818 г. Задержка с вступлением в силу этого договора была вызвана, главным образом, борьбой английской и иранской дипломатии за пересмотр Гюлистанского договора, усилившейся после заключения в 1814 г. Тегеранского договора, войной против наполеоновской Франции и необходимостью стабилизации русско-иранских отношений.

Указом Александра I от 29 июля 1816 г. А. П. Ермолову было предписано отправиться в Иран в качестве «чрезвычайного и полномочного министра»²⁹ на переговоры с Фатх-Али-шахом для решения территориальных и пограничных вопросов, открытия в Тебризе русской дипломатической миссии, торгового представительства в Реште, торговых агентств в Энзели и Астараде, а также для освобождения военнопленных русско-иранской войны и признания Аббас-мирзы наследником иранского престола³⁰.

«Я искренне желаю быть с Персией в мире»³¹, — писал Александр и предлагал Ермолову удостовериться, нельзя ли в Талышском и Карабахском ханствах провести новую границу и «обменять приобретенный за Араксом Талыш на Ереванское и Нахичеванское ханства». Инструкция предписывала не делать Ирану существенных уступок без санкции Петербурга, а Ермолов, еще до поездки в Иран, осмотрел спорные участки русско-иранской границы и в ноябре 1816 г. доложил Александру, что Ирану ничего отдавать нельзя. Наиболее важным был вопрос о границах. Англо-иранская дипломатия добивалась их пересмотра на основе «Сепаратного акта» Гюлистанского договора, с помощью которого иранцы получили право обращаться по этому вопросу непосредственно к царю. Пока велась война против наполеоновской Франции, вопрос этот оставался открытым. Теперь же, после заключения в 1814 г. англо-иранского (Тегеранского) договора, направленного против России, Ермолов должен был положить конец иранским претензиям, так как это отвечало интересам народов Закавказья и России и наносило удар по антирусской политике Англии.

Ермолову предлагалось «не допускать посредничества английских дипломатов на переговорах и ликвидировать английское влияние в Иране»³².

Ермолов был вынужден разъяснить своему министру иностранных дел, что такая постановка вопроса означает, что надо было сделать англичан ненужными для Ирана, т. е. заменить их во всех тех отношениях, в которых шах и Аббас-мирза считали их необходимыми. Но англичан, отмечал Ермолов, удерживает в Иране не только Аббас-мирза, заинтересованный в реорганизации и обучении иранской армии. Не менее прочно иранцев связывают с англичанами деньги, которые составляли мизерную часть прибыли Ост-Индской компании и щедро раздавались иранским министрам, а последние злоупотребляли слабостью шаха и склоняли его в пользу Англии³³. «В денежных вопросах, — писал Ермолов графу Нессельроде, — русские заменить англичан не в состоянии»³⁴. В этой связи иранский проф. М. Махмуд, цитируя Р. Ватсона, упрекал Фатх-Али-шаха в том, что тот окружил себя алчными людьми, а Ермолов, дескать, пытался воспользоваться этим и решить поставленные перед ним задачи дорогими подарками царя, — теми же средствами, которые применялись английскими дипломатами задолго до Ермолова³⁵.

Еще накануне поездки в Иран Ермолов отправил капитана Назарова в Константинополь к русскому послу Строганову для получения дополнительной информации об англо-турецко-иранских отношениях, так как Турция в то время сосредоточила войска на границе с Россией и с помощью своих агентов вела антирусскую пропаганду на Кавказе, а английская дипломатия после заключения Гюлистанского мира добивалась смягчения старых ирано-турецких разногласий с целью объединить эти страны против России³⁶.

Российское министерство иностранных дел стремилось не допустить вмешательства Англии в переговоры Ермолова.

Нессельроде предписал русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену, что в отношениях России со странами Азии нельзя допустить «ни посредничества, ни вмешательства иностранной державы», и что Англия «в состоянии наилучшим образом понять причины, из-за которых Александр не отступит от этой аксиомы»³⁷, особенно после того как Англия перед этим отклонила предложение о посредничестве России в англо-американском конфликте.

²⁹ АКАК, т. VI, ч. 2, докл. 356, с. 186.

³⁰ Там же.

³¹ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس، ص ۱۶۶.

³² АВПР, МИД, Канцелярия, 1813, д. 2285, л. 37—38.

³³ «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», т. XI, СПб., 1895, с. 265—266.

²⁹ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 441, л. 14.

³⁰ Там же, л. 14 об., 15.

³¹ Там же.

³² Там же.

Посол Ливен довел до сведения английского правительства о миссии Ермолова в Иран и указал на недопустимость вмешательства Англии «в исключительные интересы России»³⁸. На это заявление Ливена британский министр иностранных дел Р. Кэстлри ответил многозначительным молчанием. «Я должен с удивлением отметить,—рассказывал об этой встрече Ливен,—о том полнейшем молчании Кэстлри, когда дело касалось этого вопроса»³⁹.

Ермолов не мог не убедиться, что в Тавриз без англичан ничего не делается, что чуть ли не по всем вопросам Аббас-мирза консультировался с находившимся при нем английским поверенным Г. Виллоком, который вместе с другим английским дипломатом Д. Кэмпбеллом добивался согласия Ермолова на их участие в переговорах с шахом и Аббас-мирзой. «При дворе Аббас-мирзы живут иностранцы,—писал об англичанах Ермолов,—все их замыслы направлены против России и одобряются принцем»⁴⁰. Аббас-мирза объявил Ермолову, что на демаркации границы в Талыше иранским комиссаром будет английский офицер, и что он уже закупил в Англии оружие и обмундирование для иранской армии.

Англичане организовали тайное наблюдение за Ермоловым. В записках Н. Н. Муравьева, опубликованных в 1866 г. в «Русском архиве», отмечается, в частности, что по поручению британского посла в Петербурге Кэткарта секретарь британского посольства Кер Портер отправился по следам Ермолова в Иран под видом путешественника живописца⁴¹.

Переговоры Ермолова с Аббас-мирзой носили напряженный характер. С самого начала посол осудил «чулочную дипломатию» и отказался войти во дворец Аббас-мирзы без сапог, а наследный принц в отместку за обиду принял Ермолова у себя во дворе, стоя на каменном помосте.

На переговорах Аббас-мирза пытался доказать права Ирана на отошедшие к России области в Закавказье, не скрывал, что с сожалением видит их в пределах России, и болезненно реагировал на все возражения⁴². Было очевидно, что Аббас-мирза хочет задержать Ермолова в Тебризе, чтобы выяснить и сообщить шаху о полномочиях и намерении посла возвратить Ирану Карабах и Талыш, однако до встречи с шахом Ермолов уклонялся от прямых ответов.

³⁸ Там же, с. 265.

³⁹ Там же.

⁴⁰ АКАК, т. VI, ч. 2, док. № 340, с. 176.

⁴¹ «Русский архив», 1886, кн. 5, с. 15.

⁴² См. АКАК, т. VI, ч. 2, док. № 340, с. 178—179.

Фатх-Али-шах, следивший за этими переговорами из Тегерана, отправил в Тебриз своего министра Абдул Вахаба, который, подобно Аббас-мирзе, тоже просил у Ермолова территориальных уступок, обещал за это помочь в репатриации военнопленных и даже пытался напугать посла перспективой новой войны⁴³.

Усилия Ермолова освободить пленных ни к чему не привели. Сформированный Аббас-мирзой из числа военнопленных так называемый «Русский батальон» за несколько часов до прибытия в Тебриз российского посла был спешно отправлен на турецкую границу якобы для подавления курдского восстания. В Тебризе Ермолов содержался, как невольник. Вокруг и даже на крыше дома, где он остановился, круглосуточно дежурил караул, предназначенный не столько для его охраны, сколько для того, чтобы не допускать к Ермолову военнопленных. Группа бывших русских солдат при попытке пробраться к послу была арестована и жестоко наказана, а один из пленных бросился с крыши караван-сарая, где в то время находились солдаты посольства. Ермолов заявил Абдул Вахабу, что «посол Российского императора не забудет этих гнусных поступков иранских властей»⁴⁴, а Мирза-Бозоргу пригрозил опубликовать показания солдат о преступлениях шахских тюремщиков⁴⁵.

Не смог Ермолов договориться и об открытии в Реште генерального консульства. Мирза-Бозорг заявил послу, что Аббас-мирза еще не принял на себя управление Гиляном, и потому он не может дать разрешения на открытие консульства без санкции шаха, к которому ему и следует обратиться⁴⁶.

Ничего не добившись в Тебризе, посольство Ермолова в июле 1817 г. отправилось в Султанне, где находилась летняя резиденция шаха. Туда же, вслед за Ермоловым, выехали англичане—Г. Уиллок, Д. Кэмпбелл и Р. Кер Портер.

Судя по официальному отчету Ермолова, на переговорах с шахом, которые начались 31 июля и продолжались целый месяц, он прежде всего добивался освобождения военнопленных, учреждения русской миссии в Тебризе, а также торговых представительств на севере страны⁴⁷. Никаких территориальных уступок Ирану он делать не собирался, несмотря на то, что ежедневно после официальной части переговоров иранские министры по несколь-

⁴³ См. там же, с. 179.

⁴⁴ См. там же, с. 176.

⁴⁵ См. «Журнал посольства в Персию ген. Ермолова». М., 1861, кн. 2, разд. 5, с. 176.

⁴⁶ См. АКАК, т. VI, ч. 2, док. № 340, с. 176.

⁴⁷ См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 348, оп. 1, д. 5(71).

ку раз посещали Ермолова и поочередно просили его уступить часть Закавказья. Возможно, что поэтому Фатх-Али-шах ограничился вежливым приемом Ермолова, а для решения других вопросов предложил снова связаться с Аббас-мирзой в Тебризе, где находилось большинство русских военнопленных, и у которых надо было узнать о желании репатриироваться. Ермолов не договорился с шахом и об открытии генерального консульства в Реште. Послу заявили, что «провинция Гилян, где предполагалось открыть это консульство, дескать, уже находится в управлении Аббас-мирзы, и что поэтому вопрос этот должен решить последний принц»⁴⁸, а когда Ермолов вернулся в Тебриз, его по-прежнему уверяли, что Гилян остается собственностью шаха и что, кроме него, никто этого вопроса не решит. Столкновение экономических интересов Англии и России проявилось здесь особенно наглядно. Россия стремилась вытеснить из северных районов Ирана торговлю Англии, которая подчинила Иран своему контролю и не собиралась уступать свои позиции.

В русских архивах мы не выявили других материалов о переговорах Ермолова с шахом и потому критически отнеслись к тем опубликованным английским и иранским историками данным, которые во многом расходятся с официальным отчетом Ермолова об итогах его миссии. Иранский военный историк Голам Хусейн Моктадер отмечает, что «на территориальные требования шаха и его министров Ермолов ответил, что отчуждение в пользу Ирана некоторых районов Грузии и Карабаха не представляется возможным, так как подавляющее большинство населения этих районов—христиане, однако Россия готова отдать Ирану южную часть Талышского ханства и некоторые другие пограничные участки, при условии, если в случае войны между Россией и Турцией Иран выступит на стороне России и воздержится от заключения сепаратного союза с Турцией»⁴⁹. Проф. Бина развивает эту версию. По его словам, «шах отклонил предложение Ермолова о совместном выступлении против Турции, потому что он уже извлек для себя поучительные уроки у французского и английского правительств». Шах,—замечает далее Бина,—не мог забыть, как был обманут Наполеоном в Тильзите, где ради сближения с Россией были поправлены интересы Ирана. Не мог забыть он и измену Англии, которая принесла Иран в жертву европейскому союзу»⁵⁰. По версии этих историков, Ермолов добивался не нейтралитета Ирана в ожидае-

мой русско-турецкой войне, о чем говорилось в инструкции, а участия Ирана на стороне России. Надо полагать, что Бина, Моктадер и повторяющий их М. Махмуд извлекли эту версию из крайне тенденциозного сочинения Р. Ватсона⁵¹, который осуждает Иран за «хорошо перенесенные, отличные удары царизма».

Повторяя друг друга, иранские историки указывают, что Ермолов предложил шаху пригласить русских офицеров для обучения иранской армии⁵², открыть генконсульство в Реште и даже настаивал, чтобы шах отправил свои войска в Хиву для охраны торговых караванов России или с этой же целью разрешил подразделениям Кавказского корпуса сосредоточиться в Астрабаде⁵³, а шах, дескать, ответил Ермолову, что его предложения не предусмотрены Гюлистанским договором и потому не могут быть приняты⁵⁴.

В целом, иранские историки пересказывают английскую версию и, сами того не замечая, обвиняют шаха в том, что он во всем отказывал послу и сорвал переговоры. Чтобы ослабить это невыгодное впечатление, проф. Бина ввел в оборот версию о том, что шах непреклонно добивался соглашения и даже обещал Ермолову «отправить в Хорезм иранские войска после прекращения волнений в Герате»⁵⁵. Известно, что эти «волнения» привели к Гератскому кризису и англо-иранской войне, которая закончилась 4 марта 1857 г. заключением мира в Париже. Следовательно, если исходить из версии Бина, для реализации обещаний шаха России пришлось бы дожидаться 40 лет.

Иранская историография, постившая миссии Ермолова немало страниц, хранит молчание о тебризских встречах Ермолова со старшим сыном шаха Мохаммед-Али-мирзой, вероятно, с целью отвести от Аббас-мирзы обвинения в братоубийстве. Впрочем, конспиративные встречи с принцем отрицательно сказались и на служебной карьере Ермолова, который еще до поездки в Иран изучал возможности для усиления Мохаммед-Али-мирзы в противовес наследному принцу.

⁵¹ Watson R. C. A History of Persia from beginning of the XIX century to the Year 1858, L., 1866.

⁵² مقتدر غلام حسين، تاريخ نظامی ايران، ص ۱۷۳

⁵³ بينا علی اکبر...، ص ۱۹۱

⁵⁴ محمود محمود، ص ۱۶۷، مقتدر غلام حسين، تاريخ نظامی ايران، ص ۱۹۳

⁵⁵ بينا علی اکبر...، ص ۱۹۱

⁴⁸ بينا علی اکبر، تاريخ سياسی و ديپلوماسی ايران، ص ۱۷۴

⁴⁹ مقتدر غلام حسين، تاريخ نظامی ايران، ص ۲۹۳

⁵⁰ بينا علی اکبر، تاريخ سياسی و ديپلوماسی ايران، چاپ دوم، تهران، ۱۳۳۷، ص ۱۹۱

Ермолов учитывал, что Фатх-Али-шах опасался восстаний народов и племен и поставил своих сыновей во главе провинции⁵⁶. Наследником престола и наместником Иранского Азербайджана, важной в стратегическом и экономическом отношениях провинции, шах назначил Аббас-мирзу, мать которого принадлежала к племени Каджаров, а два его старших брата, в том числе и Мохаммед-Али-мирза, родились от невольниц⁵⁷ и потому формально не могли претендовать на престол. Несмотря на это, на окраинах государства каждый из принцев, и в первую очередь Мохаммед-Али-мирза, управлявший Керманшахской провинцией, собирал вокруг себя приверженцев, вооружал их и готовился занять трон⁵⁸.

Если Фатх-Али-шах благодаря страху, внушенному народам Ирана его суровым предшественником Ага-Мохаммед-шахом, мог надеяться, что его сыновья не начнут междоусобной войны при его жизни, то положение Аббас-мирзы было сложнее. Он не сомневался, что после смерти отца опасность будет угрожать ему повсюду: со стороны Мохаммед-Али-мирзы и других старших братьев, которые, по традиции персидских династий, претендовали на престол; со стороны младших братьев, часть которых почти независимо управляла отдаленными им областями и готовилась к захвату власти в разгаре борьбы; со стороны народов Ирана, которые связывали поражение иранской армии в минувшей войне с именем Аббас-мирзы; наконец со стороны шиитского духовенства, приписывавшего Каджарам и Аббас-мирзе «унижение» мусульман перед «неверными» — христианами России за «потерю» мусульманских ханств в Закавказье⁵⁹.

Чтобы укрепить положение наследного принца и заручиться поддержкой соседней России на случай междоусобной войны каджарских принцев, шах добивался, чтобы Россия тоже признала Аббас-мирзу наследником иранского престола. Однако Ермолов своим главным противником считал именно Аббас-мирзу, которого не хотел признавать. «Аббас-мирза добра нам не желает», — писал он Александру I. Окружив себя врагами России, он «вос-

пользуется первой возможностью, чтобы объявить войну, и он один будет ее причиной»⁶⁰.

В то время, когда Ермолов стремился противопоставить Аббас-мирзе другого принца, Мохаммед-Али-мирза спешил воспользоваться враждой Ермолова с Аббас-мирзой и с этой целью приехал в Тебриз к приезду туда русского посольства. Мечтая победить младшего брата и овладеть заветным престолом, он шел на любую политическую сделку с иностранцами. Еще в 1939 г. В. И. Антюхина обратила внимание на то, что при Наполеоне, когда Аббас-мирза ориентировался на Францию, его брат Мохаммед-Али-мирза возглавлял сторонников сближения с Англией, а когда англичане вытеснили из Ирана французов и начали поддерживать Аббас-мирзу, его старший брат стал противником Англии и добивался поддержки России⁶¹.

На конспиративной встрече в Тебризе⁶² Мохаммед-Али-мирза заявил Ермолову, что своему брату он наследства не уступит; жаловался на шаха, который, по его словам, не нашел способа прекратить вражду братьев и решил организовать покушение на его жизнь, чтобы престол достался Аббас-мирзе.

Соглашение с Мохаммед-Али-мирзой Ермолов считал крупным достижением. «Я сообщаю такую тайну, — доверительно сообщал он графу Нессельроде, — от сохранения которой зависит жизнь и безопасность многих людей»⁶³. Ермолов уверял, что располагает полным доверием Мохаммед-Али-мирзы, который ненавидит англичан и возглавляет сильную партию, состоящую из знатнейших и древних иранских фамилий⁶⁴. Тогда же Ермолов отправил в Петербург весьма запутанный и противоречивый план дальнейших действий. Он считал, например, что после смерти шаха, когда в Иране начнется борьба за престол, Россия под благовидным предлогом должна отказаться от вмешательства в иранские дела, чтобы не поддерживать Аббас-мирзу. При этом он допускал, что «волнения» в Иране могут перекинуться на Кавказ, и, чтобы не допустить этого, предлагал провести военную демонстрацию на границе и «занять Эриванскую область, с тем чтобы иметь ее в залог восстановления порядка и

⁵⁶ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 442, л. 2.

⁵⁷ Об этом см. Уч. зап. ЛГУ, т. 36, 1939, с. 272.

⁵⁸ См. ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 442, л. 2. Ср. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. II, СПб., 1891, прил., с. 9.

⁵⁹ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 442, л. 2 об.

⁶⁰ См. АКАК, т. VI, 2, д. № 356, с. 18 (Ермолов—Нессельроде, 12 апреля 1818 г.).

чтобы обеспечить мир»⁶⁵. Остальная часть ермоловского плана показывает, что проблемы мира и порядка его мало привлекали, а вместо невмешательства в междоусобную борьбу каджарских шахзаде, о чем он говорил вначале, Ермолов уже считал возможным ввести в захваченную иранскими войсками Восточную Армению соединения Кавказского корпуса, с тем чтобы часть войск наследного принца оттянуть к закавказской границе и этим помочь Мохаммед-Али-мирзе овладеть престолом. «После этого,—заключает Ермолов,—будет видно, следует ли возвращать Эриванскую область»⁶⁶.

Александр I не одобрил тайных связей Ермолова с принцем Мохаммед-Али-мирзой, а Нессельроде предлагал Ермолову не составлять преждевременных проектов, действовать в примирительном духе, стараясь всевозможными услугами и уступками умеренно противодействовать английскому влиянию в Иране, а также постоянно указывать шаху и Аббас-мирзе на выгодные последствия дружеского сосуществования с Россией⁶⁷.

Таким образом, в 1817 г. на переговорах А. П. Ермолова с шахом, Аббас-мирзой и их приближенными обсуждались две группы вопросов. Первая из них непосредственно относилась к Гюлистанскому договору и предусматривала освобождение военнопленных, признание иранского престолонаследника и демаркацию границы в Талыше.

Другая группа вопросов касалась предложений Ирана и России, не предусмотренных договором. Шах и Аббас-мирза добивались частичной реставрации довоенных границ и выставляли это требование как необходимое условие для переговоров по другим вопросам, а Ермолов добивался нейтралитета Ирана на случай войны между Россией и Турцией, открытия русского консульства в Реште и учреждения в Тебризе постоянной русской миссии.

По версии английских и иранских историков, некритически использованной М. А. Игамбердыевым⁶⁸, А. П. Ермолов будто предлагал еще заменить в Иране английских офицеров русскими; выступить Ирану вместе с Россией в войне против Турции и охранять русские торговые караваны иранскими или русскими войсками.

⁶⁵ Щербатов А. П., указ. работа, с. 17—18.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См. Щербатов А. П., указ. работа, т. 2, с. 18—19, а также прилож. к гл. VIII, с. 19—24.

⁶⁸ Об этом см. Игамбердыев М. А., Иран в международных отношениях первой трети XIX века, Самарканд, 1961, с. 185—186.

Отклонив территориальные претензии шаха, Ермолову трудно было рассчитывать на успех своей миссии. Однако в обстановке, когда правительство шаха открыто добивалось английской финансовой и военной помощи для реваншистской войны против России, любая уступка Ирану прежде всего была бы отступлением перед угрозами Ирана применить силу. В этом смысле предложения Ермолова открывали перед Ираном более благоприятные перспективы, чем надежды шаха на английскую помощь, политику угроз и вторую войну против России.

Претензии шаха были составлены с учетом интересов английских дипломатов, заинтересованных в срыве этих переговоров, так как улучшение русско-иранских отношений должно было ослабить позиции Англии или ликвидировать значение Тегеранского договора.

Не случайно, поэтому, английский историк Сайкс⁶⁹ и повторявшие его иранские историки объявили о провале миссии Ермолова, в то время как царское правительство и историки России утверждали, что миссия Ермолова была победой царской дипломатии, так как Россия сохранила границы Гюлистанского договора, а большего ей не нужно было⁷⁰.

Бескомпромиссный дипломатический курс А. П. Ермолова, рассчитанный на сохранение границ Гюлистанского договора, не соответствовал политике Каджаров. Поэтому после миссии Ермолова русско-иранская граница оставалась зоной огня и конфликтов. Шах и Аббас-мирза были заинтересованы в сохранении этого напряжения на границе, чтобы с получением английской помощи иметь повод для войны. В связи с этим М. Махмуд и А. Бина замечают, что правительство шаха, неудовлетворенное посольством Мирза-Аболь-Хасан-хана в Петербурге и Ермолова в Султанне, отправило своих дипломатов в Лондон, Париж и Константинополь⁷¹.

В сентябре 1817 г. шах отправил в Константинополь губернатора города Саве Мохэб-Али-хана⁷² с секретным поручением⁷³. 30 января 1818 г. он был принят султаном и, судя по ии-

⁶⁹ Sykes Sir Percy. A History of Persia, third edition, vol. 2, L., 1951 p. 315.

⁷⁰ См. «Кавказский сборник», т. XXI, 1903, с. 3.

⁷¹ محمود محمود، تاريخ روابط...، ص ۱۶۱

بینا علی اکبر ص ۱۹۲

⁷² В русскоязычных источниках его фамилия (محب علی خان) дается искаженно: Мугиб-Али-хан или Мюгнб-Али-хан.

⁷³ بینا علی اکبر...، ص ۱۹۲

формации русского посла в Турции барона Строганова, заявил о провале переговоров Ермолова; жаловался, что русские без войны ничего не уступают, а только угрожают безопасности мусульманских стран. По поручению шаха Мохэб-Али-хан предложил заключить ирано-турецкий союзный договор⁷⁴.

По иранской версии, шах спешил сообщить султану о планах Петербургского двора, переданных ему Ермоловым, чтобы предупредить османское правительство «об опасности внезапного русского нападения» и чтобы объединить турецкие и иранские войска для организации совместного отпора⁷⁵.

Деятельность Мохэб-Али-хана в турецкой столице не обошлась без участия английского посла, который заявил Строганову, что не имел никакого отношения к русофобским предложениям шахского эмиссара, хотя и дал почувствовать русскому послу, что султан только на время отклонил внушения шаха и будет сговорчивее в будущем⁷⁶.

Вскоре после этого турецкие министры заявили Мохэб-Али-хану, что их отношения с Ираном и без того «основаны на священном единоверстве ислама, и что ничто не может дать новой и большой силы их тесному и дружественному союзу»⁷⁷. Однако «искренность» этих заверений и силу «священного единоверства» опровергали бесчисленные конфликты на ирано-турецкой границе. Отклоняя предложенный шахом союз, Порта не могла не учитывать поражения в 1812 г. как французской, так и турецкой армий в войне с Россией и не прислушаться к раздававшимся раскатам восстания в Греции.

Провал миссии иранского губернатора расстроил планы английских дипломатов, которые добивались смягчения ирано-турецких разногласий и создания общего фронта борьбы против России⁷⁸.

Неудачная попытка шаха сколотить ирано-турецкий военный союз усилила тенденцию Каджаров к дальнейшему сближению с Англией для получения помощи и захвата потерянных ханств в Закавказье. С этой целью в конце 1818 г. в Лондон была отправлена иранская дипломатическая миссия Мирза-Аболь-Хасан-хана Ширази. А перед этим шах пытался захватить афганские княжества.

Правительство Фатх-Али-шаха стремилось компенсировать территориальные потери в Закавказье за счет захвата афганских

княжеств и с этой целью пыталось использовать свергнутую династию Садозаев. Одновременно иранские войска были заняты подавлением освободительного движения в западном Хорасане, вызванного деспотическим правлением шахского наместника.

Современная иранская историография пытается оправдать экспансию Ирана против афганских княжеств только колониальной политикой европейских держав. Один из выразителей этой концепции проф Сеид Нафиси заявляет, что афганцы всегда говорили на персидском языке и всегда тяготели к Ирану⁷⁹. Нафиси обвиняет Англию за то, что она «не только контролировала Афганистан, но и усиливала афганские княжества в противовес Ирану». Нафиси обвиняет Англию за все неудачи Ирана в Афганистане, а также за то, что «Англия бросила Иран в водоворот европейской политики, стремилась не допустить сближения Ирана с соперниками, разжигала вражду с его могущественными соседями, а в самом Иране подтачивала его духовные силы»⁸⁰.

Осуждая политику Англии, К. Маркс писал: «Для того чтобы сохранить свое господствующее влияние, Англии нужно было лишь разыгрывать роль благодетельного посредника между Персией и Афганистаном и выступать решительным противником русских. Показная дружба, с одной стороны, и серьезное сопротивление—с другой,—ничего больше и не требовалось»⁸¹.

С помощью Тегеранского договора 1814 г. Англия развязала руки шаха для реваншистской борьбы с афганскими княжествами. Однако прошло четыре года, и англичане забыли тревогу. Дело в том, что в 1818 г. Лондонский двор уже считал, что после Гюлистанского мира, усилившего в Иране влияние России, завоевание Ираном афганских княжеств не только не обеспечит безопасность Индии, а, напротив, будет для нее угрозой... «Вот почему английское правительство и генерал-губернатор Индии,—замечает иранский историк А. А. Бина,—теперь уже любой ценой стремились ослабить влияние России и Ирана в Афганистане»⁸².

Факты показывают еще, что начиная войну с Афганистаном, Фатх-Али-шах и его министры не только разбирались в международных отношениях на Среднем Востоке, изменившихся после заключения Гюлистанского и Тегеранского договоров, но и пыта-

⁷⁹ ۹۸ ص ۱۳۳۰، تهران، تاريخ اجتماعى جلد اول، نفيس،

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. О колониальной системе капитализма, М., 1959, с. 83.

⁸² ۲۵۱ ص ۱۳۳۰، تهران، تاريخ اجتماعى جلد اول، نفيس،

⁷⁴ См. Потто В. Кавказская война, т. 3, СПб., 1888, с. 6.

⁷⁵ ۱۹۲ ص بينا على اكبر...

⁷⁶ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 357, с. 189—190.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См. АВПР, ф. МИД, Канцелярия, л. 2285, л. 38.

лись приспособиться к новым условиям и использовать их в отношениях с Англией. Отправляя в 1818 г. в Лондон министра иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хана, Фатх-Али-шах считал, что с помощью угроз он не только ставит под удар миссию иранского посла, но и способствует его успеху. Шах был уверен, что операции иранских войск в Афганистане—вблизи от индийской границы, а также распространяемые Каджарами слухи о проектируемом союзе между Ираном и Россией приведут к англо-иранскому сближению и ускорят предоставление английской помощи. Распространяя слухи о немечавшемся союзе с Россией, шах рассчитывал, что его сближение с Александром I заставит Англию пересмотреть Тегеранский договор 1814 г.

В 1818 г. шах добивался пересмотра Тегеранского договора, потому что две статьи (8 и 9), относившиеся к Афганистану, стали неприемлемыми для английской колониальной политики, а 4 и 6 статьи оказались неприемлемыми для Ирана, так как запрещали выдачу шаху английских субсидий. С ликвидацией этих статей могли возникнуть условия для прекращения ирано-афганской войны и обеспечения успеха лондонской миссии иранского посла, который собирался предложить это компромиссное решение англо-иранских противоречий. Мирза-Аболь-Хасан-хан выехал в Лондон через Константинополь, Вену и Париж.

В Турции он предложил султану заключить военный союз против России. Однако турки на это предложение реагировали без всякого энтузиазма, так как конфликты на ирано-турецкой границе участились, а старым спорам из-за Багдада не видно было конца. Неудача иранского посла некоторое время хранилась в секрете от российского посла Строганова. Тегеранский двор не хотел раньше времени обострять свои отношения с Россией, тем более, что предстояло использовать «угрозу» сближения с Россией, чтобы побудить Англию к предоставлению Ирану финансовой помощи⁸³.

После встреч с турецкими, английскими и французскими дипломатами Мирза-Аболь-Хасан-хан выехал в Париж. В числе немногих средств, которые Каджары собирались использовать для давления на английское правительство в целях получения обещанной помощи, наряду с угрозой сближения с Россией была и другая возможность. Обращение Людовика XVIII к шаху в 1815 г. и состоявшаяся 11 июня 1816 г. встреча иранского посла Мелик-Шахназаряна с Людовиком XVIII создавали реальные предпосылки для союза с Францией. Мирза Аболь-Хасан-хан рассчитывал, что сможет угрожать Англии франко-иранским сближением в случае неуступчивости Ливена на переговорах. Однако,

когда весной 1819 г. он прибыл в Париж, Бурбоны не хотели обострять своих отношений с Англией из-за Ирана, сослались на болезнь короля и отказали Хасан-хану в аудиенции⁸⁴.

В Англии иранского посла ожидала аналогичная участь. За год пребывания в Лондоне на встречах с министрами кабинета он безуспешно добивался английской субсидии и откомандирования в Иран английских офицеров.

В английской и иранской буржуазной историографии действительные причины провала миссии иранского посла в Лондоне оставлены в тени, а второстепенные вопросы церемониала выставляются как главные причины.

Выяснение данного вопроса, переплетавшегося со многими другими проблемами международных отношений, показывает, что ирано-афганская война 1818 г., несомненно, была одной из основных причин этого провала. Совпавшая по времени с русскими экспедициями в Средней Азии война эта вызвала панику в совете директоров Ост-Индской компании, где опасались, что торговля Северной Индии с помощью армянских компрадоров направится в Россию через афганские княжества, Среднюю Азию и Иран. Чтобы не допустить этого, Ост-Индская компания спешила направить торговлю Северной Индии в сторону Индийского океана и Персидского залива, а после прекращения ирано-афганской войны в 1819 г. отправила своих эмиссаров В. Муркрофта и Д. Требека в Пенджаб и Афганистан и заключила торговый договор с правителем Пенджаба Ранджит-Сингом⁸⁵.

Провал миссии иранского посла в Лондоне был вызван и англо-иранским конфликтом в районе Персидского залива. Воспользовавшись победой египетской армии Мухаммеда Али над государством Ваххабитов в Аравии в 1819 г., флот Ост-Индской компании с помощью Маската в том же году разгромил арабские города на побережье Персидского залива, а в январе 1820 г. заключил договор с Оманом. Шейх Бахрейнских островов был вынужден присоединиться к этому договору, так как Англия под предлогом борьбы с пиратами и работорговлей оккупировала воды залива. Это привело к англо-иранскому конфликту, потому что Бахрейнский архипелаг принадлежал Ирану, а благодаря добыче жемчуга у этих островов в шахскую казну ежегодно поступало свыше одного миллиона рублей⁸⁶. Агрессия Англии в Персидском заливе продолжалась и в 1821 г., когда флот Ост-

⁸⁴ محمود محمود تاريخ روابط ايران و انگلیس ص 171

⁸⁵ Bélanger Ch. Voyage aux Indes-Orientales et la Perse pendant les années 1825 à 1829, v. 2, Paris, 1838, p. 437.

⁸⁶ Бларамберг И. Статистическое обозрение Персии, СПб., 1857, с. 27.

⁸³ ЦГВИА, ф. 446, д. 11, л. 19 об.

Индской компании и ее сателлитов захватил иранский остров Кешм.

Англо-иранские отношения были тесно связаны с англо-русскими и русско-иранскими отношениями.

Царская Россия, входившая в «Священный союз», а также Англия, которая формально не входила в эту контрреволюционную организацию, однако на практике координировала свое поведение с общей линией «Священного союза», по мере возможностей воздержались от резких взаимных выпадов на Востоке, и в частности в Иране, в обстановке революционного пробуждения в Европе. Перспектива использования армии царской России в подавлении революции в Европе, а также греческая и турецкая проблемы для Англии были важнее, чем преждевременная (в планах Англии) поддержка территориальных претензий шаха.

Учитывая особенности англо-русских отношений, русский посол в Лондоне Х. А. Ливен вскоре после приезда в Англию Мирза-Аболь-Хасан-хана (июнь 1819 г.) встретился с Р. Кестльри и выразил ему надежду, что Англия с пониманием отнесется к развитию «дружественных» отношений между Ираном и Россией⁸⁷. Другими словами, Ливен предупредил, чтобы на переговорах с иранским послом английское правительство не предпринимало шагов, которые могли идти вразрез с общим направлением англо-русских отношений. Не исключено поэтому, что напоминание Х. А. Ливена в определенной мере способствовало провалу иранской миссии.

Вторая встреча Х. Ливена с Кестльри произошла в начале марта 1820 г., накануне отъезда Хасан-хана из Лондона, и была более откровенной. Как видно, на этот раз российский посол считал полезным указать на беспочвенность английских подозрений, связанных с шумной реакцией лондонской прессы на версию британского министерства иностранных дел о русской угрозе Индии. В связи с этим Х. А. Ливен обратил внимание Р. Кестльри на содержание Тегеранского договора 1814 г., который без ведома и согласия России предоставил Англии «право» пересмотреть границы Гюлистанского договора, чтобы толкнуть Иран на войну с Россией⁸⁸. Таким образом, Ливен и на этот раз пытался не до-

пустить выполнения Англией тех статей Тегеранского договора, которые могли обострить и без того натянутые русско-иранские и англо-русские отношения.

Не менее важно отметить, что в период пребывания Мирза-Аболь-Хасан-хана в Лондоне тегеранский двор оказывал ему дипломатическую «поддержку» улучшением своих отношений с Россией. В Иране были уверены, что это напугает Англию, а иранскому послу обеспечит успех.

Русская дипломатия спешила воспользоваться англо-иранскими противоречиями для усиления своего экономического и политического влияния в Иране. На этой почве в 1819 г. произошло заметное оживление русско-иранских связей, а не потому что царизм наткнулся на Ближнем Востоке на сопротивление Англии и Турции и, дескать, был вынужден предпринять экономическое и дипломатическое наступление на Среднем Востоке⁸⁹.

Концепция лавирования в иранской внешней политике была рассчитана на получение английской помощи и поддержку в борьбе против России. Однако это лавирование принимало для Англии угрожающий характер. Даже в Лондоне иранский посол в пик англичанам демонстративно вручил Х. А. Ливену дружеское послание иранского премьер-министра Мирза-Шефи. Более того, одновременно с переговорами в Лондоне Иран вел переговоры и в Петербурге. Несмотря на противоположный характер переговоров в двух столицах, Александр I актом от 8 мая 1819 г. признал Аббас-мирзу наследником иранского престола. Этот акт был передан принцу российским поверенным С. И. Мазаровичем, который вместе с А. С. Грибоедовым и остальными сотрудниками в том же 1819 г. учредили в Тегризе русскую дипломатическую миссию⁹⁰. Английская миссия, отмечавшая в этом же городе свое трехлетнее пребывание, лишилась дипломатической монополии в Иранском Азербайджане.

Преклонение Ирана перед Англией не исключало и не ослабляло сопротивления Каджаров наиболее грубым проявлениям британской экспансии. Это было своеобразным проявлением англо-иранской «дружбы», зафиксированной в договорах 1801, 1809, 1812 и 1814 гг. и нашедшей наиболее полное воплощение в английской агрессии в Персидском заливе⁹¹.

⁸⁷ См., АВПР, ф. Канцелярия, д. 6891, лл. 284—286. Ливен—Нессельроде 18 (30) июня 1819 г.

⁸⁸ См. там же, д. 6892, лл. 98—107, Ливен—Нессельроде, 6 (18) марта 1820 г. По этому вопросу Х. А. Ливен повторно обратился к английскому правительству во время второй русско-иранской войны.

⁸⁹ См. Семенов Л. С., указ. работа, с. 56.

⁹⁰ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 442, лл. 23—24.

⁹¹ См. Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813—1828 гг., Ер., 1967, с. 33—71.

3. СТАБИЛИЗАЦИЯ РУССКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И АНГЛО-ИРАНСКИЙ КОНФЛИКТ В ГОДЫ ИРАНО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1821—1823).

Революционный подъем в Европе начала 20-х годов XIX в. вызвал освободительные восстания поработенных народов Османской империи. Наибольшего размаха достигла революция греческого народа.

Карательные акции против греков и всех православных подданных Порты сочетала с подрывными акциями против торговых позиций России в Восточном Средиземноморье⁹².

Отмежевываясь от революционности греческого восстания, царское правительство подкривало, что Порты воюет не с революционерами, а со всем греческим народом и «нападает на христианскую религию»⁹³.

Политика русского царизма в греческом вопросе была противоречивой. Царское правительство заявило о поддержке провозглашенного Священным союзом принципа легитимизма и осуждало революционную борьбу. Однако господствующие классы царской России требовали поддержки национально-освободительных движений славян и греков в целях усиления позиций русского царизма на Балканах и Ближнем Востоке⁹⁴.

Преднамеренно выжидательной была позиция западных стран, осуждавших и восстание греков, и массовый террор турецких карателей.

28 июня 1821 г. Александр I через своего посла в Константинополе Г. А. Строганова передал султану Махмуду II ноту, в которой подчеркивалось, что невыполнение Портой договорных обязательств поставит ее в откровении враждебные отношения «со всем христианским миром» и заставит Россию взять православных подданных Турции под свое покровительство.

18 июля турецкое правительство отказалось принять очередную ноту России, а 4 августа Диван обратился с воззванием к мусульманам Османской империи, в котором Россия представлялась инициатором восстания в Греции.

10 августа 1821 г. Г. А. Строганов был отозван, отношения между обоими странами были прерваны.

⁹² См. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII—начало XX вв., М., 1978, с. 79.

⁹³ См. Нарочницкий А. Л. Греческое национально-освободительное движение и Россия.—«Вопросы истории», № 12, декабрь 1980, с. 62.

⁹⁴ См. Губер А. А., Ким Г. Ф., Хейфиц А. Н. Новая история стран Азии и Африки, М., 1982, с. 188—189.

Правительство Англии знало о симпатиях балканских народов к русскому народу и опасалось, что, в случае вступления России в войну и капитуляции Османской империи, народы Балкан могут перейти под протекторат России, в руках которой могут оказаться балканские порты Средиземного моря, низовья Дуная и черноморские проливы, а это подорвет торговую монополию Англии на средиземноморских рынках. Такая перспектива не могла не беспокоить Англию, которая сама планировала захват азиатских рынков и кратчайших путей из Индии в Европу через Персидский залив и Переднюю Азию.

Для того, чтобы отвлечь армию султана от Балкан и облегчить борьбу греков за независимость, А. С. Грибоедов считал одновременную войну России и Ирана против Турции в составе коалиции или без нее одинаково полезной не только для греков, но и для стабилизации русско-иранских отношений после Гюлистанского мира.

Вражда персов и турок не утихла из-за старых споров на ирано-турецкой границе, обе стороны которой населяли объединения курдов — зилан, милан, шекак и харки. Граница между государствами была определена неточно, стороны претендовали на отдельные спорные участки, а курдские кочевники и полукочевники совершали свои традиционные кочевые циклы, не считаясь с государственной границей.

Вражда не утихла и из-за старых споров о Багдадском пашалыке, на который претендовал Иран, и еще потому, что иранские паломники, в их числе и жена Фатх-Али-шаха, ездившие на поклонение шиитским святыням в Мекку и Кербалу, подвергались оскорбительному обыску турецкими пограничниками.

Не последнюю роль в окончательном решении Аббас-мирзы начать войну с Турцией сыграл разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией. К тому же наследный принц явно рассчитывал ослабить недовольство народов Ирана поражением Каджаров в русско-иранской войне и за счет Турции компенсировать территориальные потери в Закавказье.

Каджары, несомненно, учитывали и свои отношения с Англией, которая не представляла Ирану субсидий по Тегеранскому договору 1814 г. и захватила иранский остров Кешм в Персидском заливе.

Дальнейшие события, приведшие в 1823 г. к заключению Эрзерумского мира, показали, что Каджары рассчитывали использовать ирано-турецкую войну и для давления на Англию в целях получения английской помощи для войны с Россией.

Записки Н. Н. Муравьева 1822 г., опубликованные «Русским архивом» в 1888 г., показывают, что царское правительство офи-

циально информировало Иран об агрессивных акциях Турции, «навлекающих на себя гнев государя и подталкивающих Россию к войне»⁹⁵. И, поскольку к тому времени уже было известно об ультиматуме России и отъезде русского посла Строганова из Константинополя, «А. С. Грибоедов,—отмечает Н. Н. Муравьев,—встретился с Аббас-мирзой, обсудил с ним обстановку, объяснил, что Россия не ищет союзников, а только сообщает о действиях турок, а обрадованный Аббас-мирза обещал выставить против турок пятидесятитысячную армию, что он и сделал»⁹⁶.

Не ограничиваясь переговорами А. С. Грибоедова, поверенный в делах Мазарович тоже встретился с Аббас-мирзой и от своего имени «просил его быть союзником России, на что наследный принц тоже дал свое согласие»⁹⁷ и на что русский поверенный не имел полномочий правительства. Аббас-мирза написал ген. Ермолову, что на войну с Турцией его обязывает чувство негодования на жестокость турецкого правительства в отношении греческих христиан, а потом с большой помпой отправился в Эчмиадзинский монастырь, где с позволения армянского католика освятил свой меч на христианском алтаре⁹⁸.

Эта позиция Аббас-мирзы в определенной мере была рассчитана на ослабление ненависти армянского народа к иранским угнетателям, несмотря на то, что в поведении наследного принца было много лицемерия, поскольку перед этим он финансировал кавказских мулл в Чечне и в горном Дагестане, поднимая их на «джихад» («священную войну») против «неверных» христиан.

Инициативы Грибоедова и Мазаровича нашли отражение в работе К. Маркса «Лорд Пальмерстон»: «Россия побудила персидского наследника престола напасть на Оттоманскую империю»⁹⁹.

Д. Каннинг передал русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену ноту, осуждавшую деятельность русской миссии в Тебризе в связи с ирано-турецкой войной¹⁰⁰. Появление этой ноты было вызвано тем, что Иран, ориентировавшийся до этого на Англию и Турцию, оказался в конфликте с этими государствами.

Несмотря на то, что ирано-турецкая война должна была привести к ослаблению этих потенциальных противников России, граф Нессельроде предписал Ермолову избегать всего того, что могло дать повод Великобритании считать, что Россия хочет вооружить Персию против турок, и дать Порте возможность примириться с Ираном. Этому предписанию Нессельроде предшествовало обсуждение в правительстве России предложений тебризской миссии.

У царя было два министра иностранных дел. Одни из них, грек по национальности и будущий президент Греции Каподистрия, и начальник Главного штаба ген. Х. Дибич настаивали на принятии грибоедовских предложений и заключении военного союза с Ираном, а Александр I и другой министр иностранных дел—Нессельроде были противниками этого союза и немедленной войны с Турцией. Царизм опасался распада «Священного союза» и не хотел начинать войну для защиты «греческих бунтовщиков» в момент, когда Россия еще не оправилась от голода, выступлений крестьян на Дону, в Приазовье и горцев Кавказа. Ирано-турецкая война уже началась, когда А. С. Грибоедов, по предписанию К. В. Нессельроде, посетил Аббас-мирзу и официально объявил ему, что «Россия воздержится от совместного выступления против Турции из-за решений Лейбахского конгресса Священного союза, однако Александр I будет рад выступлению Ирана против Турции»¹⁰¹.

Не менее важно отметить, что граф Нессельроде прикрывал позицию царя «дипломатическими средствами». Угождая Англии, он отозвал А. С. Грибоедова из Ирана в Тифлис. Вспомнив об этом через семь лет, когда в разгаре русско-турецкой войны русская миссия снова возбудила вопрос о вступлении Ирана в войну против Османской империи, Грибоедов напомнил Ермолову, что, как и в 1821 г., «Вы хвалите, а черти меня заклюют». Эти «черти» не доверяли автору «Горя от ума» и во всем угождали Англии.

Вопреки ожиданиям Англии, Аббас-мирза должен был использовать доставленное ему англичанами вооружение в войне с турками, которые ориентировались на Англию, тогда как это вооружение предназначалось для войны против России. Наконец, ирано-турецкая война должна была сорвать намечавшийся союз Турции и Ирана, над созданием которого Англия трудилась чуть

⁹⁵ «Русский архив», 1888 г., № 5, с. 105. Записки Н. Н. Муравьева, янв. 1822 г. Цит. по книге Кортуя Н. М. «Закавказье в русско-иранской войне 1826—1828 годов (из истории боевого содружества русского и закавказских народов (на груз. яз.), Тбилиси, 1978, с. 68.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ См. Потто В. Кавказская война, т. 3, СПб., 1887, с. 9.

⁹⁹ Маркс К. Лорд Пальмерстон.—Статья вторая.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9, с. 372.

¹⁰⁰ АКАК, т. VI, ч. II, с. 257, 272;

¹⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 90, л. 11.

ли не со дня заключения Бухарестского мира, а также значительно сократить объем англо-иранской торговли, так как в годы войны должны были закрыться главные торговые артерии Англии, проходившие через Османскую империю.

Отвлекающая турок от Греции ирано-турецкая война не устраивала лондонский двор еще и потому, что английская буржуазия была напугана перспективой распространения революционного пожара в районе Средиземного моря и на захваченных Англией Ионических островах, где установленный ими в отношении греков режим мало чем отличался от турецкого.

Вначале Англия не предпринимала активных попыток к вмешательству в ирано-турецкую войну, несмотря на то, что поддерживала турецкого султана и опасалась русско-иранского сближения. Английское правительство не могло не учитывать своих натянутых отношений с шахом, вызванных конфликтом в Персидском заливе. Однако, когда в 1822 г. успехи иранской армии стали очевидными, запретительные таможенные пошлины в Бушире и Басре привели к свертыванию британской торговли в Персидском заливе, а закрытие торговых путей Трапезунд-Тегриз и Багдад-Керманшах приостановило движение английских товаров в Иран через Малую Азию. Вместе с сокращением английской торговли в Иране неуклонно падало политическое влияние Англии, и она решительно пересмотрела свою внешнюю политику. Новый британский статс-секретарь по иностранным делам Джордж Каннинг искусно играл на принципах свободы и выставлял Англию в качестве «защитницы» греческой революции и национально-освободительной борьбы народов Европы. В то же время английская дипломатия добивалась создания ирано-турецкого блока для войны против России. Осуществляя этот план, Англия через своего поверенного в делах Г. Уиллока и первого секретаря миссии Д. Макнейла¹⁰² потребовала у шаха прекращения ирано-турецкой войны, но цели не достигла¹⁰³. Тогда в Иран были отправлены дипломатические миссии — майора Гарриота¹⁰⁴, Джакса и Д. Фрезера, которые для достижения поставленной перед ними задачи стремились ликвидировать англо-иранский

конфликт, возникший из-за острова Кешм¹⁰⁵. Их усилия также не имели успеха, и Англия применила санкции: Г. Уиллок приказал английским офицерам Линдсею, Макинтошу, Армстронгу и Вильямсону не участвовать в ирано-турецкой войне¹⁰⁶. Аббас-мирза с негодованием осудил это решение Г. Уиллока и предложил английским офицерам покинуть пределы Ирана¹⁰⁷.

Несмотря на то, что англо-иранские противоречия резко обострились, в 1822 г. шах обратился к Англии с требованием выдать Ирану 200 тыс. туманов в соответствии со статьей VI Тегеранского договора. Англия отказала шаху в субсидии, так как в статье VI этого договора речь шла о войне Ирана с европейской державой (имелась в виду Россия — Б. Б.), а не с азиатской, какой была Османская империя. Это обращение шаха за деньгами показало, что, начиная войну, Каджары рассчитывали ежегодно получать от Англии 200 тыс. туманов (800 тыс. рублей), а когда эти ожидания не оправдались, шах направил Г. Уиллоку ноту, в которой в резких выражениях обвинил его в предательстве¹⁰⁸. Не ответив на ноту шаха, глава английской миссии вместе с секретарем Макнейлом покинули Иран.

Еще в апреле 1822 г. Аббас-мирза отправил в Лондон своего статс-секретаря Мирза-Салеха, оставившего о своей поездке обширные мемуары, в которых тщательно обобщил политические вопросы. В столице Англии он с большим опозданием, и потому формально, передал Д. Каннингу ноту шаха, объявившего Г. Уиллока персоной нон-грата, однако разрыва дипломатических отношений не произошло. Было очевидно, что Каджары выискивали новые формы давления на Англию для получения английской помощи и с этой целью создавали видимость сближения с Россией. Аббас-мирза с помощью Мирзы-Салеха заказал в Лондоне оружие на 100 тыс. туманов, а за деньгами обратился к ген. Ермолу. Чтобы об этом стало известно англичанам, наследный принц просил русского главнокомандующего эту сумму, в виде краткосрочного займа, перевести в Лондонский банк для оплаты стоимости заказанного оружия. Операция с Лондонским банком понадобилась еще и для того, чтобы в Англии поверили, что нет у Каджаров ни денег, ни оружия, а пущую сумму одалживает

¹⁰² Fraser J. B. Travels and Adventures in the Persian Provinces on the Southern Banks of the Caspian Sea, 1826, pp. 312—325.

¹⁰³ АКАК, т. VI, ч. 2, с. 253.

¹⁰⁴ Belanger Ch. V vage aus Indes, t. 2, Paris, 1838, p. 399.

¹⁰⁸ АКАК, т. VI, ч. 2, с. 264 (Мазарович—Ермолу, 3 мая 1822 г.).

¹⁰² Врач английской миссии Д. Макнейл сменил на посту первого секретаря миссии Д. Кемпбелла.

¹⁰³ АКАК, т. VI, ч. 2, с. 434 (Ермолов—Нессельроде, 22 февраля 1822 г.).

¹⁰⁴ См. там же.

им не Англия, а Россия. По этому вопросу Аббас-мирза доверительно говорил Грибоедову и Мазаровичу, что «Ермолов не допустит, чтобы за деньгами он обращался к Ост-Индской компании»¹⁰⁹. Таким путем Аббас-мирза угрожал России сближением с Англией, чтобы обеспечить получение русского займа, а в Лондоне угрожал английскому правительству сближением с Россией, чтобы получить английскую субсидию.

15 июля 1823 г. Мирза-Салех, не без ведома турецкого султана, заключил с Англией соглашение о прекращении ирано-турецкой войны¹¹⁰, а через 13 дней после заключения этого соглашения (28 июля 1823 г.) между Ираном и Турцией был заключен в Эрзеруме мирный договор¹¹¹.

Эрзерумский договор был безболезненной капитуляцией персов: шах вернул султану завоеванные Ираном города в Западной Армении и Месопотамии (Баязет, Витлис, Ахпат, Малазгирт, Сулеймание, Киркук, Мосул)¹¹² и всех турецких военнопленных¹¹³.

Русскому дипломату А. К. Амбургеру удалось установить в Тебризе, что Эрзерумский договор имел секретную статью о помощи Турции Ирану, воевавшему с Россией¹¹⁴. Сведения об этой секретной статье подтвердились в октябре 1825 г., когда шах отправил в Константинополь посла, чтобы накануне русско-турецких переговоров в Аккермане напомнить султану о его обязательстве «соединиться с Ираном против России»¹¹⁵.

Дореволюционная военная историография России (Потто, Щербатов, Дубравин и др.) территориальные уступки шаха по Эрзерумскому договору объясняла только угрозой переброски турецких войск из Греции на войну с Ираном¹¹⁶. Эта угроза была

¹⁰⁹ АКАК. т. VI, ч. 2, № 479, с. 259—260.

¹¹⁰ ЛВПР. ф. Канцелярия, д. 6920, л. 500—505 об. (Ливен—Нессельроде, 2 (15) июля 1823 г.). Ср. АКАК. т. VI, ч. 2, с. 293.

¹¹¹ Эрзерумский договор был ратифицирован турецким султаном в декабре 1823 г., а иранским шахом—в январе 1824 г.

¹¹² عهد الله وای قاریخ مفصل ایران ۱۳۰۳ ص ۴۰.

¹¹³ عهد محمد قاروخ و حفظ سیاسی ایران و انگلیس ص ۱۱.

¹¹⁴ Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в., Л., 1963, с. 85.

¹¹⁵ The Asiatic Journal, vol. 22, 1826, p. 734.

¹¹⁶ Об этом см. Потто В. Кавказская война, т. 3, с. 11.

весьма относительной и, во всяком случае, не единственной причиной заключения Эрзерумского мира, так как в конце 1822 г. и начале 1823 г. греческие повстанцы выбили турецкую армию из Морей, Навплиона и Коринфа и изгнали турецкий флот из Архипелага¹¹⁷. Порта, в свою очередь планировала наступательные операции на Балканах и с сожалением относилась к необходимости переброски своих войск на войну с Ираном.

Мнения иранских историков об Эрзерумском мире обобщены Д. Гузанлу. По его словам, мир этот был «соглашением о взаимопомощи», так как «продолжение войны могло привести к невыгодным последствиям как для Ирана, так и для Турции»¹¹⁸. Не касаясь существа этих последствий, Д. Гузанлу сожалеет, что секретная статья Эрзерумского договора «не вошла в силу в годы второй русско-иранской войны»¹¹⁹.

Не исключено, что Каджары решились на заключение Эрзерумского мира в выгодной для себя обстановке на фронте не только из-за этой секретной статьи или из боязни возмездия турок. Факты показывают, что Фатх-Али-шах и Аббас-мирза были озабочены внутренним положением Ирана. Во время ирано-турецкой войны на окраинах Ирана не прекращались восстания угнетенных народов: в Пезде вспыхнуло восстание исмаилитов, в Кермане узурпатор Мирза-Халилулла объявил себя шахом, в Хорасане, куда по заданию Ост-Индской компании проникли английские эмиссары В. Шейва и Р. Фрезер, не прекращались выступления туркмен¹²⁰. Англичане открыто поддерживали эти выступления, чтобы ускорить прекращение ирано-турецкой войны, и в связи с этим обещали Каджарам деньги и оружие после заключения мира. После этого Каджары уже без всякого страха смотрели на передислокацию турецких войск из далеких Балкан и сосредоточили свои усилия на подавление восстаний у себя на родине.

Россия была крайне заинтересована в стабилизации отношений с Ираном и сохранении границ Гюлистанского договора, а Иран оказывал давления на Англию для получения военной помощи не только с помощью ирано-турецкой войны, но и с помощью России, против которой были направлены реваншистские планы Каджаров. Русская дипломатия использовала особенности этой фарисейской дипломатии шаха и всячески стремилась стабилизировать отношения с Ираном.

¹¹⁷ «Всемирная история», т. VI, М., 1959, с. 140—144.

¹¹⁸ قزاقانده جمیل، قاریخ نظامی ایران، جلد ۳، تهران، ۱۳۰۳، ص ۸۴.

¹¹⁹ Там же, с. 933.

¹²⁰ یکرنگیان، محمد حسین، گدشه ی از قاریخ نظامی ایران، تهران، ۱۳۲۶، ص ۴۹—۴۴.

4. РУССКО-ИРАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ В ГОДЫ ИРАНО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1821—1823)

Ирано-турецкая война 1821—1823 гг. подорвала британскую торговлю на кратчайших торговых путях из Индии в Европу через Персидский залив и Османскую империю и способствовала росту русско-иранской транзитной торговли, в которой важную роль играл капитал армянского купечества¹²¹.

Когда в 1822 г. успехи иранской армии стали очевидными, английская торговля в регионе военных действий стала свертываться. Запретительные таможенные пошлины в Бушире и Басре привели к падению британской торговли в Персидском заливе, а закрытие торговых путей Трапезунд-Тебриз и Багдад-Керманшах приостановило движение английских товаров в Иран через Малую Азию.

Вместе с сокращением английской торговли в Иране неуклонно падало политическое влияние Англии, и она решительно пересмотрела свою политику—добивалась прекращения ирано-турецкой войны и создания ирано-турецкого блока против России. Однако первая же попытка английской дипломатии отозвать английских офицеров из армии Аббас-мирзы привела к их замене французскими офицерами: Аллар, бывший адъютант маршала Брюна, стал командовать иранской конницей, сформированной Гаспаром Друвиллем; капитан гвардии Т. Этье стал инструктором пахичеванского и марагдского батальонов. Вместе с ними в ирано-турецкой войне приняли участие французские офицеры Вентура, Кур и Джибелли¹²².

В обстановке англо-французской борьбы деятельность французских офицеров в Иране не могла быть прекращена статьей пятой Тегеранского (англо-иранского) договора 1814 г., не позволившей шаху нанимать европейских офицеров в страны, воюющих с Англией. Однако после Аахенского Священного союза, когда Франция вернулась в «семью великих держав» и все более настойчиво стремилась направить в Иран свою торговлю, чтобы восстановить там позиции, оставленные ген. Гарданом, этот прерванный контакт с Парижем был восстановлен.

В годы ирано-турецкой войны вывоз иранских товаров в Османскую империю был прекращен, а конфликт с Англией, вызванный в 1821 г. захватом английской флотилией иранского острова Кешм в Персидском заливе, сокращением английской помощи Ирану и свертыванием британской торговли в Персидском заливе, приостановил иранский экспорт в Аравию и Индию.

¹²¹ См. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983, с. 184—189.

¹²² См. ЦГАДА. ф. 11, д. 1173, л. 293—293 об.

В этих условиях Иран стремился увеличить сбыт своих товаров в Россию. Это существенное обстоятельство, на которое обратил внимание французский эмиссар Белапже¹²³, имело небезвыгодные последствия для России, которая к этому времени освоила транскавказский путь и доставляла в Иран свои товары по кратчайшим путям, чего нельзя было сказать об английских товарах, которые, из-за закрытия основных торговых путей через Малую Азию и Месопотамию, доставлялись в Иран по дальним окружным маршрутам и нередко перепродавались иностранным коммерсантам, которые взвинчивали на них цены. В результате на иранском рынке произошли изменения в соотношении цен в пользу русских товаров. Этот перелом в торговле стал еще более ощутимым после того как в апреле 1822 г. русский министр финансов Д. Гурьев по условиям Гюлистанского договора предписал таможенникам взимать 5-процентную пошлину с объявленной ценности иранских товаров¹²⁴.

Вместе со снижением таможенных пошлин произошел рост товарооборота, увеличилась масса вывозимых в Иран русских товаров, расширился их сбыт и возросла доля российского торгового капитала.

В период ирано-турецкой войны 1821—1823 гг. среднегодовой торговый оборот между Россией и Ираном по сравнению с 1814—1818 гг. увеличился более чем вдвое, а в 1823 г. превысил 4 млн. руб. За этот же период ввоз товаров из Ирана в Россию возрос на одну треть (до 1800 тыс. руб.), а вывоз—в два с половиной раза (до 1,2 млн. руб.) сравнительно со среднегодовым вывозом за предшествующие шесть лет¹²⁵. По свидетельству И. Шопена, «большая часть Азербайджана (имеется в виду Южный Азербайджан—Б. Б.) довольствовалась товарами из Тифлиса»¹²⁶. П. Зубов тоже отмечал, что русские товары были дешевле английских и имели большой спрос¹²⁷, чем пользовались армянские и русские купцы¹²⁸.

В июле 1823 г. видный армянский общественный деятель Ноакин Лазарев обратился к тогдашнему министру финансов

¹²³ См. *Be'anger Ch. Voyage aux Indes-Orientales et la Perse pendant les années 1825 a 1829*, t. 2 (Historique), Paris, 1838, p. 425—433.

¹²⁴ ЦГА СССР, ф. 19, оп. 3, д. 98, лл. 18—19.

¹²⁵ См. Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в., Л., 1963, с. 75—79.

¹²⁶ См. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения ее к Российской империи, СПб., 1852, с. 872—872.

¹²⁷ Зубов П. Картины Кавказского края, ч. I, СПб., 1834, с. 202—203.

¹²⁸ См. Блаرامберг И. Статическое обозрение Персии, СПб., 1857, с. 88.

России Е. Ф. Канкрину с ходатайством восстановить в силе привилегии и льготы, предоставленные армянским купцам Екатериной II (в 1779 г.), Павлом I (28 октября 1799 г.) и Александром I (21 декабря 1802 г.) для организации торговли с персами, турками и другими народами Азии. В обращении отмечалось, в частности, что «торговля в Персии производится единственно через армян», и что по этому вопросу обращались к правительству России армянский патриарх Ефрем в 1809 г. и архиепископ Иоаннес в 1815 г.¹²⁹

Другим важным фактором, активизировавшим русско-иранскую торговлю, был 5-процентный льготный тариф для ввоза в Иран и транзита западноевропейских товаров. Этот льготный тариф, введенный указом Александра I от 8 октября 1821 г. и вступивший в силу с 1 июля 1822 г., позволял России и Франции организовать торговое наступление на ослабленные английские позиции.

Франция заблаговременно подготовила свое экономическое проникновение в Иран открытием порто-франко в Одессе в 1819 г. а через год — французского консульства в Тифлисе.

Франция стремилась овладеть торговыми коммуникациями, которые шли от Смирны и Алеппо к Каспийскому морю через Астрахань и Баку, а также через Тифлис к черноморским портам. В этих планах Тифлису отводилось место центра транзитных путей из Европы и Азии, ведущих в Иран с севера, Тебриз и южнокаспийские порты на Тегеран и далее через Исфаган и Шираз.

В 1821 г. в работе над предварительным проектом транзитной торговли вместе с ген. Ермоловым, Грибоедовым и Мазаровичем приняли участие французы: королевский консул в Тифлисе Гамба, капитан гвардии Т. Этье, купцы из Парижа и представитель Ирана — статс-секретарь наследного принца и его переводчик французского языка Мирза-Масуд. Их работа проводилась в тайне от турок и англичан, против которых была направлена проектируемая транзитная торговля. В определенной мере это означало, что Иран вступил в тайное соглашение с Россией и Францией для вытеснения из Ирана английской и турецкой торговли. К тому же участие Мирза-Масуда в разработке этого проекта означало, что транзитная торговля с Ираном должна была осуществляться с ведома, согласия и при участии Ирана. В конце 1821 г. было объявлено об учреждении генерального консульства России в Реште — городе в прикаспийской провинции Гилян

¹²⁹ ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 5, д. 386, лл. 5–8. Цит. из Сборника документов Присоединение Восточной Армении к России, т. II (1814–1830), Ереван, 1978, № 94, с. 130–133.

и центре иранского шелководства. Однако длительное торговое преобладание России в Иране не входило в планы Каджаров, и это ген. консульство во главе с Я. К. Ващенко так и не было открыто.

Таким образом, за исключением развития русско-иранской торговли, объем которой в годы ирано-турецкой войны увеличился (в связи с сокращением экспорта в Иран английских и турецких товаров, вступлением в силу торговых статей Гюлистанского договора и организацией транзитной торговли), правительство Фатх-Али-шаха создавало только видимость сближения с Россией, чтобы таким путем ускорить получение английской помощи и лучше подготовиться к новой войне против России после прекращения ирано-турецкой войны.

Факты показывают, что проблема прекращения этой войны находилась в центре британской внешней политики, поскольку резко возросло франко-английское торговое соперничество. Представители парижского торгового дома «Коклен» и французских фирм «Торн и К^о», «Зигфрид», «Моген», «Перье» и др. привозили в Тебриз французские товары. Вместе с ними непрерывно повышался поток и других западноевропейских товаров¹³⁰. По свидетельству французского ген. консула в Тифлисе Гамба, «приток этих товаров достиг наивысшего уровня в первой половине 1823 г.¹³¹, когда был заключен Эрзерумский мир между Ираном и Турцией и когда английские товары, находившиеся у иранских купцов в Турции, были конфискованы султанскими чиновниками, несмотря на англо-турецкую дружбу, а в Керманшахе, Бушире, Басре и Багдаде торговля Англии тормозилась иранскими, арабскими и курдскими купцами.

После заключения Эрзерумского мира, завершившего в 1823 г. ирано-турецкую войну, Фатх-Али-шах шел на сближение с Англией и Турцией, рассчитывая усилить их вражду с Россией и Францией и вытеснить из Ирана влияние и торговлю с Россией и Францией, чтобы с помощью Англии денонсировать Гюлистанский договор и возобновить войну с Россией. По этим причинам французское правительство в 1824 г. отозвало своего генерального консула Гамба из Тифлиса и были прекращены попытки французской миссии в Константинополе возобновить торговые контакты с Тебризом.

Несмотря на конъюнктурные изменения внешней политики Ирана в 1821–1823 гг., связанные с ирано-турецкой войной и приведшие к временному оживлению торговли Ирана с Россией и Францией и обострению отношений с Англией, подготовка к

¹³⁰ АВПР, ф. Консульство в Тебризе, д. 2, лл. 5, 8 об, 28, 31.

¹³¹ Там же.

войне в Закавказье и стремление Каджаров к захвату выгодных рынков в Закавказье оставались главной концепцией иранской дипломатии.

5. ВОСТОЧНАЯ АРМЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ. РОЛЬ АНГЛИИ И ТУРЦИИ В РАЗВЯЗЫВАНИИ РУССКО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЫ (1826-1828 гг.)

После заключения Эрзерумского мира Фатх-Али-шах шел на сближение с Англией и Турцией. Он рассчитывал усилить их вражду с Россией и, заручившись поддержкой Англии, денонсировать Гюлистанский договор и возобновить войну с Россией. Решившись на «самопожертвование» в Эрзеруме, шах обратился к Англии за помощью и предлагал взамен Тегеранского договора заключить новый договор, чтобы Англия помогала Ирану как в мирное, так и в военное время¹³² и независимо от обстоятельств, при которых начнется война с Россией.

Однако Тегеранский договор вполне соответствовал интересам Англии, которая с помощью этого неравноправного соглашения могла толкнуть Иран на войну с Россией в выгодной для Англии международной обстановке. Летом 1824 г. в Тегеране торжественно встречали английского эmissара Георга Томаса Арла с партией оружия и боеприпасов¹³³. Однако этого оружия было недостаточно для ведения войны против России, и Аббас-мирза жаловался английскому дипломату Монтису, что собирается отправить в Лондон своего представителя для закупки оружия¹³⁴.

Каджары настойчиво добивались возвращения Ирану части Карабаха и Северного Талыша. В обмен на Северный Талыш и ряд армянских населенных пунктов в районе Памбака Иран предлагал России занять Мегри и одноименную область. Однако Северный Талыш присоединился к России еще до первой русско-иранской войны, а половина области Мегри, по смыслу Гюлистанского договора, принадлежала России, а иранцы отрицали это. Дело в том, что в русском тексте этого договора граница области Мегри была ориентирована по двум рекам—Капанак-чай и Капан-чай, а в персидском тексте—первая из них вовсе не упоминалась. Кроме того, в момент прекращения войны русский отряд занимал только половину области Мегри, однако в том же 1813 г. ушел оттуда, после чего оставленный район был занят иранским

отрядом. И, поскольку Гюлистанский договор был заключен по принципу статус-кво, Россия и Иран удерживали за собой те территории, где находились их войска в момент окончания войны. Поэтому командование Отдельного Кавказского корпуса отстаивало свои права на половину армянской области Мегри.

Когда же Ермолов убедился, что иранские подразделения не собираются уходить из половины этой области, он предпринял ответные меры—приказал своим войскам занять северо-западный берег озера Севан, затем предложил Аббас-мирзе узаконить действия сторон официальным соглашением, а в компенсацию—вернуть Ирану спорные районы в Карабахе и отдельные населенные пункты в Памбакской области¹³⁵. Каджары отклонили русские предложения, которые в их интерпретации обходили вопрос о возвращении Ирану Северного Талыша.

22 июня 1823 г. уполномоченные сторон встретились снова для разграничения спорных участков границы.

В фондах ЦГВИА хранятся малоизвестные документы об этих переговорах, составленные генералом Хатовым и полковником Энегольмом. Ген. Хатов, в частности, отмечал, что на переговорах иранские комиссары пользовались географической картой, составленной в 1816 г. английским офицером, находившимся на персидской службе¹³⁶.

Комментируя ст. 2 Гюлистанского договора, где определяется направление пограничной линии, идущей «вверх по Араксу до впадения в нее реки Капанак-чай, далее правой стороной реки Капанак-чай до хребта Мегринских гор»¹³⁷, ген. Хатов указывал, что на переговорах «иранские комиссары говорили, будто река Капанак-чай вовсе не существует, а Аббас-мирза требует, чтобы пограничной чертой была назначена река Чаундур, называемая иначе Капан-чай»¹³⁸. Далее отмечалось, что «Российские комиссары доказывали, что Капанак-чай, двумя большими ручьями вытекающий с Алагезских гор, проходит через Мегри и впадает в Аракс. «Таким образом,—писал Хатов,—между реками Чаундур и Капанак-чай находится спорное пространство, которое ген. Ермолов, по причине нездорового там климата (хотя оно и приносило персам ежегодный доход в 60 тыс. руб. серебром¹³⁹) предложил уступить персам взамен высот Герми в Талышском ханстве и долины Гиль, расположенной на юго-восточной части озера Гокча (Севан)»¹⁴⁰.

¹³⁵ См. АКАК, т. VI, ч. II, № 418, с. 228 и № 561, с. 305.

¹³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4272, л. 1.

¹³⁷ Там же, л. 106.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, Коллекция № 446, л. 12, л. 21.

¹⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4272, л. 106.

¹³² محمود محمود، ذرذخ روابط سياسي ايران و انگليس، ج 1، ص 147.

¹³³ См. Игамбердыев М. А. Иран и международные отношения первой трети XIX в., Самарканд, 1961, с. 201.

¹³⁴ Там же.

Изучение работ иранских историков, в которых приведен текст Гюлистанского договора, подтвердило, что иранские комиссары пытались обмануть русских экспертов. В работах иранских профессоров М. Махмуда, А. Таджбахша и А. А. Бина упоминается «река Капанак-чай по ту сторону горы Мегри»¹⁴¹, а река Чаундур отсутствует в работах этих авторов.

Таким образом, иранские эксперты пользовались географической картой, составленной с большими искажениями английскими топографами, и подделанным англичанами персидским текстом Гюлистанского договора. Более того, 3 ноября 1823 г. Аббас-мирза через своего инженера Мирза-Джафара объявил, что не допустит русских к Капанак-чаю, дескать, потому, что в Мегри этой реки не существует. Переговоры были прерваны.

В тенденционной интерпретации английской «The Morning Chronicle» на переговорах иранская сторона «вела дискуссию с горечью ранней гордости, а русская — с сознанием своей силы»¹⁴².

В ноябре 1823 г. вблизи от места переговоров, на правом берегу Аракса, находился лагерь Аббас-мирзы. А. П. Ермолов предписал правителю трех областей ген. Мадатову встретиться и переговорить с Аббас-мирзой.

На состоявшейся встрече ген. Мадатов много говорил о дружбе соседних государств, а наследный принц ограничился туманным заверением «использовать все средства, чтобы приобрести расположение Александра I и угодить Ермолову»¹⁴³.

В 1824 г. Фатх-Али-шах не просил, а ультимативно требовал у Англии денег и оружия для войны против России; предлагал начать переговоры по этому вопросу; не допускал в Иран и не выдавал агента новому английскому послу Д. Макдональду и угрожал порвать дипломатические отношения, однако на эти новые проявления шахского гнева в Лондоне и Бомбее реагировали сдержанно.

Не считаясь с выжидательной позицией Англии, которая учитывала колебания Александра I в турецком и греческом вопросах и его заинтересованность в сохранении слабого турецкого соседа, Каджары усиливали давление на Англию с помощью угрозы сближения Ирана с Россией.

Фатх-Али-шах произвел перемены в правительстве, которое возглавили иранские пацифисты и сторонники сближения с Рос-

сией. Казначей Манучехр-хана Енколопова шах назначил первым министром. О политической ориентации Манучехр-хана можно судить по отзывам о нем бывшего вице-консула в Иране Ваценко и адъютанта ген. Паскевича капитана Вольховского. Ваценко предлагал ген. Ермолову по всем вопросам обращаться не к агенту Англии — министру иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хану, а непосредственно к Манучехр-хану.

«Чтобы быть нам полезным, — писал Ваценко, — Манучехр-хан не дает хода иранскому министру иностранных дел ни в чем»¹⁴⁴.

Капитан Вольховский тоже доносил ген. Паскевичу, что «Манучехр-хан не может быть противником русских. В начале войны его подозревали в приверженности к нам. Он более других имеет случаи видеть шаха, оттого его влияние значительно... Имея родственников на нашей службе, он не может быть равнодушным к благосклонностям Вашего Высокопревосходительства»¹⁴⁵. Будучи армянином, Енколопов был русофилом, единственным иранским государственным деятелем, который ценой гибели своей матери и племянника пытался спасти от гибели А. С. Грибоедова 30 января 1829 г. и предотвратить трагедию русской миссии.

В тех же целях давления на Англию шах сформировал лояльный по отношению к России кабинет министров, в котором Абдул Вахаб руководил внешней политикой страны, а тебризский губернатор Фатх-Али-хан, которого подозревали в тайных связях с русским командованием, вместе с иранским послом Д. Мелик-Шахназаряном дважды были отправлены в Тифлис на переговоры с Ермоловым.

Такую же цель преследовали и экономические санкции шаха. Два года шах не давал согласия на открытие в Реште русского генерального консульства. В 1824 г. шах пригласил генерального консула Я. К. Ваценко в Тегеран, получил у него подарки царя (хрустальные плиты для обкладки дворцового бассейна) и поддержал его в столице до конца 1825 г., однако санкций на открытие торгового представительства в Гиляне не давал. Эти ложные маневры шаха «по сближению» с Россией тоже предназначались для получения английской помощи, тем более, что в годы ирано-турецкой войны английский посланник был выдворен из Ирана, а нового английского посла полковника Макдональда не допускали в Иран до получения Ираном английской помощи и завершения переговоров по этому вопросу в Бомбее и Калькутте.

В пику Англии шах добивался «сближения» и с Францией с

¹⁴⁴ АКАК, т. VI, ч. 2, № 573.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 97—97 об.

¹⁴¹ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليسم، ص 127-128.
تاج بخش احمد، روابط ايران و روسيه در نيمه اول قرن نوزدهم، ص 77.
¹⁴² «The Morning Chronicle», 3 февраля 1827 г. (цит. по книге Игамбердыева М. Д. Иран в Международных отношениях, с. 20).

¹⁴³ «Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова», СПб., 1863, с. 8.

помощью Ришмонта, Беланже, Фонтанье и других французских эмиссаров, которые настойчиво подготавливали условия для возобновления торговых и политических отношений с Ираном, однако были вынуждены отложить выполнение этого плана из-за начавшейся в 1826 г. второй русско-иранской войны.

Факты показывают, что, одновременно с вымогательством английской помощи, Каджары преднамеренно нагнетали напряженную обстановку на границе с Россией, чтобы в любое время «иметь повод для войны»¹⁴⁶.

В 1824 г. Фатх-Али-шах предъявил новые претензии на Шурагельскую провинцию Восточной Армении¹⁴⁷. Эти претензии сорвали в том же году переговоры пограничных комиссаров¹⁴⁸ и привели к отправке в Тифлис к А. П. Ермолову тебризского беглярбека Фатх-Али-хана, который от имени Аббас-мирзы потребовал возвращения Ирану Талыша и Шурагельской равнины. Однако ген. Ермолов отклонил эти требования Ирана. Расположенный у подножья Арагаца (Алагеза) Шурагель был не только плодородной долиной Восточной Армении. Расположенный между Ереванским ханством и Карским пашалыком, он имел важное стратегическое значение—с юга прикрывал Грузию, а в случае войны мог быть использован командованием Кавказского корпуса как плацдарм для ведения одновременных военных действий против Ирана и Турции.

После возвращения в Тебриз Фатх-Али-хана Аббас-мирза в начале 1825 г. снова отправил в Тифлис Фатх-Али-хана в сопровождении Мелик-Шахназаряна.

Переговоры с тебризским беглярбеком ген. Ермолов поручил вести начальнику штаба корпуса А. А. Бельяминову. 28 марта 1825 г. был заключен так называемый Тифлисский договор «об установлении пограничной линии между Россией и Персией»¹⁴⁹. За основу этого соглашения были взяты предложения А. П. Ермолова, закрепившие за Россией часть северного побережья оз. Севан, а за Ираном—район Кафана. В результате этого плохо продуманного решения к России должна была отойти часть территории Армении за счет уступки Ирану другой части Армении. Такое решение о Кафане, армянское население которого связывало свои судьбы с Россией, было несомненной ошибкой ген. Ермолова.

Показательно, что в составе делегации, направленной в Тебриз для ратификации этого договора, наряду с Мазаровичем, Фатх-Али-ханом и Давидом Мелик-Шахназаряном находились и французы Ришмонт и Беланже, что в определенной мере было предложением Ермолова Аббас-мирзе ориентироваться на союз с Россией и Францией вместо каджарской политики вымогательства английской помощи, однако и на тебризских переговорах наследный принц повторил свои претензии на армянскую провинцию Шурагель, на которую Иран не имел никаких прав, угрожал наказать Фатх-Али-хана за превышение своих полномочий на переговорах в Тифлисе и отказался ратифицировать Тифлисский договор. Это было саморазоблачением Аббас-мирзы и провалом его очередной авантюры, предпринятой во время длительных переговоров руководства Ост-Индской компании с новым английским послом в Иране Д. Макдональдом в Бомбее и Калькутте. Не менее показательно, что Аббас-мирза подослал к Мазаровичу агента-двойника, который рассказал о тайном совете во дворце Аббас-мирзы, где якобы было принято решение начать против России войну, а Мазарович на эту дезинформацию Аббас-мирзы ответил тем, что в конце мая 1825 г. отправился на переговоры с шахом в Султанье, что было выражением его недоверия к наследному принцу и его вероломству. Однако шах к этому времени был информирован об осложнениях в русско-турецких отношениях, усиливших его надежды на получение английской помощи, отказался от переговоров с Мазаровичем и объявил, что к Ермолову будет отправлен на переговоры статс-секретарь наследного принца Мирза-Мохаммед-Садек-Марвази. Каджары тянули время и решились на очередной фарс, предназначенный для Ост-Индской компании. На этот раз уже создавалась видимость, что Иран, дескать, отказывается от ориентации на Россию и сближается с Англией. Главного шахского свиха, армянина Манучехр-хана вернули в гарем, а должность первого министра предоставили английскому агенту, открыто получавшему английскую пенсию,—зятю шаха и его генерал-адъютанту Аллах-яр-хану Асаф-эд-Довле. Тогда же англофил Мирза-Аболь-Хасан-хан, тоже получавший персональную английскую субсидию и подписавший Гюлистанский договор, стал министром иностранных дел. С приходом этих англофилов к власти правительство шаха демонстрировало свой проанглийский курс и отправило в Калькутту на переговоры с лордом Амхерстом английского офицера Эд. Уиллока.

Как видно, в Иране не рассчитывали на успех любого дипломата-иранца.

¹⁴⁶ محمود محمود تاريخ روابط ايران و انگليس ص 193
¹⁴⁷ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, л. 444 «О требованиях персидских комиссаров в 1824 г.», дд. 72—75.

¹⁴⁸ محمود محمود تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس ص 193
¹⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1918, оп. 2, л. 90 «Записки о войне», л. 6.

К приезду Эд. Уиллока в Калькутту там уже находилось большинство сотрудников английского посольства.

В августе 1825 г. Совет директоров Ост-Индской компании с согласия Д. Каннинга передал Ирану 200 выюков английского оружия. Это решение было принято Англией после того как с середины августа 1825 г. «послы России в Лондоне и Вене прекратили консультации со своими западными коллегами по греческому вопросу»¹⁵⁰. Это решение так же, как и Петербургская конференция, работавшая с перерывами с июня 1824 по апрель 1825 гг., было попыткой держав спасти Грецию от турецких и египетских карателей¹⁵¹. Д. Каннинг объявил Александру I, что если Россия начнет против Турции войну, Англия оккупирует Грецию. Именно в это время Ост-Индская компания предоставила Ирану оружие и спровоцировала Фатх-Али-шаха на войну с Россией, чтобы угрожать России ближайшей перспективой ведения войны на два фронта—против Ирана и Турции, и чтобы избежать поражения и распада Османской империи. Не исключено, что этих и других угроз было достаточно, чтобы Александр снова усилил свои колебания, которые рассеялись незадолго до его смерти.

Между тем английского оружия было далеко недостаточно для ведения войны. Шах считал, что этого оружия недостаточно и для допуска в Иран английского посла Макдональда. К тому же вместо этого английского оружия, за которое надо было платить, шах предпочитал получить золото, в котором остро нуждалась его армия, двор и гарем.

Находясь под впечатлением полученного английского оружия, Аббас-мирза утратил интерес к миссии Марвази и на три месяца отложил его поездку в Тифлис¹⁵², а сам в это время продолжал наращивать войска в Ереванском и Нахичеванском ханствах Восточной Армении, а также в Тебризе, Хое и Ардебиле.

Об этих сборах войск ген. Ермолов писал в Петербург, однако, по мнению иранского проф. М. Махмуда, «Александр I не со-

¹⁵⁰ Георгиев В. А. Восточный вопрос в 20-х годах XIX века.—в кн. Восточный вопрос во внешней политике России, М., 1978, с. 82—83.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Мирза-Садек-Марвази прибыл в Тифлис 23 ноября 1825 г. и четыре месяца дождался А. П. Ермолова, который 24 июля выехал в Екатериноград и находился там в течение одиннадцати месяцев. Каджары были заинтересованы в длительном пребывании Марвази в Тифлисе, пока в Калькутте велись переговоры об Иране, и отозвали его в Иран после того, как Англия предоставила шаху субсидию.

бирался воевать с Ираном и до конца своей жизни не обращал внимания на интриги и провокации»¹⁵³.

Провокации исходили от Аббас-мирзы. Он неоднократно пытался отбросить русские подразделения из той части побережья оз. Севан, которую удерживал Ермолов, потому что иранцы удерживали за собой большую по площади армянскую территорию в Мегри (между реками Капан-чай и Капанак-чай).

В иранской историографии эти конфликты на границе в сентябре 1825 г. освещены крайне тенденциозно. Больше других историков извращает факты проф. Али Акбар Бина в своей «Политической и дипломатической истории Ирана». Он утверждает, например, будто Ермолов сосредоточил в районе Севана 1800 солдат с четырьмя орудиями¹⁵⁴, тогда как на деле 1800 иранских солдат были отправлены к Севану иранским командованием!

Ложным было и донесение вернувшегося в Иран Г. Уиллока Д. Каннингу от 28 сентября 1825 г., где говорилось, со слов брата Ереванского сардара Хасан-хан-Сари-Аслана, что «русские заняли Гокчу (Севан) для того, чтобы угрожать безопасности Еревана»¹⁵⁵.

К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли беспощадной критике грабительский характер колониальной политики западных держав, их стремление сохранить статус-кво разлагавшейся феодальной Османской империи, которая установила в завоеванных ею странах деспотический режим и препятствовала их национальному освобождению.

В конкурентной борьбе с западными державами Россия оказывала широкую поддержку христианским народам Балканского полуострова, которые видели в России свою единственную освободительницу.

Внешняя политика России в Восточном вопросе в 1825 г. сталкивалась с большими трудностями, так как тогдашние попытки Петербургского двора ускорить вмешательство держав для стабилизации положения на Ближнем Востоке и спасения Греции не достигли цели¹⁵⁶.

В этих условиях большое значение для политики России на Ближнем Востоке приобрела реальная перспектива договориться

¹⁵³ محمود محمود تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس ج. ۱۷۱-۱۹۱

¹⁵⁴ دينا عنى اكبر تاريخ سياسى و دبلوماسى ايران ج. ۱۸۸

¹⁵⁵ دينا عنى اكبر تاريخ سياسى و دبلوماسى ايران ج. ۱۸۸

¹⁵⁶ См. Восточный вопрос во внешней политике России. Концы XVIII—начало XX вв., М., 1978, с. 83.

с правительством Дж. Каннинга о срочных мерах, которые следовало предпринять для предотвращения поражения греков¹⁵⁷, тем более, что расправа над декабристами закрепила за Николаем I репутацию «железного царя», а британское министерство иностранных дел и Ост-Индская компания опасались быстрых и решительных действий Николая I и спешили опередить его, чтобы сохранить целостность Османской империи и не допустить ее распада в случае поражения Турции в назревавшей русско-турецкой войне.

Анализ показывает, что решение этих задач Англия связывала со второй войной Ирана против России в надежде, что война эта заставит Россию воздержаться или отложить войну с Турцией для спасения греков, и уверенностью, что русское командование не станет воевать на двух фронтах (против Ирана и Турции) одновременно. Как же Англия провоцировала Каджаров на войну с Россией?

Факты показывают, что английская дипломатия добивалась этих целей с двух сторон: на Востоке—со стороны Индии, откуда Ост-Индская компания доставляла Ирану деньги и вооружение для реваншистской войны против России, а на Западе—со стороны Турции, которая с помощью ложных маневров и сосредоточения войск на русской границе инспирировала подготовку к войне с Россией, тогда как на деле была совершенно не готова к войне, а с помощью русско-иранской войны султан Махмуд рассчитывал облегчить задачу турецкой делегации в Аккермане и избежать русско-турецкой войны с помощью Англии.

Уже в конце 1825 г. Ост-Индская компания завершила переговоры с представителем Ирана в Калькутте, и Эд. Уиллок, уполномоченный шахом на ведение переговоров в Индии, в январе 1826 г. вернулся в Иран с субсидией в размере 728 тыс. рублей¹⁵⁸. Однако английская помощь Ирану этим не ограничивалась. В фондах ЦГИА СССР в Ленинграде хранится дело «О захваченном в плен Огурлу-хане». Этот елизаветинский хан, взятый в плен 15 сентября 1826 г., на допросе показал, что «Ост-Индская компания, платившая персидскому двору 800 тысяч рублей серебром в год, требовала от персиян непрерывной войны с Россией»¹⁵⁹. Эти полтора миллиона рублей были недостаточны для

ведения войны. «Англия подстрекала Иран к войне—отмечал академик А. Л. Нарочницкий,—но не оказала Каджарам реальной поддержки»¹⁶⁰.

Факты показывают еще, что английская дипломатия пыталась дезинформировать Каджаров и в оценке внутрисполитического положения России для того, чтобы ускорить вступление Ирана в войну. Прибывший из Петербурга в Тегеран английский офицер Шил (покинувший русскую столицу через день после 14 декабря 1825 г.) рассказывал шаху и Аббас-мирзе, что в России идет ожесточенная борьба за власть между братьями Александром¹⁶¹.

В связи с этим Шил предлагал немедленно напасть на Грузию, где, по его словам, было мало русских войск и в чем он убедился, проезжая по Кавказу¹⁶².

Не исключено также, что через англичан или находившегося в Тифлисе иранского дипломата Мирза-Садека Марвази в Иран могли просочиться сведения и об аресте А. С. Грибоедова по делу декабристов¹⁶³.

Мазарович доносил Ермолову, что вернувшийся из Калькутты Макнейл тоже предлагал Аббас-мирзе начать против России войну и отбросить русских далеко на север.

В то время, когда Англия предоставила шаху оружие и деньги, а в Иране завершились приготовления к войне с Россией, ген. Ермолов знал и предупреждал Петербург об этих приготовлениях, настаивал на необходимости усиления Отдельного Кавказского корпуса войсками и не смог подготовить к длительной

¹⁶⁰ «История дипломатии», т. I, с. 612—613.

¹⁶¹ См. «Кавказский сборник», т. XXI, с. 112.

¹⁶² См. Давыдов Д. Воспоминания о 1826 г.—Соч., т. 2, с. 190—192.

¹⁶³ 22 января 1826 г. А. С. Грибоедов был арестован по обвинению в причастности к декабристскому движению. 11 февраля доставлен в Петербург и помещен на гауптвахту Главного Штаба, а с 24 февраля в течение 98 дней находился под следствием в Петропавловской крепости. Николай подозревал наличие тайного общества в Отдельном Кавказском Корпусе, т. к. в планах декабристов в случае успеха ген. Ермолов должен был возглавить правительство переворота. Однако царь боялся Ермолова и решил заменить его ген. И. Ф. Паскевичем, который, будучи членом Верховного Суда и женатым на двоюродной сестре Грибоедова Елизавете Алексеевне, мог способствовать освобождению Грибоедова (2 июня 1826 г.) главным образом для спасения своего престижа. 3 сентября Грибоедов уже был на Кавказе, принял ведение дипломатических дел с Турцией и Ираном, а в мае 1827 г. принял участие в Ереванском походе. Об этом см. Нечкина М. В.—А. С. Грибоедов и декабристы, М., 1947, с. 475—476, 486—499.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Alexander I.E.—Travels from India to England comprehending a visit the Birma Empire and a journey through Persia, Asia Minor European Turkey in the years 1825—1826. London, 1827, p. 78—79.

¹⁵⁹ ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 109 (от 29 сентября 1826 г.), л. 1.

обороне Шушу и другие крепости в Восточной Армении, в чем впоследствии обвинял его ген. Паскевич, а Николай I. в свою очередь, в начале января 1826 года предписал ген. Ермолову «удерживать заключенный с Персией мир на основании Гюльстанского договора, доколе сия Держава сама не нарушит оного»¹⁶⁴.

Показательно, что для сохранения мира с Ираном Николай I дал согласие только на уступку Ирану узкой полосы земли в Талышском ханстве (площадью в 20 кв. км к югу от реки Бусей). Поэтому Ермолов отказался от своих прежних предложений об уступке Ирану Кафана¹⁶⁵, что вполне отвечало интересам армянского народа.

С начала 1826 г. Аббас-мирза вместе с министрами шаха и английскими офицерами, а также иранскими и английскими дипломатами приступили к разработке военно-стратегического и дипломатического планов войны.

В фондах Центрального Государственного архива Военно-морского флота в Ленинграде хранится составленная в конце 1826 г. записка Мазаровича под названием «Plan de Campagne des Persans»¹⁶⁶, в которой автор анализирует комбинированное наступление иранской армии в начале второй русско-иранской войны и приходит к выводу, что стратегический план ведения войны был заблаговременно разработан в деталях, а в случае поражения иранских войск предусматривал сожжение и опустошение Закавказья¹⁶⁷.

Между тем в начале 1826 г. Каджары не начали войну. Они не только дожидались русско-турецкой войны, чтобы усилить свой левый фланг, но и вместе с англичанами хотели вынести внешнюю политику нового российского императора.

На наш взгляд, иранское вторжение в Закавказье и начало русско-турецких переговоров в Аккермане произошло в одно и то же время в результате преднамеренной деятельности английских и турецких дипломатов. Англия и Турция были заинтересованы в том, чтобы шах вступил в войну с Россией уверенным, что султан будет его союзником. В Лондоне и Константинополе в праве были ожидать, что отсутствие такой уверенности могло поколебать решительность Каджаров.

¹⁶⁴ Записки Алексея Петровича Ермолова, часть II. Приложения к запискам (1816—1827), Николай—Ермолову, от 11, января 1826, М., 1868, с. 201.

¹⁶⁵ Там же, с. 179.

¹⁶⁶ ЦГА ВМФ, ф. 19, д. 25, лл. 12, 12об.

¹⁶⁷ Там же.

К тому же Махмуд II не мог не учитывать те выгоды, которые могла предоставить русско-иранская война турецкой делегации на Аккерманских переговорах, поскольку русско-турецкие отношения в значительной мере находились в зависимости от исхода переговоров, так как, по существу, Аккерман был началом капитуляции султана без войны.

О связи между нападением Ирана на Россию и переговорами в Аккермане в свое время указывал и Носков, сопровождавший Меншикова в поездке к шаху. По его мнению, «Иран рассчитывал на срыв переговоров в Аккермане и выступление Турции, а Англия—на продолжение переговоров и выступление Ирана»¹⁶⁸.

В распоряжении командования Отдельного Кавказского корпуса имелись доказательства того, что на русской границе, вблизи от Ахалциха, турецкое командование в большой спешке собирало остатки своих войск (после разгрома восставшего корпуса янычар), мобилизовало в армию новые контингенты солдат и через своих агентов распространяло ложные слухи о том, что на границе они сосредоточили десяти тысячный корпус, готовый начать войну против России.

Можно не сомневаться, что принятое Ираном решение о войне не в последнюю очередь было основано на этом обмане турецкого султана.

Англия и Турция толкнули Иран на войну в крайне неблагоприятной для шаха военной и политической обстановке, когда Россия была со всеми в мире, а Турция была не в состоянии начать войну против России¹⁶⁹.

6. МИССИЯ А. С. МЕНШИКОВА

Секретной инструкцией от 8 января 1826 г. Николай I предписал А. С. Меншикову¹⁷⁰ отправиться в Иран на переговоры с шахом, чтобы «в условиях надвигающейся войны с Турцией сохранить с Ираном мир»¹⁷¹. Меншикову предлагалось ознакомиться с протоколами пограничных комиссаров, решить пограничные споры на основе Акта о разграничении 1826 г., не утвержденного Аббас-

¹⁶⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, Коллекция 444, д. 3, л. 4 об.

¹⁶⁹ См. Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в., М., 1958, с. 147.

¹⁷⁰ Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) после иранской миссии был начальником Главного Морского штаба в звании адмирала. Впоследствии—генерал-губернатор Финляндии, а во время Восточной войны—главнокомандующий Крымской армии.

¹⁷¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4288, л. 1—10.

мирзой¹⁷², а также изучить дух войск и выявить тайные общества на Кавказе. Сопровождавшие Меншикова чиновники давали расписки о непричастности к тайным обществам и заполняли анкеты, вопросы которых требовали указания места и цели тайного общества, если в нем участвовал заполнявший анкету¹⁷³.

В инструкции приведен список сосланных на Кавказ декабристов, а на полях пятой страницы инструкции имеется резолюция Николая I: «Было бы хорошо к этим именам присоединить и Грибоедова»¹⁷⁴. Известно, что царь с недоверием отнесся к решению Следственного комитета об освобождении арестованного Грибоедова и 7 марта 1826 г. приказал «коллежского ассессора Грибоедова оставить у дежурного генерала Петропавловской крепости», где он находился под арестом до 2 июня 1826 г. Для сбора секретных сведений о Ермолове и его корпусе был специально послан полковник Бартоломей, получивший секретные царские инструкции через А. С. Меншикова, который не представлял, как ему надо выявить тайные общества. В его записке от 4 февраля 1826 г., непосредственно касавшейся Грибоедова, отмечается в частности: «2. Кто такой Грибоедов, какого он поведения и что о нем говорят?....17. Беречься Грибоедова и собрать о нем сведения». Не ясно, что имелось в виду под словом «беречься Грибоедова», ведь он уже был арестован¹⁷⁵.

Для выяснения тайных обществ Меншиков обратился за помощью к А. П. Ермолову, которого Николай I больше других подозревал в связях с декабристами, и точку зрения ген. Ермолова сообщил в Петербург: «Тайные общества в войсках Кавказского корпуса ген. Ермолов полагает решительно не существующими из-за физической невозможности часто сообщаться, деятельной службы, занятий в войсках и удалением от праздности»¹⁷⁶.

Это мнение ген. Ермолова о существовании тайных обществ толко там, где существует «праздность», безделье и общение людей, должно было напомнить Николаю I, что восстание декабристов произошло не на Кавказе, а в Петербурге.

Меншикову было известно, что шах, как и прежде, добивался возвращения Ирану отошедших к России ханств, а Аббас-мирза и ереванский сардар создавали на границе конфликты,

чтобы иметь повод к войне: накануне переговоров Хусейн-Кулихан подтягивал свои отряды к расположенному в районе Абарана разрушенному селению Мирак с тем, чтобы отбросить оттуда русские пограничные посты¹⁷⁷, а наследный принц заставил бежать из Ленкорани талышского хана Мир-Хасана. В этих условиях одними заверениями в миролюбии России Меншикову трудно было рассчитывать на успех, тем более, что за неделю до того, как он переправился через Аракс, новый английский посол Макдональд, командированный Ост-Индской компанией, высадился в Бушире, чтобы ликвидировать мирную инициативу России. Английский поверенный в делах Генри Уиллок тоже пытался сорвать миссию русского посла. В его донесении британскому министру иностранных дел Джорджу Каннингу от 20 марта отмечалось, что «по настоянию Аббас-мирзы русскому представителю не разрешат приехать в Тегеран до тех пор, пока русские не уйдут из района Гокчи»¹⁷⁸. К Меншикову Аббас-мирза отправил своего инженера Мирза-Джафара вместе с Амбургом, исполнявшим тогда обязанности поверенного в делах, чтобы опротестовать действия русских, которые, по словам наследного принца, с одной стороны посылают посольство и подарки, а с другой — войска. По указанию Меншикова две русские роты были отозваны из Мирака¹⁷⁹, а Аббас-мирза согласился, чтобы с отходом русских подразделений ереванский сардар Хусейн-Кулихан тоже отвел свой отряд, что, впрочем, осталось невыполненным.

В Тебризе за Меншиковым была установлена слежка, связь с Россией была прервана, письма русских перехватывались¹⁸⁰. В пересылаемых через агентов донесениях Меншикова указывалось, что Аббас-мирза за 5 тысяч туманов нанял террориста, который согласился убить Ермолова и уже отправился в Дагестан. Отмечалось также, что в Иране повсюду собираются войска, изгнанные из России ханы назначаются предводителями отрядов, и

¹⁷⁰ Там же, с. 474.

¹⁷⁸ ۱۹۳ دیما علی کبر تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران ص.

¹⁷⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4294 (Журнал военных действий персидской войны в 1826—1827 гг.), л. 3.

¹⁸⁰ Донесения Меншикова переправлял переводчик русской миссии армянин Нариман Шахназаров (убитый во время разгрома русской миссии) с помощью карабахца Хачатура Петросяна, который, рискуя жизнью, тайно переправлялся в Шушу и там передавал письма Меншикова коменданту крепости майору Чилиеву, а последний переправлял их в Тифлис (АКАК, т. VII, № 632, — с. 348).

¹⁷² См. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века, М., 1983, с. 55.

¹⁷³ ЦГА, ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 458, л. 1.

¹⁷⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4288, л. 5.

¹⁷⁵ См. Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. Изд. АН СССР, М., 1947, с. 475.

¹⁷⁶ Там же, с. 474.

доставляются в Тебриз сотни женских покрывал, символизирующих упрек в слабости их правителей¹⁸¹.

В Азербайджане и других провинциях активизировалась деятельность мусульманского духовенства. «Все богословы Ирана,—говорилось в обращении шаха к тебризскому муджтехиду Мирза-Ахмеду,—объединенными силами прилагают свои старания, а победоносные войска шаха, находящиеся сейчас в походе, в скором времени будут украшать собой страны Российские»¹⁸².

Для усиления проповедей «священной войны» в Тегеран прибыли видные мусульманские богословы Мир-Сенд-Мохаммед и Сенд-Хашем, к проповедям которых были причастны английские дипломаты¹⁸³.

Как и следовало ожидать, Аббас-мирза обращался с Меншиковым подчеркнуто холодно: не хотел вести с ним переговоров о границах, говорил, что от него ничего не зависит, что он всего лишь исполнитель воли шаха, а сам в это время рассылал войскам секретный фирман готовиться к походу¹⁸⁴ и собирал подписи мулл под обращением, призывающим шаха начать против России «священную войну»¹⁸⁵.

Убедившись в бесполезности пребывания в Тебризе, Меншиков отправился к шаху и был немало удивлен, когда Аббас-мирза обогнал его в дороге. Отправленный вслед за ним переводчик Шамир установил, что наследный принц был срочно вызван в Султанье на созываемый шахом тайный совет¹⁸⁶. Впоследствии выяснилось, что на этот совет был приглашен и британский поверенный Г. Уиллок, который заблаговременно отправился в Тегеран и сопровождал шаха в его поездке. Чтобы заставить Каджаров решиться на войну, накануне заседания тайного совета Ост-Индская компания угрожала Ирану прекратить выдачу новых и потребовать возврата уплаченных сумм, а зависимый от Англии флот имама Маската в июне 1826 г. угрожал в Персидском заливе порту Бушир¹⁸⁷. Англия неоднократно прибегала к угрозам в Персидском заливе, когда хотела оказать давление на правительство шаха. Не менее важно отметить, что английские дипломаты внушали Каджарам, будто «миссия Меншикова дока-

зывает слабость России и недоверие Николая к Ермолову»¹⁸⁸, а Г. Уиллок и английский офицер Шил говорили шаху, что восстание декабристов, дескать, «сильно потрясло могущество России»¹⁸⁹.

На первой аудиенции территориальные претензии Ирана не обсуждались, вероятно, потому, что в тот же день «шах созвал совет, принявший окончательное решение о войне»¹⁹⁰.

Трудно объяснить присутствие английского дипломата Г. Уиллока на сугубо секретном иранском совете. Еще более странным было его выступление на этом совете. Когда охваченное угаром реваншизма большинство настаивало на войне, Уиллок вырядился в тогу миротворца и выступил против мнения большинства. Эта, на первый взгляд, пацифистская позиция британского поверенного была мишенью резких нападок иранских историков. «Политика Уиллока,—замечает М. Махмуд,—только и заключалась в создании разногласий и конфликтов с правителями Ирана»¹⁹¹. Однако в данном случае разногласия были условными, так как британская дипломатия, с одной стороны, провоцировала Иран на войну против России, а с другой—создавала впечатление прочности англо-русского союза. Можно понять, что Уиллок как дипломат не мог открыто присоединиться к требованию о войне, хотя и подготовил это решение тем, что «в одной политике играл две роли: в Султанье предлагал сохранить мир с Россией, в то время как в Тебризе его представители Кормик, Макнейл и Гарт толкали Аббас-мирзу на войну против России»¹⁹². С этим заявлением проф. Бина нельзя не согласиться, тем более, что Г. Уиллок достаточно скомпрометировал себя в январе 1826 г., когда его брат Эдуард доставил шаху из Калькутты 728 тыс. рублей¹⁹³.

Для выяснения позиции Г. Уиллока в Султанье не менее важное значение имеют его донесения британскому министру иностранных дел Джорджу Каннингу и вице-королю Индии лорду Амхерсту, которому накануне войны были переданы относящиеся к Ирану дела¹⁹⁴. В донесении на имя Амхерста говорится о русской угрозе Индии в связи с продвижением России в Сред-

¹⁸¹ См. АКАК, т. VII, № 632, с. 350.

¹⁸² Там же, № 631.

¹⁸³ یمینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران ص ۱۹۷

¹⁸⁴ См. АКАК, т. VII, № 637, с. 350.

¹⁸⁵ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, л. 465, л. 2 об.

¹⁸⁶ См. ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, л. 109, л. 1, 2.

¹⁸⁷ Alexander J. E. Travels from India..., London, 1827, p. 93—94.

¹⁸⁸ См. «Русский архив», 1889, кн. 4, с. 583 (Записки Муравьева).

¹⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, л. 90, л. 16.

¹⁹⁰ ЦГВИА, ф. 446, л. 3, л. 16; ф. 11, лл. 21—23 и ф. ВУА, л. 4329, л. 97.

¹⁹¹ محمود محمود تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس ص ۱۹۰

¹⁹² یمینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران ص ۱۹۷

¹⁹³ См. АКАК, т. VI, ч. 2, № 617.

¹⁹⁴ В январе 1823 г. после отъезда из Индии Гастингса «Контрольный совет» назначил вице-королем лорда Амхерста.

ней Азии, что, по мнению иранских историков, было обращением к Ост-Индской компании, чтобы она заставила Иран воевать против России для того, чтобы таким путем отвлечь русские войска от Индии¹⁹⁵ и ослабить Иран¹⁹⁶. В другом донесении на имя Каннинга Г. Уиллок уверял, что «в результате его деятельности, после прибытия Меншикова в Тебриз, один иранский чиновник, наделенный полномочиями Аббас-мирзы, был отправлен в Тегеран, чтобы уговорить шаха объявить России войну»¹⁹⁷. Это важное во многих отношениях донесение Уиллока разоблачает не только агрессивные планы Аббас-мирзы, но и двуличную политику Англии, которая под маской миролюбия толкала Каджаров на войну. «Две роли Уиллока в одной политике», которые осуждал Бина, можно было наблюдать и в июле того же года. Разыгрывая неигравшую роль дуэли Януса, Г. Уиллок специально искал встречи с Меншиковым, чтобы сообщить ему о своей позиции на тайном совете.

Заключительный акт этой бутафорной комедии был разыгран Каннингом. В письме из Парижа 13 октября 1826 г. он уверял русского посла Ливена, что «Персия начала военные действия, невзирая на величайшие усилия английского поверенного в делах, употребленные им для избежания решения, столь же безрассудного, сколь и неприятного...»¹⁹⁸. После тайного совета, на котором было принято решение о войне, данная Меншикову вторая аудиенция была обращена в постыдный фарс.

Выступивший вначале посол царя напомнил, что по его инициативе русские подразделения ушли из урочища Мирак и этим предупредили столкновение с отрядом ереванского сардара, который, несмотря на фирман Аббас-мирзы, не отвел своих войск от озера¹⁹⁹. Затем он указал на целесообразность обмена русской части области Мегри на занятую русскими прибрежную полосу Севана, также объявил о готовности уступить Ирану Кафан и небольшую территорию в Талыше, южнее реки Бусей. Шах ответил, что эти вопросы неоднократно обсуждались и остались нерешенными потому, что подчинены главному вопросу—уступке

Ирану всего Талыша²⁰⁰. На прямой вопрос шаха: «Вы можете уступить нам Талыш?» Меншиков ответил, что не имеет на это полномочий и не может отклониться от Тифлисского договора, заключенного 28 марта 1825 г. начальником корпуса ген. Вельяминовым и тебризским беглярбеком Фатх-Али-ханом²⁰¹. Тогда послу показали письмо Нессельроде, адресованное министру иностранных дел Ирана, где, в частности, указывалось, что Меншиков наделен широкими полномочиями²⁰². Это письмо поставило посла в затруднительное положение, несмотря на то, что в принципе уже было поздно и невозможно достигнуть соглашения, тем более, что на деле Талыш интересовал Каджаров неизмеримо меньше, чем перспектива завоевания всего Закавказья, в которую они продолжали верить, несмотря на ее абсурдность, и в связи с этим из всех сил раздували военную истерию. «В итоге,—замечает Моктадер,—когда Меншиков находился в Султанье, Иран был охвачен паническим ожиданием войны»²⁰³, а проф. Бина объясняет причины этого напряжения «торжеством проанглийской политики Аббас-мирзы, находившегося под влиянием Кормика и Гарта»²⁰⁴.

В Султанье Меншиков в конце концов убедился, что из посла превращается в пленного. 5 июля он уже настаивал, чтобы его отправили в Россию. Ответ Аллах-яр-хана был составлен в духе ультиматума: «Мы ожидали,—говорилось в его памятной записке,—что со вступлением на престол нового императора споры прекратятся наилучшим образом. Однако этого не случилось. Вопреки письму Нессельроде, в котором отмечалось, что Вы наделены всеми полномочиями, на второй аудиенции выяснилось, что Вы полномочий не имеете. При этом упоминание о содержании письма Нессельроде Вас крайне удивило. Просим явиться на конференцию для рассмотрения претензий пограничных начальников и решить все вопросы»²⁰⁵. Это предложение о созыве конференции, которую не собирались созывать, было сделано к исходу 7 июля, после того как Аббас-мирза возвратился в Тебриз и накануне отъезда шаха в Ардебиль. Тогда же шах уполномочил Г. Уиллока вести переговоры с русским послом. Об этом

¹⁹⁵ بینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران ص ۱۹۶

¹⁹⁶ محمود محمود تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس ص ۴۴

¹⁹⁷ بینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران ص ۹۰

¹⁹⁸ АВПР, ф. МИД. Канцелярия, л. 6958, л. 28, об., 29.

¹⁹⁹ Подробные данные о переговорах Меншикова в Иране см. ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, л. 455 («Переписка Меншикова с шахом, наследником и высшими чиновниками»), а также ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, л. 453 («О пограничном споре между Россией и Персией в посольстве Меншикова»).

²⁰⁰ بینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران ص ۱۹۵

²⁰¹ См. там же.

²⁰² См. АКАК, т. VII, № 637, с. 350.

²⁰³ مقتدر غلام حسین تاریخ نظامی ایران تهران ۱۳۱۷ ص ۴۹۵

²⁰⁴ بینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران ص ۱۹۵

²⁰⁵ См. АКАК, № 637, с. 350 (Аллах-яр-хан—Меншикову, от 7 июля 1826 г.).

необычном в дипломатической практике прецеденте Г. Уиллок информировал Лондон²⁰⁶, а затем заявил Меншикову, что ему, дескать, удалось уговорить шаха отказаться от похода и возобновить переговоры²⁰⁷.

Эта ложь раскрылась через неделю, когда иранские войска напали на Россию. Отметим еще, что, встретившись с Меншиковым 9 июля, Уиллок не сказал ему о поручении шаха, которого собирался заменить на «переговорах» и который в тот же день выехал в Ардебиль. Меншиков, в свою очередь, разрушил эти планы тем, что выехал на Кавказ, а Уиллок вернулся к Фатх-Али-шаху.

В Ереване сардар Хусейн-Кули-хан пригласил посла и его свиту в загородную дачу на берегу Зангу и под разным предложением не отпускал больше месяца. Меншиков жаловался на притеснения, а когда был отпущен, сардар сделал все, чтобы посольство перебили на дороге. Меншикову все же удалось узнать о происках Хусейн-Кули-хана и об этом сообщить Ермолову через полковника Бартоломея, который тайно от персов отправился на поиски своих войск и обнаружил их у Гергер²⁰⁸. Не подавая вида, что знает о намерениях сардара, Меншиков выехал на эчмиадзинскую дорогу. Отсюда он резко изменил направление и ближайшим путем — через Аштарак и Амамлы (Синтак) — устремился к Большому Каракаису (Кировакан). Кавалеристы ереванского сардара, сторожившие посла в Дилижанском ущелье, понеслись в погоню с большим опозданием и настигли посольство западнее Джалалоглы (Степанаван), откуда были отброшены русским отрядом.

²⁰⁶ ۱۳۷ بینا علی اکبر قاروق نمیناسی و دیپلوماسی ایران ص ۲۰۶

²⁰⁷ См. **Зубов П.** Персидская война в царствование Николая I, с. 18.

²⁰⁸ См. Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОРБЛ), ф. Киселева, IV, п. 29, № 1, л. 100.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РУССКО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЫ (1826—1828 гг.), ТУРКМАНЧАЙСКОГО МИРА И ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ К РОССИИ

1. ПОРАЖЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ КАННИНГА НА ЛОНДОНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ С Х. А. ЛИВЕНОМ

В годы второй русско-иранской войны существовал тайный сговор Каджаров с их британскими покровителями в вопросе координации их дипломатической деятельности. Когда в первые два месяца войны реорганизованная английскими офицерами армия Аббас-мирзы заняла большую часть Восточного Закавказья, официальный Лондон и Ост-Индская компания хранили молчание. Для этого было немало причин, так как в период успехов иранской армии дипломатическое наступление России против Порты было приостановлено, турецкая делегация саботировала переговоры в Аккермане, а Россия отложила войну с Турцией. С помощью второй русско-иранской войны Англия стремилась выиграть время, необходимое султану Махмуду II для реорганизации турецкой армии и подготовки к войне с Россией. Кроме того, после крушения наполеоновской империи Англия стремилась с помощью этой войны ослабить Россию на Востоке. Соблюдая видимость невмешательства в русско-иранскую войну, правящие круги Англии провоцировали иранских реваншистов на продолжение этой войны. Однако 3 сентября 1826 г. шамхорская победа генерала Мадатова положила начало контрнаступлению русского корпуса и нарушила молчание британского министра иностранных дел Джорджа Каннинга. После Шамхорской битвы английское правительство бесцеремонно и все более настойчиво стремилось навязать России свое посредничество с целью не допустить продвижения русских войск в глубь Ирана и восстановить довоенные границы.

В декабре 1826 года русский посол в Лондоне Х. А. Ливен донес в Петербург о прибытии в Англию иранского представите-

ля, который «привез просьбу шаха о посредничестве Англии на переговорах с Россией»¹.

Вскоре после этого Каннинг пригласил к себе Ливена и, «не сделав формального предложения о посредничестве», попытался узнать мнение русского посла о том, «как могло бы быть встречено в России подобное предложение»². Ливен ответил, что «английские предложения могли бы быть внимательно выслушаны, однако при обстоятельствах, существенно затрагивающих исключительные интересы России на ее восточных границах, император России не смог бы допустить вмешательства третьей державы, тем более, что агрессивное поведение Персии требует примерного наказания»³.

После этой беседы Каннинг до конца 1826 года по этому вопросу к Ливену не обращался. Впоследствии, однако, выяснилось, что английский министр решил обойти Ливена и с помощью английского посольства в Петербурге пытался установить личное мнение царя по этому вопросу.

В январе 1827 г. Каннинг и Ливен встретились снова. На этот раз англичанин действовал более решительно, ибо давление, которое оказывала на Каннинга Ост-Индская компания, становилось все сильнее. К тому же от английского посла в Петербурге он получил сообщение о том, что русские не отклоняют целиком идеи о возможности английского посредничества⁴. Однако, снова натолкнувшись на упорное нежелание Ливена договориться по этому вопросу, Каннинг отправил в Петербург послу Дисброву указание обратиться к правительству России с официальным предложением⁵.

На этот раз в Петербурге отрицательно реагировали на предложение Англии о посредничестве, что, однако, не остановило Каннинга от дальнейших шагов. Спустя месяц он посылает Ливену письмо вместе с проектом новых английских предложений.

«Россия не обойдется с Ираном слишком сурово,—писал Каннинг,—и если английское правительство так упорно настаи-

¹ АВПР, МИД, Канцелярия, д. 6958, л. 356 (Донесение Ливена из Лондона от 14(26) декабря 1826 г., № 189).

² Там же.

³ Там же, л. 350, 350 об.

⁴ АВПР, МИД, Канцелярия, д. 6963, 1827 г., л. 3. Донесение (Ливена из Лондона, январь 1827 г.).

⁵ Там же, л. 3 об.

вает на своем посредничестве, то это только потому, что ее вынуждают к этому обязательства по договору с Ираном»⁶.

«Во всех случаях войны между Ираном и европейской державой мы предлагаем наше посредничество для установления мира»⁷.

В чем же состояли обязательства Англии перед Ираном и в какой мере эти английские обязательства касались России?

Согласно примечанию к ст. 4 и 6 Тегеранского договора, Англия не должна была предоставить Ирану никакой помощи в случае, если Иран в целях захвата территории опередит какое-нибудь иностранное государство в нападении, т. е. в случае, если Иран будет агрессором. Напомним, что в 1828 году, в момент заключения Туркманчайского договора, Англия объявила, что Иран был зачинщиком войны. Таким образом, договор 1814 года освобождал Каннинга от каких-либо обязательств перед Ираном. Англия не могла ссылаться на свои обязательства и по статье 3 договора, по которой границы между Ираном и Россией должны были быть определены с согласия Англии, Ирана и России. Уже отмечалось, что эта статья не имела никакой силы, так как Англия без ведома России узурпировала себе право вмешательства в русско-иранские отношения, с тем чтобы любое соглашение о границах между Ираном и Россией без санкции Англии оказалось бы невозможным.

Англия не могла заставить Россию признавать условия тех соглашений, которые Лондонский двор навязывал Ирану. Кроме того, Тегеранский договор 1814 года был заключен через год после окончания первой русско-иранской войны (1804—1813 гг.) и Гюлистанского договора, когда иранское правительство шаха рассчитывало с помощью Англии пересмотреть Гюлистанский договор, с тем чтобы вернуть Ирану часть потерянных на войне территорий. Таково происхождение статьи 3 договора 1814 года.

Каннинг не мог ссылаться на эту статью и в связи с этой статьей предлагать свое посредничество в ходе второй русско-иранской войны, начатой Ираном для захвата Закавказья, так как ссылка Англии на эту ст. 3 еще раз подтвердила бы, что Англия спровоцировала Иран на войну против России. Не случайно поэтому Каннинг, говоря об обязательствах Англии перед Ираном по договору 1814 года, не ссылался на статьи 3, 4 и 6, которые непосредственно касались России. Каннинг ограничился лишь заявлением, что Англия обязана предлагать свое посредни-

⁶ АВПР, МИД, Канцелярия, 1827, д. 6963, л. 20. (Проект предложений Каннинга датирован 31 января (12 февраля) 1827 г.).

⁷ АВПР, МИД, Канцелярия, 1827, д. 6963, л. 20 об., 21

чество для установления мира во всех случаях войны между Персией и европейской державой. Однако это обязательство Англии не означает, что воюющая с Ираном держава обязана безоговорочно принимать посредничество Англии, тем более, что Иран был зачинщиком войны. Это обязательство не означает также, что Англия должна так настойчиво предлагать свое посредничество, которое решительно и многократно отклонялось. Каннинг не предлагал, а грубо навязывал свое посредничество, причем делал это не в начале войны, когда иранская армия наступала, а после того, как армия шаха начала отступать. Заметим еще, что в переданном Ливену проекте Каннинга угрозы переплетались с угрозами. Например, британский министр выражал сомнение в том, что Россия успешно справится с войной «в том случае, если в Иране вспыхнет религиозная борьба»⁸.

Эта угроза Каннинга представляется странной, так как перед самой войной Фатх-Али-шах подписал фетву шиитскому духовенству о священной войне против России. Таким образом, пресловутая «религиозная борьба» уже вспыхнула однажды, причем вспыхнула не без участия Англии, которая в Иране и Закавказье щедро финансировала антирусскую пропаганду мусульманского духовенства.

Беспокойство Каннинга отчетливо проявляется еще и в том месте представленного им проекта, где речь идет об усилении России на Востоке. «Никакое государство в Европе, и особенно Великобритания, не могло бы без беспокойства смотреть на такое громадное приращение территории и рост могущества России в направлении, способном усложнить европейскую политику из-за ее политики в Азии, ставя их в непосредственный контакт»⁹.

Это откровенное признание Каннинга, отражающее сильнейшее беспокойство британского кабинета продвижением России на Востоке, было одной из главных причин вмешательства Англии в русско-иранские отношения. В этой связи попытки Каннинга навязать России посредничество Англии для прекращения русско-иранской войны полностью разоблачают Каннинга, когда он говорит об обязательствах Англии перед Ираном по Тегеранскому договору 1814 г. Предлагая посредничество, Англия проявляла заботу не об Иране, а прежде всего об английских интересах на Востоке, не имевших ничего общего с интересами иранского государства.

⁸ АВПР. МИД. Канцелярия. 1827, л. 6963, л. 20 об.—22.

⁹ Там же, л. 22 об.

Чтобы подкрепить свою позицию, к своему проекту Каннинг приложил письмо министра иностранных дел Ирана Мирза-Аббас-Хасан-хана на имя президента бюро Ост-Индской компании. Ссылаясь на это письмо, Каннинг, вопреки фактам, обвиняет Россию в провокациях, вызвавших нападение Ирана. «Агрессия со стороны Ирана,—указывает Каннинг,—хотя и не спровоцированная каким-либо актом до того как были использованы все средства договориться, не была, однако, полностью избавлена от всякого рода провокаций... Русский император не может не знать, что управление наместника в Грузии отличалось характером грубости и несправедливости... Известно также, что персидские агенты задерживались по два месяца в Тифлисе и не имели возможности попасть к русскому правительству, что переговоры, после того, как были начаты, преднамеренно тормозились и задерживались русскими властями посредством перерывов и отсрочек в осуществлении связи между русским и иранским правительствами»¹⁰.

Вяжески выгораживая вину Ирана, перетасовывая и искажая факты, Каннинг далее пишет, что «император России не оставит без внимания этих рассуждений, с тем чтобы принять предложения, которые Иран хотел бы сегодня сделать для прекращения военных действий путем заключения мира, основанного на базе Гюлистанского договора, или на какой-либо другой основе, соответствующей положению вещей в этой войне»¹¹.

Таким образом английское правительство пыталось ликвидировать успехи русской армии и вернуть воюющие стороны к границам Гюлистанского договора, с тем чтобы начавший войну Иран ничего не потерял, несмотря на поражение.

В заключение Каннинг указывал, что он уполномочен своим королем предложить посредничество Англии и предполагает использовать для этого миссию генерал-губернатора Индии, которая в то время находилась в Тегеране, и просил Ливена без промедления передать этот проект русскому двору¹².

В личном письме к Ливену Каннинг просил ознакомиться с Проектом и поделиться своими замечаниями. Это привело к их новой встрече. «Мотивы, которые заставили меня отклонить Ваши первые формальные предложения,—заявил на беседе Ливен,—не прекратили своего существования. Первый мотив, по которому я считаю своим долгом отклонить английское предложение о посредничестве, базируется на общем направлении рус-

¹⁰ АВПР. МИД. Канцелярия. 1827, л. 6963, л. 23 об.

¹¹ Там же, л. 24.

¹² Там же, л. 24 об.

ской внешней политики. Россия,—продолжал Ливен,—не может допустить вмешательства европейской державы в ее отношения с азиатскими государствами. Это общий принцип русской внешней политики, и если император Александр не всегда ему следовал, то только в тех случаях, когда отношения с азиатскими государствами касались всей Европы»¹³.

После этого Ливен заметил Каннингу, что Англия также придерживалась подобной точки зрения. Посол напомнил Каннингу 1813 год, когда Англия отклонила предложение России о посредничестве в ее отношениях с Вашингтоном, а Англия ответила тогда что она не может принять предложения о посредничестве России, так как этот вопрос слишком затрагивает интересы Англии. «В данном же случае,—указал Ливен,—то же самое можно сказать и об особых интересах России. Кроме того, необходимо помнить, что Персия первая начала военные действия и без всяких к тому оснований»¹⁴. В этой связи «Англия совсем не может ожидать, чтобы мы в этом признали случай, предусмотренный той статьей договора Англии с Ираном, на которую ссылается Каннинг, чтобы предложить России свое посредничество»¹⁵. «Впрочем,—продолжал русский посол,—эта самая статья послужила первой причиной войны, ибо она поощряла Тегеранский двор вступить в войну, из которой он надеялся скоро выйти без всякого ущерба»¹⁶.

Это откровенное обвинение английского министра в подстрекательстве Ирана к войне против России было первым смелым и открытым заявлением об ответственности Англии за развязанную Ираном войну.

После этого Ливен столь же прямо говорит Каннингу о тех причинах, из-за которых Россия не может рассчитывать на пользу посредничества Англии. «Всякое посредничество Англии в русско-персидских отношениях,—заявил Ливен,—грозит испортить эти отношения надолго. Если хоть раз мы признаем право подобного вмешательства, то никакой веры, никакой прочности не будет больше в наших отношениях с Ираном»¹⁷. «Персия,—продолжал Ливен,—воспользуется любым удобным случаем, чтобы напасть на Россию, ибо она уверена, что английские субсидии не замедлят попасть в персидскую казну и что в случае неминуемой опасности она может спрятаться за спину Англии»¹⁸.

¹³ АВПР, ф. МИД, Канц., 1827, л. 6963, л. 6.

¹⁴ Там же, л. 7.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 7 об.

Ливен решительно отвел, как несостоятельные, все обвинения иранского министра иностранных дел и заявил, что «они были выдвинуты Персией для того, чтобы оправдать вмешательство Англии... Персия сама начала войну с Россией,—заявил Ливен,—и тайно подготавливалась к этой войне, чего, как показали факты, не делала Россия. Если же нужны доказательства, то их может представить английский поверенный в делах Виллок, все усилия которого предотвратить военные действия кончились ничем»¹⁹.

Это хорошо продуманное заявление Ливена разоблачило ложные заверения Каннинга о роли Виллока в русско-иранской войне.

Каннинг внимательно выслушал замечания Ливена, не оставившие камня на камне от английского Проекта, и, не пытаясь отвечать на его замечания, высказал свое недовольство стоявшей перед ним обязанностью обратиться к России с формальным предложением по этому вопросу²⁰.

«Агенты Ост-Индской компании,—продолжал Каннинг,—осаждают своими настойчивыми просьбами, и только благодаря их ходатайству он должен был сделать русскому правительству это заявление о посредничестве»²¹. Затем Каннинг заявил, что через три или четыре месяца в Лондоне ожидают прибытия многочисленного персидского посольства, которое будет просить у английского правительства вмешательства в русско-иранские отношения и отмены новых принципов политики, которым Англия начала следовать в отношении Тегеранского двора²².

Это заявление Каннинга было попыткой доказать, будто в прошлом Англия не вмешивалась в русско-иранские отношения, и угрозой, что в будущем Англия пересмотрит свою политику. Между тем, вся система англо-иранских договоров в первой четверти XIX века, а также поведение британских дипломатов и офицеров в Иране неопровержимо доказывают, что Англия использовала Иран для борьбы против России и установления экономического и политического преобладания Англии на Ближнем и Среднем Востоке.

Ливен, по-видимому, не считал, что Каннинг предлагает посредничество Англии только благодаря давлению, оказываемому на него Ост-Индской компанией. Победы русских войск на фронте сеяли тревогу в английских правящих кругах и в не меньшей мере беспокоили самого Каннинга, который стремился обесне-

¹⁹ Там же, л. 9.

²⁰ Там же, л. 10.

²¹ Там же, л. 10 об.

²² АВПР, ф. МИД, Канц., л. 6963, л. 10 об.

чить интересы английской буржуазии в англо-иранской торговле, интересы того самого класса, к которому он сам принадлежал. Нельзя было поэтому ожидать, что Каннинг прекратит дальнейшие попытки вмешательства в отношения между Россией и Ираном.

Чтобы предотвратить появление новых английских предложений о посредничестве, 14 (26) февраля 1827 г. русский посол в Лондоне вручил государственному секретарю Великобритании ноту, в которой официально подтверждалась точка зрения России по этому вопросу.

«Доверяя свои интересы заботам какого-нибудь иностранного правительства,—указывалось в ноте,—Россия подвергается опасности видеть свои интересы ущемленными или свои намерения—непонятными. Кроме того, следует опасаться, чтобы азиатские государства не восприняли посредничество третьей державы как признак слабости России и не составили себе ложного понятия о характере всякого посредничества, и не увидели бы в нем не столько предложение услуг какого-либо европейского государства, сколько принудительное вмешательство в их пользу, которым они не преминули бы похвалиться»²³.

Следующая часть ноты, воспроизводившая устное заявление Х. А. Ливена, обвиняла Англию в подстрекательстве Ирана к войне. «Английскому кабинету слишком свойственно чувство справедливости, чтобы признать в столь несправедливой агрессии случай, предусмотренный статьей его договора с Ираном, на которой он основывает предложение о своем посредничестве. Может быть было бы нетрудно доказать, что эта самая статья была причиной войны, ибо она ободряла Тегеранский двор вступить в войну, имея перспективу вскоре выйти из нее, избежав всяких опасностей.

Воздействие русской ноты на лондонский двор было очевидным. Во всяком случае, меньше чем через год английское правительство было вынуждено отменить 3 и 4 статьи Тегеранского договора 1814 года. Чтобы заставить Иран отказаться от этих статей, Англии пришлось заплатить шаху 800 тысяч рублей. Отмена этих статей говорила о том, что Англия согласилась с предъявленными русским послом Ливеном обвинениями, призналась, что использовала эти статьи договора для подстрекательства Ирана к войне.

Английская буржуазная историография сознательно сохраняла в тайне материалы о переговорах между Каннингом и Ливеном и особенно содержание этой русской ноты. Только этим можно объяснить, что в изданных на персидском языке работах иранских историков Махмуд Махмуда, Эббала, Тадж Бахша, Сеид Нафиси и др. приводятся путанные, в большинстве ошибочные сведения об англо-иранских отношениях в 20-х годах XIX века. В этой связи не менее важное значение имеет приведенное в ноте Ливена опровержение обвинений России иранским министерством иностранных дел. «Если верить Ирану,—указывалось в ноте,—что Россия только и хотела посредством провокаций, которые ей приписывают, вызвать войну, которую она могла бы использовать в своих интересах; но при этом предположении русское правительство было бы в состоянии по крайней мере отразить первую атаку, тогда как, напротив, общезвестно, что оно не ожидало никакого внезапного нападения. И если это внезапное нападение не повлекло за собой более важных последствий, то Императорское правительство этому обязано менее своим средствам защиты, чем храбрости своих солдат и умению своих генералов»²⁵.

В ноте указывалось, что предложение Англии о посредничестве, «предпринятое для защиты интересов Персии, начавшей войну», может произвести в России самое тягостное впечатление. «Оскорбленная самым безосновательным образом, обязанная против своего желания обнажить меч, может ли Россия согласиться вложить меч в ножны по первому знаку раскаяния, вырванного силой необходимости?»²⁶.

Заключительная часть ноты отражала недоверие и взаимную подозрительность, которые в то время были характерны для англо-русских отношений.

«Бесполезно уверять Лондонский кабинет,—говорилось в ноте,—что Россия далека от желания пойти в своей мести в отношении Ирана так далеко, как она, может быть, этого заслуживает»²⁷.

Англо-русские переговоры в Лондоне на несколько месяцев парализовали активность английской дипломатии в иранском вопросе.

Преемник Каннинга (умершего 7 августа 1827 г.), бывший статс-секретарь колоний Виконт Годерич в отношении России

²³ Там же, л. 144.

²⁶ АВПР, МИД. Канцелярия, 1827, д. 6964, л. 144об. Допущение Ливена от 8(20) мая 1827 г.

²⁷ Там же, л. 145.

²³ АВПР, МИД. Канцелярия, 1827, д. 6964, л. 140. (Нота приложена к допусшению Ливена из Лондона от 8 (20) мая 1827 г.

²⁴ АВПР, ф. МИД, Канц., 1827, д. 6964, л. 142.

проводил традиционную для него «политику надувательства». Памятную записку графа Нессельроде о неизменности позиции России, отклонившей предложения Англии о посредничестве в иранском вопросе, Годерич принял у Ливена с показным «живейшим удовольствием»²⁸. Вскоре, однако, выяснилось, насколько это «удовольствие» было искренним.

Уже в первой половине сентября 1827 г. в Лондоне стало известно, что после Аштаракской битвы (17—20 августа) армия Аббас-мирзы отошла к Еревану, а при подходе русских войск отступила за Аракс. В этих крайне неблагоприятных для Ирана условиях лондонский двор возвращается к плану английского посредничества, несмотря на то, что после заверений Годерича об отказе Англии от посредничества не прошло и одного месяца.

В сентябре 1827 г. британский министр иностранных дел заявил русскому послу в Лондоне, что английское правительство посылает в Иран Г. Уиллока (Виллока) и очень хотелось бы, чтобы он отправился туда через Петербург...²⁹.

Намеченный для Уиллока удлинненный маршрут имел целью склонить петербургский двор к заключению выгодного для Ирана мира. По этому поводу Ливен писал в Петербург, что Г. Уиллок поседет в Петербург «...на случай, если наш двор пожелал бы использовать таланты и влияние этого агента для улаживания наших разногласий с Ираном»³⁰. В последующих донесениях Ливена миссия Уиллока упоминается только в конце сентября 1827 г. На этот раз русский посол указывал, что маршрут поездки английского посла изменен и что Уиллок отправится в Иран не через Петербург, как предполагалось прежде, а через Одессу и Грузию. Это решение было результатом не только более зрелых размышлений о сущности ответа на предложение о посредничестве, с которым обратился к царю лондонский кабинет³¹. На наш взгляд, после падения Сардарабада, Ереванской крепости и отступления армии Аббас-мирзы за Аракс английское правительство опасалось, что продолжительная по времени поездка Уиллока через Петербург могла кончиться тем, что он задержится в пути и останется в стороне от событий, так как наступательные операции русских войск развертывались в быстром темпе. В этих условиях в Лондоне могли считать, что Виллок скорее всего пу-

жен в Иране, где он успеет вмешаться в конфликт, чтобы воздействовать на ход событий, чем в Петербурге, где его могли задерживать, или оттянуть переговоры до окончания войны.

Между тем поездка Уиллока в Иран откладывалась из-за дня в день. Окончательной датой его отъезда было назначено 9 октября, при этом маршрут поездки посла снова был изменен. Эти колебания говорили о том, что в Лондоне так и не дождались даже временной стабильности положения на русско-иранском фронте, так как после падения Эривани и Тавриза война фактически кончилась, а Англия была поставлена перед совершившимся фактом, прежде чем ее посол успел приехать в Иран.

7 октября Ливен получил письмо от британского министерства иностранных дел, в котором отмечалось, что Уиллок все же предполагает ехать в Петербург, где он обратится с демаршем только в том случае, если британский кабинет снабдит его информацией и полномочиями для участия в установлении мира. «Мы не хотим,—указывалось далее в письме,—чтобы это приняло характер официального заявления...» или «попытки возобновить предложение о посредничестве, которое уже было отклонено»³². Таким образом, английское правительство настойчиво добивалось посредничества на переговорах и в то же время, вопреки фактам, заверяло, что не возобновляет свои предложения о посредничестве, которые уже были отклонены Россией. Во всей этой истории с посредничеством Англия стремилась соблюсти свои интересы в Иране. Этому способствовали настойчивые просьбы шаха о вмешательстве Англии, чтобы с Россией был подписан выгодный мир и призывы Ост-Индской компании «остановить успехи русских в Персии»³³.

2. ПРОБЛЕМА ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ К РОССИИ В РУССКО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЕ 1826—1828 гг.

Война началась 16 июля 1826 г. вторжением войск ереванского сардара в Баш-Апаран. Иранские войска овладели Большим Караклисом и Джелал-Оглы, спровоцировали мятеж реакционных ханов в Талыше и Ширване. 18 июля армия Аббас-мирзы вторглась в Карабах³⁴ и 25 июля начала осаду Шуши. Менее чем за два месяца войны большинство областей Восточного Закавказья оказалось под властью Ирана.

²⁸ АВПР, МИД, Канцелярия, 1827, д. 6964, л. 457. Донесение Ливена из Лондона в сентябре 1827 г.

²⁹ АВПР, МИД, Канцелярия, 1827, д. 6964, л. 458. Донесение Ливена из Лондона в сентябре 1827 г.

³⁰ АВПР, МИД, Канцелярия, 1827, д. 6968, л. 127.

³¹ Там же.

³² АВПР, МИД, Канцелярия, 1827, д. 6963, л. 150, 150 об.

³³ АВПР, МИД, Канцелярия, 1827, д. 6963, л. 138 об.

³⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 642, л. 4.

А. П. Ермолов мог противопоставить иранской армии 12 батальонов, так как остальные 33 батальона были разбросаны по Кавказу, однако героическая оборона Шуши, приковавшая к себе в течение 48 дней основные силы Аббас-мирзы, позволила русскому командованию подтянуть резервы и перейти в контрнаступление. В результате уже 3 сентября 1826 г. отряд ген. Мадатова вместе с закавказскими ополченцами наголову разбил персов под Шамхором. 13 сентября части корпуса обратили персов в бегство под Ганджой, и через неделю вышли к Араксу. Отряд Дениса Давыдова вместе с грузинскими и армянскими ополченцами занял Памбак и Шурагель, а в Миракском сражении 21 сентября разбил конницу Хасан-хана. Иранские войска оставили Баку, Ленкорань и оказались отброшенными почти из всех районов, захваченных с 16 июля по 3 сентября 1826 г.

Если накануне второй русско-иранской войны султан Махмуд II обманул Фатх-Али-шаха тем, что не начал войну против России и воспользовался иранским наступлением для оттяжки переговоров в Аккермане, то после капитуляции Елизаветполя (13 сентября 1826 г.) Махмуд II снова обманул Фатх-Али-шаха тем, что подписал Аккерманскую конвенцию³⁵ и лишил Иран потенциального союзника.

Аббас-мирза отправил в Россию двух дипломатов для заключения перемирия на возможно длительный срок, чтобы за это время лучше подготовиться к войне и чтобы Лондонский двор успел договориться с Россией о посредничестве Англии.

Более опытный бывший эмиссар Наполеона Давуд-хан выехал в Петербург через Константинополь и Варшаву. Однако цели не достиг, хотя и обращался за помощью к турецкому султану, Меттерниху и наместнику в Варшаве князю Константину³⁶. Другой иранский дипломат Мирза-Мохаммед-Али отправился в Тифлис, где был принят в начале Ермоловым, а потом начальником Главного штаба ген. Дибичем.

Одновременно, чтобы обеспечить английское посредничество путем прямых переговоров Лондона с Петербургом, посол Макдональд, по договоренности с Аббас-мирзой, отправил в Англию Генри Уиллока вместе с «представительной» иранской делегацией, деятельность которых, поддержанная Д. Каннингом, была приостановлена русским послом в Лондоне Х. А. Ливеном.

³⁵ Аккерманская конвенция закрепила за Россией города Сухуми, Анакли и Редут-Кале и расширила условия Бухарестского мирного договора. Россия изменила режим черноморских проливов и добилась проведения новой пограничной черты на Дунае.

³⁶ بینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران ص ۲۲۱

В Тифлисе Мирза-Мохаммед-Али передал Ермолову письмо иранского министра иностранных дел. «Я сожалею о моих трудах в Гюлистане и Петербурге,—писал Мирза-Аболь-Хасан-хан,—и сожалею, что вы приехали к шаху, чтобы установить дружбу между державами, однако все наши труды пропали даром. Вы не должны были слушать интригующих, не должны были позволить своим войскам выйти к озеру Гокча (Севаи) и Абарану со стороны Памбака и Шурагеля и построить там крепость. Когда же произошло недоразумение из-за названия Капанак-чай и Капанчай, надо было отправить на переговоры доброжелательного уполномоченного, а если и это не дало бы результатов, тогда в залог Капанак-чая ваши войска могли бы занять Балеглу и Мирак. Вы же поступили иначе—сразу вошли в Балеглу, затем отравили посла и вслед за ним заняли войсками Мирак. Теперь, когда дело дошло до разрыва, я снова стараюсь направить отведенную воду в свое русло, и прошу продлить перемирие, а затем или отправить в Петербург Мирза-Мохаммед-Али с письмом для Нессельроде, или самому переслать ему письмо, дожидаясь ответа и вернуться в Иран»³⁷.

Ермолов написал иранскому министру иностранных дел, что «русские не дали повода к войне из-за недоразумения в названиях Капан-чай и Капанак-чай» и сожалел, что его усилия сделать отношения сторон дружественными и прочными, были вознаграждены наглым вторжением иранских войск.

Ермолов отметил еще, что без разрешения царя не может продлить перемирие, а предложения о мире могут быть сделаны и в ходе войны³⁸.

Мирза-Мохаммед-Али уже собирался вернуться в Иран, когда в Грузию приехал начальник Главного штаба ген. Дибич. Иранец этим незамедлительно воспользовался и добился согласия Дибича вступить с ним в переговоры. Эти переговоры не входили в планы ген. Дибича, который прибыл в Тифлис по вопросу военной кампании 1827 г. и замены ген. Ермолова, подозреваемого в связях с декабристами.

Еще в конце 1826 г. ген. Дибич отправил в Тифлис для обсуждения два проекта плана военной кампании 1827 г. с учетом прибывших пополнений (20-й пехотной и 2-й уланской дивизий и несколько донских казачьих полков).

³⁷ См. АКАК, т. VI, ч. II, № 711, с. 391—392.

³⁸ См. там же, № 712, с. 394.

³⁹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087 «Военно-исторический отдел Штаба Кавказского военного округа», оп. I, д. 429, л. 19, 19 об.

Первый проект предусматривал сосредоточение главных сил в Лорийской долине, чтобы оттуда войти в Ереванское ханство и продолжать наступление на Тебриз через Нахичевань и Маранд, а находившийся в Карабахе другой вспомогательный отряд должен был через Агарь наступать на Тебриз, чтобы отвлечь внимание Аббас-мирзы от Еревана³⁹.

По второму проекту, главные силы, сосредоточенные в Карабахе, должны были перейти Аракс у Ходаферина и наступать на Тебриз, а вспомогательные отряды из Грузии должны были блокировать Ереванскую крепость. Наступлением главных сил на Тебриз предполагалось оставить в тылу Ереванское и Нахичеванское ханства и лишить войска Аббас-мирзы продовольственных припасов этих ханств⁴⁰.

Паскевич одобрил второй проект—наступление через Карабах к Тебризу, а Ермолов ни с одним из этих проектов не согласился, так как оба они ближайшей и главной целью ставили взятие Тебриза. По мнению Ермолова, первый проект, предусматривающий наступление на Тебриз из Карабаха и Грузии, можно было осуществить лишь в том случае, если бы представлялась возможность сделать оба отряда сильными и самостоятельными. Иначе, разобщенные друг от друга, они легко подверглись бы нападению иранской армии, занимавшей центральное положение у Тебриза⁴¹. Второй проект предусматривал наступление главных сил из Карабаха на Тебриз и по мнению Ермолова тоже был неприемлем из-за бедности Карадагской провинции, через которую должны были пройти главные силы корпуса⁴², что потребовало бы большого числа транспортных средств.

Двум проектам Дибича Ермолов противопоставил свой проект, по которому освобождение Восточной Армении было первой и главной целью кампании, что отвечало национальным чаяниям армянского народа. По проекту Ермолова, одобренного Николаем I, сосредоточенные в Грузии главные силы корпуса должны были наступать на Ереванском направлении. Авангард этих сил к 5 апреля 1827 г. должен был занять Эчмиадзин, до 15 апреля сосредоточиться в Шулаверях и двумя колоннами следовать к Еревану. Другая часть войск должна была блокировать Ереванскую крепость и следовать к Нахичевани⁴³. Для прикрытия лево-

го фланга главных сил, наступающих на Ереванском и Нахичеванском направлениях, Ермолов предлагал сосредоточить в Карабахе отряд ген. Мадатова.

Еще 28 декабря отряд генерал-лейтенанта Мадатова, перейдя Аракс по Асландузскому броду, быстро продвинулись по ущелью р. Кара-су и неожиданно появились среди зимовок-шах-севен⁴⁴. Освободив карабахцев и ширванцев, уведенных в плен иранскими войсками, 1 января 1827 года Мадатов занял Мешкинский округ, а через неделю подошел к городу Агарь, расположенному в 70 километрах северо-восточнее Тебриза.

Неожиданный рейд многочисленного русского отряда в условиях суровой зимы вызвал невообразимую панику. Из Ардебилля бежал комендант крепости Искендер-хан⁴⁵; делегация из Агара передала ген. Мадатову ключи от крепости. Особенно беспокойно было в Тебризе, где находилась резиденция наследного принца. По свидетельству задержанного в Тебризе титулярного советника Носкова⁴⁶ «...при приближении русских войск к Тебризу у проживающих в городе армян было отобрано оружие. Армянам было запрещено выходить из своих домов, даже пища подавалась армянам через стены, а улицы, ведущие к ним, были завалены»⁴⁷. Далее, характеризуя отношение азербайджанского населения к Каджарам, Носков замечает: «Часть жителей во главе с муллою Мирза-Юсуфом хотела идти навстречу Мадатову, чтобы передать ему ключи от города»⁴⁸.

Немало волнений пережил и сам наследный принц. «Несколько дней он не выходил из своего дворца, окруженный сильной стражей»⁴⁹. В рапорте царю от 20 января А. П. Ермолов доносил, что «Аббас-мирза высылает по ночам свою казну и сокровища» и что принц собирается уничтожить все запасы продовольствия»⁴⁹.

Неспокойно было в Тегеране. Опасаясь вторжения войск Мадатова, шах «приказал вывезти на центральную городскую площадь всю артиллерию тегеранского гарнизона, в том числе и 28 пушек огромного калибра, закупленных Надир-шахом у гол-

³⁹ Там же, л. 19, 19 об.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, Канц., колл. 444, д. 3 л. 8 об.

⁴¹ Носков находился в Тебризе до 1 февраля 1827 г.

⁴² ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, л. 3, л. 8 (Копия записки Носкова хранится в ЦГВИА, ф. ВУА, л. 412, л. 26—38).

⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, д. 3, л. 8, 8 об.

⁴⁴ «Записки А. П. Ермолова», ч. II, 1816—1827, М., 1868. Приложения, стр. 332.

⁴⁰ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 19 об.

⁴¹ См. Там же, л. 20.

⁴² Главные силы Отдельного Кавказского корпуса составляли 25 пехотных батальонов, 22 кав. эскадрона, 8 казачьих полков и 76 орудий.

⁴³ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 20 об.

ландцев. Население столицы было мобилизовано для очистки рва вокруг шахского дворца и починки городской стены»⁵⁰.

Распущенные за замку иранские войска невозможно было собрать, а отправленные Аббас-мирзой несколько батальонов против русского отряда отказались воевать, говоря, что их посылают на верную гибель, и угрожали бросить оружие при появлении Мадатова.

Когда русские войска остановились в 17 км от Агаря, Аббас-мирза созвал диван, на котором присутствовали английские офицеры. На другой день британская миссия готовилась покинуть Тебриз и обратилась к Мадатову с просьбой сохранить дом английского посольства⁵¹. Одновременно английские офицеры получили приказ Макдональда прекратить обучение иранской армии⁵². Казалось, что Каджары капитулируют. Однако случилось неожиданное. Получив донесение о нападении иранской конницы на переселявшихся карабахских армян и азербайджанцев, войска Мадатова вернулись на ардебильскую дорогу, разбили и отбросили иранскую конницу и вместе с тремя тысячами азербайджанских и армянских семейств 17 января переправились через Аракс⁵³.

Узнав об отходе русского отряда, англичане осуждали себя за проявленное малодушие⁵⁴, а Макдональд, чтобы загладить свою вину, говорил Каджарам, что «отход Мадатова был диверсией», отвлекающей внимание Ирана от Ереванского ханства накануне вторжения 30-тысячной русской армии⁵⁵. Под влиянием этих наставлений Аббас-мирза собирался переправить всех армян и азербайджанцев на правый берег Аракса⁵⁶, а также сжечь весь хлеб и фураж в районе предстоящих боев. Этот варварский план, для осуществления которого были выделены подрывные группы, должен был превратить Восточную Армению в безлюдную, выжженную пустыню⁵⁷.

Неожиданный отход отряда ген. Мадатова был вызван не только необходимостью защиты и сопровождения освобожденных пленных. По замечанию иранского историка А. А. Бина, ген. Мадатов «мог взять Тебриз одним приступом, но не воспользовался благоприятной для него возможностью. Не воспользовался не

⁵⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, д. 3, л. 5 об. 7 об.

⁵¹ Там же, л. 9.

⁵² Там же, л. 9а.

⁵³ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 19 об.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, д. 3, л. 9.

⁵⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 444, д. 3, л. 10.

⁵⁶ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 22 об.

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 1019, д. 226, л. 1.

только потому, что по инструкции должен был действовать в Муганской степи. Главная причина состояла в том, что Мадатов не мог не учитывать обстановки, которая возникла накануне обсуждения полученных из Петербурга проектов предстоящих военных действий. Мадатову было известно, что Ермолов ни с одним из проектов не соглашался, так как оба они ближайшей задачей ставили взятие Тебриза, и считал, что присоединение Восточной Армении к России должно быть главной целью кампании. Преданный Ермолову Мадатов ненавидел Паскевича и, как патриот своей родины, горячо одобрял проект по освобождению Восточной Армении. Этим и объясняется, что Мадатов—один из храбрых генералов русской армии—не захотел войти в Агарь и Ардебиль, сдавшихся без боя, и отказался идти на Тебриз, охваченный паникой и оставленный без защиты.

20 февраля 1827 г. в Тифлис прибыл начальник Главного штаба ген. Дибич. В одно и то же время он должен был признать победу военно-стратегических замыслов ген. Ермолова в предстоявшей кампании и освободить его от командования войсками. Дело в том, что еще в Петербурге Николай I вручил ген. И. Ф. Паскевичу рескрипт о назначении его командующим Отдельным Кавказским корпусом. Рескрипт этот был подписан царем, но не имел даты. По прибытии в Тифлис Паскевичу оставалось только проставить число. Однако Паскевич не решался занять место Ермолова, опасаясь, что не справится с подготовкой операций войск. К тому же Николай I отклонил проекты ген. Дибича, одобренные И. Ф. Паскевичем, и утвердил ермоловский проект, связанный с первоочередным занятием Ереванского и Нахичеванского ханств. В итоге замена А. П. Ермолова была отложена⁵⁸. Он был оставлен на Кавказе для реализации своего плана, за который нес персональную ответственность, а ген. Дибич воспользовался случаем и вступил в переговоры с иранским дипломатом Мирза-Мохаммед-Али. Дибич потребовал присоединения к России Ереванского и Нахичеванского ханств, а также пограничных крепостей на Араксе⁵⁹, а ген. Паскевич 21 февраля 1827 г. написал царю, будто Дибич потребовал от Ирана временно уступить некоторые ханства (на которые начальник Главного штаба де укажет впоследствии) в залог искреннего желания Ирана подписать с Россией мир. Эта ошибочная интерпретация вопроса означала, что после заключения мира Россия должна будет вернуть Ирану Ереванское и Нахичеванское ханства, оставленные шахом в залог до подписания мира.

⁵⁸ См. Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в., Л., 1963, с. 113.

⁵⁹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 22 об.

На наш взгляд, Паскевич дезинформировал Николая I потому, что Дибич привез из Петербурга секретное предписание Николаю о смещении Ермолова. В этих условиях Паскевич оберегал Дибича от возможных неприятностей и не сообщил царю о тех конкретных предложениях, которые были сделаны иранскому послу Дибичем и которые могли вызвать недовольство Николая.

В двух изданиях «Политической и дипломатической истории Ирана» иранский историк А. Бина приводит противоречивые версии о переговорах. Иранский посол настойчиво добивался заключения перемирия, а ген. Ермолов не менее настойчиво отклонял эти предложения, несмотря на то, что до начала апреля 1827 г. на фронте фактически существовало перемирие.

Каджары связывали свои надежды на заключение мира с Англией, из-за которой начали войну и без которой избегали переговоров о мире.

После возвращения Мирза-Мохаммед-Али в Иран Нессельроде написал министру иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хану, что «главнокомандующему на Кавказе даны необходимые инструкции для ведения переговоров»⁶⁰. Это заявление Нессельроде оставляло за Ираном новые возможности для ведения переговоров, хотя и не указывало, могут ли эти переговоры вестись для заключения перемирия или предназначены для заключения мира в обстановке продолжающейся войны, на условиях, предложенных Дибичем.

В фондах Центрального Государственного Архива СССР в Ленинграде хранится предписание графа Нессельроде ген. Дибичу от 24 апреля 1827 года «Об условиях, на которых можно заключить мир». В этом документе, в частности, указывается, что император России настаивает на скорейшем прекращении войны, так как выгоды, которые получает Россия, не компенсируются расходами, связанными с продолжением войны⁶¹. В отношении контрибуции Нессельроде указал Дибичу, что «в случае, если Россия будет продолжать войну из-за денег, то те суммы, которые Россия будет тратить на войну, будут больше предлагаемой контрибуции, а чем дальше, тем больше ослабнет Иран и еще меньше сможет расплатиться с Россией деньгами»⁶².

Остальная часть предписания касалась англо-русских отношений. «Продолжение войны,—говорилось в предписании,—немедленно возбудит ревность (Англии—Б. Б.) соперничающей с

Россией и даст повод к сопротивлению более или менее прямому с их стороны»⁶³. В связи с этим Нессельроде напомнил, что «еще в 1820 г. Лондонский кабинет оповестил нас об англо-иранских договорах 1812 и 1814 гг., по которым английское правительство обязалось усиливать персидскую державу. Таким образом,—заключает граф,—Англия может обосновать свое сопротивление по смыслу трактатов, и мы не вправе отрицать эти ее обязанности»⁶⁴.

Одновременно Нессельроде написал Паскевичу, что «если теперь под каким-либо предлогом английская миссия в Персии начнет переписку с Вами о заключении трактата, то не допускать посредничества той миссии»⁶⁵. Аналогичное предписание было дано и русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену.

Предписание Нессельроде о необходимости прекратить войну и стремиться к заключению мира было отправлено на Кавказ 24 апреля 1827 г., после того, как военные действия уже возобновились.

Выступивший 1 апреля из Шулавер отряд ген. Бенкендорфа перешел границу Ереванского ханства, чтобы овладеть Эчмиадзином, оборудовать рубеж для сосредоточения главных сил корпуса на подступах к Ереванской крепости и чтобы не допустить насильственного переселения армян за Аракс⁶⁶.

Появление русских в Армении разбудило надежды армянского народа на скорое освобождение от иранского ига. В русскую армию вступали отряды добровольцев⁶⁷. Повсюду зажигались огни партизанской войны. «Восстаньте храбрые потомки Гайка,—передает содержание пламенных обращений армянских патриотов к народу Хачатур Абовян,—возьмите оружие и доспехи, благородные сыны Армении, ударьте, уничтожьте полчища врагов ваших,—душа в душу, плечо к плечу. Да сокрушится поверженный зверь. Могучая рука Руси да будет вам опорой»⁶⁸.

В Матенадаране хранятся многочисленные документы, свидетельствующие о варварском глумлении каджарских феодалов над трудовым народом и церковными служителями. Один из приближенных ереванского сардара Джафар-хан в сопровождении своих вооруженных телохранителей учинил погром в эчмиадзинском монастыре: «Архимандрит Овсеп был избит до смерти. У

⁶³ См. там же, л. 1.

⁶⁴ См. там же, л. 2.

⁶⁵ АКАК. т. VII, № 503, с. 540. Нессельроде—Паскевичу, 23 апреля 1827 г.

⁶⁶ См. ЦГНА Грузинской ССР. ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 23.

⁶⁷ См. ЦГВНА ф. ВУА, д. 4336, л. 10.

⁶⁸ Абовян Х. Раны Армении, М., 1948, с. 297.

⁶⁰ *بینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران ص ۲۰*

⁶¹ ЦГНА СССР, ф. 1018, «Паскевич—Эриванский», оп. 2, д. 158, л. 1.

⁶² См. там же, л. 2.

архимандрита Аванесса отрубили руку. Епископам Гегаму и Ту-хаци были нанесены тяжелые кинжальные ранения. Джафар-хан увез с собой в Сардарабад 20 старших монахов»⁶⁹.

Как только 26 июня войска корпуса заняли Нахичевань, на переговоры с Паскевичем явился чиновник Аббас-мирза Наджаф-Али-султан-Афшари. Аббас-мирза соглашался «уступить» России Баиш-Апаран и Ленкорань, отошедшие к России по Гюли-станскому договору. Переговоры были прерваны, война продолжалась, и уже 5 июля у Джаванбулаха русские отбросили войска Аббас-мирзы, а через день заняли Аббасабад.

13 июля Аббас-мирза отправил к Паскевичу своего статс-секретаря Мирза-Салеха, который в тот же день был принят Паскевичем, и вручил ему письма от Аббас-мирзы и Макдональда⁷⁰. Паскевич объявил Мирза-Салеху, что граница должна быть установлена по Араксу и что Иран должен заплатить России контрибуцию⁷¹.

«Шаш едва ли согласится принять эти условия», — возразил Мирза-Салех. «А я советовал бы ему согласиться», — заявил Паскевич, — иначе, чем дальше мы пойдем, тем больше возрастут требования. Ваше вероломство должно быть наказано, чтобы все знали, что значит объявить войну России»⁷².

17 июля наследный принц ответил Паскевичу, что шах, возможно, и согласится заплатить деньги, но не уступит территорий. «Издавна принадлежавших Ирану»⁷³. После этих переговоров русское командование убедились, что дела персов находятся «в дурном положении, но мира они еще не желают»⁷⁴.

В условиях обострившихся отношений с Турцией Паскевичу было предписано «после первого сколько-нибудь значительного успеха сделать предложение о мире»⁷⁵. Случай был подходящий, и для переговоров с Аббас-мирзой в иранский лагерь был отправлен А. С. Грибоедов. Он заявил наследному принцу, что Ереванское и Нахичеванское ханства фактически уже принадлежат Рос-

⁶⁹ Матенадаран, ф. Диван католикоса Нерсеса Аштаракети, папка 155, док. 805; ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 23.

⁷⁰ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4294, «Конференция Паскевича с Мирза-Салехом — поверенным Аббас-мирзы», л. 294.

⁷¹ См. там же.

⁷² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4294, л. 294.

⁷³ См. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. III, с. 362.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4294, л. 294.

⁷⁵ Щербатов М. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. I, СПб., 1890, с. 191.

сии. Поэтому, чем больше продлится война, тем дороже она обойдется Ирану, а будущие расходы Ирана намного превзойдут ту сумму, которую сейчас требует Россия и которую оспаривают Каджары. Грибоедов указал еще, что требования России будут возрастать соответственно успехам русской армии.

На переговорах Грибоедов напомнил Аббас-мирзе, что Паскевич уже три раза получал предложения о мире. Затем через переводчика подробно объяснил требования России. Когда все было сказано, Аббас-мирза едва не вскочил с места: «Так вот ваши условия. Вы их предписываете иранскому шаху как своему подданному. Передача двух областей, дань деньгами. Но когда Вы слышали, чтобы шах Ирана сделался подданным другого государя? Он сам раздавал короны. Иран не погиб. И Иран имел дни своего счастья и славы». — «Но я осмелюсь, — перебил его Грибоедов, — напомнить Вашему высочеству о сефевидском шахе Хусейне, который лишился иранского престола, побежденный афганцами. Представляю Вашему собственному просвещенному уму судить, насколько русские сильнее афганцев»⁷⁶. — «Кто же хвалит за это шаха Хусейна, он поступил подло. Разве не нам следовать его примеру?» — «Я Вам назову великого человека, императора Наполеона, который внес войну в русские пределы и заплатил за это утратой престола». — «И был истинным героем, — ответил наследный принц, — он защищался до самой крайности»⁷⁷.

Аббас-мирза настанвал, чтобы русские войска отошли к Карабаху, иранские — к Тебризу, а Нахичеванскую область, кроме Аббасабада, предлагал объявить нейтральной⁷⁸. После продолжительных споров остановились на том, что Грибоедов составит и представит принцу проект перемирия, однако на следующее утро это условие было нарушено. Грибоедову принесли встречный иранский проект перемирия, в котором предлагалось отозвать русские войска из Нахичеванской области и Аббасабада, а район Эчмиадзина объявить нейтральной зоной. Переговоры продолжались до глубокой ночи. Статья об оставлении русскими войсками Эчмиадзина и Нахичеванского ханства была вычеркнута, а в целом — ни к чему не пришли. После этого Аббас-мирза предложил заключить перемирие на 10 месяцев⁷⁹. Грибоедову сказали, что им это было необходимо для отдаления от города Хоя шаха, и армии, от которых обнищала вся провинция. Грибоедов дал почувствовать, что эти причины приводятся только для

⁷⁶ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 11, оп. 1, д. 20, л. 13.

⁷⁷ См. там же, л. 13 об.

⁷⁸ См. там же, лл. 16—16 об.

⁷⁹ См. там же, лл. 18 об., 19.

их пользы и что при настоящих условиях Россия может соблюсти свои выгоды. Наконец, видя, что разговоры о перемирии были предложением для того, чтобы выиграть время, Грибоедов вернулся в русский лагерь.

Переговоры в Каразнаддине, а также поступившие к концу этих переговоров сведения о том, что в г. Хое собирается 45-тысячная иранская армия⁸⁰, убедили командование Кавказского корпуса в том, что Каджары собираются продолжать войну, несмотря на то, что, по словам А. С. Грибоедова, война эта была «нм тягостна и страшна»⁸¹, а иранская армия «была готова скорее прятаться, нежели драться»⁸².

Не исключено также, что Аббас-мирза отклонил предложение Грибоедова о мире еще и потому, что англичане внушили Каджарам, что «пока они не будут сильно упорствовать русским, до тех пор выгодный для Персии мир заключен не будет»⁸³.

На ход переговоров в Каразнаддине повлиял и отвод частей корпуса к деревне Кара-баба. После занятия Нахичевани и Аббас-абада, а также в условиях переговоров о мире (начатых Наджафом Афшари и продолженных А. С. Грибоедовым) русское командование решило дать своим войскам непродолжительный отдых, тем более, что в июльскую жару распространилась эпидемия малярии. Аббас-мирза пытался воспользоваться этой обстановкой для организации контрнаступления, а иранские историки извратили эти факты. По их версиям, дескать, только тяжелое положение русских войск заставило Паскевича отправить Грибоедова к Аббас-мирзе. «Положение русских в крепости Аббасабад,—отмечает Моктадер,—стало очень тяжелым, так как жара усиливалась, а число больных увеличилось до 1700 человек. Плохо обстояло дело и с подвозом продовольствия. Поэтому Паскевич отправил Грибоедова в иранский лагерь для заключения мира. Однако из-за сильного волнения Аббас-мирзы и его пренебрежительного отношения к нуждам страны русские предложения были оставлены без внимания, и Грибоедов был вынужден вернуться ни с чем»⁸⁴. Число больных в отряде Бенкендорфа было действительно велико (в каждом батальоне осталось по 400 солдат)⁸⁵. Однако это не относилось ко всему Кавказскому кор-

пусу, и Моктадер не мог не знать, что начиная с сентября 1826 г., иранская армия терпела одно поражение за другим и нуждалась в мире неизмеримо больше, чем Россия. Другие версии иранских историков не менее тенденциозны. Например, Мирза-Таги-хан Лесан-оль-Мольк сообщает, что «...когда Фатх-Али-шаху передали, что Паскевич отправил к Аббас-мирзе посла для заключения мира, шах ответил, что хитрым заявлениям Паскевича не следует придавать никакого значения. Поэтому,—заключает этот автор,—Грибоедов не достиг цели и вернулся в Русский лагерь»⁸⁶.

4 августа армия Аббас-мирзы спустилась в Арабатскую долину и через два дня сосредоточилась у Эчмнадзина.

16 августа канонада возвестила о близкой гибели Эчмнадзина. Оставив в Джан-Гули часть дивизии, трехтысячный отряд Красовского выступил из лагеря. Дорога к Эчмнадзину проходила между рядами крутых возвышенностей, образовавших узкую ложину у Ошакана, в которой иранцы собирались запереть и истребить русский отряд. Под палящим зноем, среди раскаленных камней шли ожесточенные бои⁸⁷.

Ценой бесчисленных подвигов и самопожертвований остатки отряда тяжело раненного Красовского героически пробивались к Эчмнадзину⁸⁸. На следующий день Аббас-мирза узнал о движении к Эчмнадзину основных сил Кавказского корпуса и отвел свою 30-тысячную армию к Еревану.

Ошаканская битва создала на западе ложное представление о пробуждении активности иранской армии, что незамедлительно отразилось на политике Лондонского двора. В середине августа 1827 г. британский кабинет временно воздержался от плана посредничества, на чем с начала года настаивал Каннинг. В Англии, по-видимому, решили, что армия Аббас-мирзы вполне жизнеспособна и может продолжать войну. Поэтому Лондонский двор с большой готовностью принял к сведению новый демарш русского посла в Лондоне Х. А. Ливена о неизменности позиции России, настаивающей на невмешательстве Англии в русско-иранские отношения.

Однако уже в сентябре 1827 г. английское правительство вновь вернулось к доктрине покойного Каннинга по причинам, которые нетрудно было предвидеть. Положение на фронте снова

⁸⁰ میرزا تقی خان لسان ال ملک، تاریخ قاجاریه، تبریز، ۱۳۱۱، ص ۱۷۳.

⁸¹ Подробно об Ошаканской битве см. Нерсисян М. Г. Ценный первоисточник об Ошаканской битве.—«Историко-филологический журнал» АН АрмССР, Ереван, 1978, № 1, с. 241—258.

⁸² Матенадаран. Диван католикоса Нерсеса Аштаракети, папка 166, док. 811, ср. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4318, л. 1—4.

⁸⁰ См. там же, л. 24 об.

⁸¹ См. ЦГИА, Грузинской ССР, ф. 11, оп. 1, д. 20, л. 21.

⁸² См. «Русский архив», 1881, кн. 2 (А. С. Грибоедов—П. Н. Ахвердов), с. 185.

⁸³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 23.

⁸⁴ مقتدر غلام حسین، تاریخ نظامی ایران، تهران، ۱۳۱۷، ص ۱۲۳.

⁸⁵ См. ЦГИА Грузинской ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 429, л. 24.

изменилось отноше- не в пользу иранской армии. После Ошаканского сражения Паскевич отменил назначенный поход на Тебриз, оставил в Нахичевани прикрывающий отряд ген. Эристова, а сам 5 сентября направился к Еревану. С приближением частей русского корпуса Аббас-мирза отступил за Аракс, к селению Кара-Кала. Это намного облегчило задачу Паскевича и 20 сентября русские заняли Сардарабад.

Озадаченный шах указал Аббас-мирзе без промедления заключить мир. Однако наследный принц «продержал у себя шахский фирман без исполнения. Он считал, что длительная оборона Еревана и похолодания сделают русских умеренными на переговорах»⁸⁹.

23 сентября 1827 г. русские войска сосредоточились на берегу Занги, в двух километрах от Еревана.

Успешные боевые действия русской армии в Восточной Армении с новой силой всколыхнули армянский народ на самоотверженную борьбу против иранских завоевателей.

25 сентября русская артиллерия начала обстрел наиболее уязвимого юго-восточного угла крепостной ограды. Под огнем противника инженерные подразделения корпуса, руководимые разжалованным декабристом М. Пушным, рыли траншеи, окопы, оборудовали огневые позиции.

В освободительном походе Кавказского корпуса собрался цвет передового русского офицерства и интеллигенции: И. Раевский, В. Вольховский, М. Пущин, И. Бурцев, братья Бестужевы, Денис Давыдов, А. С. Грибоедов, внук Суворова—А. Суворов, брат Пушкина—Л. С. Пушкин, Е. Лачинов, А. Гагбелов, Н. Муравьев (Карсский), А. Миклашевский—всего более 70 разжалованных офицеров и 2800 «мятежных» солдат из Петербурга и Украины.

28 сентября брешьбатарей начали громить крепостные стены. Пыль и дым разрушающихся зданий и взрывающихся бомб густыми облаками неслись над крепостью.

Ранним утром 1 октября в Ереване вспыхнули волнения. Армяне требовали от Хасан-хана немедленной сдачи города, угрожали всеобщим восстанием⁹⁰. Хасан-хан еще колебался, когда тысяча армян, вооружившись чем попало, бросилась на стены и прогнали оттуда сарбазов. В связи с этим лживым и безответственным представляется утверждение проф. Бина о том, что «на-

⁸⁹ АКАК. т. VII, № 528, с. 569.

⁹⁰ Подробно см. Нерсисян М. Г. Из истории русско-армянских отношений, кн. I. Ереван, 1956, с. 193.

селение Еревана потеряло надежду на помощь из Тегерана и, видя безнадежность своего положения, пало духом»⁹¹.

Сводный лейбгвардии полк, где было много декабристов, первым прорвался в крепость в районе юго-восточнее башни, затем быстро направился к северным воротам, чтобы не позволить противнику уйти из крепости. Сюда же подошел отряд ген. Красовского. Откопав и отбросив ворота, тысячи солдат устремились в крепость и принудили иранский гарнизон сложить оружие.

Измученное население города восторженно встретило своих освободителей⁹².

Символизируя дружбу братских народов, в боях за освобождение Еревана вместе с русскими войсками храбро сражались сосланные на Кавказ декабристы, а также отважные армянские, грузинские и азербайджанские ополченцы.

«Армения наших предков,—говорится в рукописи Матенадарана,—Армения легендарного Хайка, великолепная страна Араратской долины освобождена от мук, адского рабства и беззаконной тирании варваров»⁹³.

«Солнце жизни взошло над Араратской страной,—писали на родину армяне из далекой Индии,—Армения воскресла, как феникс—могучая птица из греческой мифологии, которую сожгли жрецы, а она через тысячу лет возродилась из пепла»⁹⁴.

3. ТУРКМАНЧАЙСКИЙ МИР

Русскую делегацию на переговорах в Дех-Харгане и Туркманчае возглавлял ген. Паскевич. Министерство иностранных дел России представлял на переговорах второй уполномоченный А. М. Обрезков, доставивший 24 мая 1827 г. в Джелал-оглы основные условия будущего договора, изложенные в царском рескрипте⁹⁵. На переговорах участвовали также А. С. Грибоедов, А. К. Амбургер, Н. Д. Кисилев и переводчики: Аббас-Кулиага Бакиханов и Г. М. Влагали. 6 ноября в Дех-Харган прибыли Аббас-мирза и сопровождавшие его лица (каймакам Фаррахани, беглярбек Фатх-Али-хан, статс-секретарь Мирза-Мохаммед-Али и переводчик Мирза-Масуд).

⁹¹ بینا عنی اکبر، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، تهران، ۱۳۴۱، ص ۴۴.

⁹² Абовян Х. Раны Армении, 1948, с. 137.

⁹³ Матенадаран, ф. Диван католикоса Нерсеса Аштаракци, папка 166, док. 821.

⁹⁴ «Вопросы истории», 1951, № 9, с. 105.

⁹⁵ АВПР, ф. Главный архив, 1—9, д. 13, ч. II, л. 13.

Петербургский проект мирного договора был составлен с учетом предложений А. П. Ермолова и А. С. Меншикова⁹⁶, представленных графу Нессельроде 17 ноября 1826 г. и отдельных статей Гюлистанского договора. Из письма А. С. Грибоедова С. И. Мазаровичу от 8 мая 1827 г. видно, что еще до получения петербургского проекта, А. С. Грибоедов работал над составлением проекта мирного договора с Ираном⁹⁷. Не исключено также, что с получением Петербургского проекта, а также с учетом предложений армянских общественных деятелей и, в первую очередь, рекомендаций архиепископа Персеса Аштаракци, изложенных в его «Записке об армянах для включения при переговорах о мире»⁹⁸ и в справке «О переселении армян из персидских владений в провинции, принадлежавшие России»⁹⁹, а также на основе статьи VI Гюлистанского договора А. С. Грибоедов составил окончательный проект договора и, с одобрения ген. Паскевича, вынес этот проект на обсуждение с Аббас-мирзой в Каразнадине, а 7 ноября—на переговоры в Дех-Харгане. Об этом можно говорить с большой определенностью потому, что Паскевич с самого начала согласился вести переговоры только после того, как последний принцип примет и письменно подтвердит основные условия будущего мира¹⁰⁰.

Следовательно, окончательный проект договора был подготовлен до начала переговоров в Дех-Харгане.

На первом же заседании 7 ноября 1827 г. Аббас-мирза дал согласие на присоединение к России Ереванского и Нахичеванского ханств и Ордубадского округа, а 11 ноября—южной части Талышского ханства за Араксом¹⁰¹.

Накануне переговоров в Дех-Харгане 6 октября 1827 г. архиепископ Персес Аштаракци обратился к ген. Паскевичу с просьбой восстановить историческую границу Восточной Армении и с этой целью установить границу с Ираном от Нахичевана на запад не по Араксу, а прямой линией, чтобы в Восточную Армению вошли г. Маку и весь Арарат¹⁰². А. П. Ермолов тоже счи-

⁹⁶ ЦГА ВМФ, ф. 19, перс. отд., д. 10, л. 35—40 об.

⁹⁷ См. Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в., ЛГУ, 1963, с. 124—125.

⁹⁸ ЦГВИА, ф. 146, д. 4, лл. 5, 6.

⁹⁹ АКАК, т. VII, с. 588—589.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 116 об.

¹⁰¹ ЦГИА СССР, д. 1019, оп. 3, д. 194, л. 20; ЦГИА Грузинской ССР, ф. 11, д. 11, лл. 67—73.

¹⁰² Матенадаран, Диван католикоса Персеса Аштаракци, папка 166, д. 822.

тал, что этот небольшой отрезок земли необходимо присоединить к России как часть Ереванского ханства¹⁰³. Позднее Н. Аштаракци написал главноуправляющему духовными делами иностранных исповеданий Блудову, что Паскевич допустил ошибку при определении границы с Персией, а Паскевич в свою очередь ответил Блудову, что мир с Ираном и без того заключен выгодный и что с присоединением Макинского магала Россия имела бы неопределенную границу, а приобретение этого магала, дескать, «желательно одному Персесу Аштаракци, так как там находится богатый армянский монастырь»¹⁰⁴. Паскевич не знал, что Аббас-мирза тайно выделил большие деньги на реставрацию и достройку этого монастыря св. Татевоса (Фадея), основанного в 1247 г., чтобы перевести сюда из Эчмиадзина армянский католикосат и ослабить на него влияние России.

Русский военный историк В. Потто тенденциозную аргументацию Паскевича считал неубедительной. Что же касается принципа благоустроенных естественных границ, то царизм, исходя из своих классовых целей, не придерживался этих принципов при определении границы с Ираном. Анализируя эту политику царизма, К. Маркс писал: «Единственной целью этого (Туркманчайского—Б. Б.) договора, по словам Николая, являлось установление общей границы по Араксу, что, по его утверждению, являлось, якобы, единственным средством к устранению всяких будущих споров между обоими государствами. Но в то же время он отказался возвратить Персии Талыш и Моган, расположенные на персидском берегу Аракса»¹⁰⁵.

Советские исследователи установили, что А. С. Грибоедов был автором или соавтором XII—XV статей Туркманчайского договора, относящихся к переселению в Закавказье военнопленных и подданных обеих стран, когда-либо попавших в плен.

По заметкам Паскевича на полях Памятной записки А. С. Грибоедова, С. В. Шостакович пришел к выводу, что автором ст. XIV был А. С. Грибоедов¹⁰⁶. Авторство Грибоедова в отношении ст. XII, XIV и XV было установлено Л. С. Семеновым в результате анализа юридического обоснования этих статей в пись-

¹⁰³ См. Потто В. Кавказская война. т. 3, с. 745—746.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Маркс К. Лорд Пальмерстон, статья вторая.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 9, с. 371.

¹⁰⁶ См. Шостакович С. В. Новые материалы о Грибоедове.—«Новая Сибирь», кн. 34, Иркутск, 1956, с. 312.

ме А. С. Грибоедова Паскевичу от 28 сентября 1823 г.¹⁰⁷ И. Ф. Паскевич в заметках на полях неопубликованных «Записок о войне 1826—1828 гг.», составленных С. П. Бутурлиным, отметил, что ст. XIII мирного договора была «улучшена», ст. XIV «развернута в предведение переселения армян в Россию», а ст. XII и XV—«новые»¹⁰⁸.

Для уточнения этих и других вопросов потребовался сравнительный анализ XII—XV статей Туркманчайского договора и ст. VI Гюлистанского договора о возвращенцах и переселенцах. В этой связи представляет интерес донесение ген. И. Ф. Ртищева Румянцеву Н. П. о заключении мирного трактата в Гюлистане. «Статья о размене обоюдных пленнх из числа войск,—писал И. Ф. Ртищев,—не встретила никакого затруднения во взаимном между нами согласии, но с великими трудами сопряжено мое старание, чтобы сею же статьею выговорить возвращение обывательских семейств, в разные времена увлеченных в плен, каких весьма много находится в Персии, и предоставить свободу всем бежавшим за границу по преступлениям или другим каким случаям как из войск, так и жителям возвращаться в свое отечество, кто добровольно того пожелает»¹⁰⁹. В XIII—XV статьях Туркманчайского договора, наряду с освобождением и возвращением военнопленных, указываются «подданные обеих правительств», среди которых было много армян, грузин и азербайджанцев. Несмотря на это, в договоре ничего не сказано об их национальной и религиозной принадлежности.

В отличие от ст. VI Гюлистанского договора, предоставившего свободу возвращения в свое отечество всем беглецам, совершившим преступления, ст. XIV Туркманчайского договора запрещает сторонам требовать выдачу перебежчиков и дезертиров, принявших другое подданство до начала или во время войны. Кроме того, правительство шаха обязалось не позволять в пограничной зоне поселение лиц, на которых Россия укажет впоследствии. Не исключено, что и эта часть ст. XIV составлена А. С. Грибоедовым, если иметь ввиду его заявление на переговорах в Каразиадине: «Когда завладеем Азербайджаном, то, обеспечив независимость этой обширной области со стороны Персии,

¹⁰⁷ См. Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. ЛГУ, 1963, с. 124.

¹⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 81, л. 343—343 об.

¹⁰⁹ Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов, т. I (1801—1813), изд. АН Армянской ССР, Ереван, 1972, № 494, с. 632—633; Ср. АКАК, т. V, док. 883.

на десять фарсахов никому не позволим селиться близ границы»¹¹⁰.

По ст. XV Туркманчайского договора шах Ирана обязался не преследовать лишь за их «мнения, поступки и поведение» в период нахождения в Южном Азербайджане русских войск и во время всей войны. Статья эта предоставляла этим жителям годичный срок «для свободного перехода со всеми семействами из Персидских областей в Российские». Вместе с тем не оговаривались границы этих «персидских областей», расположенных за пределами Южного Азербайджана и армянского Атрпатакана, что в дальнейшем вызвало споры в Казвине и особенно в Тегеране, когда А. С. Грибоедов освобождал пленных и подданных армян.

В Туркманчайском договоре устанавливались сроки для продажи недвижимого имущества без их налогового обложения.

Вполне очевидно, что в Туркманчайском договоре проблема освобождения и переселения пленных и подданных была решена намного лучше и шире, чем в Гюлистанском договоре, а заслуги в этом вопросе А. С. Грибоедова и, в разной степени, И. Ф. Паскевича, армянских деятелей и А. М. Обрезкова не вызывает сомнений, тем более, что после возвращения А. С. Грибоедова в Иран в качестве министра-резидента ему пришлось много заниматься оформлением продажи недвижимой собственности переселившихся армян, грузин, ассирийцев и азербайджанцев.

С учетом огромной роли переселившихся в Восточную Армению армян в дальнейшей консолидации армянской нации, позитивная роль России, русского посла А. С. Грибоедова и всех причастных к переселению лиц имела исключительно важное значение в исторических судьбах армянского народа.

* * *

С начала переговоров в Дех-Харгане Аббас-мирза добивался уменьшения общей суммы контрибуции и удлинения сроков ее выплаты.

11 ноября русская делегация по инициативе А. С. Грибоедова потребовала, чтобы первые 5 куруров туманов были внесены до подписания договора, но не позднее 22 ноября 1827 г., когда истекал срок перемирия. Остальные десять куруров предлагалось внести через два месяца¹¹¹. В тот же день конференция в Дех-

¹¹⁰ Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов, т. II (1814—1830), № 171 Ереван, 1978, с. 292.

¹¹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, л. 73—74.

Харгане прервала свою работу по просьбе иранской делегации, которая объявила, что должна информировать шаха о чрезмерных русских требованиях и получить из Тегерана инструкции. У Аббас-мирзы не было иного выхода, так как золото хранилось в сокровищах шаха, от которого зависел исход переговоров и который, по словам Макдональда, скорее, согласился бы на уступку трех Азербайджанов, чем на выдачу денег из своего сокровища»¹¹². В результате переговоры зашли в тупик чуть ли не на четвертый день после их начала.

22 ноября 1827 г. закончился срок перемирия. К этому времени Аббас-мирза добился согласия Паскевича не занимать г. Миане до 10 декабря, чтобы «не пугать шаха и не приостановить отправление денег»¹¹³. Продолжение иранской войны не соответствовало планам Петербургского двора. Чтобы ускорить переговоры, Паскевич сократил сумму контрибуции на 3 курура туманов (6 млн. руб.). 25 ноября Аббас-мирза принял это предложение. Однако на следующий день курьер доставил наследному принцу письмо шаха, который предлагал затягивать переговоры¹¹⁴. На очередном заседании конференции 26 ноября Аббас-мирза под разными предлогами отказался подписать предварительные условия, с которыми был согласен накануне.

27 ноября из Тегерана приехал еще один курьер — Назар-Али-хан с известием, что шах согласен уплатить только 10 куруров (5 млн. туманов)¹¹⁵ и в доказательство своего согласия дал указание на выдачу первых пяти куруров Макнейлу, который в это время вступал в должность британского поверенного в делах¹¹⁶.

Англия не могла равнодушно относиться к пребыванию русских войск в Иране, поэтому Макнейл уговорил шаха не выдавать России контрибуцию до тех пор, пока русские не уйдут из Южного Азербайджана.

Только теперь вмешательство Макнейла озадачило Паскевича. «Чтобы не вдаваться совершенно в руки иностранцев, — доносил он царю, — я предпочел послать своего офицера в Тегеран»¹¹⁷. Капитан Вольховский должен был встретить и сопровождать иранский денежный транспорт. 9 декабря Паскевич предложил Аббас-мирзе подписать все статьи соглашения или разойтись и возобновить военные действия. В 9 часов вечера, после того, как

русская делегация согласилась внести в проект договора статью о признании Аббас-мирзы наследником иранского престола, он подписался под всеми статьями¹¹⁸.

12 декабря Аббас-мирза сказал Паскевичу, что ванский паша сообщил ему, будто Россия собирается объявить султану войну, что тысяча турецких солдат, готовых соединиться с иранскими войсками, уже находится на иранской границе напротив Салмаса, а наследный принц якобы отклонил эти предложения ванского пашы, дескать, потому, что к этому времени уже были подписаны все пункты предварительного соглашения в Дех-Харгане.

Макдональд подтвердил Паскевичу достоверность этих данных. Этим он пытался запугать Паскевича для того, чтобы заставить русскую делегацию заключить мир, не дожидаясь денег из Тегерана¹¹⁹, о чем наследный принц неоднократно просил русского главнокомандующего¹²⁰.

После прекращения перемирия Аббас-мирза в течение нескольких дней сообщал Паскевичу о высланных из Тегерана деньгах, но каждый раз эти сообщения оказывались ложными¹²¹. Наконец, 15 декабря капитан Вольховский недалеко от Тегерана встретил первый транспорт-83 выюка, содержащий 1.494.000 туманов¹²².

17 декабря Паскевич получил письмо от шаха, где сообщалось, что деньги высылаются с Мирза-Аболь-Хасан-ханом, которому поручается вести переговоры для заключения мира¹²³. Это означало, что шах не признает соглашения, заключенного в Дех-Харгане, и с помощью министра иностранных дел пытается навязать новые переговоры, чтобы выиграть время накануне русско-турецкой войны. Впоследствии Вольховскому удалось установить, что Мирза-Аболь-Хасан-хан должен установить достоверность информации, получаемой из Азербайджана, так как донесения Аббас-мирзы, каймакама Фаррахани и статс-секретаря Мирза-Мохаммеда-Али были настолько противоречивы, что шах и его министры не представляли всего того, что происходило в Дех-Харгане¹²⁴, а еще более запутывала их тенденциозная информация

¹¹⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 40—43 об.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, л. 44 об.

¹²¹ Там же, л. 118 об.

¹²² Там же.

¹²³ Там же, л. 44 об.

¹²⁴ محمود محمود تاريخ روابط سياسی ايران و انگليس ص ۲۰۲

¹¹² АКАК, т. VII, № 528, с. 572.

¹¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 15 об., 16.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 181, л. 1.

¹¹⁵ Ениколопов И. Грибоедов и Восток..., с. 106.

¹¹⁶ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 4329, л. 16 об.

¹¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 17.

небеспристрастного Макнейла¹²⁵. Кроме того, Мирза-Аболь-Хасан-хан «должен был сделать последнее покушение на снисхождение Паскевича»¹²⁶. Этот министр шаха как-то проговорился при переводчике Вольховского, что «надеется ласковыми словами все дело кончить отправленными пятью курурами»¹²⁷. Для решения этих задач он вез для Паскевича богато убранный лошадей, 20 шалей для его генералов и столько же драгоценных алмазов для русских дипломатов¹²⁸.

19 декабря шах объявил Вольховскому, что в Тегеране все дела, касающиеся переговоров о мире, он поручил вести министру Мирза-Абдул-Вахабу и бывшему бегларбеку Тебриза Фатх-Али-хану.

На следующий день министр Мохаммед-эд-Довле пригласил к себе Вольховского и Макнейла и заявил им, что деньги будут переданы русским только после того, как их войска уйдут из Ирана¹²⁹. Возражая против этого, Вольховский заметил, что Паскевич не уверен в том, что деньги будут уплачены после ухода войск и что если Аболь-Хасан-хан с такими предложениями поедет в Дех-Харган, то война будет неизбежна. Опасаясь русского продвижения в глубь Ирана, Макнейл объявил о готовности получить у шаха первые пять куруров, доставить их в Тебриз, и после того, как русские войска перейдут Аракс, передать эти деньги Паскевичу¹³⁰.

22 декабря в дипломатической канцелярии Паскевича было намечено два варианта ведения дальнейших переговоров в Дех-Харгане. По-первому варианту предполагалось подписать договор, не ожидая взноса первых куруров контрибуции, оставить оба экземпляра у английского посланника до выплаты Ираном контрибуции, а самим разъехаться и ожидать приезда иранского министра иностранных дел. По второму варианту, предложенному А. М. Обрезковым, предполагалось подготовить договор для подписания и дожидаться приезда Мирза-Аболь-Хасан-хана. Решительно возражая против этих предложений, А. С. Грибоедов указал, что «если разъехаться без подписания трактата, то это и сейчас можно сделать, и чем скорее, тем лучше... Перемирие уже слишком продолжается, и если рассчитывать время в смысле персиян, то перемирие надлежит заключить на шесть, на десять, на сто лет». Грибоедов заметил еще, что «после победы на войне

¹²⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 99 об.

¹²⁶ Там же, с. 100.

¹²⁷ Там же, с. 99 об.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же, л. 93 с5.

¹³⁰ Там же, л. 93 об., 100.

русские делаются посмешищем побежденного неприятеля» и потому настаивал на разрыве, который «не отдалит, а ускорит присылку денег», и предлагал не вести никаких переговоров с Мирза-Аболь-Хасан-ханом¹³¹.

На очередном заседании в Дех-Харгане 23 декабря Паскевич уступил просьбам Аббас-мирзы и сократил общую сумму контрибуции еще на 1 млн. туманов. При этом он снова указал, что первые 5 куруров должны быть внесены до подписания договора, а в обеспечение уплаты остальных пяти куруров русские войска будут находиться в Азербайджане¹³². Аббас-мирза возражал, говорил, что если русские останутся в Азербайджане, то это аннулирует все согласованные статьи договора.

«Я встал с места,—рассказывает об этой встрече Паскевич,—и сказал ему, что если таковы его мысли, то я решаю начать военные действия,—и оставил конференцию»¹³³.

Вечером 23 декабря наследный принц прислал Паскевичу корректное письмо, в котором извинялся за то, что днем выразил свои мысли не так, как хотел. Аббас-мирза уже соглашался, чтобы русские войска остались в Азербайджане до выплаты всей контрибуции, и только просил оставить ему г. Ардебиль¹³⁴. На состоявшемся после этого заседании Аббас-мирза, по предложению А. С. Грибоедова, подписался под каждой статьей договора. Оставалось отправить этот договор шаху для ратификации, однако Паскевич не сделал этого до получения первых пяти куруров.

Таким образом, в Дех-Харгане и Тегеране были приняты разные по значению и почти исключаящие друг друга решения: в то самое время, когда шах, подстрекаемый Макнейлем, собирался выдать Паскевичу первые пять куруров после вывода из Ирана русских войск, в Дех-Харгане Аббас-мирза дал согласие на пребывание русских войск в Азербайджане до выплаты всей контрибуции. В связи с этим новые задачи возникли и перед министром иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-ханом, который уже должен был не только аннулировать соглашение, подписанное Аббас-мирзой, но и с его одобрения заключить новое соглашение, в котором были бы отражены последние предложения шаха о немедленном выводе русских войск.

¹³¹ Шостакович С. В., Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, 1960, с. 142—146; ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 11, л. 89 об.; ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, 1827, д. 423, лл. 29—30, 35—36, 42—43.

¹³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 87.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

Видя, что переговоры в Дех-Харгане могут провалиться, а русские войска могут продвинуться в глубь Ирана, Макнейл предложил шаху следующий план. Сверх пяти куруров шах передаст Макнейлу еще 3 курура, которые он отвезет в Тебриз и там, если получит у Аббас-мирзы обязательство вернуть 2 курура шаху, отдаст все деньги Паскевичу после того, как русские войска уйдут из Азербайджана. В случае, если Аббас-мирза не согласится дать обязательство о возвращении двух куруров шаху (через английское посольство), то Макнейл вернет деньги шаху, а последний решит дальнейшую судьбу и этих денег, и последнего принца¹³⁵.

Шах одобрил план Макнейла, обещал ему передать в Казвин восемь куруров¹³⁶, а наследному принцу приказал отвести часть войск к Тегерану и Зенджану¹³⁷. В этой связи Абдул-Вахаб просил передать Паскевичу, что ему не следует обращать внимания на сборы иранских войск. Министр уверял, что в этом нет ничего враждебного для России и что это не должно создавать неверного впечатления о неискренности иранского правительства¹³⁸. Однако русскому командованию стало известно, что турецкий султан предлагал шаху раздать пять куруров иранским войскам и возобновить военные действия¹³⁹.

Паскевич доносил царю, что в ожидании русско-иранской войны агенты шаха расспрашивают о Турции у приезжающих из Константинополя купцов¹⁴⁰. Для координации военных действий султан отправил к шаху своего представителя Тагиб Эфенди¹⁴¹. Между тем собранные в Зенджане иранские войска не только не возобновили военных действий, а, напротив, всячески избегали столкновения с русскими войсками и, таким образом, предоставили последним возможность без боя занять ряд городов в Южном Азербайджане. Произошло это не только потому, что войска Кавказского корпуса превосходили иранские по численности и боеспособности. Сосредоточив войска в Зенджане и Тегеране, шах собирался противодействовать русским войскам в случае провала переговоров и не допустить эти войска в Тегеран. Это

¹³⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 142.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ В начале января 1828 г. в Зенджане было сосредоточено 3500 иранских солдат под командованием бывшего севанского сардара Хусейн-хана (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 130).

¹³⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, лл. 109 об. и 143 об.

¹³⁹ Там же, л. 109 об.

¹⁴⁰ Там же, л. 115 об.

¹⁴¹ Там же, л. 288 об.

означает, что министр шаха Мирза-Абдул-Вахаб дезинформировал капитана Вольховского, когда говорил ему, что иранские войска собраны в Зенджане для успокоения народа.

Впоследствии разрыв переговоров в Дех-Харгане и угрозу русского наступления шах рассматривал как временную меру давления России, рассчитанную на получение контрибуции и заключение мира. И, поскольку было решено отправить Паскевичу шесть куруров, шах не испытывал на этот счет серьезного беспокойства и собрал в Зенджане войска на самый крайний случай.

Передислокация иранских войск имела и другое назначение. Султан Махмуд II уговаривал шаха продолжать войну против России, а шах в свою очередь с большими надеждами ожидал начала русско-турецкой войны. Отправляя войска в Азербайджан, шах пытался доказать султану, будто собирается воевать, тогда как на деле хотел ускорить выступление турок, чтобы во время русско-турецкой войны добиться выгодного мира в невыгодной для России обстановке. С этой же целью шах оттягивал переговоры в Дех-Харгане. После 20 октября 1827 г., когда в Наваринском сражении был разбит турецко-египетский флот, армия султана стала еще менее боеспособной. «Хатти-шериф», оглашенный султаном 18 декабря, был ложной декларацией о войне, как бы ни хотели турецкие аскеры «вспомнить славу своих предков», к чему их призывал султан, и «затмить ее славою своих собственных подвигов»¹⁴². Османская империя была парализована, Россия, избегая второго фронта на Востоке, спешила заключить мир с Ираном, чтобы после этого начать против Турции войну. Царизм добивался, чтобы это произошло как можно быстрее, поэтому 6 января 1828 г. Николай I предложил правительствам Англии и Франции предпринять решительные меры против Порты, а Паскевич в тот же день прервал переговоры в Дех-Харгане, чтобы угрожать Тегерану войсками Кавказского корпуса и принудить Каджаров к капитуляции.

6 января министр иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хан прибыл в Дех-Харган. На первой же встрече с Паскевичем он много говорил о своей «высокой» дипломатической репутации в Европе и о благосклонности к нему усопшего императора Александра. Подсказанный А. С. Грибоедовым резкий ответ Паскевича: «Война или деньги», — озадачил иранского министра. Некоторое время он не знал, что ответить, а затем просил подождать еще немного¹⁴³.

¹⁴² Дебидур. Дипломатическая история Европы, т. I, М., 1947, с. 274.

¹⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 12 об.

7 января состоялась повторная встреча с Аболь-Хасан-ханом. В присутствии Грибоедова, Обрезкова и других русских дипломатов Паскевич ознакомил иранского министра с проектом согласованного договора и заявил, что не изменит в проекте ни одного слова. «После двухмесячных переговоров,—заметил Паскевич,—шах напрасно посылает нового негоцианта вместо того, чтобы отплатить деньги. Это говорит о его желании продлить время без пользы для дел»¹⁴⁴. Вечером того же дня Паскевич вручил Аббас-мирзе и Аболь-Хасан-хану декларацию о причинах разрыва.

Так завершились мирные переговоры в Дех-Харгане. На следующий день 8 января Паскевич вернулся в Тебриз, чтобы подготовить войска к походу, а Аббас-мирза отправился в Миандоаб, откуда он заранее отвел свои войска, чтобы показать, что не намерен воевать. Уже в дороге он написал Паскевичу, что деньги все-таки скоро должны прибыть и что разрыв произошел совершенно напрасно. Паскевич ответил, что деньги могут быть привезены и на русские аванпосты, а до этого времени наступление войск не будет приостановлено¹⁴⁵. За день до разрыва переговоров в Дех-Харгане, в 7 часов утра 6 января 1828 г., из Тегерана было отправлено 520 выюков с золотом и серебром на общую сумму в 886 тыс. туманов¹⁴⁶.

С 15 декабря 1827 г. до 6 января 1828 г. всего было отправлено из Тегерана 2 500 000 туманов или полностью 5 куруров. Все это время иранские войска избегали соприкосновения с частями Кавказского корпуса и отступали, а главный свух и казначей шаха Манучер-хан прибыл в Зенджан с пятью кукурами. От имени шаха он объявил ген. Розену, что если русские войска перейдут Кафланкух, то он вместе с деньгами вернется в Тегеран¹⁴⁷. После этого темпы продвижения войск были замедлены, а 19 января шах подписал фирман, предлагавший наследнику престола вернуться к ген. Паскевичу для подписания мирного договора¹⁴⁸. К этому времени русские войска уже заняли Марагу, Урмию, а 25 января вошли в Ардебиль.

30 января первые три кукура были доставлены в русский лагерь в районе г. Миане. Через день были привезены еще 2 ку-

¹⁴⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4329, л. 128.

¹⁴⁵ Там же, л. 131.

¹⁴⁶ Там же, л. 146.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же, л. 173.

кура¹⁴⁹, и Паскевич избрал деревню Туркманчай¹⁵⁰ местом для подписания мирного договора.

5 февраля Паскевича посетил Д. Макнейл с предложением избрать вместо Туркманчая другой населенный пункт, более удобный, по его мнению, для размещения делегаций. Д. Макнейл рекомендовал остановиться в одном из больших сел, расположенных между Уджаном и Агарью¹⁵¹. Однако Паскевич отклонил эти предложения, считая, что англичане собираются удалить его от Миане, в сторону от магистральной дороги, ведущей к Тегерану, чтобы в случае разногласий на переговорах русские войска не смогли продвигнуться к Казвину¹⁵².

Если в декабре 1827 г. Д. Макнейл предложил свои услуги хранителя и перевозчика денег, предназначенных для России, то впоследствии он добился, чтобы в этом деле участвовал и английский посланник Д. Макдональд. Далеко не блестящая миссия перевозчика денег была для британского посланника, представлявшего в Иране короля Великобритании, самой униженной. Но это был наиболее верный и, пожалуй, единственный для Англии путь для посредничества и участия на переговорах. Во всяком случае, после доставки половины контрибуции в Азербайджан и возобновления наступательных операций русской армии роль и влияние Д. Макдональда значительно возросли. От неофициального посредничества, провозглашенного премьер-министром Англии в начале 1828 г., британская дипломатия добилась посредничества и де-факто, и де-юре.

На переговорах в Дех-Харгане английские дипломаты всячески добивались, чтобы русские войска покинули Иран до того, как будет заключен мирный договор. Это им нужно было для того, чтобы саботировать переговоры, не опасаясь русского продвижения к Тегерану и к границам Индии. По этим же причинам английские дипломаты добивались, чтобы Каджары как можно быстрее уплатили контрибуцию—основное условие Паскевича для вывода из Ирана русских войск, и помогали персам в сборе денег: английский майор Харт превратился в сборщика налогов в Азербайджане. Макнейл уговаривал шаха одолжить Аббас-мирзе 100 тыс. туманов для выкупа драгоценностей и предлагал подписать акт, по которому наследный принц отказывался в пользу шаха от доходов с любой из принадлежавшей ему провинций, английский посол Макдональд гарантировал выплату

¹⁴⁹ Там же, лл. 176—177, 193 об.

¹⁵⁰ В 33 км северо-западнее г. Миане.

¹⁵¹ ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, л. 438, л. 399 об.

¹⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4329, л. 144 об.

восьми куруров контрибуции русскому командованию и выкупил за 200 тыс. туманов 3 и 4 статьи тегеранского договора 1814 г.

Ген. Паскевич аннулировал важную дипломатическую победу русского посла З. А. Ливена над Каннингом на переговорах в Лондоне тем, что в конце ноября 1827 г. допустил вмешательство английских дипломатов в переговоры. В итоге Макдональд в Тебризе, а Макнейл в Тегеране оказывали сильнейшее давление на шаха и Аббас-мирзу и добивались, чтобы до эвакуации русских войск продлить, а затем сорвать переговоры с Россией. Этим они рассчитывали отвлечь войска Кавказского корпуса от Турции и представить султану время для реорганизации его армии.

В последний раз вопрос о контрибуции был пересмотрен 6 марта 1828 г. Д. Макдональд объявил тогда Паскевичу, что его правительство согласилось уплатить за Аббас-мирзу не 250, а только 200 тыс. туманов. Паскевич принял это заявление к сведению и объявил, что недостающие до половины курура 50 тыс. туманов будут отнесены за счет Урмии сверх прежних 250 тысяч туманов¹⁵³. Войска корпуса теперь должны были уйти из Хоя и Урмии после того, как будут внесены 800 тыс. туманов.

После заключения мира Паскевич неоднократно напоминал иранским министрам, чтобы они разрешили Д. Макдональду выдать доставленные из Тегерана первые пять куруров. Только 16 февраля Аббас-мирза разъяснил, что эти куруры состоят из разных золотых монет и что поэтому расчет должен производиться не на иранские туманы, а на русские червонцы. Это требование не лишено было оснований и в конечном счете должно было сократить контрибуцию на 30 тыс. туманов. Паскевич возражал против этого, но его аргументация была неубедительной, так как невозможно было доказать, что иранцы теряют на золоте столько же, сколько русские на серебре.

Споры закончились тем, что иранский министр иностранных дел выехал в Тегеран; английский посланник, не получив разрешения на выдачу денег, вернулся в Тебриз¹⁵⁴, а Паскевич, видя все это, пригрозил Аббас-мирзе, что оставит войска в Ардебиле и Мiane и доложит царю о нарушении трактата. Угроза эта возымела действие, и Д. Макдональд получил разрешение на выдачу пяти куруров¹⁵⁵. Это обстоятельство важно и в том отношении, что вносит существенную поправку в те работы, где неправильно указывается, что половина контрибуции или первые пять

куруров были уплачены до заключения договора. На деле договор был подписан тогда, когда эти деньги еще находились в здании английской миссии в Тебризе.

После двухмесячных переговоров о контрибуции 7 января 1828 г. конференция прервала свою работу¹⁵⁶, так как Фатх-Али-шах, его наследник и их английские советники преднамеренно тянули время и не выплачивали контрибуцию в ожидании обещанной султаном русско-турецкой войны. Шах аннулировал подписанные Паскевичем и Аббас-мирзой предварительные соглашения от 9 и 23 декабря 1827 г. и отправил в Дех-Харган своего министра иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хана с поручением заново начать переговоры¹⁵⁷. Шах создавал видимость недоверия к Аббас-мирзе и поручил своим министрам затягивать переговоры с Вольховским в Тегеране, а сбор иранских войск в Зенджане, предназначенный для успокоения турок, объяснил русским дипломатам необходимостью внушить народам Ирана мысль о существовании в Иране сильной шахской власти и армии. Одновременно, чтобы выиграть время, контрибуция по частям высылалась английскому послу Макдональду для того, чтобы в случае наступления турецкой армии вернуть эти деньги шаху или раздать их иранским войскам.

В этих условиях русское командование возобновило наступательные операции, а 19 января 1828 г. шах приказал Аббас-мирзе вернуться к ген. Паскевичу и подписать мир.

6 февраля 1828 г. русская и иранская делегации прибыли в Туркманчай.

В тот же день Паскевич и Аббас-мирза договорились, что собранные в Зенджане иранские войска будут распущены, а русские отведены из Мiane и Ардебиле, где будет находиться временная резиденция наследного принца. Было решено также, что в ближайшее время Россия получит шестой и седьмой куруры контрибуции, а до уплаты восьмого курура русские войска будут находиться в Хое¹⁵⁸.

Между тем английский посланник пересмотрел это соглашение. Он заявил Паскевичу, что шестой курур уже находится в Зенджане, и что шах согласился одолжить Аббас-мирзе и седьмой курур при условии, если английское правительство будет гарантом возвращения этой суммы шаху. Макдональд заявил еще, что стремится помочь наследнику престола в его трудном поло-

¹⁵³ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 329, д. 132.

¹⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 329, л. 12 об.

¹⁵⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 329, л. 201 об. (Девятый и десятый куруры шах обязался внести до 1830 г.).

¹⁵³ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4329, л. 272 об.

¹⁵⁴ Там же, л. 204 об.

¹⁵⁵ Там же.

женни, хотя не могут ручаться за него, потому что без Азербайджана принц не сможет собрать необходимую сумму. Англия согласна уплатить Ирану полкурура, при условии, если за 6,5 куруров русские войска уйдут из Азербайджана, а Аббас-мирза, в компенсацию за эти 250 тыс. туманов, согласится аннулировать те статьи договора 1814 г., по которым Англия ежегодно должна была выплачивать Ирану по 200 тыс. туманов¹⁵⁹. Паскевич ответил Макдональду и Аббас-мирзе, что русские войска уйдут из Азербайджана после того, как получат восемь куруров.

День и час для заключения договора в Туркманчае был определен придворным астрологом Аббас-мирзы: ровно в 12 часов ночи с 9 на 10 февраля 1828 г. И когда это время наступило, 101 залп русских орудий возвестил о заключении мира¹⁶⁰.

Ст. I договора провозгласила мир; ст. II аннулировала Гюлистанский договор; ст. III присоединила к России ханства Ереванское и Нахичеванское; ст. IV установила новую границу по Араксу и южнее этой реки в Талыше; ст. VI определила контрибуцию в размере 10 куруров, или 20 млн. руб.; ст. VII признала Аббас-мирзу преемником и наследником иранского престола. Договор объявлял свободу мореплавания русских и иранских торговых судов, а также установил монопольное право России иметь военный флот на Каспийском море. Ст. IX, расширенная отдельным протоколом, посвящалась вопросам дипломатического церемониала. Ст. X, дополненная девятью другими статьями «Трактата о торговле», признавала необходимость расширения торговли. Русским и персидским купцам предоставлялось право «наибольшего благоприятствования», восстанавливалась установленная Гюлистанским договором 5% пошлина с товаров, ввозимых купцами обеих сторон; отменялись внутренние таможенные сборы для персидских купцов в России и русских купцов в Иране. Определялись функции консульств, способы решения споров и вопросы арбитража; за Россией закреплялось право консульской юрисдикции на территории Ирана и устанавливалась экстерриториальность русских подданных. XII—XV статьи предусматривали освобождение и возвращение на родину военнопленных, подданных и всех желающих обеих сторон.

Туркманчайский договор 1828 г. подвел итоги второй русско-иранской войны, начатой агрессивным вторжением в Закавказье иранских войск. Завершив присоединение Восточной Армении к России, договор этот ликвидировал иранское господство в Закав-

¹⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 202 об.

¹⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 438 (Журнал рапортов Паскевича императору в 1827—1828 гг., на 343 листах), л. 314 об.

казье, укрепил военно-стратегические позиции России на юге империи и усилил международное влияние самодержавия.

Независимо от политики царизма, Туркманчайский мир изменил политическую и стратегическую обстановку на Востоке и нанес удар по агрессивным планам западных держав, толкнувших шаха на безнадежную войну с Россией.

Вхождение Восточной Армении в состав России отвечало национальным интересам армянского народа, освободившегося от многовекового гнета иранских завоевателей.

В результате вхождения Восточной Армении в состав России часть армянского народа спаслась от угрозы физического истребления, к чему неизбежно должна была привести варварская политика военно-феодалов деспотий, тогда как Западная Армения, поработанная Османской империей, впоследствии стала жертвой массовых погромов и геноцида.

В постановлении Центрального Комитета Коммунистической партии Армении «О праздновании 150-летия вхождения Армении в состав России» отмечается: «Войдя в состав России, армянский народ обрел в лице великого русского народа искреннего и верного друга, включился в исторический процесс, приведший к его социальному и национальному возрождению»¹⁶¹.

Присоединение к России открыло армянскому народу возможности для национальной консолидации, создало объективные предпосылки для дальнейшего социально-экономического развития и «слияния национально-освободительной борьбы армянского народа с освободительной борьбой великого русского народа»¹⁶².

4. ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РУССКО-ИРАНСКИХ ВОЙНАХ И ТУРКМАНЧАЙСКОМ МИРЕ

Иран и Турция были не только объектами экспансии держав, но и сами вели завоевательные войны, а в завоеванных странах насаждали реакционные, абсолютистско-деспотические порядки, вызвавшие в начале XIX в. подъем освободительного движения угнетенных народов.

В то время, когда державы пытались не допустить распада лоскутной феодальной державы султана, находившейся в состоянии затяжного кризиса, политические интересы господствующих

¹⁶¹ Постановление ЦК Компартии Армении «О праздновании 150-летия вхождения Армении в состав России», «Коммунист», 31 марта 1978 г.

¹⁶² Там же.

классов России требовали поддержки национально-освободительных движений на Балканах и в Закавказье, тем более, что народы Закавказья и балканских стран ориентировались на помощь России как своего союзника, а европейские державы опасались, что после поражения Турции и Ирана в Закавказье и на Балканах с помощью России могут возникнуть жизнеспособные национальные государства.

В иранской историографии русско-иранские войны рассматриваются в тесной взаимосвязи с русско-турецкими войнами, политикой держав в Иране и Турции и ирано-турецкими отношениями.

В работах иранских историков по этим вопросам имеется ряд тенденций. Наиболее распространенная из них, основанная на ошибочной интерпретации Петербургского протокола от 4 апреля 1827 г., пытается доказать, что Англия и Россия, дескать, договорились о разделе Турции и Ирана. Другая тенденция обвиняет Англию в провоцировании Ирана на войну против России для того, чтобы отвлечь Россию от Индии и чтобы шах, занятый войной с Россией, не мог помочь Наполеону в случае индийского похода. Менее распространенная тенденция иранской историографии признает политическую ограниченность и несамостоятельность Каджаров, начавших, по совету Англии, безнадежную войну против России, которая разгромлена в 1812 г. войсками Наполеона. Подчеркивается при этом, что «Англия и Россия добивались ослабления Ирана и Турции», однако при этом замалчиваются преступные акции султана Махмуда II, толкнувшего Фатх-Али-шаха на войну с Россией с помощью подготовленной Англией провокации. В районе Ахалциха султан собрал свои войска, а на иранской границе заставил муссировать ложные слухи о формировании десяти тысячного корпуса для войны с Россией. Каджары поверили в эту дезинформацию, сыгравшую не последнюю роль в решении Фатх-Али-шаха начать против России войну.

Каджарам не удалось узнать о начавшихся в Аккермане переговорах¹⁶³. В итоге шах и его наследник не разобрались в лож-

ных маневрах турецкой и английской дипломатий и явно поспешили с войной.

Несмотря на то, что в Петербургском протоколе от 4 апреля 1826 г. Иран не упоминался, М. Махмуд отмечает, что этот протокол имеет связь с планами раздела Османской империи и Ирана¹⁶⁴ и что с помощью секретного Петербургского протокола от 4 апреля 1826 г. Англия санкционировала продвижение русских войск до Аракса в войне с Ираном и до Карса—в войне с Турцией¹⁶⁵. Эта версия М. Махмуда о разделе Ирана находится в противоречии с известным историческим фактом: в 1826 г. Иран первым начал войну против России.

М. Махмуд отмечает, что с тех пор, как англо-русские противоречия стали усиливаться, все дальнейшие несчастья Ирана и Турции были вызваны англо-русской борьбой на Востоке. Борьба эта,—заключает проф. М. Махмуд,—продолжалась до тех пор, пока Николай I понял, что вражда между Россией и Ираном обычно заканчивается к выгоде Англии, и в связи с этим Россия изменила свое отношение к Ирану к лучшему, в чем можно было убедиться после заключения Туркманчайского договора¹⁶⁶.

Другая тенденция иранской историографии, осуждающая Англию, связана с планами обороны британской Индии.

«Англичане,—отмечает проф. Али-Акбер Бина,—чтобы разжечь русско-иранскую войну и привязать Россию к северо-западным границам Ирана, оказывали на Каджаров сильнейшее давление. Таким путем Англия стремилась отвлечь внимание царского правительства от восточных иранских границ и Индии. Эти взгляды,—отмечает далее Бина,—были высказаны Джоном Малькольмом в его мемуарах в связи с продвижением России в Азию»¹⁶⁷. В этой связи проф. М. Махмуд обвиняет Англию и в подстрекательстве Ирана к войне против России. «Английские источники,—отмечает этот автор,—доказывают, что Англия не хотела допустить, чтобы с Индией граничило сильное, влиятельное государство. Именно поэтому для ослабления Ирана Англия использовала Россию как орудие своей политики и спровоцировала вторую русско-иранскую войну, которая благодаря безнадёжной слабости иранской армии закончилась победой России»¹⁶⁸.

164 محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۵۱.

165 Там же, с. 234.

166 Там же, с. 235.

167 همانجا، الممورآت، سیاسی و دیپلماتی ایران ص ۲۲۲-۲۲۳.

168 محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۵۱.

Ссылаясь на книгу Ричарда Лоджа «Новая история Европы», М. Махмуд отмечает еще, «после того, как могущественная Россия распространила в Азии колоссальное влияние, Англия уничтожила в Европе «Священный союз», чтобы иметь дело с одной Россией и использовать русские армии для ослабления Ирана и Турции»¹⁶⁹.

В другом месте М. Махмуд представляет дело так, будто «Англия развязала руки России для ослабления Ирана и Турции, но об этом России ничего не сообщала. И пока в Петербурге разобрались в этой английской политике, русские войска продвинулись в глубь Азии, что создало новую угрозу для безопасности Индии со стороны России»¹⁷⁰.

Таким образом, в интерпретации Махмуд-Махмуда вторая русско-иранская война началась оттого, что Англия по разным причинам подстрекала к этой войне как Иран, так и Россию. При этом последняя, дескать, не могла понять намерений Англии и увлекалась своим продвижением в Азии настолько, что стала угрожать Индии.

Вариации приведенной версии встречаются и у других иранских историков. Проф. Ахмед Тадж Бахш обвиняет Англию в подстрекательстве как первой, так и второй русско-иранской войны. «В начале XIX века,—говорит Тадж Бахш,—Англия спровоцировала первую русско-иранскую войну, чтобы Иран был занят этой войной против Великой державы на севере и не смог оказать помощь Наполеону в его продвижении к Индии»¹⁷¹. «В 1813 г.,—отмечает этот автор,—встревоженная успехами России Англия сумела найти пути для прекращения войны. Если бы она не поступила так, русские дошли бы до Персидского залива, навсегда овладели бы нашей страной и подошли бы к границам Индии. В 1813 году,—указывает Тадж Бахш,—Англию вовсе не интересовали проблемы иранской безопасности. Англичане действовали так исключительно ради собственных политических интересов, которые совпадали с интересами Ирана»¹⁷². Этот исторический экскурс, повторяющий отвергнутые научной критикой версии о «Завещании Петра Великого» в той части, где говорится о тяготении России к Персидскому заливу, в целом понадобился Тадж-Бахшу для показа консервативности британской внешней политики, которая «проводила одну и ту же политику и повторяла од-

ну и те же ошибки, несмотря на то, что русско-иранские войны проходили в разное время»¹⁷³.

Политику английского правительства, направленную на ослабление Ирана и Турции, Махмуд Махмуд называет «политикой мирового господства»¹⁷⁴, благодаря которой могущественные державы стремились удержать в своих руках слабые государства¹⁷⁵. В этой связи Махмуд цитирует высказывания английских историков, в основном бывших английских дипломатов в Иране — Харфорда Джонса и Малькольма, которые осуждали британское министерство иностранных дел за то, что «Англия связала Иран по рукам и ногам и сдала эту страну Петербургскому двору»¹⁷⁶. «Эти дипломаты-колонизаторы,—отмечает далее М. Махмуд,—действительно требовали от своего правительства, чтобы «Англия, связанная с Ираном Тегеранским договором 1814 г., не допустила полного разгрома Ирана и умиротворила Россию»¹⁷⁷.

Махмуд жалеет, что Каннинг не прислушался к этим голосам и, повторяя версию английского историка и дипломата Грейвса, приходит к выводу, что «Каннинг был тайно связан с русскими»¹⁷⁸. Автор многотомной истории англо-иранских отношений в XIX в. профессор Тегеранского университета Махмуд пренебрег всеми известными ему историческими фактами, когда писал, что «в душе британского министра до конца его дней сидело огромное несчастье в образе чарующей, дьявольски соблазнительной жены российского посла Дарьи Христофоровны Ливен»¹⁷⁹.

«Для политических партий Англии было ясно,—писал М. Махмуд,—что, находясь под сильнейшим влиянием этого пленительного дипломата, Каннинг сознательно прибегал к различным уловкам, чтобы уйти от договорных обязательств Англии по отношению к Ирану»¹⁸⁰ и что «благодаря Дарье Христофоровне Ливен, этой умнейшей,—по его словам,—женщине в Лондоне и первоклассной разведчице российских императоров Александра I и Николая I, в 1826 г. Каннинг отправил в Петербург Веллингтона и заключил с царем секретный протокол, благодаря которому

¹⁶⁹ Там же, с. 231.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ تاج بخش احمد رهگذر ایران و روسیه ج ۱: ۱۱۱.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ جهانگردان و روابط سیاسی ایران و انگلیس ج ۱: ۱۹۹.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же, с. 197.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же, с. 199.

¹⁸⁰ Там же.

Россия получила возможность предпринимать на Востоке любые шаги¹⁸¹.

С этих, во многом путанных, противоречивых и субъективных позиций буржуазные иранские историки рассматривают и пытаются увязать причины второй русско-иранской войны. Рациональная линия в тенденциях иранских историков связана с разоблачением колониальной политики Англии, спровоцировавшей вторую русско-иранскую войну.

Не отрицая роли Англии в разжигании этой войны, которая в планах британских дипломатов предназначалась для сохранения Османской империи и «обороны» Индии от надуманной русской угрозы, а также для обеспечения преобладания Англии в Закавказье и на Балканах, нельзя не заметить, что иранская историография всячески стремится выгородить Каджаров от ответственности за начатую ими войну, прикрыть их собственную агрессивную, реваншистскую политику только английским вмешательством и подстрекательством. Чтобы оправдать нападение Ирана на Россию, иранские историки пытаются доказать, будто в 20-х годах Россия не проводила самостоятельной политики на Востоке, а в войнах с Ираном и Турцией слепо выполняла волю британской дипломатии.

В этой тенденции иранских историков обращает на себя внимание вынужденное признание политической ограниченности иранских правящих кругов.

«В первой половине XIX века, — отмечает доктор Таджбахш, — в Иране не знали международной обстановки. Не было тогда у нас людей, сведущих в политике европейских государств, а шах не только не мог понять, что Иран намного слабее России, которая разбила наполеоновскую Францию, но и, в надежде на английскую помощь, начал против России войну»¹⁸². Независимо от этого, проф. Таджбахш восхищается «патриотизмом» Каджаров, которые, по его словам, «быстро и решительно отвечали на любые выпады русских», и сожалеет, что эта борьба неравных сил неминуемо должна была привести к поражению слабого, надеющегося на чужую помощь Ирана¹⁸³.

Ахмед Таджбахш упрекает Каджаров за то, что они болезненно реагировали на продвижение русских в районе озера Севан и, начав войну, лишили себя огромных территорий в Закавказье. Не менее резко он осуждает и шаха за то, что в политике России он неведомо откуда усмотрел слабость России и даже со-

бирался начать против нее третью войну, которая, по его словам, «хорошо, что не началась, так как закончилась бы потерей всего Азербайджана»¹⁸⁴.

Профессор Тегеранского университета Бина также указывает на «невежество Каджаров» и в этом видит одну из причин, приведших Иран к нападению на Россию и к катастрофе его родины¹⁸⁵.

Али-Акбер-Бина называет Иран не иначе, как «жертвой европейской политики»¹⁸⁶, и напоминает, что сперва Наполеон превратил Иран в раба своей политики в Тильзите, а потом Англия, «прикрываясь ложной дружбой, толкнула Иран на съедение России, а потом бросила Иран на войну с Афганистаном»¹⁸⁷.

Так же тенденциозно освещаются в иранской историографии повод и причины русско-иранской войны 1826—1828 годов. Иранские историки отмечают, без всякого основания, что Россия, дескать, воспользовалась пограничными конфликтами, чтобы «с санкции Англии продвинуть свои границы до Аракса», тогда как на деле Каджары воспользовались пребыванием в Иране русского посла Меншикова и первыми вторглись в Закавказье.

Немало страниц иранской историографии уделено Туркманчайскому договору. Насратулла Фальсафи и Али Агсар Шамим в «Полной истории Ирана» отмечают, что в «Туркманчайском договоре были соблюдены интересы России неизмеримо больше, чем обычно соблюдались интересы любой европейской державы в отношениях с любой побежденной страной»¹⁸⁸, а проф. Бина, повторяя английского историка Ватсона, заявляет, что Акт о торговле был «образцом для других иностранных государств, заключивших договор с Ираном»¹⁸⁹. Развивая эту версию, Бина указывает еще, что Туркманчайский мир установил в Иране «режим консульского газавата»¹⁹⁰, при котором консулы царя вели «священную» войну против мусульман-иранцев в их собственной стране.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ دینا علی اکبر، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران، ص ۲۴۷.

¹⁸⁶ Там же, с. 174.

¹⁸⁷ دینا علی اکبر، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران، ص ۲۴۸.

¹⁸⁸ نصرت الله فلسفی و علی اصغر شمیم، تاریخ مفصل کشور ایران، تهران، ۱۳۱۹، ص ۱۷۵.

¹⁸⁹ دینا علی اکبر، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران، ص ۲۴۷.

¹⁹⁰ Там же, с. 248. Советское правительство нотой от 26 июня 1919 г. отменило российскую консульскую юрисдикцию, введенную в Иране Туркманчайским договором.

¹⁸¹ محمود محمود، تاریخ، مادیات سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۹۷.

¹⁸² تاج بخش احمد، روابط ایران و روسیه، ص ۱۴۶.

¹⁸³ Там же.

Военный историк Джамиль Гузанлу сбрасывает со счетов иранскую агрессию в Закавказье в 1826 г. и сожалеет, что «все то, что русские не получили в Гюлистане, они получили вдвойне через 14 лет»¹⁹¹. По его мнению, «Каджары утратили свое влияние на Кавказе, в центральной Азии и потеряли свое влияние в районе Каспийского моря»¹⁹². Гузанлу не указывает при этом страну в Центральной Азии, которая накануне Туркманчайского мира испытывала на себе влияние Каджаров, а после заключения этого договора перестала испытывать это влияние; речь, по-видимому, шла о влиянии иранской культуры и персидского языка, к которым Каджары, как неперсидская по происхождению династия, были непричастны. Не менее странно, что Джамиль Гузанлу говорит о влиянии Каджаров на Кавказе, не считаясь с тем, что народы края недвусмысленно показали свое отрицательное отношение к Каджарам, когда вместе с русскими разгромили иранскую армию и отбросили ее за Аракс. Кстати, капитуляция Тебриза, а также восстания угнетенных народов Ирана показали, что Каджары не имели влияния и в своей собственной стране. Другое заявление Гузанлу о потере морского господства Ирана¹⁹³ столь же неправдоподобно, потому что Иран не имел тогда своего флота на Каспийском море. К тому же ст. VIII Туркманчайского договора объявила свободу мореплавания русских и иранских торговых судов по всему Каспийскому морю, хотя и установила монопольное право России иметь на Каспии военный флот. Статья эта, по существу, была направлена против экспансионистских планов Англии, которая, по англо-иранскому договору 1812 г., получила право строить для Ирана военные корабли на побережье Каспийского моря (ст. VII и IX).

Несмотря на то, что европейские историки Бреслау и Рудольф Каллен признали, что завещания Петра I никогда не существовало, иранские историки проф. Сенд Нафиси¹⁹¹ и проф. Ахмед Таджбахш¹⁹⁵ утверждают без основания, что, следуя «петровскому завещанию», Россия все время стремилась дойти до океана через Персидский залив и не могла достигнуть этой цели,

¹⁹¹ قوزانلو جمیل تاریخ نظامی ایران تهران ۱۳۱۵ ص ۹۲۹-۹۳۰

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ نفیسی سعید تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران در دوره معاصر تهران ۱۳۳۵ ص ۲۲۴

¹⁹⁵ تاج بخش احمد روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم قمری تهران ۱۳۳۷ ص ۱۲۴

дескать, потому, что, как говорится в придворной хронике Реза-Кули-хана Хедайята, «из чистого золота (т. е. контрибуции—Б. Б.) шах соорудил плотину, которая не пропустила лавину русских войск»¹⁹⁶.

Туркманчайский договор подробно анализируется в работах иранского историка 20-х годов XX в. доктора М. Афшара и 50-х годов—профессора М. Махмуда. Если первый из них в своей книге «Европейская политика в Персии», опубликованной в Берлине на французском языке, придерживался проанглийской ориентации в освещении статей договора, то М. Махмуд отстаивает, в основном, реалистические концепции.

М. Афшар замечает, что вся политическая и дипломатическая история Ирана в XIX в. была заполнена борьбой за влияние между Россией и Англией¹⁹⁷. При этом он не скрывает своего раздражения по поводу присоединения Закавказья к России и в попытках оправдать иранское завоевание Закавказья против воли населяющих его народов пишет, что «Закавказье принадлежит только ее законным иранским владельцам, а не тем, кто обрабатывает его землю»¹⁹⁸, т. е. народам Закавказья (??—Б. П.). Так же тенденциозно М. Афшар пытается оправдать колониальную политику Англии. По его мнению, «Англия осуществляла в Иране только политику соперничества», а Россия, дескать, всегда «стремилась продвинуться как можно дальше на юг и меняла свою политику в зависимости от своего продвижения в Азии, а Англия меняла свою политику исходя из действий противника, с которым боролась и которого останавливала, когда он хотел приблизиться к Индии»¹⁹⁹.

Взаимные обязательства России по Туркманчайскому договору Афшар считает «включенными в договор только для формы»²⁰⁰. Даже статью VII, подтверждающую, что Аббас-мирза является «преемником персидской короны», Афшар рассматривает как вмешательство России во внутренние дела Ирана²⁰¹, несмотря на то, что эта статья была включена в договор по требованию Аббас-мирзы на переговорах в Дех-Харгане²⁰².

هدایت رضا قلی خان روضت الصغای ناصرای تهران ج ۲ ص ۱۶۱-۱۶۲

¹⁹⁷ Afshar M. La politique Européenne en Perse, Berlin, 1921, p. 9.

¹⁹⁸ Там же, с. 33.

¹⁹⁹ Там же, р. 34.

²⁰⁰ Там же, с. 45.

²⁰¹ Там же.

²⁰² ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4329, л. 40—41 об.

Сожалая о присоединении Восточной Армении к России, Афшар цитирует французского историка, доктора Фивриера, который писал, что для Ирана «Ереванское и Нахичеванское ханства были Эльзасом и Лотарингией»²⁰³, хотя и признает при этом, что «Персия не имела никаких прав на эти две старинные армянские провинции»²⁰⁴. М. Афшар считает преувеличенным заявление французского историка Дриоля о том, что «Персия поглощена русским влиянием» и считает, что «это могло произойти на деле, если бы не было соперничества Англии и не было бы уравновесом влиянию России»²⁰⁵. Афшар уверен, что благодаря англо-русскому соперничеству, которое поддерживалось иранской дипломатией, Иран мог существовать между молотом и наковальней»²⁰⁶. Затем Афшар цитирует, не называя имени, одного русского писателя, который «из чувства русской национальной гордости называл Кавказский перешеек Гибралтаром России на Востоке»²⁰⁷ и английского историка и дипломата Макнейла, считавшего, что «Кавказским рычагом можно перевернуть весь мир»²⁰⁸. В этой связи Афшар напоминает, что иранские историки г. Дербент обычно называют «Дверью Ирана (потому что «дар» по-персидски означает дверь, а «банд» — подходит к слову закрытый) и приходит к выводу, что потеря Кавказа для Ирана была «не только потерей части ее территории», хотя речь, по существу, могла идти только о Закавказье, захваченном иранскими войсками во время их завоевательных походов, но и «открытием дверей собственного дома своему наиболее непримиримому врагу»²⁰⁹. «Империя шаха была лишена права бороться против своего могущественного соседа или даже сопротивляться ему»²¹⁰, — восклицает Афшар и не решается сказать, что Великая Октябрьская социалистическая революция аннулировала Туркманчайский договор, после чего Иран продолжал свою «жалкую жизнь», но уже между «молотом и наковальней» Англии и других капиталистических государств, которые очень наглядно, показали, на что способна «уравновешивающая политика» Англии, перед которой

так раболепно благоволил Афшар. Нельзя не отметить также, что Афшар, подвергая критике «Акт о торговле», и, в отличие от других иранских историков, не ограничивается обвинением одной царской России, потому что капитуляции или привилегии, предоставленные наиболее благоприятствуемым нациям, в развитии прежних кабальных договоров были подтверждены и в пользу других государств.

Осуждая европейских историков, оправдывавших необходимость установления в Иране капитуляций, Афшар критикует французского историка Траверса Твисса, который писал, что «между исламом и христианством не существует общих точек соприкосновения в обычном праве и даже в самых простых случаях, так как неписанные догмы шариата — обычая Ислама нужно отыскивать в иудейских легендах или в преданиях арабов»²¹¹. По мнению Твисса, «капитуляции служили мостом, переброшенным через религиозную бездну, отделявшую ислам от христианства. Может быть, время от времени нужно вводить в капитуляции изменения, но их отмена вызовет новый крестовый поход против ислама»²¹².

Афшар считает, что «этой пропасти не существует, особенно после того, как мусульманские страны признали международное право», и приходит к выводу, что система капитуляций была связана не с религиозным антагонизмом между христианством и исламом, а политическими мотивами. Эту концепцию Афшар обосновывает «мирным» сосуществованием армян и мусульман в Иране и истреблением армян в захваченной турками Западной Армении. «Чтобы доказать существование религиозной бездны, разделяющей ислам от христианства, иногда указывают. — замечает Афшар, — на истребление армян в Турции, однако это истребление носило не религиозный, а политический характер»²¹³.

Афшар считает, что после Туркманчайского договора русско-иранские отношения вышли из военно-политических рамок, чтобы войти в фазу экономического завоевания или «мирного проникновения»²¹⁴ и по-своему, со своих классовых позиций, рассматривает роль России на Востоке. Не упоминая английской концессии в Иране, он подчеркивает, что «с помощью русских концессий царские дипломаты и купцы хотели показать себя европейцами и пионерами цивилизации, а Николай I сделался для Персии миро-

²⁰³ *Afschar M. La politique européenne en Perse*, p. 46.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же, с. 47.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же, с. 46, 47.

²¹¹ *Afschar M. La politique européenne en Perse*, p. 51.

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

творцем»²¹⁵. Раболенствуя перед англичанами, Афшар не говорит, кем сделан тогда для Ирана Георг IV, правительство которого толкнуло шаха на войну против России. Он не говорит также, что в 1826 г. царская Россия готовилась к войне против Турции и потому не собиралась открывать второго фронта на Среднем Востоке, пока не встала перед фактом иранского вторжения в Закавказье. Впрочем, это уже признали и современные иранские историки. Например, проф. М. Махмуд указывал, что «поражение Ирана в войне и Туркманчайский договор были выгодны для Англии, которая толкнула Иран на войну против России, так как была заинтересована в ослаблении Ирана и стремилась воспрепятствовать усилению Ирана на афганской и индийской границах в момент, когда английские войска в Индии были заняты подавлением местных восстаний»²¹⁶.

Не питая иллюзий относительно политики царизма на Востоке, проф. М. Махмуд считает не без основания, что «после Туркманчайского мира в Иране консолидировались государственная и национальная жизнеспособность, которые позволили побежденной стране оправиться после войны»²¹⁷, несмотря на то, что «беспрецедентное появление в Иране европейской нации чуть не раздавило слабый и неспособный двор Фатх-Али-шаха»²¹⁸. В то же время, — отмечает далее Махмуд, — в Иране не были знакомы с деятельностью иностранных политических дельцов, руки и ноги которых были связаны провокациями европейской политики»²¹⁹. Махмуд считает, что «европейцы скрывали свои настоящие цели от азиатских народов, чтобы быстро ликвидировать их политическую жизнь» и жалуется, что «Иран был отгорожен от прогресса европейской науки и техники», потому что «расположенная на западе от нее Турция веками граничила с европейскими державами, вертела хвостом в их политической борьбе, сама ничего не извлекла из европейских цивилизаций и ничего не дала Ирану»²²⁰.

М. Махмуд не отрицает, что Туркманчайский договор, и особенно «Акт о торговле», были политическими оковами на руках иранских правителей. «Эти оковы, говорит он, — остались на их руках ровно 90 лет, пока не рухнул высокий царский дворец и

разорвал эти оковы»²²¹. Махмуд недвусмысленно напоминает, что «проснувшиеся нации мира, испытавшие на себе различные несчастия, извлекали уроки из своей истории»²²². В этом отношении М. Махмуд — один из немногих иранских историков считает, что «надо быть признательным событиям той эпохи»²²³, т. е. Великой Октябрьской социалистической революции и заключенному по инициативе В. И. Ленина Советско-иранскому договору 1921 г.

Современные английские историки пытаются затушевать колониальную политику Великобритании на Среднем Востоке и с этой целью повторяют давно опровергнутые версии английских историков — предшественников и очевидцев тогдашних событий. Кей, например, считал, что Англия, дескать, была «только пассивным наблюдателем военной и дипломатической активности России»²²⁴, тогда как на деле Англия вооружала и обучала иранскую армию, а английский поверенный Уиллок и английские офицеры Монте, Гарт и Ши разъезжали по армянским селам и пытались удержать армян от переселения в Восточную Армению²²⁵. При этом «английская миссия употребляла все средства, чтобы остановить переселение»²²⁶, а армяне отвечали им: «лучше есть траву русскую, чем хлеб персидский»²²⁷.

Английская историография выставила Англию защитницей независимости Ирана. «Независимое положение Персии, — писал Макнейл, — сохранялось только благодаря поддержке и помощи Великобритании»²²⁸, несмотря на то, что Англия спровоцировала Иран на войну с Россией и навязала Ирану ряд кабальных договоров.

Менее распространенная английская версия пыталась доказать, что Великобритания, дескать, усилила Россию. «В наших попытках подавить Наполеона, — отмечает историк Конолли, — мы дали силу России, которая потом занимала позицию, которой в свое время добивался Наполеон.

²²¹ Там же.

²²² Там же, с. 209.

²²³ Там же.

²²⁴ Kaye J. W. A History of the War in Afghanistan, vol. I. London, 1878. p. 150, 152.

²²⁵ ЦГНА СССР, ф. 1018, оп. 2, д. 315, л. 1.

²²⁶ АКАК, т. VI, с. 608. (Рапорт полковника Лазарева ген. Паскевичу).

²²⁷ Глинка С. Описание переселения армян азербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М., 1831, с. 48.

²²⁸ Mac-Neill. Progress and present position of Russia in the East, London, 1836, p. 131.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ محمود محمود تاريج روابط سياسي ايران و انگليسي ج ۱.

²¹⁷ Там же, с. 208.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же, с. 207.

Влияние Франции на Иран осуществлялось на расстоянии, а Россия теперь командует на иранской границе»²²⁹. Это заявление Кополи было частью широкой антирусской кампании, предпринятой английскими политиками и прессой в 1828—1829 гг. Джордж де Ласи в своих памфлетах «Замыслы России» (1828 г.) запугивал читателей успехами России в Иране, призывал к созданию антирусской коалиции под эгидой Англии и проповедовал идеи превентивной войны против России²³⁰. Являясь одним из ведущих офицеров оперативного управления Штаба английской армии и ближайшим сотрудником герцога Веллингтона, тогдашнего премьер-министра Великобритании, Эванс предлагал вовлечь Иран в новую войну с Россией и с этой целью обещал Фатх-Али-шаху и Аббас-мирзе вернуть им «все отторгнутые у них территории»²³¹.

Русско-иранская война 1826—1828 гг. и особенно причины этой войны в искаженном виде представлены в немецкой историографии. Широкое распространение получила, в частности, ложная версия о том, что Россия спровоцировала Иран на эту войну. Запись В. И. Ленина, сделанная в «Тетради материалов о Персии» на книгу гамбургского профессора Т. Егера «Персия и персидский вопрос»: «Война Персии с Россией (которая также де втянула Персию в войну, как Англия—буров в 1899 г.)»²³² высмеивает Егера за то, что тот пытался доказать, будто Россия втянула Персию в войну против России. В то время царское правительство избегало второго фронта на Востоке и крайне пугдалась в нейтралитете Ирана, а Англия сперва спровоцировала шаха на войну с Россией, а затем отказалась от предоставления помощи Ирану по Тегеранскому договору, сославшись на то, что Иран был защитником этой войны. Именно поэтому В. И. Ленин заметил, что «Англия надула Персию»²³³.

Новые концепции современной буржуазной историографии США по истории русско-иранских войн и Туркманчайского мира изложены в книге историка Техасского университета в Сан-Антонио Мюрнзела Эткина «Россия и Иран, 1780—1828»²³⁴, изданной в

²²⁹ Conolly A. Journey to the North of India, v. 2, London, 1828, p. 163—177.

²³⁰ *Essays de Locy G.* The designs of Russia London, 1828, p. 163—177.

²³¹ Там же, с. 164.

²³² См. Ленин В. И. Тетради материалов о Персии.—Полн. собр. соч., т. 28, с. 704—705.

²³³ Там же.

²³⁴ Atkin Muriel. Russia and Iran, 1780—1828. The University of Texas at San Antonio, University of Minnesota Press, Minneapolis, 1980.

1980 г. По его мнению «первая русско-иранская война 1804—1813 гг. произошла не только потому, что Аббас-мирза отправил против ген. Цицианова 20 тысячный корпус, а потому, что молодая Каджарская династия видела в России угрозу для своей гегемонии в Закавказье и решила усилить северо-западные провинции»²³⁵. Кроме того, М. Эткин считает, что Каджарской династии нужна была победоносная война, чтобы положить конец междоусобицам между Каджарами и потомками Сефевидов, претендовавшими на власть²³⁶, и в этой связи утверждает, что «Аббас-мирза готовился к войне в течение длительного времени, хотя и выступил с войсками позже намеченного им срока»²³⁷.

Не отрицая агрессивной сущности иранской внешней политики в начале XIX века, М. Эткин признает, что ген. Цицианов «больше был склонен решать спорные проблемы путем переговоров с мусульманскими ханами и не обращал внимания на требования Российского Генерального Штаба перейти к активным боевым операциям»²³⁸. Вместе с тем американский историк пытается ослабить значение решимости России покончить с последствиями агрессивного вторжения войск Ага-Мохаммед-шаха, когда без анализа тогдашних международных отношений утверждает, что экспедиция ген. Зубова, дескать, «была предназначена не для защиты Закавказья, а для глубокой разведки»²³⁹.

Схематично и неточно М. Эткин рассматривает русско-иранские войны, когда считает, что «русско-иранская война началась неудачной русской кампанией в Ереванском ханстве, а завершилась потерей Ираном Ленкорани и Асландуза в 1812—1813 гг.»²⁴⁰. «Русские—отмечает этот автор,—выиграли войну не так, как хотели», так как «для России закавказский театр войны был второстепенным сравнительно с европейским театром, а для Ирана война в Закавказье имела первостепенное значение»²⁴¹. Не говоря ни слова о том, что Иран не имел никаких прав на Закавказье, Эткин сводит весь вопрос к тому, что «для Ирана это была первой для ее истории войной с европейским христианским государством»²⁴², чем и подтверждает свое незнание с иранской историей.

²³⁵ Там же, с. 92.

²³⁶ См. там же, с. 95.

²³⁷ Там же, с. 96.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Atkin Muriel. Russia and Iran, 1780—1828, p. 53.

²⁴⁰ Там же, с. 99.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

М. Эткин отмечает, что вторая русско-иранская война началась не в результате новых противоречий, а была продолжением старых конфликтов²⁴³.

Эткин признает, что война началась с вторжения иранских войск и с захватов пограничных крепостей от Талыша до Баку и Шуши. Однако ход войны описан крайне примитивно: «персы открыли себе дорогу на Елизаветполь, однако, пока Аббас-мирза собирал свои войска в районе Хоя, русские заняли Аббас-Абад, Ереван и Нахичеван, открыли себе дорогу на Тебриз, затем потребовали Ереван и Нахичеван и переселили в Россию всех желающих»²⁴⁴. По мнению М. Эткина, в индийском вопросе английская дипломатия всегда прикрывалась Ираном: «вначале от французов, пока русские не разбили наполеоновскую армию в 1812 г. Когда же в результате этой франко-русской войны угроза французского вторжения в Иран и похода в Индию отпала, англичане стали прикрываться Ираном от потенциальной угрозы русских против Индии и стали поджигателями русско-иранской войны 1826—1828 гг.»²⁴⁵. Развивая эту версию, М. Эткин отмечает еще, что Англия и Франция играли на имперских амбициях Каджаров, во-первых, потому, что не хотели усиления Каджаров на Востоке, а во-вторых, Англия опасалась, что вместе с ослаблением Ирана для России, дескать, откроется прямой путь в Индию, а Франция готовилась к вторжению в Россию и была заинтересована в отвлекающем сосредоточении большого количества русских войск в Закавказье²⁴⁶. «Поэтому—заключает М. Эткин,—Англия и Франция настаивали на продолжении русско-иранских войн и все больше помогали Ирану»²⁴⁷.

Нуждается в существенной поправке и другая точка зрения М. Эткина о том, что «в эпоху наполеоновских войн Франция и Англия пытались использовать Иран для того, чтобы Россия была занята закавказскими проблемами и не лезла в европейскую кашу»²⁴⁸. М. Эткин, по-видимому, не знал, что до заключения Тильзитского мира такую цель преследовала, в основном, французская дипломатия, которая, в отличие от Англии, была заинтересована в ослаблении антифранцузских коалиций в Европе.

Нельзя не обратить внимания на гиперболизацию Эткином роли Ирана, как могучего прикрытия Англии и Британской Индии от Франции и России, разбившей наполеоновскую армию. К тому

же угроза для народов Индии исходила в первую очередь от английских колонизаторов, которые прикрывались ложной и давно разоблаченной версией о русской угрозе Индии для пропагандистского прикрытия своей собственной экспансии в Азии.

Проблема безопасности Индии, в основе которой была гипертрофированная подозрительность Ост-Индской компании ко всем сопредельным с Индией странам, была не единственной причиной, побудившей Англию стать поджигателем русско-иранской войны, которая отвлекала Россию от Османской империи и Восточного вопроса в целом. В этой связи просматривается противоречивая позиция М. Эткина, который использовал в своей книге ряд работ советских, в том числе и армянских, историков по международным отношениям Ирана в начале XIX в., и тем не менее, в одном случае повторяет натасканную версию о русской угрозе Индии, а в другом—не отрицает, что русские не имели своей основной целью проникновение в Индию, несмотря на то, что, по его словам, «еще Павел I угрожал нанести удар по Ост-Индской компании в ее самом чувствительном месте, но только после того, как эта компания пыталась ослабить русскую торговлю в районе Балтийского моря»²⁴⁹. При всем этом М. Эткин не отмечает в своей книге, что Россия, а не Индия подверглась нападению, наполеоновских войск, а русские войска, разгромившие французские полчища, спасли народы Индии от французского нашествия. В целом, работы зарубежных буржуазных историков по проблеме хотя и содержат фактический материал, отличаются отходом от объективной действительности и ярко выраженным субъективизмом, рассчитанным на обман общественного мнения.

²⁴⁹ *Atkin Muriel. Russia and Iran, 1780—1828. The University of Texas at San Antonio, University of Minnesota Press, Minneapolis 1960, p. 66.*

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ *Atkin Muriel. Russia and Iran, 1780—1828, p. 158.*

²⁴⁵ См. там же, с. 166.

²⁴⁶ См. там же, с. 165.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же, с. 160.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БОРЬБА АНГЛИИ, ИРАНА И ТУРЦИИ ЗА ДЕНОНСАЦИЮ ТУРКМАНЧАЙСКОГО ДОГОВОРА И РАЗВЯЗЫВАНИЕ НОВОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ

1. ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛИЗАЦИИ РУССКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СОЗДАНИЯ АНТИТУРЕЦКОЙ КОАЛИЦИИ

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. началась через два месяца после заключения Туркманчайского мира.

Военные действия на Кавказском фронте проходили на территории Западной Армении.

Когда части Отдельного Кавказского корпуса 14 июня 1828 г. форсировали реку Арпачай (Ахуран) в районе Гюмри (Леншанкан), вступили в Карсский пашалык и осадили Карсскую крепость, к русским войскам присоединились тысячи армянских ополченцев.

Еще весной 1827 г. в Тифлисе был сформирован армянский добровольческий полк. Среди добровольцев были армяне из Тифлиса, Карабаха, Карса, Эрзерума, Баязета, Еревана.

В ходе боев на территории Западной Армении к русским войскам присоединились армянские дружины, пехотные и конные батальоны, которые самоотверженно сражались в боях за Карс и Эрзерум. Мужественно воевали две тысячи армян из Баязета. По оценке руководителя Баязетской обороны генерал-майора Попова, «армяне сражались и умирали, как герои». Многие добровольцы за проявленное ими мужество были награждены боевыми орденами и медалями.

Когда 22 июня 1828 г. авангардные части Кавказского корпуса штурмом овладели старинным армянским городом Карс, капитулировал турецкий гарнизон этой крепости, состоявший из 1350 турецких солдат и офицеров во главе с карсским пашой Мохаммед Эмином.

В июле русские войска заняли Ахалкалаки, 15 августа—Ахалцих, 28 августа—Баязет, 12 сентября—Алашкерт. Тогда же армянский добровольческий отряд, действовавший в составе русского корпуса, освободил г. Днадин.

— 212 —

В дальнейшем военные действия на Кавказском фронте были приостановлены и возобновились только в июне 1829 г., когда в результате упорных боев Кавказский корпус овладел Эрзерумом, а в июле занял Байбурт и Хнус. Против турецких войск самоотверженно сражались сосланные на Кавказ декабристы. При взятии Карса, Ахалциха, Эрзерума, Баберда и других городов отличились декабристы А. Бестужев-Марлинский, Пущин М. И., Е. Е. Лачинов, А. С. Гангеблов, П. П. Коновницын, И. Г. Буршев (погиб при взятии г. Баберда в июле 1829 г.). 90 тыс. армян, Карсского, Эрзерумского и Баязетского пашалыков переселились в Восточную Армению и навсегда связали свою судьбу с Россией.

В ходе русско-турецкой войны русская дипломатия стремилась не допустить создания ирано-турецкой коалиции, вопреки усилиям Англии, которая, в свою очередь, добивалась прекращения русско-турецкой войны, так как опасалась распада Османской империи. Кроме того, Англия уговаривала шаха не ратифицировать Туркманчайский договор¹ и заключить военный союз с Турцией. В 1828 г. Англия доставила в Иран из Индии 40 английских офицеров и сержантов² и провоцировала шаха на новую войну против России.

Осенью 1828 г. проблема вовлечения Ирана в войну против России на стороне Турции была предметом обширной переписки между британским премьер-министром А. Веллингтоном и председателем Контрольного Совета Ост-Индской компании Э. Элленборо³.

Через секретаря русской миссии И. С. Мальцова А. С. Грибоедову было известно, что разветвленная сеть английской агентуры была расставлена от Тебриза до Бендер-Бушира⁴, а аккредитованные в Иране английские дипломаты проникали в отдельные пашалыки Османской империи. По архивным данным Паскевича, дипломатов Макдональда можно было встретить в Муше и Малазгирте, где они налаживали связи с турецкими пашами и вождами племен⁵.

¹ Иран ратифицировал Туркманчайский договор в июле 1828 г.—на целое месяца позже России.

² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1018, оп. 2, л. 315, л. 2.

³ См. Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, с. 227—228; Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке, с. 132.

⁴ АКАК, т. VII, с. 196.

⁵ Щербатов М. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. 2, СПб., 1890—1891, с. 103.

Одновременно А. С. Грибоедов добивался у своего правительства сокращения или отсрочки контрибуции, чтобы в обстановке усилившегося проникновения в Иран английского капитала и истощения шахской казны улучшить русско-иранские отношения после заключения Туркманчайского мира. Это было необходимо еще и потому, что в случае неуступчивости царизма в вопросе оставшегося иранского долга⁶ Каджары рассчитывали войти в военный союз с Турцией, восставшей тогда с Россией.

«Я чрезвычайно занят,—писал А. Грибоедов из Тебриза,—наблюдаю, чтобы отнюдь не произошла какая-нибудь мерзость во время нашей схватки с турками»⁷. Эти трудности увеличивались из-за директора Азиатского департамента К. К. Родофинкина, который, ни с чем не считаясь, постоянно требовал «по клочкам выманивать» неуплаченную часть контрибуции. «Сообразите трудность моего положения,—писал ему А. С. Грибоедов,—война с Турцией не кончена, и теперь совсем не те обстоятельства, чтобы с ненадежным соседом поступать круто и ссориться»⁸.

Целенаправленная деятельность А. С. Грибоедова, «заменившего в Иране двадцатитысячную армию»⁹, противодействовала натиску английских и турецких дипломатов, а также реваншистски настроенному русофобскому крылу Каджарской династии.

Когда русско-турецкая война только началась, а вторая русская армия 7 мая перешла Прут и двинулась на Яссы, Тебриз посетил турецкий посол под предлогом поздравления Аббас-мирзы с заключением Туркманчайского мира¹⁰. Ввиду важности миссии этого посла Аббас-мирза и министр Аболь-Касем отправились с ним к шаху в Тегеран. В присутствии английского посла в Иране Д. Макдональда турецкий эмиссар передал шаху просьбу султана о соединении иранской армии с турецкой¹¹. По версии Макдональда, на этом совещании шах не проявил особого энтузиазма—не захотел стать союзником султана, который не раз обманывал его, хотя и согласился оказать Турции дипломатическую поддержку¹².

Дальнейшие события опровергли эту версию Макдональда. Фатх-Али-шах собирался объединить свою армию с турецкой

только после перелома в русско-турецкой войне в пользу Турции, а для изучения военной и дипломатической обстановки отправил в Константинополь двух иранских послов. Один из них, Мохаммед-Шериф-Ширвани (Мулла Шериф), в Константинополе поддерживал контакты с турецким МИД и, в частности, с генсулькютабом Портев-пашой¹³. Другой эмиссар шаха, Садек-хан-воспитанник британского колледжа в Ост-Индии и платный агент Д. Макдональда, тогда же, в мае 1828 г., был отправлен Аббас-мирзой в Турцию под видом персидского купца, направляющегося в Смирну, чтобы осуществлять регулярную связь находившихся в Константинополе европейских миссий с Тегераном и Тебризом.

В Петербурге считали, что в период русско-турецкой войны необходимо добиваться нейтралитета Ирана. Грибоедов не разделял этой точки зрения и в противовес планам Англии и Турции добивался заключения союза России с Ираном, а также Ирана с Месопотамией для расширения фронта борьбы против Османской империи и оказания помощи народам, находящимся под турецким игом.

Грибоедов информировал Нессельроде о том, что Аббас-мирза получил письмо от кербалайского и других шейхов, которые приглашали персов присоединиться к ним для борьбы с султаном. Грибоедов сообщил также о прибытии к Аббас-мирзе Мухаммед-паши-Сулейманийского, который просил войска для похода на Багдад и обещал за это отдать два курура. Грибоедов считал, что Россия не может остаться безучастной к этим возможностям и предлагал использовать удобный момент и вместе с иранскими войсками занять Эрзерум и Багдад¹⁴.

Аббас-мирза часто встречался с Грибоедовым. Добиваясь позволения совершить поездку в Петербург, он рассчитывал заключить военный союз против Турции и просить об уступке двух неуплаченных куруров контрибуции¹⁵. Любопытно, что наследный принц демонстративно готовился в дорогу и даже устроил пышные торжества в честь взятия Варны и возвращения Николая в Петербург¹⁶. Своему министру иностранных дел Грибое-

⁶ На 11 ноября 1828 г. общая сумма иранского долга составляла 1025811 туманов, см. ЦГВИА, д. 4329, ф. ВУА, л. 2—13.

⁷ Грибоедов А. С. Сочинения, т. III, Л., 1945, с. 103.

⁸ Там же, с. 229.

⁹ Записки Муравьева Н. «Русский архив», 1894, кн. I, с. 43.

¹⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1018, оп. 2, д. 315, л. 2.

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 996, л. 40.

¹² АКАК, т. VII, с. 635.

¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4470, л. 70 об.; Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г., М., 1975, с. 78.

¹⁴ Мохаммед-Шериф-Ширвани вернулся в Иран после того, как 30 июня 1829 г. пала Силистрия, а вторая русская армия перешла Балканский хребет.

¹⁵ АКАК, т. VII, № 629.

¹⁶ АВПР, ф. Главный архив, 1—9, д. 13, ч. XI, лл. 6—8 об.; АВПР, ф. Консулы в Тебризе, 1829, д. 4, папка 2, лл. 116—118.

¹⁷ Пашуто В. Т. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. «Исторические записки», т. 24, 1947, с. 144—145.

дов писал, что наследному принцу бесполезно было бы съездить в русскую столицу, а Паскевича просил не преследовать Аббас-мирзу денежными претензиями¹⁸ и «расшевелить сонное министерство иностранных дел». «Напишите,— предлагал Грибоедов,—прямо к государю ваше мнение насчет Аббас-мирзы, что хорошо бы его вооружить против турок»¹⁹.

Сближение Ирана с Россией беспокоило английских дипломатов, которые пытались отговорить Аббас-мирзу от поездки в Россию и сорвать проектируемый союз с Николаем.

Уже на второй день после начала русско-турецкой войны английский посол в Петербурге доверительно писал Аббас-мирзе, что Англия будет «неприятно», если Персия начнет против Турции войну²⁰, однако письмо это не оказало никакого воздействия. Английские дипломаты убедились в твердом намерении Аббас-мирзы вместе с Россией воевать против Турции²¹. После этого вышедшему из повиновения английским резидентам Аббас-мирзе спешно был противопоставлен новый претендент на престол—правитель Шираза принц Хусейн-Али-мирза. Тогда же Макдональд объявил, что если шах объявит султану войну, Англия выступит против Ирана²². Одновременно предпринимались попытки оказать давление и на Россию. В британской печати была поднята очередная пропагандистская кампания под лозунгом «Индия в опасности». Пресса предлагала ликвидировать «русскую угрозу», начать против России войну на иранской территории и «оторгнуть у русских провинции к югу от Главного Кавказского хребта»²³.

Деятельность российского министра иностранных дел не отличалась гибкостью в проведении средневосточной политики и решительностью в отношениях с Англией.

Русская миссия в Тебризе, имевшая двойное подчинение (Министерству иностранных дел в Петербурге и командующему Отдельным Кавказским корпусом в Тифлисе), использовала каждую возможность для проведения самостоятельной политики, отвечавшей интересам России. Однако смелые и далеко идущие

¹⁸ АКАК, т. VII, № 631, 636.

¹⁹ Грибоедов А. С. Соч., т. III, 1945, с. 549 (Грибоедов—Паскевичу, 3 декабря 1828 г.).

²⁰ ЦГИА, ф. 1018; оп. 2, л. 418, л. 6.

²¹ Monteith W. Kars and Erzerum, p. 115.

²² См. Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, с. 207.

²³ Пашуто В. Т. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. «Исторические записки» АН СССР, т. 24, 1947, с. 158—159.

предложения тебризской миссии, требовавшие оперативного решения, были встречены в Петербурге с неизменной холодностью.

Паскевич, от рекомендаций которого зависело многое, был менее скептичен, хотя и не мог не учитывать хорошо знакомых ему настроений царского двора, где он вовсе не собирался создавать впечатления, что целиком разделяет политические концепции автора «Горя от ума». Возможно, это и побудило Паскевича объявить свое «особое» мнение по существу грибоедовских предложений. Не желая осложнять отношений с Грибоедовым, в письме от 5 декабря 1828 г. Паскевич даже одобрил его «осторожное» заявление о том, что занятые русскими Мушский и Баязетский пашалыки, на которые могли рассчитывать Каджары, теперь уже нужны для операций русских войск. В связи с этим Паскевич писал, что успешная операция иранской армии на Багдадском направлении (при содействии арабских шейхов) и занятие русскими Эрзерума принесет России большую пользу, потому что после этого можно будет «наводить ужас по всему Диебектуру» и угрожать, с одной стороны, Сирин, а с другой, соединившись с ваххабитами, ненавидевшими турок, угрожать Мекке и Медине. Развивая эту туманную версию, Паскевич считал еще, что в этом случае турки будут вынуждены бросить против Аббас-мирзы значительную часть своих войск и этим не только облегчат занятие Эрзерума, но и позволят русским проникнуть в глубь Анатолии и поднять там против турецкого правительства часть населения страны. Наряду с этим Паскевич предупреждал, что следует иметь в виду и отрицательные последствия багдадского похода в случае его провала. Генерал сомневался, что в Багдаде все покорится Аббас-мирзе и примут его сторону. Напомнив, что у Каджаров совершенно нет денег, вооружения и войск, Паскевич подчеркнул главную, по его мнению, опасность: «Пламя бунта, распространяющееся во всех южных провинциях Персии, не только не обещает ей успехов в войне внешней, но и при всякой неудаче угрожает всеобщим потрясением и даже падением династии Каджаров» и тогда, считал Паскевич, шейхи, пригласившие наследника в Багдад, вместе с восставшими народами Ирана присоединятся к туркам. В крайнем бессилии Аббас-мирза не сможет сопротивляться внешним и «внутренним врагам, которые прорвутся в Тегеран и «сделают восстание всеобщим». «В этом случае,— рассуждал напуганный призраком восстания Паскевич,— достоинство России и необходимость удержания на персидском престоле Каджарской династии заставит царя оказать помощь шаху и Аббас-мирзе как своим союзникам и отправить им войска за счет ослабления армии, сражающейся с турками, что может даже привести к прекращению военных действий в Малой

Азии»²⁴. Паскевич рекомендовал Грибоедову изучить эти вопросы на месте и, предвещая исход такого «изучения», отметил, что было бы неплохо, если б Аббас-мирза решился на ложный маневр в направлении Багдада с тем, чтобы удержать войска Багдадского пашалыка от их отправки на фронт²⁵.

Паскевич информировал Петербург об этих своих соображениях, изложенных Грибоедову, и таким путем, фактически, отклонил предложения посланника, хотя и добавил от себя, что грибоедовский план можно будет принять в случае вступления Англии в войну на стороне армии султана. Только тогда он считал возможным вовлечь Аббас-мирзу в войну с турками, пообещав ему Багдадский пашалык или Ван и Муш.

Любопытно, что Паскевич даже считал, что Каджары в любую минуту могут перейти на сторону турок или англичан, или их обоих. В связи с этим он просил прислать в Астрахань 10 тысяч солдат, чтобы, как он писал, «быть в состоянии парализовать любые действия англичан и персов»²⁶.

В Петербург были представлены две рекомендации—предложение Грибоедова и контрпредложение Паскевича. При этом Паскевич явно старался играть на реакционных настроениях Николая I и использовать момент для пополнения своих войск новым контингентом. В Петербурге прежде всего обратили внимание на эту тенденцию генерала и, чтобы отвести ее, Нессельроде объявил Паскевичу, что Россия не имеет повода «подозревать лондонский кабинет в каких-либо враждебных против нее намерениях», а потому все предложения подобного рода отпадают²⁷. Это заявление Нессельроде означало, что предложение Паскевича было отклонено. 18 декабря Нессельроде от имени царя ответил Грибоедову на его предложения. Характерно, что предположение Паскевича о неизбежности всеобщего бунта и русских захватах в Турции было отброшено совершенно. Николай I и Нессельроде только указали посланнику, что в обстановке, когда султан собирает против русских все свои силы, «мы с удовольствием взирать будем на его (Аббас-мирзы—Б. Б.) победы и приобретения»²⁸, однако на этом «ограничится все то, что может ожидать Аббас-мирза от нас». Далее указывалось, что Россия не стремится расширить свою территорию за счет Турции, а только

должна обеспечить торговлю в своих южных областях и заставить Порту выполнять договоры.

Нессельроде уверял Грибоедова, что, как только турецкий диван согласится удовлетворить эти требования, войне будет положен конец. В связи с этим у Грибоедова спрашивали: не окажется ли после этого Персия в затруднительном положении и не останется ли она в изоляции, без надежды на помощь России? Далее указывалось, что если Аббас-мирза взвесит все эти обстоятельства и после всего этого не сочтет для себя опасным выступить с походом на Багдад, то Россия отнесется к этому «не иначе, как с удовольствием». Грибоедову предлагалось изложить Аббас-мирзе эту позицию правительства с тем, чтобы, в случае заключения мира между Россией и Турцией, Аббас-мирза не вправе был жаловаться на царя «или негодовать на то, что, начав войну против общего врага, оставлен один для продолжения с ним борьбы»²⁹. В другой части предписания указывалось, что не любовь к России заставляет наследника иранского престола добиваться позволения прибыть в Петербург, а надежда выпросить уступку 9-го и 10-го куруров, и, что еще более вероятно, возвращения Ирану присоединенных к России областей. «Само собой разумеется,—говорилось в предписании,—что домогательства его будут безуспешны»³⁰ и императору будет неприятно во всем и на каждом шагу отказывать гостю, в то время как приличнее потребует принимать его со всеми почестями. Грибоедову предлагалось «приятнейшим образом отклонить домогательства Аббас-мирзы» и указывалось при этом, что, если даже император и решится уступить Ирану два курура, то и в этом случае выгоднее будет отдать их без поездки Аббас-мирзы в Петербург, чтобы избежать обременительных расходов³¹.

Выясняется, таким образом, что Аббас-мирза рассчитывал получить у России военную помощь для войны против Османской империи, а Николай I и его министр иностранных дел не хотели связывать себя договорными обязательствами по этому вопросу, хотя и не отрицали при этом, что «с удовольствием» воспримут поход Аббас-мирзы на Багдад. Царизм собирался только «наблюдать» и «любоваться» багдадским походом, в то время как этот поход вообще не мог состояться без активной поддержки России. Эта установка Петербургского двора не могла ориентировать Грибоедова на успешную дипломатическую деятельность и крайне осложняла его положение. То же самое

²⁴ «Кавказский сборник», т. XXX. Тифлис, 1910, с. 101—104 (Паскевич—Грибоедову, 5.XII.1828 г.).

²⁵ Там же.

²⁶ АКАК, т. VII, № 645 (Паскевич—Нессельроде, 15.XII.1828)

²⁷ АКАК, т. VII, с. 616.

²⁸ «Кавказский сборник», т. XXX, с. 110.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. III.

³¹ Там же.

можно сказать и о позиции царизма в вопросе поездки Аббас-мирзы в Россию. Поскольку в Петербурге знали, что Иран не в состоянии внести 9-й и 10-й куруры и рано или поздно надо будет уступить их шаху, то не было никакой надобности отменять поездку Аббас-мирзы в Петербург. Грибоедов хорошо предвидел благоприятные для России политические последствия этой поездки, и не случайно англичане уговаривали последнего принца не ехать к царю. Для усиления своего влияния в Иране Николай I пожалел средства на угощение Аббас-мирзы в Петербурге. После этого Грибоедову трудно было объяснить Каджарам причины, из-за которых «дружественное государство» отказывается принимать у себя наследника иранского престола. Возможно, что Грибоедов 9 декабря 1828 г. отправился в Тегеран, чтобы не встречаться с Аббас-мирзой и не обострять с ним отношений из-за непоследовательных акций царизма и не допустить английского посредничества в вопросах контрибуции.

Еще накануне отъезда из Тебриза Грибоедов писал: «Поеду к шаху уговорить его уплатить за Аббас-мирзу, хотя очень сомневаюсь, что он заплатит»³². Речь шла о 1025811 туманах, из которых 100 тысяч обесценивались драгоценными камнями, которые шах не собирался выкупить. По английской версии, Макиэль упраскивал шаха одолжить Аббас-мирзе 100 тыс. туманов, чтобы тот выкупил и передал шаху драгоценности, отданные Паскевичу под залог, но шах прогнал его³³. Макдональд передал Грибоедову заверенное шахом гарантийное письмо, где говорилось, что восьмой кукур будет уплачен России полностью, а если Иран будет не в состоянии внести 100 тыс. туманов для выкупа драгоценных камней, то в этом случае сумму внесет английская миссия³⁴.

Англичане по-прежнему опасались, что несвоевременная уплата контрибуции приведет к аннексии русскими войсками северо-западного Ирана и, как видно, еще не знали о принятом 5 декабря решением Паскевича вывести из Хойской области подразделения русских войск с целью переброски их на Баязетское направление в Западной Армении. Независимо от этого Грибоедов активно противодействовал английским дипломатам, которые все это время всячески препятствовали работе комиссии по разгра-

ничению и с этой целью снабдили иранских уполномоченных фальшивой копией Туркманчайского договора, заверенной подписью Макдональда³⁵.

Между тем попытки Грибоедова договориться с Каджарами о контрибуции были обречены на провал. Аббас-мирза уже не мог надеяться, что получит их у Мухаммед-пашы Сулейманпашского после несостоявшегося похода на Багдад и не ждал уступки этих куруров со стороны России после его несостоявшейся поездки в Петербург. Наконец, нельзя было рассчитывать и на уступчивость шаха, который рассчитывал покончить с контрибуцией путем участия Ирана в антитурецкой коалиции и с помощью поездки наследника в Петербург. Теперь же, когда во всем этом было отказано, в русско-иранских отношениях произошла резкая перемена, которую трудно было уловить в блеске придворного и столь же притворного церемониала и в пышных приемах Грибоедова в шахском дворе, но которая явно и очень быстро привела к организации преступного заговора и убийству Грибоедова. Англия участвовала в этом заговоре для того, чтобы вызвать новую русско-иранскую войну, создать антирусскую коалицию, заставить армию султана перейти в контрнаступление и, в конечном итоге, денонсировать Туркманчайский договор.

Эти опасения Англичан были вызваны наступательными операциями русских войск. 11 октября 1828 г. вторая русская армия заняла Варну, а в ноябре 1828 г. русские эскадры блокировали проливы Босфор и Дарданеллы.

Пытаясь не допустить поражения султана, Англия, Франция и Австрия в конце 1828 г. добивались прекращения русско-турецкой войны³⁶ и хотели навязать России свое посредничество на общеевропейском конгрессе. В этих условиях возросло значение Ирана, вступление которого в войну могло затормозить русское наступление на империю султана. Не случайно поэтому в декабре 1828 г., или незадолго до убийства А. С. Грибоедова, султан Махмуд отправил в Тебриз своего дипломата Нанб-эфенди, который от имени султана обещал Каджарам 8 куруров туманов (равные сумме внесенной Ираном контрибуции) за вступление Ирана в новую войну против России³⁷.

³² АКАК, т. VII, № 636 (Грибоедов выехал в Тегеран 9(21) декабря 1828 г.).

³³ Ефремов П. О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране. «Русский архив», 1872, №№ 7—8, с. 1547—1548.

³⁴ «Кавказский сборник», т. XXX с. 96.

³⁵ ЦГА Гruz. ССР, ф. II («Дипломатическая канцелярия наместника Кавказа»), д. 9 («Дело о заключении Россией мира с Персией в Туркманчае»), лл. 28, 28 об.

³⁶ См. Маркс К.—Вильгельму Либкнехту в Лейпциг.—Маркс К., Энгельс Ф., соч., 2-е изд., т. 34, с. 248—252.

³⁷ См. Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в., М., 1958, с. 283—284.

Разработанный Грибоедовым план вступления Ирана в войну против Турции в составе антитурецкой коалиции был основан на глубоком анализе сложной международной обстановки на Ближнем и Среднем Востоке и мог привести к длительной стабилизации русско-иранских отношений и к срыву антирусского заговора в Тегеране.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ УБИЙСТВА А. С. ГРИБОЕДОВА И РАЗГРОМА РУССКОЙ МИССИИ В ТЕГЕРАНЕ

После заключения Тегеранского договора династия Каджаров стремилась отвести от себя возмущение народов Ирана, находившихся в бедственном положении, и направить их гнев против России. При этом Каджары использовали для антирусской пропаганды не только мусульманский фанатизм населения иранской столицы, но и широкую поддержку Англии, заинтересованной в ослаблении в Иране влияния России.

Факты показывают, что Каджары пытались воспользоваться русско-турецкой войной 1828—1829 гг., чтобы в коалиции с Турцией и с помощью Англии начать против России войну в неблагоприятной для царизма военно-политической обстановке, поскольку России пришлось бы воевать на два фронта. Таким путем Каджары рассчитывали денонсировать Туркманчайский договор и отказаться от уплаты оставшейся части контрибуции, а за вступление в войну против России на стороне Турции получить от турецкого султана обещанную денежную компенсацию в размере уже отданных России куруров, а в случае победы ирано-турецкой коалиции установить в Закавказье иранскую власть.

Несмотря на то, что Фатх-Али-шаху и Аббас-мирзе были хорошо известны инициативы А. С. Грибоедова по вопросам стабилизации русско-иранских отношений, сокращению общей суммы контрибуции, организации поездки Аббас-мирзы в Петербург и об отклонении царизмом этих грибоедовских рекомендаций, Каджары возглавляли заговор против русской миссии и при поддержке английской и турецкой дипломатии организовали убийство А. С. Грибоедова.

В целом, антирусский заговор отражал завоевательные устремления Каджаров и колониальные интересы Англии. Показательно также, что в день покушения на русскую миссию в Тегеране не было сотрудников английской миссии. В то же время большинство непосредственных исполнителей заговора—от шипших улемов с Хаджи-мирза-Месихом во главе до Каджарских прин-

цев и министров правительства—открыто регулярно финансировалось Англией, что с головой выдавало англичан как соучастников заговора. Список английских наемников возглавлял экс-премьер-министр Аллаха-Яр-хан, министр иностранных дел Мирза-Аболь-Хасан-хан и губернатор Тегерана принц Зель-эс-султан, который впоследствии (после смерти Фатх-Али-шаха) пытался с помощью Англии захватить шахский престол, затем был освобожден англичанами из заключения и бежал в Багдад под защиту тех же англичан. Столь же откровенно Англия финансировала шахский двор, вооружала иранскую армию, комплектовала ее английскими офицерами и готовила к войне против России. Английские дипломаты мстили А. С. Грибоедову за ирано-турецкую войну, которая в 1821 г. привела к закрытию английской миссии в Тебризе и свертыванию английской торговли.

Об участии Каджаров в организации заговора против русской миссии можно судить по поведению в день заговора самого шаха, его сыновей-принцев и министров правительства.

В качестве повода для убийства А. С. Грибоедова была использована проблема освобождения пленных и подданных России, предусмотренная статьями XII, XIII, XIV и XV Туркманчайского договора. Каджарам надо было затухивать политические мотивы тегеранского заговора, а проблема освобождения пленных открывала в этом вопросе большие возможности.

В распоряжении заговорщиков было мало времени. Не исключено поэтому, что с приездом Грибоедова в Тегеран к нему были подсланы две заложницы из гарема бывшего премьер-министра Аллаха-яр-хана, который имел у себя в гареме десятки наложниц, и ему ничего не стоило расстаться с бывшими христианками—старожилками гарема. Фатх-Али-шах тоже мог обойтись без свнуха Мирза-Якуба, так как в его гареме находились и другие свнухи.

Факты показывают еще, что организация заговора в определенной мере была связана и с системой охраны русской миссии.

Известно, что 29 января А. С. Грибоедов отправил шаху ноту, в которой предупредил о готовящемся заговоре. Однако шах не только ничего не предпринял для усиления охраны русского посольства, а напротив, накануне штурма отозвал иранскую охрану миссии, которая перед уходом оставила на чердаке посольского дома винтовки, растасканные погромщиками во время штурма. В тот же день, когда по настоянию свнуха Манучехр-хана к осаждаемому зданию русского посольства был отправлен вооруженный отряд во главе с тегеранским губернатором Зель-эс-Султаном, солдаты этого отряда, не без предписания своего командира, присоединились к погромщикам и отдали им свое оружие, а сам Зель-эс-Султан вернулся в шахский дворец и обо-

всем доложил шаху, который, по словам английского посла Макдональда, отсиживался в своем гареме и слышал стрельбу и вопли умирающих.

Об этих кровавых событиях раньше других должны были знать мехмандар, неотлучно сопровождавший Грибоедова, и помощник мехмандара, от имени которого англичане сфабриковали фальшивку—«Реляцию о гибели Грибоедова», не подозревая, что этот помощник мехмандара ничего не видел и потому не мог быть свидетелем событий.

Поведение Фатх-Али-шаха после разгрома миссии тоже выдавало его как организатора преступления. То он хотел убить оставшегося в живых Мальцова как очевидца разгрома русской миссии, то он разослал своим сыновьям письма, с расчетом, что они будут перехвачены и прочитаны русской разведкой и создадут впечатление непричастности шаха к убийству русского посла. Однако не менее важно отметить, что Фатх-Али-шах и соратники английского посольства в Тегеране мстили А. С. Грибоедову и после его смерти. В течение пяти дней изрубленное тело Грибоедова вместе с другими трупами оставалось в яме во дворе миссии, а перенос разрубленного тела посланника в армянскую церковь осуществлялся не правительством, а частными лицами и по инициативе армянской церкви. Более того, в Тегеране и Тебризе шах и Аббас-мирза не оказывали никаких, в том числе и формальных, почестей убитому Грибоедову. Для отправки гроба в Тифлис была выделена лишь одна лошадь с двумя мешками, набитыми соломой, а в Тебризе англичане всячески препятствовали тому, чтобы тело А. С. Грибоедова было внесено в город.

Другим соучастником разгрома русской миссии была султанская Турция. Известно, что турецкие войска потерпели поражение на двух театрах войны—Балканском и Кавказском. В этих условиях турецкое командование надеялось облегчить свою участь выступлением Ирана на стороне Турции и денонсацией Туркманчайского договора. Миссия двух турецких дипломатов в Иран в апреле и декабре 1828 г. по вопросу вступления Ирана в войну и, соответственно, миссия двух иранских дипломатов в Турцию для наблюдения за ходом войны и выжидания перелома в ходе войны в пользу турок были звеньями в общей цепи тегеранского заговора. Однако наиболее четко цели и действия заговорщиков обнажились после убийства А. С. Грибоедова. Эти цели и действия прослеживались на заседаниях и в решениях турецкого дивана, посвященного тегеранскому заговору, в медленной 66-ти дневной поездке принца Хосров-мирзы в Петербург и особенно в действиях Фатх-Али-шаха. Несмотря на инспирированное в феврале 1829 г. турецкими войсками наступление в районе Ахалциха для того, чтобы с помощью Англии толкнуть Иран

на новую войну против России, Фатх-Али-шах не спешил форсировать события. Он решил не проиграть при любом исходе русско-турецкой войны (1828—1829 гг.) и занял выжидательную позицию с тем, чтобы максимально использовать обстановку, возникшую в результате разгрома русской миссии и русско-турецкой войны.

Угрозы английских и турецких дипломатов, а также Паскевича не изменили позиции шаха, который в ожидании исхода русско-турецкой войны отклонил как предложение Паскевича о вступлении Ирана в войну против Турции на стороне России, так и предложение султана о вступлении Ирана в войну против России на стороне Турции. Эту политику шах прикрывал средствами дипломатии: туркам обещал выступить на их стороне, а в Россию (после угрозы Паскевича перейти Каflan-кух и уничтожить династию Каджаров) был вынужден отправить искупительное посольство с задачей находиться в пути до получения верительной грамоты шаха и решающего перелома в летней кампании русско-турецкой войны.

Не зная этих намерений шаха, Англия и Турция не скрывали своего возмущения поездкой Хосров-мирзы, которая, по их расчетам, отдаляла или вовсе могла помешать заключению военного союза между Ираном и Турцией. На дипломатические акции шаха англичане ответили новыми угрозами: уверяли Аббас-мирзу, что посольство Хосров-мирзы приведет к разрыву ирано-турецких отношений, угрожали оказанием поддержки наместнику Фарса, претендовавшему на престол, и одновременно готовили покушение на жизнь Аббас-мирзы, отправившего в Петербург своего сына; стремились ослабить антитурецкие сепаратистские тенденции арабских шейхов, чтобы не допустить образования ирано-месопотамского союза; спровоцировали репрессии против персидских купцов в Турции. Анализ показывает, что, оказавшись в затруднительном положении, шах не отклонился от намеченного им курса. Чтобы отвести угрозы Англии и Турции, Фатх-Али-шах стал собирать в Марате войска и муссировать слухи, что предназначаются они для войны против России, а русских в это время просил не верить этим слухам. Эта политика «выжидания» продолжалась не более четырех месяцев (февраль-май 1829 г.), так как неудачи турецкой армии заставили шаха отказаться от союза с султаном и третьей войны против России. «Хорошо, что война эта не началась, ибо закончилась бы она для Ирана потерей всего Азербайджана»³⁸,—пишет тебризский историк, проф. Таджабахш.

تاجبخش احمد، تاريخ روابط ايران و روسيه در نيمه اول قرن نوزدهم،
تبريز، ۱۳۳۷، ص ۱۳۴

Провал реваншистской политики иранской, английской и турецкой дипломатий, добивавшихся денонсации Туркманчайского договора и новой войны Ирана против России, был предрешен активными контрмерами русской дипломатии и операциями русских войск на Кавказском фронте русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

После убийства А. С. Грибоедова в правящих кругах России не могли не признать, что при жизни русского посла они ошибочно отменили его важные политические и экономические инициативы и тем самым оставили посла без всякой защиты. Только после разгрома русской миссии царское правительство было вынуждено с большим опозданием вернуться к выполнению грибоедовских рекомендаций по стабилизации русско-иранских отношений и сокращению контрибуции.

Анализ показывает, что в Российском Министерстве иностранных дел во время разобрались в политических мотивах убийства А. С. Грибоедова и приняли надлежащие меры для срыва последствий заговора.

Командованию Отдельного Кавказского корпуса известно, что для вовлечения Ирана в войну против России в конце февраля 1829 г. турецкое командование блокировало Ахалцихскую крепость, а 30 июня и 2 июля предприняло наступление турецких войск на Карс. Однако эти попытки турецкого командования были провалены войсками ген. Паскевича, которые прорвала блокаду Ахалцихской крепости и нанесли туркам два сокрушительных удара в районе Карса.

Одновременно русская дипломатия и командование стремились ускорить поездку в Петербург иранской искупительной миссии, чтобы избежать второго фронта и третьей войны с Ираном.

С этой целью ген. Паскевич оказывал на Фатх-Али-шаха и Аббас-мирзу дипломатическое давление. В апреле 1829 г. он демонстративно собрал в Астрахани 30-и тысячную армию и отправил в Тебриз своего адъютанта князя Кудашева с письмами для наследного принца. В этих письмах Паскевич угрожал низвергнуть Каджарскую династию, присоединить к России Южный Азербайджан и рекомендовал начать войну против Турции, чтобы доказать непричастность шаха к убийству русского посла.

И, поскольку Каджары стремились воспользоваться убийством русского посла для развязывания новой войны, царская дипломатия сфабриковала официальную версию о непричастности Каджаров к тегеранскому заговору и виновности Грибоедова в собственной гибели.

По указанию царя министр иностранных дел России Нессельроде 16 марта 1829 г. написал Паскевичу: «Его величеству

отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской»³⁹.

Выполняя это предписание Николая I и графа Нессельроде, Паскевич заставил Мальцова, как единственного свидетеля, описать обстоятельства убийства А. С. Грибоедова в духе указаний царя от 16 марта 1829 г., а когда принц Хосров-мирза во главе искупительной миссии прибыл в Петербург, российское министерство иностранных дел оказалось перед сложной задачей, так как персидские письма Фатх-Али-шаха, подлежащие оглашению на официальном приеме принца, не создавали впечатления, что А. С. Грибоедов был жертвой своих «опробетчивых порывов усердия», приписанных ему царем и его министром иностранных дел.

«Пусть не останется тайной от жаждующего правды императора Всероссийского,—говорилось в послании Фатх-Али-шаха,— что вследствие случайности и волнения темных людей пострадал посланник государства Российского в столице нашей державы, возмещение коего ущерба является нашей обязанностью». Шах писал еще, что «считает своим долгом отомстить за смерть посланника», и что он уже «наказал городского пристава, старшину района и аятоллу Мирза Месиха»⁴⁰.

Из этого же письма стало известно о существовании другого послания шаха Николаю, скорее всего грамоты, которая была найдена нами в фондах Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР. В грамоте, в частности, указывается: «Никакой благоразумный человек никогда не мог покуситься на подобное дело. Милосердный Боже! Возможно ли подозревать, чтобы наши визирь принял участие в этом ужасном происшествии в то самое время, когда новый, счастливый мир, источник радости и благополучия, венчал желания обеих держав. Хотя драка между людьми посланника и чернью, столь внезапно возникшая, что невозможно было оказать никакой помощи, была причиной сего ужасного происшествия, визирь наш перед Вашим Величеством покрыт пылью стыда, и лишь струя извинения может отмыть их лица»⁴¹.

³⁹ «Кавказский сборник», т. XXX, с. 170.

⁴⁰ قدون سيد محمد، منتخب الادب (از منشآت قاهره)، ج ۱، ص ۹۹.

⁴¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, л. 40, л. 35 об. В деле хранится фотокопия французского и русского перевода полного текста. Персидского текста этой грамоты шаха в архиве не оказалось.

Таким образом, грамота тоже опровергает версию царизма. Видимо, оба послания как раз потому и не были преданы гласности, что они несоответствовали смыслу официальной версии. Иранский проф. М. Махмуд, ссылаясь на «Путевые записки» хрониста Мирза-Мустафы, находившегося в свите принца Хосров-мирзы во время его поездки в Петербург, указывает, что накануне официальной аудиенции у Николая ген. Сухтелен попросил Хосров-мирзу написать краткий текст своего выступления. Сопровождавшие принца переводчики Мирза-Масуд и Эхтешам составили это выступление, перевели на французский язык и передали ген. Сухтелену⁴². Просьба Сухтелена объяснялась тем, что для царя было желательнее ответить не на грамоту шаха, опровергавшую версию самодержавия, а на речь принца, которая могла быть более неопределенной⁴³.

Между тем речь Хосров-мирзы тоже не соответствовала духу официальной версии царизма.

В персидском тексте выступления Хосров-мирзы, опубликованном проф. М. Махмудом, отмечалось:

دولت با انصاف و با دامت اعلم حضرت شاهنشاهی ایران بخیر اینکه
یا که مشت بد اندیش بدست فتنه و فساد تواند و رابط صلح و اتحاد را
که تازه با پادشاه بزرگ روسیه مستحکم باشد. هر هم زند از تغییر
مرتعش شد⁴⁴

«Правительство Его Величества шахиншаха Ирана приняло в содрогание от гнева при мысли, что горсть злоумышленников, направляемых рукой провокаций и интриг, может нарушить мирные и союзные отношения, восстановленные и укрепленные недавно с Великим Государем России»⁴⁵.

Сличив опубликованный официальный русский перевод текста речи Хосров-мирзы с персидским текстом, мы выяснили, что переводчик Нессельроде изменил смысл речи Хосров-мирзы. После слов: «Ужаснулось праведное сердце Фатх-Али-шаха при мысли, что горсть злодеев может привести к разрыву мир и союз между Его Величеством шахиншахом и великим монархом

⁴² محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۲۲۷.

⁴³ См. Балаян Б. П. Иранская историография о гибели А. С. Грибоедова. — В жур.: История СССР, № 6, М., 1964, с. 188.

⁴⁴ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۲۲۷.

⁴⁵ См. Балаян Б. П. Фальсификация истории гибели А. С. Грибоедова в современной иранской историографии. — «Историко-филологический журнал» АН АрмССР, № 2, Ереван, 1962, с. 127.

России»⁴⁶ была выброшена следующая строка: «горсть злоумышленников, направляемых рукой провокаций и интриг», так как именно это часть персидского текста снимала вину с А. С. Грибоедова и могла вызвать подозрения в ответственности иранского и английского правительств за совершенное преступление.

Таким образом, письма шаха и речь Хосров-мирзы в Петербурге опровергают официальную версию царизма, обвинившую А. С. Грибоедова в собственной гибели.

Может показаться, что после окончания русско-турецкой войны в августе 1829 г. (а именно тогда Хосров-мирза был принят царем), России не следовало опасаться второго фронта на Востоке, искажать перевод речи Хосров-мирзы и снимать ответственность с подлинных организаторов заговора.

Не исключено также, что упрямому навязыванию ложной версии о виновности Грибоедова в собственной гибели способствовали известный консерватизм и догматичность мышления царского министра иностранных дел графа Нессельроде, оберегавшего политическую обидчивость Англии.

Однако, несмотря на благоприятный исход двух войн России против Ирана и Турции, нельзя не учитывать и того, что царизм добивался преобладания в Иране в упорной борьбе с Англией, а Туркманчайский договор в значительной мере обеспечил это преобладание. Поэтому Николай I простил Фатх-Али-шаху убийство А. С. Грибоедова, девятый курур контрибуции, а выплату последнего курура продлил на 5 лет.

Что же касается Каджаров, то «умеренность русского царя после трагического происшествия с Грибоедовым, — писал иранский историк М. Афшар, — крайне удивила Фатх-али-шаха, которому казалось, что Россия и Иран находились на волоске от войны. После этого шах разочаровался в Англии неизмеримо больше, чем в свое время Францией»⁴⁷.

Несмотря на две войны с Россией и Туркманчайский мир, Иран в союзе с Англией и Турцией добивался новой войны, чтобы установить иранскую власть в Закавказье. Однако цели не достиг благодаря противодействию русской дипломатии и победе русских войск над армией турецкого султана.

На войну с Россией Фатх-Али-шаха подталкивала английская дипломатия.

Нельзя снимать ответственность за убийство А. С. Грибоедова и с царизма, чья внешняя политика позволила осуществить эту кровавую провокацию. Отклонив, вопреки интересам России,

⁴⁶ «Кавказский сборник», т. XXX, с. 209.

⁴⁷ Afshar M. La politique Européenne en Perse, Quelques pages de l'histoire diplomatique, Berlin, 1921, p. 61-62.

экономические, дипломатические и военные проекты А. С. Грибоедова, царизм фактически лишил автора «Горя от ума» необходимой поддержки. Не исключено, что эта политика самодержавия была продолжением ареста и допросов А. С. Грибоедова в Петропавловской крепости по делу декабристов.

Заслуживает осуждения вымышленная версия царя и министра иностранных дел России графа Нессельроде о виновности А. С. Грибоедова в своей гибели, несмотря на то, что объективно эта версия была направлена против организаторов антирусского заговора в Тегеране, хотя и искажала политические мотивы убийства русского посла.

Чтобы не начинать новую войну с Ираном и не воевать на двух фронтах против Ирана и Турции одновременно, царизму не следовало сваливать вину заговорщиков на своего посла.

Факты показывают еще, что версия царизма о виновности А. С. Грибоедова послужили поводом для дальнейших фальсификаций политических мотивов убийства А. С. Грибоедова и, в первую очередь, всего того, что касалось освобождения военнопленных и подданных России, предусмотренных Туркманчайским договором. Более того, эта вымышленная версия царизма о виновности Грибоедова в своей гибели официально еще не опровергнута, хотя и в искаженном виде обошла мировую литературу. В итоге, версии царизма воспользовались английские и иранские буржуазные историки, чтобы затушевать соучастие Ирана и Англии в убийстве А. С. Грибоедова. Показательно в этом отношении заявление иранского историка Шафин Джавади в 1971 г.: «Поскольку русские историки уже доказали, что Грибоедов был виновен в своей смерти, иранским историкам по этому вопросу нечего что-либо сказать или добавить, тем более, что русское правительство было занято войной с Турцией, событиями на Балканах и не начало третью войну против Ирана»⁴⁸. Иранский историк Мохаммед Хеджази тоже утверждает, что виновность Грибоедова в своей собственной смерти доказал оставшийся в живых (из членов грибоедовской миссии) Мальцов⁴⁹.

К сожалению, отдельные советские историки тоже необоснованно отрицают политические мотивы убийства А. С. Грибоедова. О. П. Попова, например, без всякого основания осуждала «некорректное», по ее словам, поведение А. С. Грибоедова в разговоре с шахом. Эта ошибка О. П. Поповой была вызвана некритическим использованием ею английской фальшивки — анонимного «рассказа персиянина», марандского хана Назар-Али-хана, ко-

торый сопровождал Грибоедова, однако за день до разгрома русской миссии был отозван тегеранским губернатором принцем Зель-эс-султаном и, следовательно, свидетелем событий быть не мог. Только позднее, под диктовку английских дипломатов он написал так называемую «Реляцию происшествий, предварявших и сопровождавших убийство членов последнего русского посольства в Персии». О. П. Попова не знакома с работой проф. С. В. Шестаковича «Происхождение «Реляции» о гибели грибоедовской миссии»⁵⁰, в которой доказывается английское происхождение этой фальшивки.

Некритически отнесся к неправдоподобным версиям подполковника И. О. Симонича советский исследователь проф. Д. С. Комиссаров. Известно, что в 1826 г. И. О. Симонич командовал грузинским гренадерским полком в Тифлисской губернии, мечтал о дипломатической карьере и, подделываясь под настроение Паскевича, рассказывал ему о Грибоедове всякие небылицы, свидетелем которых не был. В статье «Убийство русского посланника» И. О. Симонич писал, в частности, что после аудиенции шах уходил от Грибоедова в крайнем раздражении⁵¹. Своей цели Симонич все же добился в 1883 г., когда стал послом в Иране.

Таким образом, отрицающая политические мотивы убийства русского посла А. С. Грибоедова версия царизма о том, что иранский шах и наследник престола, дескать, были «чужды гнусному и бесчеловечному умыслу» и что «сие происшествие должно приписать опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, не соображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской», является извращением исторических фактов царизмом.

3. ИРАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ГИБЕЛИ А. С. ГРИБОЕДОВА

Заговор против русского посольства в Тегеране, приведший к кровавой развязке, как правило, искажается в зарубежной буржуазной историографии.

Советские историки (Пашуто В. Т., Шостакович И. К., Семенов Л. С., Базиянц А. П. и др.) разоблачили фальсификацию истории гибели А. С. Грибоедова в английской историографии. Однако иранская историография, посвященная истории гибели А. С. Грибоедова, изучена неполно⁵².

⁵⁰ См. «Труды Иркутского университета», т. XVI, вып. 3, 1956.

⁵¹ См. Комиссаров Д. С. Иранские авторы о гибели А. С. Грибоедова. «Вопросы истории» № 8, 1975, с. 188—195.

⁵² См. Байбурди С. Новое о гибели А. С. Грибоедова (по данным иран-

شفيح جواد، تمیز و پسنه، سردر، ۱۳۳۵، ص ۴۵

محمد حجازی، میهن ما، تهران، ۱۳۳۸، ص ۱۵۱

Профессор Махмуд Махмуд в XVI главе первого тома «Истории англо-иранских дипломатических отношений в XIX веке», озаглавленной «Дело об убийстве полномочного министра России Грибоедова», связывает причины разгрома русской миссии в Тегеране с деятельностью английской дипломатии. «Грибоедов был убит руками невежд, через год после подписания Туркманчайского договора», — подчеркивает М. Махмуд и поясняет, что погромщики были «жертвами провокации вокруг вопроса о пленных» и что «Грибоедов тоже пал жертвой тайной интриги тех, кто, пользуясь слабостью Ирана, сеял смуту и сверг Иран в полосу осложнений»⁵³.

Анализируя причины, приведшие к гибели сотрудников русской миссии, М. Махмуд отмечает, что «конфликт произошел не из-за Грибоедова». «Все несчастья Ирана, — замечает он, — были связаны с англо-русской борьбой. Преобладание России в Иране после заключения Туркманчайского договора значительно обострило эту борьбу, так как англичане не отказывались от Ирана, рассматривая его территорию как зону политической битвы с Россией». Связывая убийство А. С. Грибоедова с этой борьбой, М. Махмуд приходит к выводу, что «...всех этих экономических завоеваний, которых русские добились с помощью Туркманчайского договора, англичане стали добиваться другими путями»⁵⁴. «Правительство Ирана, — признает далее М. Махмуд, — уже не ожидало опасности со стороны России, которая добилась установления естественной границы по Араксу, и других претензий к Ирану не имела. К тому же в результате изменения политической обстановки в Европе правительство России хотело сотрудничать с Ираном и старалось привлечь Иран на свою сторону». «Чтобы приобрести доверие иранских правящих кругов после тяжелого для Ирана Туркманчайского мира, Россия пыталась хорошо и осторожно обращаться с Ираном... что можно было наблюдать и после убийства Грибоедова, когда царь фактически закрыл глаза на убийство русского посла». «Именно этот новый

дружественный курс русской политики, — пишет М. Махмуд, — изменил отношение Англии к Ирану, несмотря на то, что Фатх-Али-шах целиком находился в руках Англии, политические агенты которой до 1830 г. были единственными советниками шаха и его двора. И надо быть благодарным тогдашнему иранскому правительству, — заключает М. Махмуд, — за то, что оно в тех исторических условиях, без обращения к третьей стране (Англия — Б. Б.) непосредственно обратилось к русским властям и таким путем ликвидировало конфликт, вызванный убийством Грибоедова»⁵⁵.

Однако, справедливо обвиняя Англию, М. Махмуд умалчивает об ответственности Каджаров за разгром русской миссии в Тегеране. Между тем убийство А. С. Грибоедова и его сотрудников было результатом политического курса, проводимого правительством шаха после заключения Туркманчайского договора.

На таких же позициях стоит профессор Моатамед, который в «Истории ирано-турецких политических отношений» заявляет, что «Англия всегда преследовала реакционные цели в отношении Ирана, а иранцы думали, что англичане оберегают их от русской опасности»⁵⁶. Такого же мнения придерживается профессор Тегеранского университета Фаридун Адамнат, который в исследовании «Амир Кабир и Иран» признает, что «А. С. Грибоедов был убит в результате удивительной цепи интриг и козней» и призывает иранских историков «обратить внимание на эту сторону политической истории Ирана»⁵⁷.

Среди тех, кто отрицает политический характер разгрома русской дипломатической миссии в Тегеране, неприглядную роль играет проф. А. Бина. Защищая заведомо ложную концепцию, он не мог не прибегнуть к ложным доказательствам: «Бестактное, грубое поведение спутников Грибоедова в Тебризе, — пишет Бина, — озадачило Аббас-мирзу, который через мехмандара обратил внимание Грибоедова на недисциплинированное, неприличное поведение его спутников»⁵⁸. В чем же выражалось это «грубое поведение»? Оказывается, в том, что каждый русский потреблял

⁵³ محمود محمود تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس ص ۱۱۱-۱۱۲

⁵⁴ معتمد محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و عثمانی، جلد ۲، تهران ۱۳۲۶، ص ۱۴۲

⁵⁵ آذمیت فریدون، امیر کبیر و ایران، چاپ دوم، تهران، ۱۳۴۴، ص ۶۶

Амир Кабир был видным государственным деятелем Ирана. Его политическая карьера началась после убийства А. С. Грибоедова, когда Амир Кабир отправился в Петербург в составе искупительной миссии.

⁵⁶ بینا علی اکبر، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران، جلد اول، از گلناباد تا ترکمن چای، ۱۳۴۴-۱۳۴۵ (هجری) تهران، ۱۳۴۴، ص ۲۵۱

ской печати). — В жур. «Русская литература», Л., 1959, № 4; Балаян Б. П., Фальсификация истории гибели А. С. Грибоедова в современной иранской историографии. — «Историко-филологический журнал», Ереван, 1962, № 2(17), с. 118—130; его же. Иранская историография о гибели А. С. Грибоедова. — В жур. «История СССР», М., 1964, с. 183—189. Его же. Кровь на алмазе «Шах», Трагедия А. С. Грибоедова. Ереван, 1983. Его же. Международные отношения Ирана в 1813—1828 гг., Ереван, 1967, с. 244—261; Комиссаров Д. С. Иранские авторы о гибели А. С. Грибоедова. — В жур. «Вопросы истории», М., 1975, № 8, с. 188—195; Базиянц А. П. Над архивом Лазаревых, М., 1982, с. 122—147.

⁵³ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۱۱۱-۱۱۲

⁵⁴ Там же.

до 20 кг продуктов ежедневно! Версия проф. Бина в худшем виде воспроизводит тенденциозный анонимный «Рассказ персиянина», так называемую «Реляцию происшествий, предварявших и сопровождавших убийство членов последнего российского посольства в Персии»⁵⁹, впервые опубликованную в 1830 г. на английском и французском языках⁶⁰.

В 1975 г. советский исследователь Д. С. Комиссаров обратил внимание на то, что 6 сентября 1819 г. А. С. Грибоедов жаловался Мазаровичу, что приставленный к нему «мехмандар—палач и вор, которого мне придали, я думаю, нарочно, чтобы я лопнул от бешенства. В Альваре он хлебом выдал половину, а мясом одну треть того, что указано в фирмане; вместо всего остального он собрал контрибуцию телятами, но их не доставил»⁶¹. Вполне очевидно, что недовольство населения вызывал этот приставленный мехмандар, а не Рустам-бек, который, по словам секретаря грибоедовского мехмандара, автора «Реляции», сам не покупал продовольствия, а только получал все необходимое от мехмандара и распределял между сотрудниками миссии⁶².

Столь же несостоятельна версия третьего сына Аббас-мирзы—принца Джахангир-мирзы, рукописи которого были обнаружены тегеранским профессором Эгбалом и впервые опубликованы в 1948 г. под названием «Новая история»⁶³. Извращая факты Джахангир-мирза писал, что «все мусульманки, которых приводили в миссию, оставались там на ночь под наблюдением Грибоедова». И далее: «Посланник отказался опрашивать наложницу из гарема первого министра Аллах-Яр-хана в присутствии его людей, оставил эту пленницу в помещении миссии, а сопровождавших ее иранцев отправил обратно»⁶⁴. Проф. Али Акбар Бина

⁵⁹ Грибоедов А. С. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», Л., 1929, с. 151—184.

⁶⁰ Подлинник этой реляции, так же, как и имя ее автора—секретаря тавризского мехмандара Назар-Али-хана, неизвестны. Надо полагать, что эта реляция является англо-иранской, и, возможно, еще и французской версией, имевшей целью отвести политические причины разгрома русской миссии.

⁶¹ Грибоедов А. С. Соч., М.—Л., 1959, с. 512.

⁶² См. Комиссаров Д. С. Иранские авторы о гибели А. С. Грибоедова. «Вопросы истории», № 8, М., 1975, с. 190—191.

⁶³ После убийства А. С. Грибоедова Джахангир-мирза находился в составе некупительной миссии своего брата Хосров-мирзы. После возвращения из Петербурга оба они по фирману Мохаммед-шаха были ослеплены и отстранены от борьбы за престол. Свои рукописи Джахангир-мирза писал слепым.

«развивает» эту версию: «Грибоедов оставлял пленниц в помещении миссии вопреки их желаниям»⁶⁴.

Беспочвенность этих домыслов очевидна. Уцелевшие первый секретарь миссии Мальцов и переводчик Меликов указывали, что пленницы опрашивались публично, а в миссии оставались по их же просьбе, чтобы вернуться на родину⁶⁵. К тому же в комнатах, где содержались эти женщины (которых было опасно оставлять на прежних местах жительства), был приставлен караул из солдат иранской охраны миссии⁶⁶.

Этим версиям противоречит тезис проф. А. Эгбала, согласно которому все думы и желания Грибоедова были устремлены к горячо любимой им красавице жене, которую он оставил в Тебризе и из-за которой спешил закончить дела, не заботясь о выполнении отдельных статей Туркманчайского договора⁶⁷. Эгбал стремится создать впечатление, что русский посланник не уделил достаточно внимания проблеме освобождения пленных, и потому сам виновен в собственной гибели. Однако этим Эгбал опровергает А. Махмуда: «Грибоедов настойчиво требовал освобождения и возвращения пленных на родину на основании Туркманчайского договора. Но провокации вокруг этого вопроса привели к тому, что жители Тегерана закрыли базар и разгромили русскую миссию»⁶⁸.

Общая оценка причин, приведших к разгрому русской миссии, изложена Хедаятом в его хронике прошлого столетия, переизданной в 1959—1961 гг. под названием «История сада чистоты». Грибоедову адресуется упрек в том, что он не считался с тем, что многие пленницы приняли мусульманство, имели детей и находились в Иране чуть ли не со времен Керим-хана Зенда (умер в 1779 г.). Поэтому мусульмане не разрешали христианам посещать их дома для выявления пленных и подняли восстание. Автор хроники уверяет, что тысячи горожан, вышедшие из повиновения, не послушали бы и самого шаха⁶⁹.

⁶⁴ جهانگیر میرزا، تاریخ نو، شامل حوادث دوره قاجاریه، تهران، شهریور ۱۳۲۷ ص ۱۲

⁶⁵ یمنا علی اکبر، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران، ص ۱۵۲

⁶⁶ «Кавказский сборник», т. XXX, Тифлис, 1910, с. 162; Петров Г. М. Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова. «Ученые записки Института востоковедения», т. VIII, М., 1953, с. 158; Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, М., 1960, с. 224.

⁶⁷ اقبال عباس، تاریخ مفصل ایران از استیلاي مغول تا انقراض قاجاریه، تهران، ۱۳۴۰ ص ۲۴۵

⁶⁸ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۲۳۲

⁶⁹ رضا قلی خان هدایت، تاریخ روضت الصفائی ناصری، تهران جلد ۹، ص ۷۰۷-۷۰۹

Нельзя не заметить, что Хедаят пытается использовать ислам для оправдания завоевательных походов шахских войск в Закавказье и бесправного положения пленных. Известно, что в числе пленных, освобожденных А. С. Грибоедовым, был и евнух из гарема шаха Мирза-Якуб, сообщивший русскому посланнику адреса других пленных. Его дело было искусственно раздуто и фактически стало находкой для оправдания организаторов заговора. Не добившись выдачи Мирзы-Якуба, иранские власти обвинили его в похищении сокровищ шаха. Джахангир-мирза ввел в оборот предположение о том, что на Мирза-Якубе лежит вина и за нападение на русское посольство. Каджарский принц утверждает, что евнух «в присутствии Грибоедова осыпал бранью иранцев, пришедших с просьбой освободить женщин, после чего с крыш и стен соседних домов люди посланника открыли стрельбу, убили и ранили многих мусульман»⁷⁰. Хедаят еще более сгущает краски: «Посольская охрана взобралась на крыши здания и из винтовок расстреливала иранских детей»⁷¹. Версия придворных хронистов прошлого века раздувается современными авторами. По версии тебризского профессора А. Тадджахша, «Мирза-Якуб приказал посольской охране стрелять в собравшийся народ»⁷².

Иранские историки обходят статьи Туркманчайского договора, касающиеся освобождения пленных, в то время как именно они были использованы Каджарами при провоцировании разгрома русской миссии. Для А. С. Грибоедова — прогрессивного мыслителя и гуманиста — борьба за возвращение пленных на родину была не только официальной обязанностью, но и человеческим долгом.

Что же касается шаха, то он не осмеливался официально препятствовать выполнению статей Туркманчайского договора о пленных. Однако он не препятствовал тем, кто прятал пленных и подданных России, зачислял их в солдаты, продавал в рабство, а женщин помещал в гаремы.

Иранские историки И. Теймури, Н. Навваб и Дж. Каем-Могам ставят в вину Грибоедову то, что он требовал строгого выполнения Туркманчайского договора (своевременной выплаты контрибуции, возвращения пленных и т. п.). Но А. С. Грибоедов для того и был послан в Тегеран, чтобы добиться выполнения статей трактата. Он действительно проводил твердую политику в вопросе возвращения пленных и подданных, а в отношении кон-

трибуции предлагал царскому правительству облегчить выплату оставшихся двух куруров долга, либо отказаться от них, чтобы не осложнять и без того тяжелое финансовое положение Ирана. И не вина Грибоедова, что царское правительство требовало, чтобы он добивался неукоснительного выполнения иранской стороной своих обязательств, не считаясь с реальной ситуацией, а потом обвинило его в жестокости и прямолинейности действий. Эти обвинения затем в разных вариантах повторяли политические и государственные деятели Ирана⁷³.

Учитывая поражение Ирана в войне, тяжелые налоги, которыми облагалось население для выплаты контрибуции, а также религиозный фанатизм иранцев и их нежелание расстаться с пленными, можно понять, что отношение некоторой части населения Тегерана к русскому посольству было неприязненным. Однако бесспорно и то, что существовал разработанный в деталях заговор проанглийски и реваншистски настроенного крыла иранских правящих кругов и реакционной части тегеранского шиитского духовенства, возглавляемого Мирза-Месихом.

Накануне разгрома миссии сопровождавший Грибоедова марандский хан Назар-Али-хан Афшари⁷⁴ был вызван к тегеранскому губернатору принцу Зель-эс-Султану (известному по имени Али-шах) и от него не вернулся. Погромщики заранее знали расположение четырех дворов в миссии. Поэтому разгромили в основном здание в четвертом дворе, где находился Грибоедов. «Охранявшие» эту миссию караульные иранские сарбазы в день погрома оказались без винтовок, заблаговременно сложенных на чердаке и затем расташенных погромщиками.

Есть основания полагать, что «на стенах и крышах домов» были не «слуги посла», стрелявшие, как уверяет Джахангир-мирза, в народ и провоцировавшие разгром миссии, а присоединившиеся к толпе солдаты тегеранского губернатора. Известно, что посольская охрана находилась во внутреннем дворе миссии. Мальцов свидетельствовал, что не казаки, а персы заполнили все крыши и проходы⁷⁵. Хедаят тоже отмечает: «На крышах здания

⁷³ См. Комиссаров Д. С. Иранские авторы о гибели А. С. Грибоедова, «Вопросы истории», № 8, 1975, с. 191.

⁷⁴ В Тебризе мехмандаром Грибоедова в начале был назначен Мирза-Муса-хан — зять шаха и родной брат первого министра наследного принца Мирза-Аболь-Касема Фаррахани. Однако по настоянию этого министра, который, вероятно, знал или предполагал о существовании заговора и хотел отвести от шаха и себя подозрения, мехмандаром назначили Назар-Али-хана, а Мирза-Муса-хана отправили по следам Грибоедова нигде. Первым обратил на это внимание П. А. Ефимов («Русский архив», 1972 г.).

⁷⁵ См. Ениколопов И. К. Грибоедов и Восток, Ереван, 1954, с. 187.

⁷⁰ جهانگیر میرزا، تاریخ نو، ص ۱۲۳

⁷¹ رضا قلی خان هدایت، روضت الصفاى ناصرى، تهران، ج ۲، ص ۳۰۳

⁷² احمد تاجبخش، تاریخ روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم، ص ۱۰۰

миссии находилось много иранцев»⁷⁶. Когда в ночь на 31 января 1829 г. переодетого в одежду иранского солдата Мальцова доставили во дворец, губернатор Зель-эс-Султан говорил ему, что «по-ехал было усмирить народ, но вынужден был вернуться, чтобы разъяренная чернь не бросилась во дворец шаха»⁷⁷. Вряд ли, однако, Зель-эс-Султан заботился о безопасности персоны шаха, ибо он сам мечтал оказать помощь на его месте. На пути к престолу стоял и его старший брат Аббас-мирза, признанный Туркманчайским договором наследником престола. К тому же договор этот обязал Иран выплачивать России контрибуцию, а Зель-эс-Султан не мог «равнодушно смотреть на умаление сокровищ, которые в случае смерти шаха могли бы достаться ему»⁷⁸, и потому против Туркманчайского договора и готов был потворствовать любым антирусским интригам. Не исключено также, что принц Фатх-Али-шаха (8 октября 1834 г.) он пытался овладеть престолом, за что был заключен в ардебилскую тюрьму. С помощью англичан ему удалось убежать из заключения в Багдад к тем же англичанам.

Другие организаторы заговора — бывший первый министр шаха Аллах-Яр-хан Асаф-эд-Довле, инициатор муджтехид Мирза-мехсиз и министр иностранных дел Мирза Аболь-Хасан-хан получали деньги у англичан, которые, не считаясь с окончанием войны, поставляли Ирану оружие и своих офицеров⁷⁹.

О закулисной участии Англии в убийстве Грибоедова свидетельствует характерная деталь: чтобы отвести от себя подозрения, многие англичане накануне разгрома русской миссии предумышленно покинули Тегеран, а те, кто остался, фактически выдали погромщикам тех немногих русских, которые пытались спастись в здании английской миссии, служившей бестом⁸⁰. Показательна в этом отношении и запись в дневнике президента конгрессной комиссии по Ост-Индским делам лорда Элленборо, сделанная по поводу разгрома грибоедовской миссии: «Я полагаю, — многозначительно писал он, — что наш посол был в Тебризе»⁸¹, в том смысле, что не находился в Тегеране. А в целом поразительно точно

⁷⁶ «هدایت رضا قلی خان، تاریخ روضت الصغائی ناصبی، ص ۲۰۹»

⁷⁷ Ефремов Г. Е. О смерти А. С. Грибоедова в Тегеране, — «Русский архив», № 7—8, 1872.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. ВИА, ф. 4329, л. 98.

⁷⁹ «Кавказский сборник», т. XXX, с. 153.

⁸⁰ Armstrong T. A. Journal of Travels in the Seat of War, London, 1830, p. 129 (В распоряжение А. С. Грибоедова было предоставлено в Тегеране здание, принадлежавшее командующему иранской артиллерией).

⁸¹ См. Попова О. И. Грибоедов — дипломат. — М., 1964, с. 193.

сбылось зловещее предупреждение секретаря английской миссии в Иране, сделанное Грибоедову накануне его отъезда из Петербурга: «Берегитесь! Вам не простят Туркманчайского мира»⁸².

Шах понимал, что Россия, скорее всего, не станет воевать на два фронта и из двух зол выберет меньшее — откажется от контрибуции, которую Иран должен был ей выплатить⁸³. С другой стороны, будучи человеком осторожным и нерешительным, Фатх-Али-шах опасался последствий новой войны с Россией. Выжидая, пока Турция добьется успеха, он лавировал во внешней политике и закрыл глаза на антирусский заговор среди своего окружения. Материалы архива полковника Косоговского о беседе, которая произошла 30 января 1829 г. между шахом и главным свирухом Манучехр-ханом, подтверждают участие шаха в заговоре.

Когда Муджтехед Мирза-Мехсиз отправился в соборную мечеть, чтобы повести оттуда толпу к русской миссии, Манучехр-хан узнал об этом и в гареме обо всем рассказал шаху. Последний «ответил, что он уже знает об этом и что уже приказал Зель-эс-Султану в случае нападения на русскую миссию разогнать народ»⁸⁴. Это означает, что шаху было заранее известно о заговоре и что он создавал только видимость принятия мер для предупреждения разгрома, тогда как на деле его приказание тегеранскому губернатору было практически невыполнимо, так как предусматривало разгон толпы только после нападения на русскую миссию. «Руководители Ирана, — признает Абдул Рази, — не выполнили своих обязанностей по прекращению бунта»⁸⁵, а заговорщики делали все, чтобы шах не изменил своего намерения попустительствовать им: с этой целью они задержали в пути (до убийства Грибоедова) предназначенные для шаха подарки царя. Несмотря на то, что версия царизма о причинах гибели Грибоедова была рассчитана на срыв провокации заговорщиков, иранские историки Мохаммед Хеджази и Шафин Джавади писали: «... поскольку оставшийся в живых сотрудник русской миссии Мальцов и английский посол Макдональд уже доказали виновность А. С. Грибоедова в его убийстве, то иранским историкам в этом весьма сложном и запутанном вопросе незначительно пересматривать этот вопрос»⁸⁶.

⁸² «Литературное наследство», т. 60, 1956, с. 491.

⁸³ Минорский В. Ф. «Цена крови» Грибоедова. «Русская мысль», кн. 3—5, Прага, 1923, стр. 13—14; ср. ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, оп. 1, л. 40, л. 82.

⁸⁴ Петров Г. М. Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова, с. 154.

⁸⁵ رازی عبد الله، تاریخ مفصل ایران، تهران، ۱۳۳۱، ص ۶۶۹

⁸⁶ حجازی محمد، میهن ما، تهران، ۱۳۳۸، ص ۱۵۶

Однако, пытаясь снять вину с иранского правительства, Хеджази опровергает себя, когда пишет, что Хосров-мирза был отправлен в Петербург для принесения извинений после того, как «вина» Грибоедова была установлена Мальцовым и Макдональдом. Непоследовательность этой аргументации очевидна, так как принцу незачем было ехать в Петербург и приносить извинения, если бы Каджары не были виновны в убийстве Грибоедова.

Факты не оставляют сомнений в том, что после разгрома русской миссии Фатх-Али-шах отправил в Тебриз ряд писем Аббас-мирзе и другим принцам с расчетом, что эти письма будут перехвачены и прочитаны русской разведкой и создадут в Петербурге впечатление непричастности шаха к убийству Грибоедова. Русский перевод этих писем был опубликован еще в 1910 г. в XXX томе «Кавказского сборника»⁸⁷ без указания на обстоятельства, при которых они стали достоянием русского командования.

В распоряжении министра Нессельроде наряду с переводами этих шахских фирманов имелись десять донесений Мальцова, в которых опровергались легенды шаха и которые неопровержимо свидетельствовали о виновности самого шаха и тегеранских властей. Кроме того, Паскевич дважды (23 февраля и 23 марта 1829 г.) писал графу Нессельроде, что нельзя считать достоверными «сведения персиян». Паскевич указывал также, что разгром миссии был подготовлен и осуществлен «партией, желающей войны», что преступление было «обдуманым последствием самого вероломного коварства», чтобы вовлечь шаха в новую войну или отдалить от иранского престола Аббас-мирзу в пользу одного из его братьев, возглавлявших вместе с Аллахяр-ханом партию войны⁸⁸. Вместе с тем Паскевич предупреждал Нессельроде, что, независимо от причин обстоятельств убийства русского посланника, невозможно начать войну с Ираном «при настоящей войне с Турцией при тех значительных силах, которые турки собирают в Азии», и при малочисленности русских войск в Закавказье⁸⁹.

Публикация новых и старых иранских версий о гибели Грибоедова продолжалась и в 70-х годах. В работе проф. Д. С. Комиссарова «Иранские авторы о гибели Грибоедова» рассматривается отношение иранской историографии к данному вопросу во второй половине 60-х годов (1966—1969 гг.). Обращают на себя

⁸⁷ См., например, «Перевод фирмана шаха персидского на имя Его высочества наследника престола» (с. 136—139). Ср. опубликованное В. Ф. Минорским письмо шаха принцу Али-Наги-мирзе. «Цена крови» Грибоедова, с. 9—15.

⁸⁸ «Кавказский сборник», т. XXX, с. 119—120.

⁸⁹ Там же, Паскевич—Нессельроде, 16 марта 1829 г., с. 170.

внимание попытки иранских историков Х. Навваба и И. Теймури свести все дело об убийстве А. С. Грибоедова к двум вопросам, отвлекающим от политических мотивов преступления. Во-первых, к мести Аллахярхана Асаф-эд-Доуле за ушедших от него двух наложниц, а во вторых—к действиям религиозных шиитских фанатиков, и в первую очередь-моджтахеда Хаджи Мирза Месиха. Все это делалось для того, чтобы заговору придать локальный характер и отвести от иранского правительства обвинение в причастности к убийству русского посланника⁹⁰.

Заслуживает внимания сообщение Х. Навваба о том, что накануне и в день разгрома русской миссии Асаф-эд-Доуле вел переговоры с врачом и дипломатом английской миссии Мак-Нейлом, и замечание И. Теймури о том, что люди этого шахского зятя выкрикивали у здания миссии: «Господин приказал убить русского посла»⁹¹.

Д. С. Комиссаров напоминает в связи с этим, что идея «пугнуть русских» была подана шаху министром иностранных дел Абул-Гасан ханом, а просьба Мирза-Якуба о возвращении на родину оказалась удобным предлогом для подогревания фанатичным духовенством неграмотных людей против «неверных» русских⁹². Представляется объективным и опровержение иранским историком Мехди Бамдадом ложной версии о том, что пленные были причиной убийства Грибоедова. Мехди Бамдад обратил внимание на то, что разгром русской миссии и убийство А. С. Грибоедова произошли после того, как был убит Мирза-Якуб, а наложницы Асаф-эд-Доуле были отправлены к моджтахеда Мирза-Месиху.

Изучение работ современных иранских авторов показало, что публикации о гибели А. С. Грибоедова иранских авторов продолжают, с той, однако, разницей, что в этих работах все больше используются исследования советских историков.

В середине 1976 г. в тегеранской полуофициозной газете «Кейхан» был опубликована свыше 27 отрывков из книги Юрия Тынянова «Смерть Вазир-мухтара».

Известно, что в этой книге (1927—1928) Тынянов поставил перед собой задачу: разгадать и объяснить «загадку» Грибоедова, выявить личные и общественные предпосылки трагедии.

Судьбу Грибоедова, так и не увидевшего свою комедию ни в печати, ни на сцене (кроме ереванской импровизации), и катаст-

⁹⁰ См. Комиссаров Д. С. Иранские авторы о гибели А. С. Грибоедова, «Вопросы истории», № 8, 1975, с. 192—193.

⁹¹ См. там же, с. 192.

⁹² Там же.

рофу, которой завершилась его жизнь, Тынянов связывал с характером декабристского движения и с последствиями его крушения для общественной жизни России⁹³. Однако иранский переводчик этой книги Мирза Сахаби по-своему прочел и понял книгу Тынянова о Грибоедове и символично озаглавил ее «Грибоедов писал новую трагедию (گریبیه آید فراردی تازه مینوشت)», предоставляя иранским читателям возможность подумать, что речь идет о трагедии Ирана, постигшей его в результате провала фарисейской дипломатии и политики реваншизма Каджаров, приведших ко второй русско-иранской войне и Туркманчайскому миру.

Из иранских авторов заслуживают внимания Шафи Джавади, опубликовавший в 1971 г. монографию «Тебриз и его окрестности»⁹⁴, посвященную, главным образом, истории иранского Азербайджана, и Хушанг Мехдеви—автор «Истории международных отношений Ирана»⁹⁵, опубликованной в Тегеране в 1970 г.

Оба они считают Грибоедова высокообразованным литератором и дипломатом и подчеркивают при этом, что он был братом жены ген. Паскевича и мужем дочери ереванского хана (начальника армянской области—Б. Б.) Чавчавадзе.

Евнуха Мирза-Якуба они считают провокатором за то, что он сознательно создавал конфликтную ситуацию, направляя в богатые дома, тесно связанные с шахским двором, своих людей из числа армян и грузин, выявляя бывших пленных мужчин и женщин и направляя их в русскую миссию для опроса и возвращения на родину, не имея на это никаких прав.

Хушанг Мехдеви упрекает Грибоедова за то, что он в русской миссии укрывал от иранских властей этого Мирза-Якуба, обокравшего шаха на 40 тыс. туманов, и хотел репатриировать в Закавказье двух грузинок—наложниц своего врага Аллахяр-хана Асаф-эд-Доуле—и других женщин, давно вышедших замуж за иранцев и имевших от них детей. Эти действия, отмечает Шафи Джавади, вызвали возмущение шиитского духовенства, часть которого, по его словам, находилась на службе у англичан или была сторонницей Англии. Это привело к объявлению Мирза Месихом «джихада»—«священной войны» против Грибоедова, после чего вооруженные фанатики обстреляли русское посольство, убили Грибоедова и его сотрудников.

⁹³ См. примечания Б. Костельянец к роману Юрия Тынянова «Путники», Л., 1976, с. 473.

⁹⁴ کیهان، ۲۴ تیر ماه ۱۳۵۰

⁹⁵ جوادى شفیعی، تمبردز و پیرامون، تمبردز، ۱۳۵۰، ص ۴۵۱

⁹⁶ محدوی هوشنگ، تاریخ روابط خارجی ایران، تهران، ۱۳۴۹

Погром русской миссии был, несомненно, использован некоторыми иностранными государствами, отмечает далее этот автор. Он вызвал сильнейшее беспокойство у Фатх-Али-шаха и Аббас-Мирзы, которые были не в состоянии начать новую войну против России⁹⁷.

Таким образом, Шафи Джавади признает не без основания, что русскую миссию обстрелял вооруженный правительственный отряд, что кладет конец версии «о первом выстреле охранников миссии» и обвиняет иранское правительство в прямом участии в разгроме русской миссии. Вполне объективно ставится вопрос и о провокаторской роли в убийстве Грибоедова Мирза-Якуба и участии шиитского духовенства, находившегося большей частью на службе у англичан.

Хушанг Мехдеви считает, что русско-турецкая война, вызванная балканской проблемой, только на некоторое время утвердила шаха в мысли о необходимости возвращения Ирану потерянных областей в Закавказье и удивляется в связи с этим осведомленности Паскевича, который быстро смог узнать о планах шаха и через Кудашева пригрозил Аббас-мирзе захватить Тегеран и уничтожить династию Каджаров, после чего искупительная миссия принца Хосров-мирзы доехала до Петербурга⁹⁸.

Х. Мехдеви отмечает, что Грибоедов доставил шаху подарки царя, в числе которых были и военные трофеи минувшей русско-иранской войны, однако вел себя надменно, как победитель в побежденной стране, и не захотел «поле боя заменить дружбой»⁹⁹. Однако это заявление Х. Мехдеви не увязывается с фактами и другим его заявлением о враждебном отношении к русским в Тегеране. Вражда нагнеталась Каджарами. Об этом говорилось и в грибоедовской ноте иранскому МИД накануне разгрома русской миссии.

Шафи Джавади не скрывает своего удовлетворения тем, что третьей русско-иранской войны не произошло. «К счастью,—заявляет он,—секретарь грибоедовской миссии Мальцов остался жив и в Тифлисе рассказал, что Грибоедов сам был виноват в своей гибели».

Это заявление показывает, в частности, что Ш. Джавади знаком с официальной версией царизма о «виновности» Грибоедова в своей гибели. Более того, Ш. Джавади приводит в своей книге официальные тексты писем шаха и Аббас-мирзы к Николаю I и Паскевичу, а также текст речи Хосров-мирзы в Зимнем

⁹⁷ جوادى شفیعی، تمبردز و پیرامون، تمبردز، ۱۳۵۰، ص ۴۵۱

⁹⁸ محدوی هوشنگ، تاریخ روابط خارجی ایران، ص ۱۳۱

⁹⁹ Там же.

дворце¹⁰⁰. Однако при этом Ш. Джавади не пытается опровергнуть официальную версию царизма о виновности Грибоедова, построенную на фальсификации содержания этих писем.

Анализ версий иранских историков о причинах убийства А. С. Грибоедова позволяет выделить в них основные концепции. Главная из них, трезвая и объективная, увязывает историю убийства Грибоедова с англо-русскими противоречиями на Востоке и экспансионистской политикой Англии в Иране после заключения Туркманчайского договора.

Другая концепция, известная еще по иранским хроникам прошлого века, отрицает политический характер разгрома русской миссии и необоснованно обвиняет в гибели А. С. Грибоедова его самого, а менее распространенная версия придерживается такого же взгляда, но ссылается на официальную версию царизма.

4. КРАХ АНТИРУССКОГО ЗАГОВОРА В ТЕГЕРАНЕ

Убийство министра-резидента А. С. Грибоедова было главным звеном в преступном заговоре иранской и англо-турецкой реакции против России.

Факты показывают, что Фатх-Али-шах и наследный принц Аббас-мирза были уверены, что Россия не станет воевать на два фронта из-за гибели русского посла и удовлетворится извещением Каджаров, чтобы не допустить образования антирусской ирано-турецкой коалиции.

С одной стороны, Каджары не исключали, что Россия может быстро закончить войну с Турцией, а затем обрушиться на Тебриз и Тегеран и сверх неуплаченных куруров контрибуции потребовать «цену крови» А. С. Грибоедова, а с другой — учитывали, что Турцию поддерживали западные державы, а в случае поражения русских войск (на что им было трудно рассчитывать) Иран освободится от уплаты оставшегося долга контрибуции и аннулирует Туркманчайский договор.

С учетом этих обстоятельств проект плана разгрома русской миссии был составлен так, чтобы отвести от иранского правительства ответственность за преступление, затушевать политические мотивы убийства русского посла, а с помощью алмаза «Шах» и представительной искупительной миссии — добиться ликвидации конфликта.

С начала русско-турецкой войны султан Махмуд II в лице Фатх-Али-шаха видел своего наиболее вероятного союзника, и в апреле и декабре 1828 г. отправил в Тегеран своих дипломатов для «приглашения Ирана к войне» против России¹⁰¹, а Фатх-Али-шах, в свою очередь, не проявил поспешности в столь важном деле и для наблюдения за ходом военных действий отправил в Константинополь своих дипломатов.

Получив в Тебризе первые сообщения о разгроме русской миссии 30 января (11 февраля) 1829 года, Аббас-мирза испытывал страх и растерянность. Больше всего он боялся немедленного русского наступления и, чтобы не допустить этого, уже на четвертый день после убийства Грибоедова оставил Тебриз без ведома русских властей. Он сделал вид, что срочно отправляется в Петербург, а Паскевичу объявил, что его «желание встретиться со своим великим дядей императором Николаем дошло до самой крайности»¹⁰². И не только по настоянию командующего уже успокоенный Аббас-мирза вернулся в Тебриз и отправил в Турцию своего дипломата Молла-Шерифа, известного, по турецким источникам, по имени Мехмед-Шериф Ширвани¹⁰³ с задачей наблюдать за ходом войны и установить ее решающий переходный этап.

Когда в феврале 1829 г. в Константинополе стало известно об убийстве А. С. Грибоедова, турецкий султан созвал экстренное заседание Дивана, тем более, что в день разгрома русской миссии в Тегеране на правом фланге Дунайского фронта русские войска овладели крепостью Турну, а 6 (28) февраля 1829 г. за Балканским хребтом русский десант овладел городом Сизополь. Вполне очевидно, что падение Турну и Сизополя не могло содействовать немедленному вступлению Ирана в войну на стороне Турции.

Напуганные этими успехами русской армии, а также опасаясь русского наступления на Тегеран, Аббас-мирза в Тебризе и принц Хасан-Али-мирза в Тегеране по совету английского посланника Макдональда стали спешно собирать войска¹⁰⁴ и через англичан и своих посредников наставляли на активных операциях турецких войска.

Молла-Шериф (Мехмед-Шериф-Ширвани) находился в Константинополе до конца июня 1829 г. с очевидной целью наблюде-

¹⁰¹ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 996, л. 40. Ср. Архив Раевских, т. I, СПб., 1906, с. 435; Фадеев А. Ф. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века, М., 1958, с. 283—284.

¹⁰² АКАК, т. VII, № 648.

¹⁰³ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 4470, л. 70 об.

¹⁰⁴ См. «Кавказский сборник», т. XIX, с. 154.

شفيع جوادى، تهریز و پیرامون، تهریز، ۱۳۳۰، ص ۴۰۲¹⁰⁰

ния за ходом русско-турецкой войны, поскольку Иран собирался вступить в войну только в случае коренного перелома в пользу турецких войск.

В Турции явно были недовольны этой осторожной медлительностью шаха и по инициативе султана Махмуда II пытались ускорить вступление Ирана в войну. С этой целью турецкий министр иностранных дел (реисуль-кютаб) Портев-паша вместе с представителем наследного принца Мехмед-Шерифом Ширвани уже готовили проект наступательного и оборонительного ирано-турецкого договора, направленного против России¹⁰⁵, а султан Мехмуд II, недовольный потерей Карса, Ахалциха, Ардагана и других крепостей в кампании 1828 г., спешил воспользоваться убийством А. С. Грибоедова и, чтобы вовлечь Иран в войну, заменил турецкого командующего новым сераскером, бывшим вали Сиваса Хаккы-пашой, и приказал ему овладеть Ахалцихом и Карсом при участии иранских войск¹⁰⁶.

Уже в конце февраля 1829 г. сорокатысячная армия турок (без участия воздержавшихся персов) блокировала ахалцихскую крепость и через Боржомское ущелье пыталась прорваться в Грузию.

Каджары с большими надеждами наблюдали за этим турецким наступлением, но, как выяснилось, совершенно напрасно, потому что в ходе 12-дневной ахалцихской операции русский гарнизон этой крепости мужественно отбил два турецких штурма, а исход сражения решил 4 (16) марта смелый рейд отряда бывшего декабриста полковника Бурцова в тыл осаждающих крепость турецких войск¹⁰⁷.

Оценивая поступавшие в Петербург данные о возможном союзе между шахом и султаном, Нессельроде писал: «Последние известия из Константинополя говорят о появлении в этой столице посланника персидского шаха. Газеты приписывают ему задачу предложить султану союз против России. В то же время генерал Паскевич уведомляет нас, что Хосров-мирза—сын Аббас-мирзы, прибыл в Тифлис с целью принести объяснения и извинения тегеранского двора по поводу убийства г-на Грибоедова. Последний факт представляет контраст слишком поразительный по сравнению с новостями из Константинополя, чтобы мы могли

¹⁰⁵ АВПР, ф. Посольство в Париже, оп. 524, д. 86, л. 224—245; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4470, л. 70 об.

¹⁰⁶ См. Шеремет В. И. Турция и Адрианоопольский мир 1829 г., М., 1975, с. 34, 63.

¹⁰⁷ См. Ушаков Н. И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг., т. 2, СПб., 1836, с. 12—15.

оказать им слепое доверие. Впрочем,—писал вице-канцлер,—надо надеяться, что новый успех ген. Бурцева над турками в Ахалцихе прекратит враждебные намерения Персии, если они в самом деле существуют»¹⁰⁸.

После провала Ахалцихской операции турки и англичане пытались сохранить в Аббас-мирзе остатки боевого духа. 8 марта 1829 г. чиновник ванского паши доставил наследному принцу в Тебриз большой выкуп с деньгами¹⁰⁹, а английский посланник Макдональд обещал Аббас-мирзе 10 тысяч ружей, которые были доставлены в июне 1829 г. в Бендер Бушир, и через английских дипломатов и агентов тайно поддерживал контакты Тегерана с Константинополем и Эрзерумом¹¹⁰.

Между тем Каджаров ожидало новое разочарование. После неудачной операции под Ахалцихом сераскер Хаккы-паша сосредоточил значительные силы на Карсском направлении, чтобы через Гюмри прорваться в Закавказье, однако, не получив своевременной поддержки от вали Эрзерума, Хаккы-паша в предгорьях Соганлукского хребта потерпел два сокрушительных поражения (30 июня и 2 июля 1829 г.) и сам попал в плен¹¹¹.

В сложившихся условиях Каджары по-прежнему не склонны были форсировать события. Заняв выжидательную позицию, они обещали туркам выступить на их стороне, а Паскевичу обещали отправить в Петербург искупительное посольство и через И. С. Мальцова сообщили ему, что выступят против Турции, если русские предоставят Ирану артиллерию и 10 тысяч ружей.

Беспринципность и двуличность были нормой политики наследного принца: за одну и ту же плату—10 тысяч ружей—он обещал русским воевать против турок, а англичанам—против русских.

Чтобы заставить царя отказаться от двух последних куруров, шах и Аббас-мирза стремились максимально использовать обстановку, возникшую в результате убийства русского посланника, а также русско-турецкой войны, неблагоприятно складывавшейся для Турции и обострившихся в 1829 г. англо-русских противоречий.

Факты показывают, что находившийся в Тебризе поверенный в делах Амбургер недопонимал или делал вид, что не разбирается в этой политике Каджаров.

¹⁰⁸ АВПР, ф. Посольство в Париже, оп. 524, ф. 86, л. 13—14 об. (Нессельроде-Попцо—до Борго, 18 июня 1829 г.).

¹⁰⁹ См. «Кавказский сборник», т. XIX, с. 154.

¹¹⁰ Войска ген. Паскевича заняли Эрзерум 9 июля 1829 года.

¹¹¹ АКАК, т. VII. Рапорт генерала Паскевича Николаю I.

23 февраля 1829 г. Паскевич писал ему, что престиж России требует наказания убийц, однако война с Турцией требует избегать разрыва с Ираном и обращаться с этой страной «с величайшей осторожностью». Амбургеру предписывалось ни под каким предлогом не уезжать из Тебриза, пока этого не потребует Нессельроде и правительство шаха, даже если Аббас-мирза не отправит в Тифлис своего сына.

Однако Амбургер поступил иначе. Не дождавшись разрешения, он покинул Тебриз и прибыл в Нахичевань и тем самым предоставил англичанам полную возможность оказывать влияние на Аббас-мирзу. Главнокомандующий недоумевал. «Вы ни в коем случае не должны были выезжать из Тебриза,—писал Паскевич Амбургеру,—до тех пор, пока оттуда Вас не выгнано бы Иранское правительство, т. к. после смерти посланника Ваша главная политическая цель состояла в установлении действительного намерения иранского правительства. Вы должны были убедить Аббаса-мирзу направить одного из своих сыновей в Петербург. Удалившись из Тебриза, Вы потеряли всякое влияние на иранское правительство. Россия находится теперь не в таком положении, чтобы угрозой оружия заставить Иран делать то, что желательно. Вы не могли не видеть этого и потому Вам следовало, не подавая ультиматума, политически угрожать своим отъездом и таким образом дожидаться исполнения Ваших требований. Ваше поведение может привести к тому, что Иранское правительство, оставаясь в страхе и недоумении, бросит Персию в руки турок и в войну против России»¹¹².

Если бы Вы остались в Тебризе, то это не означало бы разрыва с Ираном. Выезд же Ваш наталкивает умы к заключению, что есть разрыв, а это весьма важно при настоящей войне с Турцией». Главнокомандующий приказал Амбургеру остаться в Нахичевани и ожидать указания императора. Но Амбургер остался верен себе и из Нахичевани сообщил Паскевичу, что Аббас-мирза передумал, что сына своего в Петербург он не пошлет, и что «такие меры персидского правительства насчет доказательств своего неучастия в убийстве Грибоедова побуждают меня думать, что мое пребывание в Нахичевани не может принести службе никакой пользы, поэтому я и оставил Нахичевань для следования в Тифлис, где могу быть более полезен». Возмущенный поведением поверенного в делах, Паскевич писал: «К моему крайнему удивлению, Вы оставили Нахичевань даже против своего собственного предположения остаться там до получения указаний. Министру иностранных дел Ирана Мирзе-Абуль Гасан-

хану Вы тоже писали, что останетесь в Нахичевани до получения предписания от начальства. Следовательно, выехав из Нахичевани, Вы показали иранскому правительству, что Вы поступили так с разрешения начальства, чего не было, и в этом случае действовали совершенно произвольно. Не стану говорить о Ваших важных политических ошибках, ограничусь только просьбой немедленно возвратиться в Нахичевань».

Амбургер уехал в Тифлис, несмотря на настойчивые просьбы Аббас-мирзы остаться, и фактически прервал дипломатические отношения. Чтобы восстановить контакт с Аббас-мирзой, Паскевич отправил к нему своего агента Али-Бек Юз-Баши. В Тебризе он выдавал себя за покупателя лошадей и через знакомых лиц добился тайной аудиенции у наследного принца¹¹³. Аббас-мирза заявил Алу-беку, что сам он войны не желает, а войска собрал в Азербайджане для того, чтобы сохранить за собой управление провинцией. Аббас-мирза заявил еще, что согласен вести откровенные переговоры с доверенным чиновником Паскевича и добавил, что его братья собираются выступить против него «по внушению англичан и турок»¹¹⁴.

С приездом Амбургера в Тифлис выяснилось, что его поведение было вызвано решением Аббас-мирзы направить в Петербург для принесения извинений императору своего переводчика Мирза-Масуда, что было оскорбительным для престижа Российской державы. 6 марта этот переводчик уже прибыл в Тифлис с нотами и письмами шаха и Аббас-мирзы и с тысячей туманов. Нессельроде уже согласился принять его в Петербурге в качестве посла, но Паскевич с этим не согласился. Он оставил Мирза-Масуда в Тифлисе, и Аббас-мирза был вынужден начать переговоры об отправке в Петербург одного из своих сыновей. Письма наследного принца по этому вопросу были полны покорных выражений, однако приезд принца задерживался под разными предлогами, а англичане в это время вооружали иранскую армию.

В начале апреля Николай I приказал Паскевичу сосредоточить в Астрахани 30-и тысячную армию и разглашать в Иране сведения об этих войсках, но не позже выезда в Россию одного из сыновей Аббас-мирзы. Несмотря на то, что наступательные операции можно было начать не раньше августа или сентября,

¹¹³ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 8, д. 122, л. 1—2 об.

¹¹⁴ Подробно о переговорах Аббас-мирзы с Али-беком см. ЦГИА СССР, ф. 1018, д. 406. «Докладная записка об отправлении в Тавриз лазутчика, узнать о намерении Аббас-мирзы», а также ф. 1018, д. 405. «Показание Али-Юз-Баши Карабагского».

¹¹² ЦГИА, Груз. ССР, ф. II, оп. 2, д. 29, л. 16—17.

действия Паскевича стали более решительными. Уже 10 апреля он отправил в Тебриз своего адъютанта князя Кудашева под предлогом сопровождения старшего сына наследника престола Мохаммед-мирзы.

Кудашев должен был передать Аббас-мирзе три письма Паскевича. В первом письме, переданном наследному принцу на официальной аудиенции, говорилось о назначении Кудашева для сопровождения Мохаммед-мирзы.

Второе письмо генерала было передано Аббас-мирзе на закрытой аудиенции. «Вспомните,—писал Паскевич,—что в Дех-Харгане я только с Вами хотел вести переговоры и, несмотря на все интриги против Вас, нахожу, что во всем Иране только с Вами можно иметь дело... Не злоупотребляйте терпением Российского императора. Одно его слово — и я в Азербайджане, за Каflanкухом и, может быть, не пройдет года — и династия Каджаров развалится»¹¹⁵. «Не полагайтесь на обещания англичан и турок. Султан в самом затруднительном положении — Адрианополь с трепетом ожидает своего падения. Не заставляйте Россию поднять оружие против Персии и не забудьте моих слов, сказанных во время войны: с Турцией Россия не может делать все, чего желает ибо эта страна необходима для поддержания равновесия политической системы Европы, а Персия нужна только для выгод Ост-Индской купеческой компании, и Европе безразлично, кто управляет этой страной. Все Ваше политическое существование в наших руках,— угрожал Паскевич,—вся надежда Ваша в России»¹¹⁶.

«Итак, склоните шаха отправить Вашего сына к Императору,—писал далее Паскевич,—нарушение так велико, что надо ожидать больших бедствий, если публичным удовлетворением не устраните справедливого негодования»¹¹⁷.

Кудашев объявил наследнику престола, что неисполнение требований Паскевича немедленно приведет к войне. Затем он напомнил о тех предложениях, которые были сделаны в Турции наследником престола в разговоре с Мальцовым в Тебризе.

Кудашеву было предписано при повторном несогласии Аббас-мирзы начать против Турции войну: вручить ему очередное секретное письмо Паскевича, в котором, в частности, предлагалось иранским войскам напасть на Ван, чтобы таким путем доказать, что убийство Грибоедова произошло не по вине шаха или наследного принца.

В русской дореволюционной историографии (Щербатов, Пот-

то и др.) переговоры Кудашева с Аббас-мирзой описаны далеко не точно. По архивным документам, 23 апреля 1829 г. Аббас-мирза заявил Кудашеву, что после смерти Грибоедова многие сыновья шаха, подстрекаемые турками и англичанами, предлагали шаху воспользоваться русско-гурецкой войной и напасть на Россию, а шах, в свою очередь, решение вопроса оставил на усмотрение наследного принца¹¹⁸. Аббас-мирза заявил еще, что если шах начнет войну, то он — Аббас-мирза — покинет Азербайджан и уедет в другое государство¹¹⁹. При этом он не отрицает, что переписывается с турками, хотя и уверял, что отклонил их предложение о союзе, и что охотно начал бы против Турции войну, но не может на это решиться из-за Англии, которая в интересах своей торговли будет помогать султану, и не исключено, что объявит войну Ирану. В связи с этим наследный принц просил русских гарантий о помощи войсками на случай англо-иранской войны¹²⁰.

Через день каймакам (министр) Аббас-мирзы — Фаррахани встретился с Кудашевым и пытался сгладить впечатление после неосторожных заявлений наследного принца. По словам каймакама, Иран вправе был начать против Турции войну потому, что турки заняли иранскую территорию в районе Урмийского магала. Фаррахани заявил еще, будто Аббас-мирза ведет переговоры с ванским пашой не по вопросу о военном союзе, а об Урмийском магале и при этом не обращается за помощью к Англии, которая смогла бы заставить султана вернуть Ирану ее территорию¹²¹.

Таким образом, Каджары отклонили предложение Паскевича о вступлении Ирана в войну против Турции и пытались прикрыть свои переговоры с султаном о военном союзе версией о пограничных спорах. Впрочем, основная цель миссии Кудашева была все же выполнена, так как в апреле 1829 г. принц Хосров-мирза выехал из Ирана в Россию. По этому поводу иранский исследователь Афшар писал, что «в то время, когда Россия сражалась с Турцией, а в Тегеране были уверены, что смогут воспользоваться этим, письма Паскевича рассеяли тучи: тегеранский двор усвоил русский урок настолько хорошо, что его никогда не забывали»¹²². Иного мнения придерживается проф. А. Эгбал. Не зная о собранных в Астрахани русских войсках, он с сожалением отмечает, что «на Кавказе тогда не было войск», а Паскевич, дескать, «использовал напуганность Аббас-мирзы тем, что угрожал ему

¹¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, л. 418, л. 4.

¹¹⁹ Там же, л. 3.

¹²⁰ Там же, л. 4 об.

¹²¹ Там же.

¹²² *Afschar M. La politique européenne en Perse. Quelques Pages de l'histoire Diplomatique*: Berlin, 1921, p. 62—64.

новой войной», которую не в состоянии был вести¹²³. В то время, когда Кудашев находился в Тавризе, копии писем Паскевича, доставленные в Петербург, вызвали гнев министра иностранных дел. 11 мая Нессельроде предписал послу в Лондоне Х. А. Ливену сообщить английскому правительству о неодобрении императором писем, переданных Кудашевым Аббас-мирзе. Нессельроде считал, что необходимо «оберечь политическую обидчивость Англии, успокоить ее раздражительность и ревнивое недоверие»¹²⁴. В Иран был отправлен ген. Долгорукий, чтобы получить у Махмуда или Аббас-мирзы письма Паскевича, а последний ответил на это тем, что задержал Долгорукого в Тифлисе и написал графу Нессельроде, что поступил так потому, что поездка Долгорукого в Иран «вызывает у персиян подозрение в нашем бессилии, а англичане не остановятся ни перед чем, чтобы осложнить наши отношения с Персией»¹²⁵. Миссия Кудашева и письма Паскевича усилили накал англо-русской борьбы. Британские дипломаты предупреждали наследного принца, что искупительное посольство приведет к разрыву с Турцией, а в случае поездки Хосров-мирзы в Петербург пригрозили помочь наместнику Шираза принцу Хусейн-Али-мирзе, претендовавшему на престол¹²⁶. Одновременно англичане активизировали свою деятельность в Месопотамии. Находившийся в Тавризе секретарь русской миссии Мальцов 4 июня 1829 г. доносил Паскевичу, что английская миссия в Басре перенесена в Багдад, что английский офицер Шин осуществляет регулярную связь между Багдадом и Тебризом, а два других английских офицера (Боржос и племянник доктора английского миссии Кормика) находятся при сулейманийском паше и обучают военному делу его курдские отряды¹²⁷. Мальцов, передавший эти сведения Паскевичу, не понимал назначения этой деятельности английских резидентов, хотя и правильно считал, что англичане собираются держать под своим контролем Курдистан¹²⁸. Архивные фонды Паскевича и, в частности, его переписка с Петербургом говорят о том, что Паскевич не обратил внимания на эту часть донесения Мальцова. Мы считаем, что деятельность английской миссии в Месопотамии была следствием грибоедовских предложений о создании антитурецкого блока, ос-

нованных на обращении сулейманийского паши к Аббас-мирзе по вопросу о войне против Турции, а также результатом писем Паскевича, переданных Аббас-мирзе Кудашевым.

После того как английское правительство через русского посла в Лондоне узнало о содержании писем Паскевича, английская миссия в Басре получила из Лондона соответствующие инструкции и предприняла меры для ликвидации любой новой попытки организовать ирано-месопотамский военный союз, направленный против Порты. Этим, отчасти, можно объяснить причины, из-за которых английская миссия в Басре была переведена в Багдад, где антитурецкие сепаратистские тенденции местных арабских шейхов были широко известны, а к сулейманийскому паше, который вместе с Аббас-мирзой собирался возглавить антитурецкий поход, были прикомандированы английские офицеры под видом военных советников. Как видно, в Англии не доверяли заверениям Нессельроде о том, что правительство Николая I осуждает содержание писем Паскевича, переданных Аббас-мирзе Кудашевым. Кроме того, англичане не могли не опасаться создания антитурецкой коалиции в составе России, Ирана и Месопотамии. Во всяком случае, проекты Грибоедова еще не утратили силу, ультиматум Паскевича оказался сильнее дипломатических маневров английских миссий в Тебризе и Багдаде, и принц Хосров-мирза во главе искупительного посольства был отправлен в Петербург¹²⁹.

Первые известия об этой поездке, дошедшие до Константинополя, вызвали там взрыв возмущения и привели к аресту персидских купцов и конфискации их товаров. Диван объявил, что поступает так потому, что вместе с принцем Хосров-мирзой будто отправлены персидские войска для использования их против Турции. Правительство шаха, ожидавшее летней кампании на русско-турецком фронте для того, чтобы окончательно определить свое отношение к султану и к проектируемому ирано-турецкому военному союзу, поспешило опровергнуть эту лживую турецкую версию и даже противопоставило ей свою, не менее ложную версию о том, что собранные в Марате иранские войска готовы совершить «диверсию в пользу турок»¹³⁰. Одновременно по фарману шаха губернатор Казвина Али-Наги-мирза вместе с его управляющим делами Мирза-Наби-ханом отправились в Тебриз, и там первый из них распространял слухи о том, что шах поручил ему начать войну против России, а второй говорил всем, что по-

¹²³ اقبال عباس، تاريخ مقصل ايران از اتميلای مغول تا انقراض قاجاريه، تهران، ص ۱۳۰، ۱۳۱.

¹²⁴ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. IV, ч. 2, Тифлис, 1908, с. 237.

¹²⁵ «Кавказский сборник», т. XXX, с. 199.

¹²⁶ АКАК, т. VII, №№ 691, 694; «Кавказский сборник», т. XXX, с. 183.

¹²⁷ Там же, с. 184.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. II, д. 40, л. 26 (ген. Абхазов-Паскевичу, 4 апреля 1829 г.).

¹³⁰ «Кавказский сборник», т. XXX, с. 186.

лучил от шаха 50 тысяч туманов, чтобы накануне похода раздать их войскам. Мальнов, передавший эти сведения Паскевичу, не верил в их достоверность и не понимал их значения. Путаясь в догадках, он то считал, что «персидское правительство находится в совершенном недоумении», то написал Паскевичу, что «воздерживается от всякого заключения» и отправляет в Тифлис собранную им информацию, чтобы Паскевич сам сделал свои выводы. Заключение Паскевича найти не удалось.

Для установления целей отправки принца Али-Наги-мирзы в Тебриз был отправлен русский тайный агент¹³¹. Амбургер считал, что Али-Наги-мирза должен был сообщить шаху о ходе русско-турецкой войны после поражения турок под Ахалцихом¹³². По другим архивным данным, Кудашев располагал противоречивой информацией о том, что принц Али-Наги-мирза собирался занять место наследного принца для того, чтобы возобновить войну против России¹³³, тогда как сам Аббас-мирза заявил Кудашеву, что Али-Наги-мирза прибыл в Тебриз, «чтобы совместно способствовать нерушимости мира»¹³⁴.

Надо полагать, что деятельность шахских агентов-принца Али-Наги-мирзы и его управляющего делами Мирза-Наби-хана — указывала на углубляющийся разрыв между Фатх-Али-шахом и Аббас-мирзой. Достаточно вспомнить обнародованное проф. Минорским письмо шаха Али-Наги-мирзе после убийства Грибоедова, где шах осуждает Аббас-мирзу за стремление присвоить часть денег, отпускаемых шахом для Хосров-мирзы перед его поездкой в Петербург и уплаты «цены крови» А. С. Грибоедова¹³⁵. Мы считаем еще, что деятельность принца Али-Наги-мирзы и его помощника Мирза-Наби-хана в Тебризе была ответной реакцией на недовольство султана в связи с миссией Хосров-мирзы в Петербург, а также следствием притеснения персидских купцов в Константинополе. Распространяемые Али-Наби-мирзой ложные слухи так же, как и версии о целях сбора иранских войск в Марасе, должны были восстановить доверие между шахом и султаном независимо от миссии принца Хосров-мирзы. Шах, несомненно, рассчитывал выиграть время, дожидаясь решающего перелома в русско-турецкой войне и только после этого принять окончательное решение. Не исключено также, что значительное сокращение шахом общей суммы денег, первоначально подчитанной Аббас-мирзой и приведенной в упомянутом письме шаха принцу Али-

Наги-мирзе¹³⁶, тоже было частью тех задач, которые шах поставил перед казвинским губернатором и которые должны были показать султану, что шах не собирается платить России большие деньги, несмотря на огромный долг недоплаченной контрибуции.

В Новгороде иранский курьер догнал Хосров-мирзу и вручил ему письма Фатх-Али-шаха на имя императора Николая I.

4 августа, или через полгода после убийства А. С. Грибоедова (и через 66 дней после выезда из Тифлиса) Хосров-мирза приехал в русскую столицу. Чтобы задержать Хосров-мирзу в дороге, его не снабдили грамотой и письмами шаха, и, как видно, не собирались отдавать эту грамоту и письма до летней кампании на русско-турецком фронте, так как временные неудачи русских войск в районах Шумлы и Силистрии в 1828 г. возродили надежды Каджаров на возобновление реваншистской войны в Закавказье.

Однако эти надежды понемногу стали рассеиваться после поражения турок в феврале 1829 г. под Турно и Сизополем, в марте — под Ахалцихом и окончательно исчезли 30 мая (11 июня) 1829 г., когда 40-тысячная турецкая армия Рашид-паши канитулировала у Кулевчи (юго-восточнее Шумлы), и 18 (30) июня 1829 г., когда пала Силистрия. После этого русские войска с боями прорвались в Южную Болгарию, а Каджары отказались от третьей войны против России¹³⁷.

На первый взгляд может показаться, что после заключения 2 сентября 1829 г. Адрианопольского договора царизму, добивавшемуся преобладания в Иране в упорной борьбе с Англией, уже нечего было опасаться второго фронта на Востоке, так как один из них был ликвидирован этим договором, а опасность открытия второго фронта в Иране тоже механически отпала, так как без поддержки Турции Иран не собирался воевать. Однако возмездия за убийство А. С. Грибоедова не последовало и в этих новых изменившихся условиях. Причины этой политической сдержанности России подробно анализируются иранскими историками. По мнению проф. М. Махмуда, с одной стороны, «граница по Араксу успокоила царя»¹³⁸, а с другой — после заключения Туркманчайского договора резко обострились англо-иранские отношения. «Английская дипломатия, — отмечает этот автор, — считала шаха и его правительство «оружием царизма», подняла в индийской прессе ложный шум о русско-иранской угрозе Индии, а в

данный документ, кн. III—IV, Прага, 1923, с. 11.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. II, оп. I, л. 40, л. 82.

¹³⁸ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگلستان، ص 138.

¹³¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. II, оп. I, л. 40, л. 31.

¹³² Там же, л. 31—32.

¹³³ ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 2, л. 416, л. 2.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ См. Минорский В. «Цена крови» Грибоедова. «Русская мысль», Пенз.

Кабуле и в Средней Азии муссировала слухи, будто Аббас-мирза женился на русской женщине, принял христианство и запросил отправки в Хорасан пятидесяти тысяч русского отряда, так как Николай I простил Фатх-Али-шаху преступление в Тегеране и девятый курур контрибуции, выплату последнего курура продлил на 5 лет, и огонь войны, который, казалось, снова возгорится в пожар, погас¹³⁹. Проф. С. В. Шостакович отмечает, что Аббас-мирза, а после его смерти — Мохаммед-мирза смотрели на Россию как на гаранта их восшествия на шахский престол¹⁴⁰. «Наследный принц, — рассказывает по этому поводу иранский проф. Али-Акбар-Биша, — угрожал своим братьям, что если они выступят против него, то он обратится за помощью к Паскевичу»¹⁴¹. В то же время аккредитованные в Иране английские резиденты Коннолли, Вольф, Фрезер не могли примириться с этой переориентацией наследного принца и, по словам проф. Махмуд Махмуда, сперва убили выдающегося и опасного для Англии иранского государственного деятеля Ирана, каймакама Мирза-Аболь-Касем-хана Фаррахани¹⁴², «заставившего Аббас-мирзу отвернуться от традиционного английского друга»¹⁴³. Затем англичане приняли участие в ослеплении принца Хосров-мирзы, вернувшегося из Петербурга и ориентировавшегося на Россию, а «новый английский посланник Макниль, — отмечает М. Махмуд, ссылаясь на мемуары Фрезера, — вслед за английским резидентом Коннолли отправился в Хорасан, встречался с Аббас-мирзой, который «ничем не болел, был здоров и умер неожиданно». Таким образом иранский буржуазный историк М. Махмуд обвинил Англию в убийстве Аббас-мирзы.

Английская дипломатия, участвовавшая в разгроме русской миссии в Тегеране и провоцировавшая Иран на войну против России, пожинала плоды своей фарисейской дипломатии, а русская дипломатия после заключения Гуркманчайского договора стабилизировала свои отношения с Ираном.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ См. Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, с. 273.

¹⁴¹ علی اکبر بیضا، تاریخ سیاسی و دیپلماتی ایران، ص ۲۲۲

¹⁴² محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس، ص ۲۲۲

¹⁴³ Ср. Комиссаров Д. С. Очерки современной персидской прозы. М., 1960, с. 18—20.

¹⁴⁴ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединение Восточной Армении к России было итогом многовековых, разносторонних русско-армянских связей и ориентации на Россию армянского освободительного движения; результатом победы русской армии над иранскими и турецкими войсками и победы русской дипломатии над колониальной политикой западных держав, добивавшихся установления иранского господства над всем Закавказьем; поворотным этапом большого прогрессивного значения на пути к социальному и национальному освобождению армянского народа.

Изучение новейших исследований Восточного вопроса и колониальной политики западных держав в регионе Закавказья и сопредельных стран Востока показало, что процесс присоединения Закавказья к России был локальной международной проблемой, непосредственно связанной с освободительной борьбой народов Закавказья против иранского и турецкого господства и войнами России с Ираном и Турцией, а также с попытками Англии и Франции подвергнуть Закавказье своему колониальному закабалению, ослабить Россию в войнах с Ираном и Турцией и использовать эти войны в интересах европейской и ближневосточной политики соперничавших западных держав.

В период русско-иранской войны 1804—1813 гг. во внешней политике Франции на Среднем Востоке и в Закавказье было два основных этапа, связанных с Тильзитским миром. На первом (дотильзитском) этапе французская дипломатия добивалась ослабления военного потенциала России в войнах с Ираном и Турцией в целях ослабления антифранцузской коалиции в Европе.

На втором этапе (после заключения Тильзитского мира) дипломатия Наполеона добивалась продолжения русско-иранской и русско-турецкой войн для того, чтобы ко времени вторжения французских войск в Россию русские войска оказались разобщенными и ослабленными в войнах с Ираном, Турцией и Швецией. Однако этот французский план был сорван русской дипломатией, которая накануне Отечественной войны 1812 г. заключила мир со Швецией, Бухарестский мир — с Турцией, а войска генерала Котляровского отбросили за Аракс войска Аббас-мирзы.

Дипломатия Наполеона отличалась вероломством. С помощью Тильзитского договора Наполеон явно рассчитывал замаскировать активную подготовку Франции к войне против России и с иранской территории. Для этого он собирался воспользоваться русско-иранской войной, продолжения которой упорно добивался, и изученными французскими офицерами маршрутами, ведущими в Закавказье, а в это время через французского посла в Петербурге заверял царя, что Франция готовится к индийскому походу.

Нацеленная против Англии и России дипломатия Наполеона была вероломной и в отношениях с его тогдашними азиатскими союзниками—Ираном и Турцией. Наполеон сыграл решающую роль в развязывании войны Ирана в 1804 г. и Турции в 1806 г. против России, а в 1807 г. стал союзником России в Тильзите, что было неприкрытым предательством французского императора в его отношениях с иранским и турецким «союзниками», а через 5 месяцев после заключения Тильзитского мира французский посол в Тегеране Гардан обманном путем добился ратификации Ираном утратившего всякую силу Финкенштейнского (франко-иранского) договора.

Фарсейской была дипломатия Наполеона и в отношениях с народами Закавказья. В Финкенштейнском договоре 1807 г. император Франции провозгласил Грузию «по праву принадлежавшей шаху» (ст. 3), а в обмен на обязательство Франции вернуть Ирану Грузию, Наполеон добился согласия шаха предоставить Франции остров Харк в Персидском заливе.

К. Маркс указывал, что для достижения этой цели Франция «извлекла на свет некий давно похороненный пергамент, согласно которому персидские шахи уже дважды уступали ей Харк—в первый раз в 1708 г. при Людовике XIV, а затем в 1807 г.»¹⁴⁵.

Как уже отмечалось двойственную политику проводил Наполеон в отношении армянского народа. В ст. 15 франко-иранского торгового договора, заключенного Гарданом, содержится обязательство иранских властей «не беспокоить армян, находившихся под их покровительством», особенно армянских купцов, торговавших с Францией. В то же время Наполеон добивался сохранения иранского господства в Восточной Армении. Вопреки национальным чаяниям армянского народа, офицеры ген. Гардана оборудовали для Каджаров Ереванскую крепость и предлагали ген. Гудовичу приостановить военные действия и вывести русские войска из пределов Ереванского ханства, а потом сорвали пере-

¹⁴⁵ См. Маркс К. Англо-персидская война.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд. т. 12, с. 73.

говоры подполковника Вреде с Каджарами о присоединении к России Ереванского и Нахичеванского ханств.

Показательно также, что англо-французская борьба проходила на Востоке с не меньшим ожесточением, чем в Европе.

Если до заключения 7 июля 1807 г. Тильзитского мира Англия не могла открыто поддерживать Каджаров в русско-иранской войне, чтобы не лишиться русского союзника по антифранцузской коалиции, а Франция этим воспользовалась—вытеснила из Ирана англичан и провоцировала шаха на захват Грузии, чтобы заставить Россию перебросить свои войска из Европы в Закавказье и ослабить антифранцузскую коалицию,—то после заключения Тильзитского мира европейские державы поменялись ролями. Теперь уже Франция не могла открыто помогать Ирану для продолжения русско-иранской войны, хотя и прикрывала антирусскую деятельность своего посла в Тегеране Гардана ложной версией о подготовке Франции к индийскому походу, а Англия этим воспользовалась: навязала Фатх-Али-шаху два неравноправных договора (в 1808 г.—предварительный, а в 1812 г.—окончательный), заставила Каджаров порвать дипломатические отношения с Францией и изгнала из Ирана всех французов.

После того как разбитая в России наполеоновская Франция была отброшена со своих позиций на Среднем Востоке, Англия в течение длительного времени прикрывала свои агрессивные акции на Среднем Востоке мифом о «русской угрозе Индии», тогда как на деле победа России в Отечественной войне 1812 г. спасла народы Индии от французского нашествия.

По архивным материалам АВПр о переговорах русского посла Х. А. Ливена с Д. Каннингом в 1826 г. в Лондоне, устанавливается тайный сговор Каджаров с их британскими покровителями в вопросе координации их дипломатической деятельности в годы второй русско-иранской войны. Когда армия Аббас-мирзы захватила ряд закавказских ханств, официальный Лондон хранил молчание, так как в период временных успехов иранских войск дипломатическое наступление России против Турции было приостановлено, турецкая делегация саботировала переговоры в Аккермане, а султан Махмуд II приступил к реорганизации своей армии, ослабленной восстанием корпуса янычар.

Однако, начиная с 3 сентября 1826 г., когда началось контрнаступление русских войск, правительство Д. Каннинга начало переговоры с русским послом в Лондоне—Х. А. Ливеном и все более настойчиво, хотя и безуспешно, стремилось навязать свое посредничество, чтобы приостановить наступление русских войск и не допустить присоединения к России Ереванского и Нахичеванского ханств.

Уверенность Каджаров в английском посредничестве в случае поражения иранских войск была связана с восстановлением границ Гюлистанского договора и навязана шаху английской дипломатией.

Проведенный в книге анализ показывает, что Англия была заинтересована в срыве работы мирной конференции в Дех-Харгане и Туркманчае и в продолжении русско-иранской войны, чтобы не допустить присоединения Восточной Армении к России и заставить Россию воевать на двух фронтах (против Ирана и Турции). Разгром турецко-египетского флота в Наваринской бухте 8(20) октября 1827 г. создал для английской дипломатии большие возможности для маневрирования, поскольку Наваринская битва заставила Махмуда II денонсировать Аккерманскую конвенцию и объявить России «священную» войну, а в период переговоров в Дех-Харгане — уговаривать шаха и наследного принца продолжать против России войну в коалиции с Турцией. Однако ген. Паскевич возобновил наступательные операции русских войск, и шах согласился заключить мир.

В целом политика Англии на Среднем Востоке в первой трети XIX в. была подчинена схеме, приводившей к перманентным провалам. После заключения Тильзитского мира Англия разжигала первую русско-иранскую войну, а после поражения Ирана Англия (с помощью Тегеранского договора 1814 г., и особенно после Эрзерумского мира 1823 г., завершившего ирано-турецкую войну) направляла борьбу Каджаров за пересмотр Гюлистанского договора и подготовку Ирана к новой войне против России. Ситуация повторилась в 1826 г., когда Англия, играя на реваншистских устремлениях Каджаров, сперва спровоцировала новое агрессивное вторжение армии Аббас-мирзы в Закавказье, а в период русского контрнаступления во второй русско-иранской войне уже пыталась сохранить границы Гюлистанского мира. После заключения в 1828 г. Туркманчайского договора Англия столь же настойчиво и безуспешно добивалась пересмотра и этого договора путем организации убийства русского посла, разгрома русской миссии в Тегеране и разжигания третьей войны против России.

После заключения Туркманчайского мира иранские правящие круги вместе с английскими и турецкими дипломатами организовали заговор против русской миссии в Тегеране и убили А. С. Грибоедова. Заговорщики рассчитывали спровоцировать новую русско-иранскую войну, денонсировать Туркманчайский договор, восстановить иранское господство в Восточной Армении и во всем Закавказье и не допустить поражения Турции в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

Однако англо-ирано-турецкий заговор был сорван русской армией, победившей турецкие войска, и русской дипломатией, провалившей провокацию заговорщиков.

Туркманчайский мир подвел итоги второй русско-иранской войны, начатой агрессивным вторжением иранских войск в пределы России, завершил присоединение к России Восточной Армении и укрепил военно-стратегические позиции царизма на юге империи. Изменив политическую и стратегическую обстановку на Востоке и положив конец русско-иранским войнам, Туркманчайский договор нанес удар по реваншистским устремлениям Каджаров и агрессивным планам Англии, толкнувшей шаха на безнадежную войну. Договор усилил международное и политическое влияние России в сопредельных государствах Азии. Договор этот был неравноправным и в этом отношении стоял в одном ряду со многими неравноправными договорами той эпохи. Ф. Энгельс указывал: «Туркманчайский договор превратил Персию в вассала России»¹⁴⁶. Однако эта объективная оценка, в одинаковой мере касавшаяся и других европейских государств, тоже превративших Иран в своего вассала, не отрицает предостории заключения Туркманчайского договора — агрессивного вторжения иранских войск в пределы России и поражения армии шаха, который после этого не вправе был рассчитывать на равноправный договор.

Победа России в войнах с Ираном в значительной мере была достигнута благодаря боевому содружеству русских войск с закавказскими ополченцами.

В составе России Восточная Армения стала притягательным центром для рассеянных по миру армян. Возникли возможности для национальной консолидации армянского народа.

В результате присоединения Восточной Армении к России часть армянского народа спаслась от угрозы физического истребления, тогда как другая часть армянского народа в Западной Армении, захваченной Османской империей, стала жертвой массовых погромов, резни и геноцида.

¹⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. XI, ч. 1, с. 134—135.

Уверенность Каджаров в английском посредничестве в случае поражения иранских войск была связана с восстановлением границ Гюлистанского договора и навязана шаху английской дипломатией.

Проведенный в книге анализ показывает, что Англия была заинтересована в срыве работы мирной конференции в Дех-Харгане и Туркманчае и в продолжении русско-иранской войны, чтобы не допустить присоединения Восточной Армении к России и заставить Россию воевать на двух фронтах (против Ирана и Турции). Разгром турецко-египетского флота в Наваринской бухте 8(20) октября 1827 г. создал для английской дипломатии большие возможности для маневрирования, поскольку Наваринская битва заставила Махмуда II денонсировать Аккерманскую конвенцию и объявить России «священную» войну, а в период переговоров в Дех-Харгане — уговаривать шаха и наследного принца продолжать против России войну в коалиции с Турцией. Однако ген. Паскевич возобновил наступательные операции русских войск, и шах согласился заключить мир.

В целом политика Англии на Среднем Востоке в первой трети XIX в. была подчинена схеме, приводившей к перманентным провалам. После заключения Тильзитского мира Англия разжигала первую русско-иранскую войну, а после поражения Ирана Англия (с помощью Тегеранского договора 1814 г. и особенно после Эрзерумского мира 1823 г., завершившего ирано-турецкую войну) направляла борьбу Каджаров за пересмотр Гюлистанского договора и подготовку Ирана к новой войне против России. Ситуация повторилась в 1826 г., когда Англия, играя на реваншистских устремлениях Каджаров, сперва спровоцировала новое агрессивное вторжение армии Аббас-мирзы в Закавказье, а в период русского контрнаступления во второй русско-иранской войне уже пыталась сохранить границы Гюлистанского мира. После заключения в 1828 г. Туркманчайского договора Англия столь же настойчиво и безуспешно добивалась пересмотра и этого договора путем организации убийства русского посла, разгрома русской миссии в Тегеране и разжигания третьей войны против России.

После заключения Туркманчайского мира иранские правящие круги вместе с английскими и турецкими дипломатами организовали заговор против русской миссии в Тегеране и убили А. С. Грибоедова. Заговорщики рассчитывали спровоцировать новую русско-иранскую войну, денонсировать Туркманчайский договор, восстановить иранское господство в Восточной Армении и во всем Закавказье и не допустить поражения Турции в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

Однако англо-ирано-турецкий заговор был сорван русской армией, победившей турецкие войска, и русской дипломатией, провалившей провокацию заговорщиков.

Туркманчайский мир подвел итоги второй русско-иранской войны, начатой агрессивным вторжением иранских войск в пределы России, завершил присоединение к России Восточной Армении и укрепил военно-стратегические позиции царизма на юге империи. Изменив политическую и стратегическую обстановку на Востоке и положив конец русско-иранским войнам, Туркманчайский договор нанес удар по реваншистским устремлениям Каджаров и агрессивным планам Англии, толкнувшей шаха на безнадежную войну. Договор усилил международное и политическое влияние России в сопредельных государствах Азии. Договор этот был неравноправным и в этом отношении стоял в одном ряду со многими неравноправными договорами той эпохи. Ф. Энгельс указывал: «Туркманчайский договор превратил Персию в вассала России»¹⁴⁶. Однако эта объективная оценка, в одинаковой мере касавшаяся и других европейских государств, тоже превративших Иран в своего вассала, не отрицает предстории заключения Туркманчайского договора — агрессивного вторжения иранских войск в пределы России и поражения армии шаха, который после этого не вправе был рассчитывать на равноправный договор.

Победа России в войнах с Ираном в значительной мере была достигнута благодаря боевому содружеству русских войск с закавказскими ополченцами.

В составе России Восточная Армения стала притягательным центром для рассеянных по миру армян. Возникли возможности для национальной консолидации армянского народа.

В результате присоединения Восточной Армении к России часть армянского народа спаслась от угрозы физического истребления, тогда как другая часть армянского народа в Западной Армении, захваченной Османской империей, стала жертвой массовых погромов, резни и геноцида.

¹⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 1, т. XI, ч. 1, с. 134—135.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Произведения классиков марксизма-ленинизма

1. Маркс К. Политика Наполеона в турецком вопросе.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 9, с. 16—19.
2. Маркс К. Англо-персидская война.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд., т. 12, с. 73—75.
3. Маркс К. Лорд Пальмерстон. Статья вторая.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 9, с. 368—373.
4. Маркс К. Война против Персии.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд., т. 12, с. 120—125.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Британская политика.—Турция.—Соч., 2-е изд., т. 9, с. 1—10.
6. Маркс К. Договор с Персией.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд., т. 12, с. 235—243.
7. Маркс К.—Вильгельму Либкнехту в Лейпциг.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд., т. 34, с. 248—252.
8. Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии.—М., 1947, с. 102—130.
9. Энгельс Ф. Персия и Китай.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд., т. 12, с. 218—224.
10. Энгельс Ф. Перспективы англо-персидской войны.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 12, с. 126—131.
11. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд., т. 22, с. 11—52.
12. Энгельс Ф. Что будет с европейской Турцией.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд., т. 9, с. 31—36.
13. Энгельс Ф. Турецкий вопрос.—Маркс К., Энгельс Ф.—Соч., 2-е изд., т. 9, с. 20—26.
14. Ленин В. И. О государстве.—Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.
15. Ленин В. И. Тетрадь материалов о Персии.—Полн. собр. соч., т. 28, с. 701—710.
16. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.—Полн. собр. соч., т. 3, с. 553—602.

2. Документы и материалы государственных архивных учреждений.

1. Центральный государственный военно-исторический архив в Москве (ЦГВИА)

Фонд Военно-ученого архива Главного штаба (ВУА), дд. 412, 502, 642 («Журнал ген. А. П. Ермолова о посольстве его в Персию в 1817 г.») 894, 923, 930, 978, 1163 («Дело о бумагах, оставшихся после умершего ген.-ад. кн. Ливена»), 2591, 2801, 4272, 4288 («Дело о возложенном на Меншикова поручении объясниться с Ермоловым»), 4290—4292, 4293 («Дело о командировании Меншикова в Персию»), 4294 («Журнал военных действий персидской войны 1826 и 1827 гг. Положение дел в Персии, конференция Паскевича с Мирза-Салехом—поверенным Аббас-мирзы»), 4298, 4302—4303, 4304, 4311 («О политических отношениях, касающихся до персидской войны 1827 г.»), 4312, 4315 («Журнал отряда ген. л-та кн. Мадатова, с 16 по 27 апр. 1827 г.»), 4326 («Дело о военных действиях против Персии и о командировании в Тифлис Дибича для устранения несогласия между Ермоловым и Паскевичем»), 4327—4328, 4329 («Донесения ген.-ад. Паскевича о мирных переговорах и заключении мира с Персией в 1828 г., на 306 листах»), 4330, 4331 («Дело о переселении в Россию мушкетера тебризского Ага-мир Фета-Саида»), 4332, 4336, 4337, 4338 («Сведения, полученные через армян о Персии 14—20 ноября 1827 г.»), 4373, 4377, 4429, 4990, 18293, 35987 («Записка Трубецкого о тайных обществах») 40482, 58742 (карта театра военных действий между Россией и Персией в 1826 г., Берлин, масштаб 1:4 550 000).

Фонд 446 (Коллекция Военно-ученого архива «Персия»), дд. 11—12 и 49438, 56438 («Военно-политическое обозрение Персии, полковника Энегольма, янв. 1827 г., Тифлис»), 49339 («Донесения русского военного агента в 3-й отдел канцелярии с. н. в. о притеснениях со стороны персов армянского населения в Шекинской провинции и о стремлении армян к объединению с Россией»), 49359 («Опись армянских городов и селений, находящихся в Персии, 1829 г., на 4 л.»), 49437 («Записка поручика Носкова о политическом и военном положении Персии»), 56429 («Периодика военного министра Чернышова и Нессельроде с посланником Симоничем и командующим Розеном о болезни и смерти Фатх-Али-шаха и Аббас-мирзы»), 56431 («Опись документов, хранившихся в Главном штабе и заключающих в себе сведения о Персии с 1826 по 1841 гг.»), 56440 («Журнал путешествия генерала Семио по некоторым южным провинциям Персии и по побережью Персидского залива в 1840—1841 гг.»), на французском языке, 42 л., сост. 29 окт. 1842 г.), 76148, 78731, 104260, 104493 («Письма министра иностранных дел Нессельроде, командующего Розена и военного агента Щоко посланнику Симоничу о взаимоотношениях России с Персией после смерти Фатх-Али-шаха»).

2. Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИА)

Фонд 108 (Паскенич-Эриванский), оп. 2, дд. 76, 8081 («Бутурлин. Персидская война»), на 1533 листах, на фр. яз.:

Mémoires historiques et secrets sur la guerre des Russes contre les Persans en 1826, 1827, et 1828. Exempleaire corrigé sur les indications de Son Altesse, le Marschal Prince de Warsovie, Comte Pascévitch d'Erivan*, 89—93 (Перевод на русский язык «Персидской войны» Бутурлина. введение, а также I, V и X главы; на 378 страницах), 98 («Собесведующий журнал ген. Паскенича, веденный им в 1826—1827 гг.»), 103, 109, 133 («Жалоба Паскенича-царю на Ермолова»), 136, 158 («Об условиях, на которых можно заключить мир»), 181—183, 193, 194, 208, 226, 233, 234, 239, 271 («О перевозе тела Грибоедова. Записка неустановленного лица»), 274, 295, 315, 325, 390, 402, 405, 406, 417—420, 423 («Несколько бумаг и записок, могущих служить источниками дипломатических переговоров в Персии в 1827 г.»), 424, 425, 437 («Журнал ген. Ермолова»), 438, 483.

Оп. 3, дд. 94, 233, 234.

Оп. 8, д. 118, 122 (Неопубликованное письмо русского купца Егора Бежосова из Тебриза о гибели Грибоедова).

Фонд 560, оп. 2, д. 1233 (текст Туркманчайского договора).

Фонд 1329, д. 452 («Выступление Николая I в Сенате о мире с Персией и о создании Армянской области»).

3. Центральный государственный архив военно-морского флота в Ленинграде (ЦГАВМФ)

Фонд 19 («Персидский отдел»): оп. 4, дд. 441 («Посольство в Персию Ермолова»), 442 («О признании принца Аббас-мирзы»), 444 («Пограничный спор между Россией и Персией»), 446, 448, 450 («Сведения о Персии»), 452, 453 («О пограничном споре между Россией и Персией в посольстве Меншикова»), 454, 455 («Переписка Меншикова с шахом, наследником и высшими чиновниками»), 456, 457, 458, 464 («Правила для переговоров»), 465.

Фонд «А. С. Меншиков», дд. 4, 10, 12, 13, 16, 20, 25, 106.

4. Архив внешней политики России (АВПР)

Фонд МНД. отд. Канцелярия 1826 г., дд. 6956, 6958, 1813 г., д. 2285; 1814 г., д. 2295; 1827 г., дд. 6963, 6964, 6968; 1815 г., дд. 2300, 2301; 1819 г., д. 6891; 1823 г., дд. 6920, 6963.

Фонд СПб. Главный архив, 1801—1814, 1—13, д. 5; 1805—1813, дд. 1, 3.

5. Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран).

Фонд Диван Католикоса:

1814 г., папка (п.) 164, док. (д.) 1112; п. 24, д. 158; 1646, д. 1139; п. 164а, д. 110, 148,

1815 г., п. 1646, д. 883.

1816 г., п. 1646, д. 285.

1818 г., п. 164а, д. 538; п. 1646, д. 1350.

1819 г., п. 165, д. 124.

1820 г., п. 165, дд. 181, 367, 368, 377.

1821 г., п. 165, дд. 320, 434, 438.

1822 г., п. 165, д. 330; п. 166, д. 811.

1823 г., п. 165, дд. 343, 769.

1824 г., п. 165, д. 353.

1825 г., п. 166, дд. 196, 491.

1826 г., п. 166, дд. 602, 603, 605, 607—614, 617—619, 628—629, 631, 638, 643, 645, 680.

1827 г., п. 166, дд. 721, 760, 762, 764, 769, 785, 802—806, 813, 816, 818, 819, 821, 822, 827, 831, 836, 840, 852, 853, 860, 861, 868, 884, 891, 892, 901, 907, 909, 912, 928, 936.

1828 г., п. 165, дд. 805, 1169—1171; п. 166, дд. 621—626, 315, 796; п. 166а, дд. 1026, 1043, 1095, 1119.

6. Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИА Грузинской ССР)

Фонд 2. Канцелярия Главноуправляющего Закавказским краем, дд. 297, 927, 937, 1740, 1752, 1869.

Фонд 11. Дипломатическая канцелярия наместника Кавказа, оп. 1 (всего 4045 дел), дд. 3, 4 (в деле автографы А. С. Грибоедова, переписка о награждении английских дипломатов), 6 («Донесения комиссара при персидском правительстве Амбургера о взаимоотношениях Персии с Османской Портой, о предполагаемом союзе их в войне против России»), 9, 11 («Дело о заключении Россией мира с Персией в Туркманчае»), 20 («Переписка о поездке из Карабаба надворного советника Грибоедова к Аббас-мирзе для переговоров о заключении мира с Персией»), 25, 26 («Донесения консула Долгорукого о положении в Персии»), 27, 29, 30, 32, 34 («Переписка с министром иностранных дел по вопросу дипломатических сношений с Персией в 1829—1832 гг.»), 36, 39 («Донесения российского уполномоченного в Тегеране кн. Долгорукова за 1829 г.»), 40 («Переписка о поездке персидского принца Хосров-мирзы в С. Петербург»), 43, 46а («Переписка о предполагавшемся намерении персидских войск вторгнуться в турецкие пределы»), 50 («Донесения генерального консула в Тебризе Безака»), 60 («Переписка о смерти в Персии над. сов.

Амбургера), 70, 75 («Рапорты управляющего мусульманскими провинциями о намерении шаха персидского начать войну с Россией»), 82, 94 («Переписка о прибывшем в г. Тифлис от Аббас-мирзы чиновника Мирза-Сале»), 160 («Переписка о чиновнике Мирза Сале, бывшем в 1832 г. в Тифлисе по поручению от Аббас-мирзы»), 180 («Донесения Российского посланника в Тегеране графа Симоновича за 1832—1838 гг.»), 222 («Переписка о смерти Фатх-Али-шаха и наследника его Аббас-мирзы и о вступлении на престол Магомед-мирзы»), 294, 314, 377 («Переписка о приеме от Персии последнего курура контрибуции»).

Фонд 16, Канцелярия Тифлисского Военного губернского, управляющего гражданской частью, дд. 3331, 3333, 3536, 3546, 3849.

Фонд 16, Главный штаб Кавказской армии. Военный отдел, оп. 1, дд. 5 («Отчет русского посольства о пребывании в Персии в 1816 г.»), 9, 69 («Циркуляр Главного штаба о направлении в войска корпуса полковника Ермолова и князя Щербатова, разжалованных в рядовые за участие в восстании Семеновского полка»), 70—73, 77 («Переписка о переводе в Отдельный Кавказский корпус декабристов. Донесения о их поведении и характеристике»), 78, 89, 91, 95, 102 («Отношение Паскевича по поводу покорения Эривани»), 103, 110 («Циркуляр Главного штаба о наблюдении за английским майором Баколом, направляющимся в Персию»), 111 («Донесения о положении дел в Армянской области»), 116, 117, 145 («Характеристики о поведении декабристов, сосланных на Кавказ»).

Оп. 2, дд. 32, 42, 48, 831, 841.

Оп. 3 («Рапорты о разрыве дипломатических отношений между Россией и Персией и о начале военных действий»), дд. 6, 10, 11, 12, 13, 82, 83 («Рапорты об осаде Эривани»), 84—86, 90, 93, 94, 97, 102 («Рапорты о положении дел в Турции и Персии»).

Оп. 9, дд. 34, 35, 39, 45 («Приказы частям корпуса»).

Фонд 1083, Штаб войск кавказской линии и Черноморья, оп. 1, дд. 219 («Донесение Мазаровича о персидских агентах»), 362 («Рапорты командиров частей о воззвании персидского шаха»), 6, 16 («Предписание Паскевича об усилении корпуса и о неудаче русской миссии в Персии»).

Фонд 1087, Штаб Кавказского военного округа. Военно-исторический отдел (1876—1917); оп. 1, дд. 220, 429 («Рукопись полковника Аверьянова. Персидская война 1826—1828 гг.»), 430 («Заметки и выписки поручика Вершовицкого о войне с персами в 1826—1828 гг.»), 431 («Рукопись поручика Притомапова. Осада Сардар Абада»), 432 («Рукопись поручика Скорупского. Осада Аббас-Абада»), 434, 436 («Заметки неизвестного автора по истории персидских войн»), 437 («Копии с архивных документов, отражающих процесс заключения мира с Персией в 1828 г.»), 438, 651, 652, 659 («Выписка из газеты «Новое обозрение» за 1892 г., № 2810, статьи о кн. А. И. Меликова»), 1061 (Копии различных документов о жизни, деятельности и смерти Грибоедова), 1086, 1096, 1169 («Копии документов, отражающих события, связанные со смертью и погребением Грибоедова»), 1205, 1120, 1251, 1252 («Копии документов, относящихся к русско-персидской войне 1826—1828 гг.»), 1254, 1255 (Рукопись В. Потто «Ключи Аббас-Абада»); оп. 2, дд. 2, 187.

— 266 —

7. Центральный государственный исторический архив Арм. ССР (ЦГИА Арм. ССР).

Ф. 42 «Заслуги армян в период 1826—1827» (копии рукописи Я. Д. Лазарева), оп. 1, д. 17.

Ф. 90, оп. 1, д. 78—97, 101—105;

Ф. 93, оп. 1, д. 17, 20, 21, 27, 44.

Ф. 113. «Канцелярия наместника на Кавказе», оп. 1, д. 2, 3, 323

3. Печатные источники

1. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией (Архив главного управления наместника Кавказа), т. VI, ч. II, Тифлис, 1875 г. (АКАК).

1817 г., № 284, 286, 302, 303, 306, 307, 312, 329, 331—333.

1818 г., № 351, 356, 357, 359, 361, 363, 365, 368, 369, 371.

1819 г., № 390, 391, 393, 394, 398, 403.

1820 г., № 409, 414, 416—418, 421, 422, 424, 426.

1821 г., № 437—444, 469.

1822 г., № 470, 471, 479, 480, 483, 485, 495.

1823 г., № 513, 517, 520, 521, 523.

1824 г., № 542, 546, 548.

1825 г., № 550, 551, 556, 561, 573, 574, 580, 581, 585, 586, 591.

1826 г., № 595, 615, 617, 620, 621, 623, 628, 633, 636—638, 645, 648, 684, 686, 690—692, 694, 695.

1827 г., № 702, 705, 707—708, 710—712, 716.

1828 г., (т. VII), № 526, 528, 529, 531—533, 577, 591, 629, 631, 632, 636, 637, 643, 646, 648, 689, 691, 694, 696.

2. Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, составил Ф. Ф. Мартенс, т. XI—XIII, СПб, 1895.

3. Материалы к истории персидской войны 1826—1828 гг. «Кавказский сборник», тт. XXI (Тифлис, 1900 г.), XXX, 1910.

4. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые, т. II, СПб, 1868.

5. Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики. Ереван, «Айастан», 1972.

6. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 год, СПб. Тип. Императорск. АН, 1869, ч. 1, 854 с., ч. 2, 601 с.

7. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов Института истории АН Арм. ССР, т. II, часть I, Ереван, 1964, 396 с.

8. Присоединение Восточной Армении к России. Сборники документов Института истории АН Арм. ССР, т. I (1801—1813 гг.), Ереван, 1972, 624 с.; т. 2 (1814—1830), Ереван, 1978, 658 с.

9. «Русско-армянское сотрудничество в период присоединения Восточной Армении к России». Сборник документов под ред. проф. Арутюняна А. О. «Вестник архивов Армении», Ереван, 1978, № 2 (51), 596 с.

— 267 —

10. Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВНР). Документы Российского министерства иностранных дел. М., Изд. «Политическая литература», серия первая (1801—1815 гг.), серия вторая (1815—1830 гг.) (Последний 5 т. второй серии из изданных 13 томов охватывает 1823—1824 гг.).

4. Список советской и дореволюционной литературы

1. Абрамян А. Г. Краткий очерк истории армянских колоний, Ереван, «Айастан», 1964, 486 с.
2. Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране. Ташкент, изд. «ФАН» Узбекской ССР, 1971, 133 с.
3. Авдалбекян Х. А. Земельный вопрос в Восточной Армении (1801—1917). Ереван, «Армгосиздат», 1959, 443 с.
4. Агаян Ц. П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., «Наука», 1978, 311 с.
5. Агаян Ц. П. А. Бакиханов. Баку, изд. АН Азерб. ССР, 1948, 176 с.
6. Адонц М. А. Экономическое развитие Восточной Армении в XIX веке, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1957, 560 с.
7. Акопян Т. Х. История Еревана (1801—1879 гг.) Ереван, изд. ЕГУ, т. 3, 1979, 671 с. (на арм. яз.).
8. Алиев Ф. М. Азербайджано-русские отношения (XV—XIX вв.), Баку, 1985, 173 с.
9. Анимян Ж. А. Армянская колония Григориполь, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1969, 274 с.
10. Арутюнян Г. Х. Вхождение Закавказья в состав России и англо-русская борьба за Иран в период с 1800—1830 гг.—«Сб. научных трудов» (Арм. заоч. пед. ин-та), № 8, ч. 2, 1968, с. 133—169.
11. Бабаев Ариф Гяффар Оглы. Борьба против иранской агрессии турецких прощков и усиление русской ориентации в Азербайджане на рубеже XVIII—XIX вв., Баку, АН Азерб. ССР, 1984, 23 с. (автореферат канд. дис.).
12. Бадалян А. Население Армении со времени присоединения ее к России и до наших дней.—«Известия» АН Арм. ССР (Обществ. науки). 1953, № 5, с. 49—71.
13. Базиянц А. П. Над архивом Лазаревых. Изд. «Наука», М., 1982, 159 с.
14. Балаян Б. П. Международные отношения Ирана в 1813—1828 гг., Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1967, 297 с.
15. Балаян Б. П. Кровь на алмазе «Шах». Трагедия А. С. Грибоедова.—Ереван, «Айастан», 1983, 179 с.
16. Балаян Б. П. К международным отношениям на Востоке накануне второй русско-иранской войны. «Востоковедческий сборник» АН Арм. ССР, т. 2, 1962, с. 240—262.
17. Балаян Б. П. Из дипломатической истории присоединения Восточной Армении к России. «Известия» АН Арм. ССР (Общественные науки). Ереван, 1962, № 11, с. 19—32.

18. Балаян Б. П. Иранская историография о гибели А. С. Грибоедова.—«История СССР», 1964, № 6, с. 183—189.
19. Балаян Б. П. Присоединение Закавказья к России в освещении современной иранской историографии. В кн.: «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М., изд. «Вост. лит-ра», т. 73, 1963, с. 190—197.
20. Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1836—1857 гг. М., 1959.
21. Бархударян В. Б., Восканян В. К. Армяно-русские исторические связи и присоединение Восточной Армении к России, Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1978, 255 с.
22. Бархударян В. Б. История новонахичеванской колонии (1779—1861), Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1967, 498 с. (на арм. яз.).
23. Байбурди Ч. Новое о гибели А. С. Грибоедова (По данным иранской печати).—«Русская литература», 1959, № 4, с. 171—173.
24. Бушев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70-е гг. XIX в.), М., 1955.
25. Всемирная история, т. VI, М., 1959, 830 с.
26. Восканян В. К. Проблема возникновения русской ориентации армянского народа в советской историографии.—«Известия АН Арм. ССР (Обществ. науки), 1958, № 4, с. 29—50.
27. Восканян В. К. Подготовка присоединения Восточной Армении к России. В кн.: «Сборник науч. сессии АН СССР и Закавказских республик», Баку, 1967, с. 288—292.
28. Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции, М., «Мысль», 1976, 455 с.
29. Галоян Г. А. Революционная Россия и народы Закавказья (К 150-летию присоединения Армении к России).—«Историко-филолог. журнал» АН Арм. ССР, 1976, № 3, с. 19—38.
30. Галоян Г. А. Роль демократической мысли в укреплении русской ориентации народов Закавказья. (К 150-летию присоединения Армении к России).—«Историко-филолог. журнал» АН Арм. ССР, 1976, № 4, с. 23—36.
31. Галоян Г. А. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. М., «Мысль», 1977, 293 с.
32. Газарян И. М. К истории образования «Армянской области» (1828 г.). Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1952, 26 с.
33. Гигинейшвили О. Ага-Мохаммед-хан и Турция.—Вопросы новой и новейшей истории стран Ближнего Востока. Тбилиси, 1975, с. 145—180.
34. Георгиев В. А., Кшиянца Н. С., Панченкова М. Т., Шермет В. И. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII—начало XX вв., М., «Наука», 1978, 434 с.
35. Георгиев В. А. и Панченкова М. Т. Проблемы внешней политики России XIX в. в трудах советских историков.—«Вопросы истории», № 7, 1970, с. 141—142.

36. Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. М., Соцэкгиз, 1959, 186 с.
37. Григорян З. Т. Участие армян в русско-персидских войнах начала XIX века. «Вопросы истории», 1951, № 4, с. 16—25.
38. Григорян З. Т. Военное содружество русского и армянского народов.— Ереван, изд. «Армгосиздат», 1957, 199 с. (на арм. яз.).
39. Григорян З. Т. Борьба Англии и Франции против освобождения Армении из-под ирано-турецкого ига.—«Вопросы истории», 1952, № 3, с. 19—33.
40. Григорян З. Т. Вековая дружба армянского и русского народов. Ереван, «Айпетрат», т. 1, 1972, т. 2, 1978, 402 с. (на арм. яз.).
41. Губер А. А., Ким Г. Ф., Хейфец А. Н. Новая история стран Азии и Африки, М., 1982, 560 с.
42. Дарбинян М. Г. Новые документы о переселении персидских и западных армян в 1828—1830 гг.—Изд. «Вестник архивов Армении», Ереван, 1977, № 3, с. 3—24.
43. Дилоян В. А. Восточная Армения в начале XIX века. В кн. История армянского народа, т. V, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1974.—с. 13—56, 201—226 (на арм. яз.).
44. Дилоян В. А. Восточная Армения в первой трети XIX столетия и армяно-русские отношения (Автореф. докторской дис.). Ереван, 1974, 85 с.
45. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в современном Иране, М., «Наука», 1975, 171 с.
46. Ениколопов И. К. А. С. Грибоедов в Грузии и Персии. Историко-биографический очерк. Тифлис, «Закнига», 1929, 207 с.
47. Ениколопов И. К. Грибоедов и Восток. Ереван, «Айпетрат», 1974, 156 с.
48. Ениколопов И. К. Из истории русско-иранских отношений и дипломатической деятельности А. С. Грибоедова.—«Историко-филолог. журнал» АН Арм. ССР, 1962, № 4, с. 143—151.
49. Ениколопов И. К. Письмо А. С. Грибоедова к К. В. Нессельроде.—«Известия» АН Арм. ССР (Общественные науки), 1963, № 5, с. 101—107.
50. Ениколопов И. К. Грибоедов и семья Ениколоповых. (К 175-летию со дня рождения А. С. Грибоедова).—«Лит. Армения», 1970, № 6, с. 71—74.
51. Ениколопов И. К. Грибоедов в Грузии. Тбилиси, «Заря Востока», 1954, 160 с.
52. Ениколопов И. К. Армянские друзья Грибоедова.—«Лит. Армения», 1971, № 9, с. 81—82.
53. Золотарев В. А. Россия и Турция: война 1877—1878 гг. Автореферат докторской диссертации, Л., 1984, 30 с.
54. Иванов М. С. Очерк истории Ирана, М., «Гос. издательство полит. литературы», 1952, 467 с.
55. Ибрагимбеги Х. М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века, (из военно-политической истории), М., «Наука», 1969, 287 с.
56. Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, изд. Самаркандского госупта им. А. Навои, 1961, 297 с.

57. Иоаннисян А. Г. Очерки истории армянской освободительной мысли, Ереван, Изд. АН Арм.ССР, кн. 2, 1959, 644 с. (на арм. яз.).
58. Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия.—Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1958, 447 с.
59. Иоаннисян А. Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия.—Ереван, изд. ЕГУ, 1947, 287 с.
60. Иоаннисян А. Р. Борьба Англии и Франции против присоединения Армении к России. «Известия АН Арм.ССР» (Общественные науки), № 3, 1953.
61. Иоаннисян А. Р. Русская дипломатия и армянский вопрос в 80-х годах XVIII столетия.—«Вопросы истории», 1947, № 6, с. 94—105.
62. Иоаннисян А. Р. Иосиф Эмин, Ереван, изд. Егу, 1945, 353 с.
63. История армянского народа.—Ереван, изд. АН Арм. ССР, т. V. Армения в 1801—1970 годах, изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1974, 658 с.
64. «История армянского народа с древнейших времен до наших дней» под ред. проф. М. Г. Нерсисяна, изд. ЕГУ, Ереван, 1980.
65. История дипломатии, издание второе, т. 1, М., Гос. изд. поллитературы, М., 1959, 896 с.
66. История Ирана, М., изд. МГУ, 1977, 488 с.
67. История Азербайджана, т. 2, под ред. А. С. Сумбатзаде, Баку, изд. АН Азерб. ССР, 954 с.
68. Итоги и задачи изучения внешней политики России, под ред. А. Л. Нарочницкого, М., «Наука», 1981, с. 223.
69. Княпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века, М., «Высшая школа», 1963, 288 с.
70. Кортва Н. М. Закавказье в русско-иранской войне 1826—1828 годов (Из истории боевого содружества русского и закавказских народов), изд. «Ганатлеба», Тбилиси, 1978.—330 с. (на груз. яз.).
71. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века, М., «Наука», 1983, 265 с.
72. Кузнецова Н. А. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XVIII—первой половине XIX вв.—Очерки новой истории Ирана (XIX—начало XX вв.), М., 1978, с. 5—121.
73. Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX—начале XX вв., М., «Наука», 1981, 190 с.
74. Лео. Собрание сочинений (в 10-ти томах). Ереван, «Айастан», т. 3, кн. 1, 1969, с. 15—168 (на арм. яз.).
75. Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.
76. Маркова О. П. Новые материалы о проекте Российской Закавказской компании А. С. Грибоедова и П. Д. Завилейского, М., «Исторический архив», т. VI, 1951, с. 324—340, 84—91.
77. Маркова О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г., М., 1951.

78. Маркосян С. Русско-французское и русско-английское противоборство в Персии в связи с завоеванием Закавказья, Ереван, «Айпетрат», 1935, 141 с.
79. Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1964, 425 с. (на арм. яз.).
80. Муравьев П. Н. Записки.—«Русский архив», 1886, кн. 5.
81. Нарочинский А. Л. Греческое национально-освободительное движение и Россия.—«Вопросы истории», М., 1980, № 2.
82. Нарочинский А. Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой.—«Вопросы истории», М., 1979, № 4.
83. Нерсисян М. Г. Новый этап в истории армянского народа.—«Историко-филолог. журнал АН Арм. ССР», Ереван, 1978, № 3, с. 3—13 (на арм. яз.).
84. Нерсисян М. Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1965, 416 с.
85. Нерсисян М. Г. Из истории армяно-русских отношений, кн. 2, Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1961, 461 с.
86. Нерсисян М. Г. Из истории русско-армянских отношений, Кн. 1, Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1956, 402 с.
87. Нерсисян М. Г. Декабристы в Армении. Ереван, изд. «Айпетрат», 1958, 440 с.; изд. ЕГУ, 1975, 267 с.
88. Нерсисян М. Г. Суворов и русско-армянские отношения в 1770—1790 гг., Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1944, 43 с. (на арм. яз.).
89. Нерсисян М. Г. Записки декабриста Е. Е. Лачинова о путешествии А. П. Ермолова в Иран в 1817 г.—«Историко-филолог. журнал» АН Арм. ССР, 1967, № 1, с. 105—116.
90. Нерсисян М. Г. Материалы по новой истории Армении.—«Историко-филолог. журнал» АН Арм. ССР, 1959, № 4, с. 288—308.
91. Нерсисян М. Г. Ценный первоисточник об Ошаканской битве.—«Историко-филолог. журнал» АН Арм. ССР, Ереван, 1978, № 1, с. 241—258.
92. Нерсисян М. Г. Освобождение Еревана от ханского ига. (К 150-летию присоединения Восточной Армении к России).—«Историко-филолог. журнал» АН Арм. ССР, 1977, № 3, с. 65—74.
93. Нерсисян М. Г. Присоединение Армении к России и его историческое значение.—«Известия» АН Арм. ССР (Общественные науки), 1953, № 7, с. 3—13.
94. Нерсисян М. Г. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1880 гг. и англо-американская буржуазия.—«Известия» АН Арм. ССР (Общественные науки), 1952, № 11, с. 51—67.
95. Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы. М., Изд. 2-ое АН СССР, 1951, 623 с.
96. Нечкина М. В. Следственное дело о Грибоедове, М., 1945.
97. Новосельцев А. П. Из истории классовой борьбы в Азербайджане и Восточной Армении в XVII—XVIII вв.—«Ист. записки», 1960, № 16, с. 234—255.
98. Пайчадзе Г. Г. Георгиевский трактат, Тбилиси, «Мецниереба», 1983.—234 с.

99. Парсисян В. А. А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1947, 279 с.
100. Парсисян В. А. Декабристы в Армении, Ереван, «Айастан», 1975, 103 с.
101. Парсисян В. А., Арутюнян Ш. Р. История армянского народа. (1801—1978 гг.), Ереван, изд. «Луйс», 1979, 751 с.
102. Пашуто В. Г. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, «Исторические записки», М., т. 24, 1947, с. 111—159.
103. Петров Г. М. Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова.—«Уз. записки Ин-та востоковедения», т. VIII, М., 1952, с. 146—165.
104. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Армении и Азербайджане в XVI—начале XIX вв., изд. ЛГУ, 383 с.
105. Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение. Сб. статей, посв. 150-летию присоед. Вост. Армении к России. Ереван, изд. ЕГУ, 1978, 280 с.
106. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. М., «Красная новь», 1923, 392 с.
107. Попова О. М. Грибоедов-дипломат. М., изд. «Международные отношения», 1964, 219 с.
108. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях СПб., т. 2, Ермоловское время, 1887, 179 с.; т. 3. Персидская война 1826—1828, 1888, 342 с.
109. Потто В. Героическая оборона крепости Шуши. СПб., 1879, 34 с.
110. Потто В. А. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества (Мелик-Ван и Акол-Юзбаш и Атабековы). Тифлис, 1902.—77 с.
111. Развитие Еревана после присоединения Восточной Армении к России. Сборник документов, 1801—1817 гг. Сост. Т. Х. Акопян, Ереван, изд. ЕГУ, 1978, 492 с.
112. Сарухян Н. Б. Проблема присоединения Восточной Армении к России в дореволюционной армянской историографии. Изд. АН Арм. ССР, 1971, 228 с. (на арм. яз.).
113. Сафаров Ю. Г. Крах турецкой и персидской агрессии на Кавказе в начале XIX века.—«Труды Ин-та истории Киргизской АН», Фрунзе, т. XI, 1957, с. 45—89.
114. Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л., изд. ЛГУ, 1963, 142 с.
115. Семенов Л. С. Русско-иранские отношения после Гюлистанского мира (1813—1826). Автореферат канд. дисс., Л., 1958, 17 с.
116. Семенов Л. С. К вопросу о значении Туркманчайского договора для истории Армении.—«Историко-филолог. журнал АН АрмССР», 1959, № 4, с. 105—121.
117. Смирнов К. Персы. Очерк религии Персии. Тифлис. Типография Штаба Кавказского военного округа, 1916, 264 с.

118. Соловьев С. М. Император Александр I. Политика—дипломатия. СПб., Тип. Стасюлевича, 1877, 560 с.
119. Сумбатзаде А. С., Мехтиев Г., Исмаилов М. А. Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия. Баку, 1955.
120. Сургуладзе А. Н. Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России.—Тбилиси, изд. «Мециниереба», 1982, 212 с.
121. Сургуладзе А. Н. Георгиевский трактат и его прогрессивное значение. «Историко-филолог. журнал» АН Арм. ССР, Ереван, 1983, № 2—3, с. 13—20.
122. Сургуладзе А. Н. Присоединение Грузии к России. В кн. «Очерки по истории грузинской культуры XIX века», Тбилиси, «Хеловнеба», 1980, с. 62—80.
123. Тавакалян Н. А. Роль армянского народа в русско-персидской войне 1826—1828 гг.—«Уч. записки Грозненского гос. пед. института», № 9, 1956, с. 125—148.
124. Тавакалян Н. А. Русско-армянские отношения в период русско-персидской войны 1826—1828 гг. Автореферат канд. дисс. М., 1950, 21 с.
125. Тавакалян Н. А. Положение армянского народа под деспотическим игом шахской Персии накануне присоединения Восточной Армении к России.—«Уч. записки Грозненского гос. пед. института», № 8 1953, с. 73—101.
- 126а. Тавакалян Н. А. Переселение армян из Персии и Турции в Закавказье после присоединения Восточной Армении к России. «Историко-филолог. журнал» АН Арм. ССР, Ереван, № 3, 1978. Его же.
- 126б. Тавакалян Н. А. Присоединение Восточной Армении к России и его прогрессивное значение. Вестник общественных наук АН АрмССР, № 10, 1978.
127. Тер-Оганов Н. К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX веке. Тбилиси, изд. ТГУ, 1984.
128. Тихонова А. А. Русско-персидская война 1826—1829 гг. Автореферат канд. дисс., М., 1954, 15 с.
129. Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в., М., Изд. АН СССР, 1960, 398 с.
130. Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века, М., Изд. АН СССР. Институт истории, 1958, 396 с.
131. Халфин Н. А. Деятельность А. С. Грибоедова на Востоке. (К 125-летию со дня гибели).—«Записки ин-та востоковедения», М., 1954, № 2, с. 90—98.
132. Хачатрян Р. Г. История Армении и русско-армянских отношений в русской историографии (XVII век—начало XIX в.). Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1982, 41 с. Автореферат докторской дисс.
133. Шарашенидзе З. М. Иран во второй половине XVIII века. (Автореферат докт. дисс.), Тбилиси, 1971.
134. Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир, 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М., «Наука», 1975, 226 с.
135. Шишневич М. И. ген. м-р Персидские и Кавказские войны.—История русской армии и флота. М., изд. «Образование», 1911, с. 5—69.

136. Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения ее к Российской империи. СПб., Изд. Императорской АН, 1852, 1231 с.
137. Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, М., 1960, 294 с.
138. Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951.
139. Абовян Х. Раны Армении. М., «Худож. лит.», 1978, 290 с.
140. Армянский полк, сформированный в 1827 г., «Тифлисский вестник», 1877, № 116—117.
141. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан—Ирем, Баку, 1926.
142. Бартоломей Ф. Ф. Посольство князя кн. Меншикова в Персию.—«Русская старина», апрель-май 1904, вып. 4.
143. Бларамберг И. Ф. Статистическое описание Персии, составленное в 1841 г., СПб., 1857.
144. Богданович Е. В., Наварин, М., 1877.
145. Глинка С. Н. Обзор истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи М. (Тип. Лазар. Ин-та вост. яз.), ч. I, 1832, 273 с.; ч. II, 1833, 256 с.
146. Глинка С. Н. Описание переселения армян аддебиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. М., 1831, 142 с.
147. Друвиль Г. Путешествие в Персию в 1812—1813 гг., ч. I, М., 1826, 202 с.
148. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI, СПб., 1888, 596 с.
149. Ерицян А. Д. Католикосат всех армян и кавказские армяне в XIX веке. Тифлис. Изд. М. Шарадзе, ч. I, 1894, 658 с. (на арм. яз.).
150. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., изд. 2-е, Тип. Штаба в/у, 1863, VI, 246 с.
151. Записка А. П. Ермолова о посольстве в Персию в 1817 г. В кн. «Записки Алексея Петровича Ермолова», ч. II (1816—1827).—М., «Университетская типография», 1868, с. 1—74.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Список литературы на европейских языках

1. Atkin Muriel. Russia and Iran, 1780—1828.—The University of Texas at San Antonio, Minneapolis, 1980.
2. Afschar M. La politique européenne en Perse. Quelques pages de l'histoire diplomatique. Berlin, 1921.
3. Atcock Th. Travels in Russia, Persia, Turkey and Greece in 1828—1829, London, 1831.

4. Alexander J. E. Travels from India to England comprehending a visit the Birma Empire and a journey through Persia, Asia Minor, European Turkey in the years 1825—1826. London, 1827.
5. Archbold W. A. Afghanistan, Russia and Persia, „The Cambridge History of the British Empire“, V. IV, Cambridge, 1929.
6. Armstrong T. B. Journal of Travels in the Seat of War. London, 1830.
7. Belanger Ch. Voyage aux Indes-Orientales et la Perse pendant les années 1825 à 1829, v. I—II (Historique), Paris, 1838.
8. Camba J. Fr. Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase (1820—1824). v. I—II. Paris, 1826.
9. Conolly A. Journey to the North of India overland from England, through Russia, Persia and Afghanistan. V. I—II, London, 1838.
10. Costello D. P. Griboedov in Persia in 1820. Two diplomatic notes. Oxford Slavonic Papers*, v. V, 1954; The Murder of Griboedov, v. VIII, 1953.
11. Curson C. N. The Persia and Persian Question, London, v. II 1921 (1892).
12. Debyex L. La Perse. Paris, 1841.
13. Evans da Lacy G. The designs of Russia, London, 1828.
14. Fraser J. Narrative of a Journey into Khorasan in the years 1821—1822, London, 1825.
15. Fraser J. B. Travels and Adventures in the Persian Provinces on the Southern Banks of the Caspian Sea, London, 1826.
16. Fraser J. B. Travels in Koordistan, Mesopotamia, v. I, London, 1840.
17. Kaye J. W. A History of the War in Afghanistan. v. I, London, 1878.
18. Kaye J. W. The Life and Correspondence of Sir J. Malcolm, v. I, London, 1856.
19. Ker Porter R. Travels in Georgia, Persia, Armenia (1817—1821) v. I—II London, 1828.
20. Keppel C. Personal narrative of a journey from India to England by Persia (1824), v. I—II, London, 1834.
21. Kotzebue M. Reise nach Persien mit der Russisch Kaiserlichen Gesandtschaft im Jahre 1817, Weimar, 1818.
22. Krahmer. Die Beziehungen Russlands zu Persien, Leipzig, 1903.
23. Macdonald Kinneir J. A Journey through Asia Minor, Armenia and Koordistan (1813—1814), London, 1818.
24. Macneill J. Progress and present position of Russia in the East. London, 1836.
25. Malcolm J. The history of Persia from the early period to the present time, v. I—II, London, 1815, 1829.
26. Malcolm J. The political history of India from 1784 to 1823, v. I—II, London, 1826.
27. Malcolm J. Sketches of Persia. London, 1827 (1849).
28. Markham C. A. General Sketch of the history of Persia, London.
29. Martin—Daftary A. La suppression des capitulations en Perse. Paris 1930.

30. Monteith W. Kars and Erzeroum with the campaigns of prince Paskevitch in 1828 and 1829 and an account of the conquest of Russia beyond the Caucasus from the time of Peter the Great to the treaty of Turkmanchai and Adrianopol, London, 1856.
31. Morier J. A. A Second Journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople (1810—1816), London, 1818.
32. Myr Davoud Zadour de Melik Schachnazar. Détails sur la situation actuelle du royaume de Perse. Paris, 1816.
33. Raffenet C. Résumé de l'histoire de la Perse. Paris, 1825.
34. Rowlinson H. England and Russia in the East. London, 1875.
35. Sardary Reza. Un Chapitre de l'histoire diplomatique de l'Iran. Paris, 1941.
36. Stiller F. Verhältnisse Russlands und Persiens. Leipzig, 1827.
37. Stassi Ali Akbar. La Perse en contact de l'Occident. Paris, 1930.
38. Sykes P. A History of Persia, v. II. London, 1951. „The Dynasty of the Kajars, translated from the original Persian Manuscript, presented by His Majesty Faty Aly Shah to sir Harford Brydges“, London, 1833.
39. Pakravan Emineh. Abbas Mirza, Tehran, т. 1 (1959), т. 2 (1960).
40. Kaniran E. Der Briefwechsel Abbas Mirzas mit dem britischen Gesandten. Mac Donald Kinneir in Zeichen des zweiten russisch—persischen Krieges (1826—1828), Kiel, 1976.

Список литературы на восточных языках

1. الممیت فریدون امیر کبیر و ایران چاب دوم تهران ۱۳۳۴
2. بیات عزیز الله علل وزمینهای پیروزیها و شکستهای ایرانیان تهران ۱۳۳۵
3. بینا علی اکبر تاریخ سیاسی و دیپلماتسی ایران جلد اول از گلناباد تا ترکمن چای ۱۳۳۴—۱۳۳۵ هجری چاب اول تهران ۱۳۳۳ چاپ دوم ۱۳۳۷
4. تاج بخشی احمد روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم تبریز ۱۳۳۷
5. تدین سید محمد منتخبه الادب تهران ۱۳۱۳
6. جهانگیر میرزا (پسر عباس میرزا نایب السلطنه) تاریخ نو شامل حوادث دوره قاجاریه از سال ۱۲۴۰ تا ۱۲۶۷ قمری (بسی و اهتمام عباس اقبال) تهران شهردور ۱۳۳۷ شمسی
7. حجازی محمد میهن ما تهران ۱۳۳۸
8. رازی عبد الله تاریخ مفصل ایران از تاسیس ماد تا عصر حاضری چاب دوم تهران ۱۳۳۵
9. رشتیا سعید قاسم افغانستان در قرن نوزدهم ۱۳۳۹
10. راسم احمد عثمانلی تاریخی جلد ۴ قسطنطنیه ۱۳۳۰—۱۳۳۸
11. فلسفی نصرت الله و علی اصغر شمیم تاریخ کشور ایران تاریخ عمومی تهران ۱۳۱۹
12. فروغی میرزا محمد حسین خان تاریخ ایران تهران ۱۳۰۶
13. قائم مقام قطعات تهران ۱۲۸۰

14. قوزاندلو جميل تاريخ نظامی ایران جلد دوم تهران ۱۳۱۵
15. عشقی خانگ سیاست نظامی روسیه در ایران ۱۸۱۵-۱۷۹۰ تهران ۱۳۱۵
16. محمد رضا شاه پهلوی ماموریت برای وطنم تهران ۱۹۶۱
17. مجتهدی مهدی ایران و انگلیس تهران ۱۳۲۳
18. محمود محمود تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس در قرن نوزدهم میلادی
جلد اول تهران ۱۳۲۸ ماه
19. محمد حسن خان صنیع الدوله کتاب منظمه جلد ۳ تاریخ قاجاریه تهران ۱۳۶۰
20. مستوفی عبد الله شرح زندگانی من یا تاریخ اجتماعی واداری دوره قاجاریه
تهران ۱۳۲۴
21. محمدم محمود تاریخ روابط سیاسی ایران و عثمانی جلد دوم تهران ۱۳۲۶
22. معزی نجفقلی حسام تاریخ روابط سیاسی ایران با دنیا (از هخامنشی تا
تحولات اخیر) تهران ۱۳۲۴
23. مقتدر غلام حسین تاریخ نظامی ایران تهران ۱۳۱۷
24. مقتدر فلام حسین سرلشکر کلید خلیج فارس تهران ۱۳۲۳
25. میرزا تقی خان لسان الملك تاریخ قاجاریه تبریز و ۱۲۸۰
26. خامه‌های سیاسی سفیر بریتانیا یا پایه سیاسی انگلیستان در ایران تهران ۱۳۲۷
27. نجمی ناصر عباس میرزا یا رشیدترین و مبین‌پرست‌ترین فرزند خاندان قاجار
و جنگهای ایران با روسیه تزاری تهران ۱۳۲۴، ایران در میان طوفان یا شرح
زندگانی عباس میرزا نایب السلطنه تهران ۱۳۳۶
28. نفیسی سعید تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران در دوره معاصر از آغاز
سلطنت قاجارها تا پایان جنگ نخستین با روسیه تهران ۱۳۳۵
29. هدایت رضا قلی خان روضت الصفائی ناصری تهران جلد دوم ۱۳۱۹
30. هوشنگ مهدوی عبدالرضا تاریخ روابط خارجی ایران تهران ۱۳۴۹
31. یکرنگیان میر حسین گوشه‌ای از تاریخ نظامی ایران تهران فروردین ۱۳۳۶
32. شفیعی جوادی تبریز و پیرامون تبریز ۱۳۵۰

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Глава первая. Дипломатическая история русско-иранской войны 1804-1913 гг. Гюлистанского мира и антирусской политики западных держав</i>	
1. Дипломатия в начале русско-иранской войны 1804—1813 гг.	26
2. Роль французской дипломатии в развязывании русско-иранской и русско-турецкой войн	40
3. Английский план восстановления иранского господства в Восточной Армении	71
4. Гюлистанский мир	89
<i>Глава вторая. Борьба английской и иранской дипломатии за пересмотр Гюлистанского договора и развязывание новой войны с Россией</i>	
1. Тегеранский (англо-иранский) договор 1814 г.	100
2. Посольство А. П. Ермолова в 1817 г.	108
3. Стабилизация русско-иранских отношений и англо-иранский конфликт в годы ирано-турецкой войны (1821—1823 гг.)	124
4. Русско-иранская торговля в годы ирано-турецкой войны (1821—1823 гг.)	132
5. Восточная Армения во внешней политике России. Роль Англии и Турции в развязывании русско-иранской войны (1826—1828 гг.)	136
6. Миссия А. С. Меншикова	147
<i>Глава третья. Дипломатическая история русско-иранской войны 1826-1828 гг. Туркманчайского мира и присоединения Восточной Армении к России</i>	
1. Поражение дипломатии Каннинга на лондонских переговорах с Х. А. Ливеном	155
2. Проблема присоединения Восточной Армении к России в русско-иранской войне 1826—1828 гг.	165

3. Туркманчайский мир	179
4. Зарубежная буржуазная историография о русско-иранских войнах и Туркманчайском мире	195

Глава четвертая. Борьба Англии, Ирана и Турции за денонсацию туркманчайского договора и развязывание новой войны против России

1. Проблемы стабилизации русско-иранских отношений и создания антитурецкой коалиции	212
2. Политические мотивы убийства А. С. Грибоедова и разгрома русской миссии в Тегеране	222
3. Иранская историография о гибели А. С. Грибоедова	231
4. Крах антирусского заговора в Тегеране	244
Заключение	257
Библиография	262

БОРИС ПАВЛОВИЧ БАЛАЯН

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РУССКО-ИРАНСКИХ ВОЙН И
ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ
АРМЕНИИ К РОССИИ

Редактор издательства В. А. Галоян
Худ. редактор Г. Н. Горцакалян
Тех. редактор А. М. Манучарян
Корректоры Н. Р. Амирджания, Л. А. Хачатрян

КНАРКОВ UNIVERSITY

8671

ИБ № 898

Сдано в набор 4.10.1986 г. Подписано к печати 17.02.1988 г. ВФ 07821
Формат 60×84^{1/16} Бумага №2. Шрифт «литер.», высокая печать. Печ. л. 17,5
Усл. печ. л. 16,27. Учено-изд. л. 15,91.

Тираж 1500 Зак. №703 Изд. №7267 Цена 2 р. 25 к.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.